

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
*Арҗамак*¹²⁺
ТАТАРСТАН

№2 (32)

СЕНТЯБРЬ 2020

Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет своего постоянного автора и друга Камилля Зиганишина с награждением премией Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества.

Дорогой Камиль Фарухишинович! Читатели до сих пор присылают добрые отклики на Вашу повесть «Щедрый Буге», опубликованную в номере № 25. Ждём новых произведений!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(32) • СЕНТЯБРЬ • 2020

***Нас всем миром растили,
Пересилив беду.
Я родился в России,
В сорок пятом году.***

Николай АЛЕШКОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – *первый секретарь*

Правления Союза российских писателей;

Салимгараев Айдар Саятгаревич – *руководитель республиканского*

агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Крупин Владимир Николаевич – *русский писатель, академик,*

член Президиума Академии Российской словесности;

Руденко Гульзада Ракиповна – *генеральный директор*

Елабужского Государственного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович – *директор Набережночелнинского технологического*

техникума, профессор, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. – *председатель попечительского Совета Русской православной церкви в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Валеев Н. М. – *доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);*

Гайнетдинов Р. Б. – *заведующий отделом Департамента Президента*

Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

Ермаков В. А. – *заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);*

Иванов А. Н. – *директор Библиотеки Серебряного века в Елабуге, лауреат Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел»;*

Кан Д. Е. – *член Союза писателей России (Оренбург);*

Лимонова И. В. – *член Союза писателей СССР (Москва);*

Кузьмичева-Дробышевская О. В. – *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Морозов Г. С. – *член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);*

Муратов П. Ю. – *публицист, предприниматель, кандидат наук (Новосибирск);*

Переяслов Н. В. – *секретарь правления Союза писателей России (Москва);*

Петров А.Н. – *заслуженный строитель РФ, председатель общественной организации «Челнинское землячество» (Набережные Челны);*

Рачков Н. Б. – *секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

Сарчин Р. Ш. – *доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*

Чванов М. А. – *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместители главного редактора – Александр Воронин и Вера Хамидуллина

Технический редактор – Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

ВОПРЕКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Пожалуй, большинство новостей в последнее время было связано с коронавирусом. Что это за напасть, откуда она пришла, до сих пор идут споры. Но самоизоляция оказалась не самым плохим временем для литераторов и представителей других творческих профессий, а многих даже подстегнула к новым проектам. Вспомним о некоторых ярких литературных и культурных событиях в Татарстане.

100-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТАССР

Юбилей республики, безусловно, самое ожидаемое и громкое событие этих дней. 27 мая 1920 года в Москве был подписан декрет о создании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. В своём докладе в день празднования столетия республики Президент Татарстана **Рустам Минниханов** отметил, что «в исторической памяти татар всегда сохранялся опыт государственности».

Фаттахов Л. А., Якупов Х. А.. Подписание декрета об образовании ТАССР

Становление новой республики прошло через голод, разруху хозяйства, коллективизацию, индустриализацию. Наиболее разительные перемены в предвоенные годы произошли в духовной сфере: это и распространение грамотности, и развитие всех ступеней образования, включая высшее, и создание национальных оперы и балета, симфонической музыки, кино, жанров изобразительного искусства, и дальнейшая эволюция татарского театра. Тысячи образованных молодых татар были вовлечены в руководство отраслями народного хозяйства.

Однако конец тридцатых принёс республике тяжёлые потери. Политические репрессии коснулись более 70 тысяч человек. В результате двукратной смены алфавита населению стало недоступным шестисотлетнее письменное наследие татарского народа, выполненное на арабской графике.

В годы Великой Отечественной войны 225 татарстанцев отмечены званием Героя Советского Союза, 48 фронтовиков стали полными кавалерами ордена Славы, более 200 тысяч уроженцев Татарстана награждены орденами и медалями.

Превращение Казани в крупный центр отечественного машиностроения, освоение большой нефти, строительство на Каме комплекса нефтехимических производств и возведение КАМАЗа обозначили новый этап развития республики в послевоенные десятилетия. Столица Татарстана стала крупным академическим центром, городом науки и студенчества. К концу советского периода истории Татарстан представлял одну из самых передовых республик Советского Союза.

Но уже начинали сказываться отсутствие самостоятельности и ограниченность финансовых возможностей республики. Татарскую интеллигенцию не могло не тревожить сокращение сети национальных школ, постепенное ограничение сферы распространения татарского языка. Нарастало общественное движение за союзный статус Татарстана, переросшее затем в движение за суверенитет.

30 августа 1990 года была принята Декларация о государственном суверенитете Татарстана. Сохранить потенциал республики, провести её через бездну проблем

в сложное после развала страны время позволила выверенная политика первого Президента Татарстана **Минтимера Шаймиева**.

Знаковым историческим событием стало тысячелетие Казани в 2005 году. В день торжеств президент России **Владимир Путин** отметил: *«Казань в течение длительного времени адаптировала и примиряла столь непохожие культуры и цивилизации, помогала становлению особого межэтнического сплава, который, безусловно, укрепил российскую государственность, а принцип национальной и религиозной терпимости стал основой созидательной мирной жизни на протяжении многих столетий»*.

Сегодня Татарстан остаётся передовым регионом России. Три объекта республики вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО: Казанский Кремль, древний Болгар и остров-град Свияжск. Автомобили «КамАЗ» стали международным российским брендом, а город Набережные Челны вырос до полумиллионного мегаполиса. Особая экономическая зона «Алабуга» считается лучшей в стране, динамично развивается самый молодой город России — Иннополис.

О высоком международном авторитете республики свидетельствуют развитие контактов в рамках Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», проведение в республике конференций ЮНЕСКО, международного форума KazanSummit, Всемирной летней универсиады в 2013 году, чемпионата мира по водным видам спорта в 2015 году, матчей чемпионата мира по футболу в 2018 году, мирового чемпионата по профмастерству WorldSkills в 2019 году.

«Безусловно, наш российский народ и в далёкой истории, и сегодня выигрывает самые тяжёлые испытания только своим единством. Дорожить нам надо этим единством», — сказал в видеообращении первый президент, а ныне Государственный советник Татарстана **Минтимер Шаймиев**, поздравляя жителей республики со 100-летним юбилеем ТАССР.

В этот день у здания Казанского государственного института культуры была заложена «капсула времени». В неё поместили флеш-карту с концертом в честь юбилея республики, копии лучших произведений культуры и искусства, созданных в Татарстане за последние сто лет, а также более 5 тысяч фотографий, аудио- и видеоматериалов от людей со всего Поволжья.

Накануне праздничной даты в галерее «Татмедиа» открылась **фотовыставка Рамиля Гали**, посвящённая 100-летию образования ТАССР. С помощью языка фотографии мастер, очевидец событий, рассказал о жизни людей в период драматических перемен на рубеже 1980–1990-х годов. Собранные вместе, эти фотографии составили колоритный портрет ТАССР той поры. В серии уникальных чёрно-белых фотографий отражено непростое время перестройки: борьба за суверенитет и свободу вероисповедания, экономические потрясения, «казанский феномен» и многое другое.

Заместитель руководителя **Республиканского агентства РТ по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» Эдуард Хайруллин** выпустил книгу к столетию образования ТАССР «Татарстан 100: прежде и теперь». В поиске архивной информации и подготовке материалов книги Хайруллину помог известный казанский краевед Лев Жаржевский.

В честь 100-летия Татарской республики откроются новые участки Большого Казанского кольца, новое здание получит Национальная библиотека Республики Татарстан; завершится ремонт здания Алафузовского театра, в котором разместится театр «Созвездие — Йолдызлык», а также дворцов культуры им. Саид-Галиева в Дербышках и железнодорожников в Юдино. Имя столетия ТАССР будут носить одна из станций Казанского метро, улицы и площади городов и районных центров Татарстана.

75-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

Накануне великого Дня Победы в Казани после годовой модернизации открылся **Музей-мемориал Великой Отечественной войны (филиал Национального музея РТ)**. Многие казанцы и гости столицы бывали в этом музее, поскольку он существует с 2005 года и находится на территории казанского Кремля. В обновлённом музее представлены уникальные экспонаты, в том числе карты. Так, на одной из немецких карт можно видеть, что согласно плану «Барбаросса» гитлеровцы хотели дойти до Казани, с немецкой педантичностью отмечены Кремль, заводы, водонапорная башня. Численность населения республики на начало Великой Отечественной войны была около 3 миллионов человек, 700 тысяч из них, а это почти каждый четвёртый житель, ушли на фронт.

Кроме самолётов, оружия, боеприпасов республика снабжала армию обувью, плащ-палатками, патронными сумками, обмундированием, парашютами, медицинскими нитями для операций и многим другим.

Самый большой экспонат — двигатель самолёта Пе-2, который нашли татарстанские поисковики на границе Ленинградской и Новгородской областей. Семьдесят лет самолёт пролежал в болоте и двигатель сохранился почти в идеальном состоянии.

Из необычных экспонатов — коллекция осколков хирурга Григория Иваненко, который извлекал их во время операций и сохранял лишь в том случае, если пациент выжил.

На стене Героев — фотографии Героев Советского Союза — уроженцев Татарстана или тех, кто тесно связан с республикой. Есть игровая зона для детей, которые могут поиграть в радиоуправляемые танки, в морской бой, сфотографироваться в форме военных лет или в подвесной системе парашюта.

75-летию Победы была посвящена Всероссийская акция **«Ночь музеев-2020»**, которая прошла с 16 на 17 мая в онлайн-формате. В ней приняли участие более ста татарстанских музеев. Не выходя из дома, можно было узнать историю редких музейных предметов и книжных изданий, произведений искусства, интересные и малоизвестные факты о Великой Отечественной войне. **Национальный музей Республики Татарстан** представил каталог фронтовых рисунков, видеопрезентацию писем военных лет, рубрику о героях войны, чьими именами названы казанские улицы; филиалы Национального музея подготовили так же разнообразные программы: **музей Боратынского** — видео-выступление заслуженной артистки РТ Юлии Зиганшиной, посвящённое Дню Победы, видеопредставление «Фронтовая поэзия» в «Поэтическом театре Алексея Гомазкова»; **музей А. М. Горького и Ф. И. Шаляпина** — онлайн проекты, посвящённые 75-летию Победы и 100-летию образования ТАССР; **музей-квартира Джалиля** — видеоконцерт с участием потомков поэта; **музей-квартира композитора Н. Жиганова** совместно с архивом КГК им. Н. Г. Жиганова — материал «Ровесница Победы» о Казанской консерватории, открытой весной 1945 года, основателем и первым ректором которой был выдающийся композитор; **музей К. Насыри** организовал онлайн-презентацию картин татарских художников и песен татарских композиторов, посвящённых Великой Отечественной войне, подготовил публикацию о награде писателя, героя-антифашиста Наби Даули «Почётный знак СКВВ: единственный в Татарстане» и показал фильм о его жизни «Я смотрю тебе в глаза...».

В Елабуге **Библиотека Серебряного века и Литературный музей М. И. Цветаевой** сделали совместную программу «Вдали от линии фронта»; **Чистопольский государственный музей-заповедник** представил проект «Непридуманные истории», в котором рассказал о земляках — участниках Великой Отечественной войны,

организовал лекторий «Б. Л. Пастернак: военные записки» и чтения стихов чистопольского периода военного времени «Писатели у микрофона». Этот перечень музейных включений в празднование Дня Победы, конечно, далеко не полный.

Национальная библиотека Республики Татарстан организовала виртуальную выставку книг «Знаем! Помним! Гордимся!», авторы которых развенчивают новомодные западные мифы, подвергающие сомнению великую победу советского народа с помощью секретных архивных документов, писем, дневниковых записей участников военных действий, бойцов невидимого фронта, врачей, работников тыла, военнопленных, женщин и детей войны.

В галерее «Татмедиа» была представлена **выставка Фарита Губаева** «Победа. Одна на всех». Серию портретов ветеранов, живых участников войны, фотомастер задумал сделать ещё пять лет назад. По его словам, тогда за несколько месяцев он объехал все 45 районов Татарстана, и около 100 фронтовиков и тружеников тыла стали героями его фотосъёмки. Фотографии составили выставку «70 портретов Победы» в 2015-м. Фотограф продолжал делать портреты и в следующие пять лет, задумав также издать фотоальбом, который уже увидел свет: он состоит из 150 чёрно-белых портретов, напечатанных на весь разворот. Уникальный фотопроект мастера посвящён не только 75-летию Победы, но и юбилею образования Татарской республики.

ТУКАЙ И ДЕНЬ РОДНОГО ЯЗЫКА

26 апреля, в день рождения великого сына татарского народа, в республике отмечается День родного языка. В этом году все мероприятия прошли в онлайн формате. В тематических программах и поэтических флэшмобах «День рождения Тукая» и «Родные рифмы» приняли участие поэты Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан, артисты Татарского государственного театра драмы и комедии им. К. Тинчурина, Этнографический музей, театр кукол «Экият», Национальный музей РТ, Литературный музей Г. Тукая, Музей истории татарской литературы, Музей композитора Н. Жиганова, библиотеки, обычные жители. Участники декламировали стихи на родном языке — татарском, русском, марийском, узбекском, удмуртском, чувашском, башкирском и других, читали свои переводы стихов, посвящённых Тукаю, исполняли песни, организовывали видеоконференции, квесты по жизни и творчеству Тукая, задавали вопросы организаторам. По традиции в этот день присвоили и главную госнаграду в области культуры и искусства — **премию имени Тукая**. В этом году её удостоены **Лиرون Хамидуллин** (за книги «Дэрдменд», «Буранлы төндә» («В метельную ночь»), «Зарницы на горизонте»; **Денис Осокин** (за сборник «Огородные пугала с ноября по март»); **Идрис Газиев** (за сольные программы из произведений татарских композиторов, народных песен); творческий коллектив оперы Резеды Ахияровой «Сююмбике» — **Ренат Салаватов, Юрий Александров, Виктор Герасименко** и **Гульнора Гатина**.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

6 июня в социальных сетях прокатилась серия акций, посвящённых великому поэту и Дню русского языка. Так, во флэшмобе Союза писателей Республики Татарстан приняли участие известные русские и тюркоязычные поэты, литературные критики: **Алексей Остудин, Разиль Валеев, Данил Салихов, Эдуард Учаров, Филипп Пираев, Нури Бурнаш, Рифат Салах, Фаниль Гилязов, Наиль Ишмухаметов, Рустем Сабиров, Ленар Шаех, Альфия Галимуллина** и многие другие, а также авторы из Швейцарии, Турции, Азербайджана. Участники читали стихи о Пушкине и стихи Пушкина на разных языках. А **постоянный участник Всероссийских Пушкинских праздников в Болдино Николай Алешков** обратился с видеопоздравлением ко всему болдинскому поэтическому братству, ставшему международным.

Был опубликован видеоролик, на котором члены правительства Татарстана декламировали отрывки из произведений великого русского поэта.

Заместитель руководителя Республиканского агентства РТ по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» **Эдуард Хайруллин** на своём YouTube-канале рассказал о визите великого русского поэта Александра Пушкина в Казань в 1833 году и показал сохранившиеся до наших дней здания Казани, в которых тот побывал. Видео посвящено «двум дням и трём ночам», которые Пушкин провёл в будущей столице Татарстана с целью сбора материала для «Истории Пугачёвского бунта».

Вообще, в этот день прошло полторы сотни мероприятий — творческие конкурсы, лекции, книжные выставки, виртуальные путешествия по памятным местам, онлайн игры по произведениям Пушкина, мастер-классы и многое другое.

Следует отметить, что в республике работают свыше трёх тысяч преподавателей русского языка и литературы. В прошлом году 72 выпускника получили 100 баллов на ЕГЭ по русскому языку, 15 человек — 100 баллов по литературе. Более полутора тысяч татарстанских школьников ежегодно участвуют в конференциях и конкурсах по русскому языку и литературе.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

В феврале в Казани состоялось открытие мемориальной доски великому татарскому писателю, публицисту и народному писателю Татарской АССР **Амирхану Еники**.

7 мая в Алькеевском районе открыли бюст знаменитого писателя-антифашиста **Наби Даули**.

В День Победы в Пестречинском районе открыли **три памятника** погибшим в годы войны.

А вот история с установкой мемориальной доски писателю-фронтовику **Геннадию Паушкину** остаётся незавершённой. Хождение по мукам началось с весны 2015 года, когда ещё была жива вдова Г. Паушкина Нина Александровна Корсакова. Тогда они с писательницей Людмилой Уфимцевой были на приёме у председателя Союза писателей РТ Р. Курбанова, который обещал помочь. Весной прошлого года вдова умерла.

Людмила решила сама собрать необходимые документы и вновь пришла в Союз писателей, новым председателем которого уже был Данил Салихов. Он одобрил инициативу Уфимцевой. Все необходимые документы были собраны. Однако даже ко Дню Победы мемориальная доска Геннадию Александровичу Паушкину, бывшему пограничнику, встретившему 22 июня 1941 года на Кагульской заставе, прошедшему по дорогам войны до победного сорок пятого, не была установлена. И это обидно для всех литераторов-татарстанцев послевоенного поколения, для которых Геннадий Александрович был и остаётся творческим наставником.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ДИАС»

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты — сродни творящей силе природы» — второй год слова казанского писателя, драматурга, философа, основателя теории мегачеловека Диаса Валеева становятся девизом конкурса на соискание Международной литературной премии «ДИАС» с четырьмя номинациями («Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба» — аббревиатура «ДИАС»). Это частная инициатива при поддержке информационных партнёров, среди которых Татарстанское отделение Союза российских писателей, Союз писателей Республики Татарстан, «Издательский Дом Маковского».

В составе жюри организатор и куратор конкурса Галина Булатова (Казань); дочь писателя Майя Валеева (США); лауреаты прошлогодней премии «ДИАС» драматург Александр Воронин (Казань), прозаик, искусствовед Елена Крюкова (Нижний Новгород), геофизик, прозаик Сергей Никулин (Иркутск), журналист, поэт Марина Полунина (Москва); руководитель казанского литературного кафе «Калитка» поэт Эдуард Учаров.

К рассмотрению принималась художественная или документально-художественная проза с тематикой, соответствующей гуманистическим идеалам, общечеловеческим ценностям, философским, объединяющим идеям.

В этом году на соискание премии подали заявки 96 авторов из 11 стран: Россия, Казахстан, Швеция, Украина, Болгария, Израиль, Узбекистан, Туркменистан, Грузия, Белоруссия, Австралия. Среди 10 лауреатов, объявленных 1 июля, в день рождения Диаса Валеева, двое татарстанцев. Премии — шары из натурального камня — получили казанский писатель **Адель Хаиров** за прозу «Философ с безумными глазами» и **Елена Калашникова** из г. Тетюши за рассказ «Дорога домой». Среди других

лауреатов — **Валериан Маркаров** (Грузия), **Галина Калинин** из Москвы, **Елена Севрюгина** (Московская обл., г. Мытищи), **Евгений Долматович** (Ярославль), **Наталья Колмогорова** (Самарская обл., ст. Клявлино), **Александр Атвиновский** из Оренбурга, **Сергей Пупышев** из Петрозаводска, **Елена Халдина** (Челябинская обл., г. Касли).

КАЗАНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ КАФЕ «КАЛИТКА»

Казанское литературное кафе «Калитка» Центральной библиотеки на улице Вишневого давно стало местом еженедельных встреч творческой интеллигенции.

До известного события в лице коронавирусной пандемии «Калитка» успела провести в этом году литературные вечера **Елены Бурундуковской** (презентация книги «Точка возврата», вышедшей при участии Татарстанского отделения СРП), **Рустема Сабирова** («Дежавю». Стихи и песни), **Салавата Юзеева** (творческий вечер «Магия отражений» к 60-летию известного писателя), вечера памяти **Александра Купцова** (к 65-летию заслуженного артиста России, народного артиста Татарстана), **Геннадия Паушкина** (к 99-летию со дня рождения писателя-фронтовика и 75-летию Победы; при участии секции русскоязычной литературы Союза писателей РТ, модератор **Людмила Уфимцева**).

Есть в «Калитке» место и эксперименту. К творческим лабораториям можно отнести «Стихи в темноте», «Поэтический ринг» и «Сетевая поэзия — это хорошо?» (модераторами двух последних выступили молодые поэты Максим Некрасов и Ирина Южная).

С конца марта Казанское литературное кафе перешло на удалённую работу. В своих группах в социальных сетях, нередко в фото- и видеоформате, «Калитка» вспомнила дни рождения поэтов Леонида Аронсона, Юрия Макарова, Николая Заболотского, Бориса Слуцкого, Елены Шварц, Романа Солнцева, подготовила видеочитки ко Дню Победы и Дню России с участием казанских поэтов, продолжила знакомство с авторами поэтического сборника «Казанский объектив-2019» (**составитель Эдуард Учаров**, издательство **Вадима Гершанова**), а также объявила о IV Международном литературном конкурсе им. **Гавриила Каменева «Хижицы»**, итоги которого будут подведены осенью.

27 мая в «Калитке» прошёл онлайн марафон «День библиотек», организованный сотрудниками Центральной библиотеки. Пятый год «Калиткой» успешно руководит поэт **Эдуард Учаров**, который, к слову, в этом году стал лауреатом премии им. **М. Горького** за книгу «Стихотворения».

КНИГА РУСЛАНА ГАЛИМОВА

В мае 2020 года в серии «Библиотека литературного журнала „Аргамак. Татарстан“» вышла книга прозы и стихов Руслана Галимова „Странные люди“. Три года книга пролежала в Татарском книжном издательстве — ссылались на нехватку финансирования. В этих условиях составителю книги и автору предисловия, главному редактору журнала **Николаю Алешкову** ничего не оставалось, как по его же собственным словам, „пустить шапку по кругу“. Всё получилось! „Я благодарен всем, кто внёс посильный вклад, — говорит Николай Петрович. — На последней странице обложки опубликованы имена всех благодетелей».

Руслан Галимов, родившийся в Чистополе в первый послевоенный год, прожил всего 36 лет. Он строил КАМАЗ, пробовал перо в набережночелнинском литобъединении «Орфей». Последние годы жизни провёл в Москве, где занимался в литературной студии при Союзе писателей СССР. Его талант поддерживали такие разные мастера слова, как Юрий Нагибин, Александр Проханов, Юрий Трифонов, Олег Попцов.

«Мы шли по едва начинавшему просыпаться, по уже нагретому ранним летним солнцем городу, в котором провели свои молодые годы, в котором я остался, потому что здесь моя родина, а он шесть лет назад переехал в Москву, потому что из „орфеевских“ пелёнок давно вырос, — пишет в предисловии „Человек из Зурбагана“ друг и практически ровесник писателя Николай Алешков. — Руслану хотелось, как он однажды сказал, чтобы профессиональная писательская среда проверила на зуб — крепкий ли он орешек».

Несколько месяцев в столице Руслан провёл на грани отчаяния — были сложности с пропиской по лимиту и устройством на работу. Но к трудностям он привык с послевоенного детства. «Руслан сумел противостоять среде. Он воспитывался сам, по капле выдавливая из себя раба неблагоприятных обстоятельств. Конечно, при такой напряжённой работе души без потерь не обходится. И даже его близкие друзья не всегда понимали, что яростность его характера, непредсказуемость его поступков — от неутолённой жажды добра, от какого-то природного, инстинктивного желания немедленно восстановить справедливость».

«Книга полиграфически безупречна, — с гордостью говорит составитель. — Не говоря уж о содержании. В ней вся правда о послевоенном детстве автора, а потом о советской эпохе (семидесятые-восьмидесятые). Правда, осмысленная безусловно талантливым человеком, который, между прочим, даже верлибры умел писать ясно, просто и точно, без фокусов авангардизма. Именно это меня и подкупает в литературе...»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МАКОВСКОГО

«Издательский дом Маковского» уже более десяти лет занимается полиграфическими проектами разной степени сложности. В этом году ИДМ впервые выпустил в формате электронных книг стихи татарстанских поэтов – Алексея Остудина, Филиппа Пираева, Николая Алешкова, Галины Булатовой, Эдуарда Учарова, Вадима Гершанова, Ирины Южной, сборник стихов казанских поэтов «Корона набок», составленный поэтом Алексеем Кирилловым, прозу Алексея Егорова и Антона Боровикова. В планах издательства продолжить этот «электронный» проект, получивший название «Книжная полка ИДМ». Он – целиком инициатива издательства, но триггером, т.е. спусковым крючком, стал сборник «Корона набок». Основные движители и исполнители проекта – издатель Олег Маковский, корректор Сергей Рухов и сказочник Алексей Егоров.

При подготовке статьи использовались материалы соцсетей, СМИ, интернет-сайтов, Telegram-канала Татмедиа

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

КОГДА РАЗГОВОР НА ТАТАРСКОМ ИДЁТ ЯЗЫКЕ

Поэты — столетию ТАССР

Ренат ХАРИС

Ренат Харис (Ренат Магсумович Харисов) — народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском и чувашском языках. Родился 6 мая 1941 года в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры, заместителем Председателя Госсовета Татарстана. Им написано около четырёх десятков поэм, часть из которых стала операми, балетами, ораториями, кантатами, теле- и радиоспектаклями. На стихи Хариса композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и других городов создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра. За создание либретто балета «Сказание о Юсуфе» Ренату Харису присуждена Государственная премия Российской Федерации за 2005 год. Он также является лауреатом Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, Республиканской премии молодёжи Татарстана имени Мусы Джалиля, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Чувашии и Каракалпакии. Ренат Харис — секретарь правления Союза писателей России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член редколлегии журналов «Наш Современник» и «Казан утлары», член редколлегии Татарской Энциклопедии. В Татарии издано собрание его сочинений в семи томах.

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую мощную силу в своём языке –
как будто в нём слышится

 поступь лихого коня
и крыльев орлиные взмахи уносят меня.

Когда разговор на татарском идёт языке,
то будто бы слышится музыка мне вдальке,
и ноги пускаются в пляс, и, ловя голоса,
я к роцам слепящих созвездий лечу в небеса.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую братскую силу в горячей руке,
как будто зову я далёких и близких друзей
явиться ко мне

 с уголков нашей родины всей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я крепко сжимаю обиды в своём кулаке,
я их не пускаю, как стрелы,

 лететь по земле,
стараясь хранить ваши души
 в клубящейся мгле.

Когда разговор на татарском идёт языке – душа моя песней, звенящею на ветерке,
 летает кругами над вольной Иделью моей,
 среди белокрылых и сизых кружа голубей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
 то сердце моё, будто лодка плывёт по реке,
 везёт в себе гордость и радость,
 и дождь, что стучит,
 который молитвою сладкой
 над миром звучит...

КАЗАНЬ – КОРАБЛЬ С ПАРУСАМИ

Мне слёзы восторга к глазам подступают всегда,
 когда на родную Казань я смотрю сквозь года.

Ну как не дивиться, когда из-под мрака ночей,
 столица, как птица, взлетает в сиянье лучей!

Весною и летом, в закат и в слепящую рань –
 пусть жизнь вашу светом наполнит, как чудом, Казань!..

Как искрами, новью эпоху реальность прожгла.
 Но сердце с любовью хранит ту Казань, что ушла...

(Там важно павлины со ставней глядят в огород.
 Как посохи древних пророков – столбы у ворот.

Резные крылечки, балконы, дворы, переулки.
 Огни мезонинов – как будто с богатством шкатулки.

Там трубы печные в уборах красивых корон
 и гул водостоков в дожди с четырёх всех сторон.

Я с болью тоскую по старой Казани моей...)
 А сердце – ликует, купаясь в делах новых дней!

Как лебедь крылатый, взлетает Казань над рекой.
 Я знаю – когда-то вновь кто-то зальётся тоской,

Когда через годы изменит свой облик она,
 велениям моды и ходу прогресса верна...

Пусть время по капле уходит у нас на глазах,
 Казань – ты корабль мой, что мчится на всех парусах!

Красиво и гордо летит он сквозь волны времён...
 Люби этот город, что в парус, как ветер, влюблён!

Разиль ВАЛIEЕВ

Валеев Разиль Исмагилович (псевдоним: Разиль Валиди) — народный поэт Татарстана, лауреат государственной премии имени Тукая, лауреат государственной премии Мусы Джалиля, председатель Попечительского Совета Национальной библиотеки Республики Татарстан, вице-президент татарского ПЕН-клуба. Автор тридцати книг стихов и прозы. Лауреат премий им. М. Джалиля и им А. Алиша Республики Татарстан. Награждён

Международной серебряной медалью «За заслуги в деле сохранения и развития цивилизации, жизни и культуры на Земле». В 1993 году биографический институт Северной Каролины (США) присвоил Разилью Валееву звание «Человек XX века».

ПЕРВАЯ ИВА

Мне говорят: «Работай — и сполна познаешь вкус труда и соучастья. Работа всем на радость нам дана...»
А я хочу не радости, а — счастья!

Мне говорят: «Копай — и через год ты здесь увидишь выросшую иву». Ну, увидал. Ну, вижу, что растёт...
Но что мне — ива? Мне бы жить счастливо!

Мне говорят: «Отлично всё идёт! Не стой на месте. Вот тебе участок — разбей тут сад, сажай здесь огород...»
Но что мне — огород? Я жажду счастья!

Мне говорят: «Ты знаешь, что к чему, и над судьбой имеешь столько власти! Не поскупись — учи других уму...»
И я — учу. А сам молю — о счастье.

Я дал лопаты в руки молодым: «Копайте ямы, чтоб расти тут ивам». Они копают. А в умах, как дым, плывут мечты — о том, как стать счастливым.

И, кончив труд, сошлись ребята в круг: «В чём счастья суть? Ведь вы постигли, верно?»
И не нашёл я слов. Лишь вспомнил вдруг — листву той ивы, что сажал я первой...

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Труба заводская дымит до небес, закрыв дымом поле, и речку, и лес.
Но в городе тоже деревья растут, корнями-когтями о камни скребут.

Здесь красные падают с неба снега. Весна здесь, как осень, скупа и строга.
Лишь в лавках цветочных среди тесноты здесь можно увидеть живые цветы.

Здесь в розах без пчёл погибает нектар. Здесь родина яблок и вишен — базар.
Плакучие ивы гурьбою калек склонились над мутными водами рек...

Но сколько природу не мучь — всё жива!
Растёт в стороне от асфальта трава. Поют соловьи у берёз на плечах.
И кружится бабочка в солнца лучах.

КАРТИНА

Я займусь волшебством, не обманом, при посредстве приёмов простых:
белый лист — станет белым туманом, и дождём — сетка линий густых.

А потом я тебя нарисую бледным контуром, видимым чуть-чуть, как ко мне ты спешишь через струи, раздвигая туманную муть.

Нарисую глаза твои, если мне удастся тот цвет подыскать, чтобы в нём на бумаге воскресли и тревога твоя, и тоска.

Чтоб несла ты слезинки вдоль улиц, а я встретил тебя на ветру.
И чтоб ты мне — сквозь дождь улыбнулась, когда я тебе слёзы утру...

Зиннур МАНСУРОВ

Мансуров Зиннур Музипович – известный татарский поэт, родился в 1949 году. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета, работал в различных СМИ Татарстана, был заместителем председателя правления Союза писателей республики. Автор ряда книг стихов и поэм, по которым созданы теле- и радиоспектакли, а также написаны музыкальные произведения. Лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая (2009).

КОРАН-ХАФИЗ*

Благословенье свыше испросив,
Коран мальчишка учит дотемна,
себе восторгом душу оросив,
что стала светлой радости полна.

Когда все тридцать книг заучит он,
страницы взглядом источив до дыр,
тогда пред ним, закрыв весь небосклон,
взойдёт вопрос: куда несётся мир?

В Коране сущность жизни нам дана.
Он – как тропа через дремучий лес.
Как солнце в полдень, как в ночи луна,
так Откровенье светит нам с Небес.

Коран мальчишка учит день и ночь...

* *Коран-хафиз* – человек, выучивающий и помнящий Коран наизусть, толкователь и хранитель заповедей Корана.

ЧЁРНЫЕ КЛАВИШИ РОЯЛЯ

Бессонной ночью я припомнил вдруг,
как мне сказал один далёкий друг:
«Сядь за рояль – и ты легко восславишь
свой край, касаясь только чёрных клавиш...»

Гляжу на тучи, что затмили даль –
они, как чёрный сумрачный рояль.
Скажи мой друг, как горечь чёрных клавиш
ты в свет аккордов белых переplавишь?

Я говорю себе: «Ты стал поэтом –
и должен думать каждый день об этом!»
(Ну как сказать – мол, весело сыграй
про годы горя, что познал мой край?..)

Открой окно, мой друг. И вишен цвет –
как белый снег, влетит в твой кабинет,
внеся в него дух молодого лета...
Мой край знал тьму. Но не утратил света.

Мухаммат МИРЗА

Мухаммат Мирза (псевдоним; настоящее имя – Ибрагимов Илфак Мирзаевич) родился в 1953 году в селе Чалманарат Актанышского р-на Татарской АССР. Окончил Казанский институт культуры (1975). Автор нескольких сборников поэзии. Лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая (2011). Живёт в Казани.

* * *

Ты познал в своей жизни
и голод, и боль, и ненастье,
но душа не разбилась,
как хрупкая ваза на части.
Ты окреп в постоянной борьбе.
Но в грядущей судьбе –
хватит сил ли тебе,
чтоб пройти испытание счастьем?..

* * *

Ты сказал: «Если б жить не затем,
чтоб считать барыши,
можно мир изменить,
чтобы стали в нём все хороши...»
Но, боюсь, что не может исправить
иных и могила,
если нет в них ни сердца, ни веры,
ни чувств, ни души.

Р. Валиеву

* * *

Говорить о красотках тебе –
 что свистать соловью.
 Ты за шиворот держишь судьбу
 и удачу свою.
 Только слышишь, приятель,
 не лезь в разговоры мужские –
 что ты знаешь о жизни,
 коль не был ни разу в бою?..

* * *

Не списать этот грех на режим
 большевиcтский иль царский –
 мы забыли башкирский язык
 и забыли татарский,
 и теперь сам шайтан
 толмачом нам единственным стал,
 мудрость гениев переводя
 на язык тарабарский.

* * *

Каждый день все талдычат вокруг об одном:
 «Мы последнюю чашу истории пьём!»
 А сосед мой, что трезвым почти не бывает,
 говорит: «Ничего, мы другую нальём!..»

* * *

Мир – огромный базар.
 Оглянись беспристрастно вокруг –
 продаются и речка, и поле, и роща, и луг.
 Стали ходким товаром достоинство,
 совесть и гордость...
 Ты ещё не отнёс на базар свою душу,
 мой друг?

* * *

Это счастье твоё, что с покорностью
 глупых овец
 тебе люди внимают и даже кричат:
 «Молодец!»
 Говорят о тебе: «Он такой –
 лишь один в целом свете...» –
 и тайком про себя добавляют:
 «...осёл и глупец!»

* * *

Нас не смоешь, как пыль с тротуара, дождём.
 Здесь земля наша, жизнь наша, родина, дом.
 Кто бы нам ни внушал, что милей заграница,
 скажем вслед за Тукаем в ответ:
 «Не уйдём!»

* * *

Он из сына растил удалого бойца.
 Тот побил молодца и побил кузнеца.
 А когда стало не с кем в округе подраться –
 начал каждое утро мутузить отца.

* * *

Вот ты тропой крутой (не упади!)
 спешишь с ведром к колодцу впереди.
 Я стал старик. Я пережил все страсти...
 Но как глубок твой вырез на груди!

* * *

Всем однажды придётся исчезнуть с Земли,
 отправляясь в миры, что мерцают вдали.
 Я прошу – вы костёр после нас не гасите,
 пока весть не придёт, что мы к месту дошли.

Рамис АЙМЕТОВ

Ни в коей мере не отвергая традиционной татарской поэтики, творчество Рамиса Айметова несёт в себе яркие новые интонации, свежие образы. Струящиеся, как звонкие родники, стихи Айметова сочетают в себе необыкновенную лёгкость слога, стремительный полёт ритмов, оригинальную художественную образность и одновременно с этим – философскую глубину, смысловую насыщенность, отчётливо понимаемую символичность и широту охвата человеческих чувств.

«Я ЗДЕ-Е-Е-ЕСЬ!..»

Я кричу, что есть мочи: «Я zde-e-e-есь!..» –
Но безмолвны мои небеса.
Видно, правит судьбой моей бес,
если солон мой мир, как слеза.

Нет ни звёзд надо мной, ни луны.
Кто-то солнце убрал с неба прочь.
Ну зачем эти ночи длинные,
будто в сутках – одна только Ночь?!

Даль темна, как могила, где смерть
поджидает во тьме простаков.
Я, как птица, попавшая в сеть,
рвусь на волю из тесных силков.

Кто-то шёл же вот здесь до меня,
раздвигая судьбу, словно лес?
До сих пор ещё тает, звеня,
вдалеке его голос: «Я zde-e-e-есь!..»

До сих пор он во мраке кричит,
потеряв своей жизни причал...
Или, может – то просто звучит
эхо слов, что я сам прокричал?

БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

То ли сон, то ли явь?
То ль мечты мои вплавать
поспешили туда, где коралл?..
Бога моря восславь, все сомненья оставь,
видя белый, как ангел, корабль.

То ль он в саван одет,
то ли в солнечный свет,
весь в сиянии ярких огней,
словно белый рассвет или белый привет
от умчавшихся в прошлое дней.

Жаром солнца облит, парус словно горит
в центре сцены бескрайней морской.
А душа мне твердит, что я к морю прибит,
как гвоздями – своею тоской.

В море – воля моя, в море – доля моя,
сон, вцепившийся в душу, как краб.
Свищет ветра струя. И, как сказка моя,
правит к берегу белый корабль...

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ БУЛГАРИИ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ

НЕПОКОРЁННАЯ

*Памяти Эдуарда Анваровича Ганеева,
друга и учителя*

По осенней степи пробежался первый мороз. Пожухла трава, смолкли и улетели птицы, в воздухе застыл холод. Зимы в болгарских краях суровые, здесь тебе и сугробы снега, и завывания метели, и холода, от которых стыннут реки и лопаются деревья. Тяжело в такие морозы приходится и лесному зверю, и лошади, и, конечно же, человеку. Но до зимы было ещё далеко, лишь её первые признаки неумолимо приближались, окутывая степь дымкой холода.

По стылому, предзимнему полю, среди прибитого инеем ковыля, тихо шла старушка, одетая в чёрное. Путь её лежал на Север, в соседний большой город в ста верстах впереди. Почтенный возраст, согбенная фигура, небольшой узелок за плечами, казалось бы, пригибали старушку к земле, и она еле передвигала ноги. Как будто какой-то невидимый груз, тяжёлая ноша висели на хрупких плечах, во всём облике читалось вселенское, безутешное горе, неземная отрешённость и усталость от жизни. Старушка бессвязно бормотала себе под нос: «О, Всевышний Аллах! Уповаю на тебя, Господа, Повелителя миров! За что, Великий, наказываешь меня? За что лишил меня света в моём земном пути? Дитя моё, что же ты наделала? Как ты смогла, на кого ты меня оставила? Горе мне, горе... Лучше бы Аллах призвал меня... Дитячко моё милое, как я теперь без тебя? Милая моя девочка...»

Вдалеке показался монгольский дозор. Три всадника, опьянённые лёгкими победами, горячие до чужой крови и имущества, на мохнатых приземистых лошадях, сперва не обратили внимания на одинокую фигурку, но затем старший из них что-то сказал молодому воину, и тот спешно погнал коня к путнице. Приблизившись и присмотревшись к ней, он подумал: «Вот старая ведьма, призывает духов нам на погибель... А не хочет ли она отведать моей камчи?»^{*} Рука привычным движением потянулась за пояс к кожаной плетке и уже занесла руку над старушкой, но вдруг воин дёрнулся и застыл в недоумении... На спине у старушки, рядом с узелком висела железная пайцца^{**} Великого Бату-хана, дававшая право беспрепятственного прохода по всем владениям монгольского войска. «Дзинь, дзинь, дзинь», — била пайцца по медному поясу в такт мелким шагам. Всадник застыл в недоумении... «Что-то здесь не так... Великий Хан не будет раздавать пайцзы кому попало. Здесь можно и голову сложить за непослушание. Пусть она идёт с миром дальше». Воин развернулся, в сердцах огрел камчой и погнал

* Камча — кожаная плетель

** Пайцца — металлическая или деревянная табличка, дававшая право беспрепятственного прохода по владениям монгольского войска. Металлические пайцзы изготавливались из золота, серебра, меди и железа.

лошадь галопом к удаляющемуся дозору. Поравнявшись, он сказал товарищам: «Сумасшедшая старуха, что-то бормочет себе под нос, но у неё пайцза Великого Хана... Я не стал её трогать». Старший ответил: «Молодец, Мэрген, раз так, то не надо с ней связываться, пусть идёт, пока ноги несут. Думаю, что она замёрзнет до завтрашнего утра. А так — не сносить нам наших голов за то, что слушаемся Хана». Всадники неспешно, рысцей поскакали дальше осматривать границы монгольских владений, а старушка медленно и безучастно продолжала свой путь... Вот как начиналась эта история...

* * *

Осень 1237 года была ранней. Бату-хан, молодой чингизид, предводитель невиданной доселе в этих краях Орды, стоял на пороге своего нового, отвоёванного год назад дворца в Великом городе Булгар*. Дворец находился на берегу могучей реки Итиль**, широкие просторы которой хорошо просматривались из окон. То тут, то там виделась утлая рыбацкая лодка, на берегу рыбаки чинили сети, по реке сновали небольшие плоты, перевозившие людей на другой берег. Несмотря на присутствие монголов, новых хозяев булгарских владений, мирская, трудовая жизнь постепенно возвращалась от войны в привычное, мирное русло. Рядом с городом, на некотором отдалении, раскинуло свой стан стотысячное войско, беспокойный рой людей, треть Великой Орды, призванной в поход на покорение западных земель. Две другие трети стояли южнее, в двух днях пути от Булгара.

В Орде были представители всех народностей, покорившихся монголам. Небольшую, но важную часть, занимавшую командные высоты по отношению ко всему войску, составляли представители монгольских племён: тайчиутов, кэреитов, найманов, онгутов, меркитов, урянхайцев. Коренастые, крепкие, одетые в кожаные доспехи поверх тёплых халатов, они составляли гордость войска Бату-хана, на них, представителей Коренной Орды, молодой хан всегда мог положиться. Из монголов, матёрых воинов и их старших сыновей, были сформированы десять туменов*** отважных и свирепых всадников, жадных до покорения чужих земель и городов. В пешем войске монголов было немного, но они также занимали командные высоты, управляли чужеземными воинами Великой Орды. Большую часть войска, пеших и конных, составляли представители Средней Азии и Кипчакской Степи, из земель, завоёванных Покорителем Вселенной, Великим Чингиз-ханом. Здесь были видны и хорезмские чалмы, и туркменские меховые шапки, и головные уборы кипчакских, киргизских, джунгарских племён. Встречались даже головные уборы сикхов, льняные рубахи урусутов, малахаи башкир, одеяния марийцев, чувашей, народов Кавказа. Орда двигалась, кишела, гудела, как огромный пчелиный рой.

Несмотря на многолюдность, дисциплина в Орде была железной, конфликты не допускались, виновные в стычках сразу же велись на дознание, за которым следовало суровое наказание. Немного поодаль основного войска расположился гигантский обоз, где повара готовили еду, в войлочных просторных юртах ждали женщины и играли дети, в походных кузнях мастера ковали оружие, скорняки чинили одежды, маркитанты всех мастей предлагали воинам и всем желающим свой товар, рядом мирно паслись огромные стада — пропитание монгольской армии. Орда шла воевать и устанавливать новую власть по заветам Покорителя Вселенной.

* Булгар — столица государства древних татар — Волжской Булгарии

** Итиль — тюркское название Волги

*** Тумен — основное воинское подразделение монгольского войска, составлявшее десять тысяч всадников

Стройная, гибкая фигура Бату, дорогой широкополый китайский халат синего цвета, мягкие кожаные сапоги, серебряный пояс, отделанная золотыми пластинами сабля — всё в этом облике подчёркивало амбициозный характер обладателя с его молодым задором, неукротимой энергией и крайней жестокостью*. Длинные волосы хана были заплетены в две косы, рука лежала на эфесе кривого дамасского клинка. Хан думал... «Надо расширять владения улуса, надо покорять новые земли. Надо переправиться через Итиль. Лучше дождаться зимы, когда лёд встанет. А там и до Руси рукой подать... Упрямые урусуты**, дали они тогда огня на Калке передовому войску Покорителя Вселенной! Если бы бились более слаженно, то могли бы и побить монголов. Но урусуты недружные, у них нет своего Чингиз-хана, у них нет Ясы и стройности в воинском деле. Однако недооценивать их нельзя. Надо нападать внезапно, врывать в города, жечь, убивать всех непокорных...Только жестокостью, только силой можно создать Империю...Я повторю славу своего великого деда, я дойду до Последнего моря, и монгольская конница омоет в нём копыта своих коней. Всё покорится монголам, везде будет водружён их бунчук***».

Размышления молодого хана прервал подошедший к нему тихой кошачьей походкой Субэдей-багатур. Сухой стан полководца, осторожность и вкрадчивость его движения подчёркивали большой ратный опыт матёрого вояки. Старый волк деда Чингиза, одноглазый, с большим шрамом через левую щеку, с перерезанным сухожилием на левой руке, он с юных лет был приставлен наставником к Бату, чтобы воспитывать его, обучать ратным наукам, охоте, оберегать от злых людей и следить за тем, чтобы мысли молодого хана были правильными. Дед Чингиз, с детства познавший лишения, голод и рабство, хотел любимому внуку лучшей доли, поэтому и приставил к нему самого верного человека, «снежного барса степей». Субэдей был ещё весьма крепок, выдерживал дневные переходы, грамотно командовал своими туменами, мог часами рубиться в седле, а его жестокий нрав и беспощадность в схватках наводили ужас и трепет на ордынское войско. У него было ещё одно редкое достоинство — он не задавал лишних вопросов, никогда не ставил под сомнение приказы того хана, которому служил, знал своё место в иерархии нарождавшейся монгольской знати, не брал себе лишнего из военной добычи, поэтому и дожил до своих лет в почёте и всеобщем уважении.

— Что у тебя? — спросил Бату.

— Войско отдыхает и набирается сил, Великий Хан. Наши лошади хорошо питаются, воины получили хорошую добычу, а дисциплина в войсках поддерживается законом Вашего Великого деда...

— Как болгары? Кто-нибудь ещё сопротивляется?

— Нет, Великий Хан... Всех, кто не принял волю и власть Великого Хана, мы уже предали смерти. В живых остались только покорные...

— Вы нашли казну болгарских ханов? Нам нужно серебро и золото, чтобы подготовить войско к походу, платить жалование...

— Пока не нашли. Ищем, Великий Хан. Под стражу взяты все, кто может что-то знать о золоте. Ханский палач занимается тем, чтобы развязать им языки...

— Что со скотом. Много ли коров вы взяли?

— Все быки, коровы и овцы согнаны в обоз войска Великого Хана. Когда наши тумены пойдут на Русь, стада будут идти за ними и давать воинам пищу...

* Бату-хану в 1237 году было 28 лет

** Урусуты — жители Руси

*** Бунчук — древко с привязанным хвостом коня, символ власти у кочевников

Субэдей немного замялся и не решался сказать что-то важное. Его глаз вопрошительно смотрел на Бату-хана.

— Что ещё? Говори! — Хан повысил голос.

— Мы нашли беглянок, Великий Хан... Мы схватили дочь Наила-мурзы и её старую служанку...

— Хорошо, наставник. Приведите ко мне их вечером. Посмотрим, какая она, дочь болгарского военачальника.

— Слушаюсь, Великий Хан!

* * *

— Вперёд, пошли вперёд! Шевелитесь! Великий Хан ждёт вас! — несильными толчками древков копий нукеры из ханской стражи гнали двух пленниц, молодую девушку и сухонькую маленькую старушку.

— Осторожно, порог! Вперёд!

— Абикай*, за что они так с нами? Что мы им сделали плохого? — спросила девушка.

— Тише, тише, дитя... Скоро мы всё узнаем... Если бы хотели убить, убили бы сразу. А так — мы ещё живы... Тише, дитя, монголы — это звери в людском обличье, не гневи их, — вполголоса ответила старушка.

Пленниц втолкнули в большой зал ханского дворца. Обстановка была знакома, арабская вязь с изречениями из Корана на стенах, узоры на колоннах, ковры на полу. Ещё бы, ведь прежде пленницы были частыми гостями в ханском дворце, играли в саду с детьми хана, обедали и ночевали, будучи в гостях у его семьи. Посреди зала возвышался трон, на котором прежде на Советах сидел правитель Волжской Булгарии Ильгам-хан, а потом, после его смерти, молодой сын Абдулла. Сейчас это было место Бату-хана.

— Стоять! — Нукеры одёрнули женщин. — Стоять и ждать!

Настала пауза. Все ждали появления молодого хана: пленницы, огромные нукеры, слуга-китаец — толмач** монгольского похода, верный Субэдэй-багатур. Через несколько минут вошёл хан.

— На колени перед Великим Ханом! На колени! — Тычки воинов без труда опустили пленниц на колени.

Хан выдержал небольшую паузу.

— Поднимите их!

Когда пленниц подняли, хан начал пристально разглядывать их. Старуха, одетая в чёрное, почти не удостоилась его внимания, в отличие от девушки, стройной, большеглазой и напуганной.

Пленницы поднялись. На девушке было светлое платье, грязное от дорожной пыли, русые волосы были растрёпаны, большие зелёные глаза испуганно смотрели то на хана, то на огромных нукеров, то куда-то в сторону, как бы прячась от грозного присутствия. Девушка была молода и красива: выразительные глаза, густые брови, юные чувственные губы, гибкий стан — всё в ней выдавало невинность и здоровье, то самое здоровье, которое бывает у людей только в молодости. Хан обошёл девушку.

— Как тебя зовут?

Толмач перевёл. Девушка не сразу поняла вопрос. То ли от испуга, то ли от усталости она продолжала молчать и озираться по сторонам.

— Как тебя зовут? Отвечай! — Хан слегка повысил голос.

* Абикай (тат.) — бабушка

** Толмач (устар.) — переводчик

Нукер слегка ткнул девушку в спину. Старая нянька что-то тихо сказала девушке по-булгарски. Она ответила:

— Назира, Повелитель... Меня зовут Назира...

— Кто ты, кто твои родители?

— Я дочь Наиля-мурзы, военачальника булгарского войска...

— Где сейчас твой отец?

— Он погиб, сражаясь с войсками Великого Хана. Вместе с ним погибли мои братья...

— Где твоя мать?

— Она умерла, когда я была маленькой. Я её почти не помню. Со мной лишь моя старая няня, бабушка Сяганат, которая вырастила меня...

Бату знал, что и хан Абдулла, и военачальник булгар Наиль-мурза пали в бою, но надо было подробнее узнать девушку, расспросить о её судьбе. Сеча под Булгаром получилась жестокой, уцелели немногие. Оставшиеся в живых гордые защитники города были без жалости перебиты монголами. Избиение длилось несколько дней, монголы не щадили ни старых, ни молодых, ни детей, ни женщин, они хотели посеять ужас в дерзких булгарах, и им это удалось.

Девушка явно понравилась хану, в Степи такую красавицу встретишь редко. По сравнению с жительницами Итиля монголки были другими. Крепкие, ширококостные, часто обладающие мужской силой, они были хорошими помощницами в условиях дикой степи, наравне с мужьями пасли скот, хлопотали в юртах, растили детей, могли взять в руки оружие. Хану булгарка казалась утончённой, нежной, в чём-то похожей на ребёнка, на маленькую обиженную девочку. «Какая красавица...Надо предложить ей стать своей наложницей. Женщины покорённых народов должны рожать монголам как можно больше сыновей, чтобы те выросли и пополняли ряды монгольского войска. Монголы заполнят эти просторы, будут править ими тысячу лет... Правда, монголкам это не очень понравится. Ну что же, женщины должны знать своё место» — так думал молодой хан, глядя на девушку с берегов великой реки.

— Ладно, на сегодня хватит...Пленниц в темницу, перед этим помыть, переодеть и хорошенько накормить. Распорядитесь в обозе... Да смотрите, чтобы темница была не в подвале и хорошо проветривалась... Пусть девушка и её нянька ни в чём не нуждаются, выполняйте все их желания, пусть у них будут вдоволь вода и пропитание.

— Будет сделано, Великий Хан!

Субэдей-багатур дал знак охране, и пленниц повели прочь из дворца...

* * *

Хан спал тревожно, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к ночным звукам. Спальная комната во дворце была не по душе молодому хану, выросшему в степной юрте на берегах Керулена^{*}. С детства он привык к запаху войлока, овечьих шкур и ковров на земляном полу, умело собирал и разбираал юрту, помогая отцу в переходах от одного стойбища к другому. Хотя у семьи были рабы и слуги, отец Джучи старался воспитать в молодом Бату навыки воина, брал с собой в походы, на охоту, отдавал в семью деда Чингиза. Навыки пригодились молодому хану, он не чурался грязной работы, мог сам зарезать овцу, добыть пропитание с помощью лука, стрел, охотничьих силков, мог поймать и стготовить рыбу, объездить непокорного жеребца, починить колесо у арбы. Когда его дед Темучжин объединил монгольские племена и на Курултае был избран Великим Ханом, Чингиз-ханом — Повелителем степи, его семья, многочисленные дети, внуки, невестки, его жена Бортэ — все стали жить несравненно лучше. Но Бату помнил, что так может быть не всегда, помнил про рабство Темучжина, гонения, нужду, голод, через которые он прошёл вместе с матерью и братьями. Всё это заставляло развивать житейские навыки и не превозноситься над воинами Великой Орды. А во дворце ему приходится ночевать, чтобы показать новым подданным, что власть сменилась, и хан у булгар уже другой, который волен карать и миловать, и спит на подушках и постели бывшего болгарского владыки.

Булгары, булгары...Булгары были непокорными. Когда передовое войско деда Чингиза, ведомое Джебэ-нойоном и Субэдей — багатуром, возвращалось в Орду после первого похода на Русь, путь их шёл через болгарские земли. Булгары были не рады чужакам и устроили засаду. Они внезапно напали на монгольское войско и, изрядно потрепав его, убили многих воинов, уставших от длительного похода. Лишь небольшая часть монголов ушла в родные степи. В том бою был ранен Джебэ-нойон, у которого в дороге началось заражение крови и которого еле довели живым, чтобы попрощаться с Великим Чингизом. Дед Бату-хана был взбешён такой дерзостью и завещал своим потомкам начать будущий военный поход именно с Волжской Булгарии, разметать её войско, перебить болгарскую знать, привести к покорности жителей берегов Итиля. В завещании деда Чингиза был и чисто практический смысл — болгарские земли были богатыми, большие стада паслись на речных берегах, леса давали пушнину, искусные ремесленники производили хорошую одежду и снаряжение. В Булгаре знали секреты производства стекла и дамасской стали, которые вместе с Исламом передали кузнецам арабы, доспехи булгар были крепче монгольских. И вот Бату-хан, внук Покорителя Вселенной, здесь...

Хитёр был дед Чингиз. Деля завоёванные земли, улусу Джучи досталось совсем немного. По сравнению с Китаем, с его огромными городами, золотом, серебром и шелками, оружием, лошадьми и наложницами, вошедшими в улус Великого хана, по сравнению с землями арабов, с монгольской степью, с краями, которые были дороги каждому жителю берегов Керулена и Онона^{**}, западные земли Великой Орды казались не такими богатыми.

«Хорошо, что хоть Хорезм оставили. От Хорезма и Ургенча на Запад, куда доскачут монгольские кони... К Последнему морю...Докуда ступит нога монгольского коня... А где оно — Последнее море? Куда дойдут монголы со своими лошадьми?

Слава моего деда Чингиза недостижима... Потеряв в детстве отца, попав в утнетение, человек из рабства поднялся до вершин, объединил враждовавшие племена, создал невиданную империю, покорил Китай и Среднюю Азию, расправился с Тангутским

^{*} Керулен — река в Монголии

^{**} Онон — озеро в Монголии

царством, вечным врагом монголов. Но главное — он ввёл Ясу*, всеобщий закон, который держал на себе эту огромную территорию, собранную вместе... Пока монголы и завоёванные народы чтят закон, пока побеждённые платят дань, отдают свои богатства и своих женщин, Империя будет стоять! Нет такой силы, чтобы противостоять монгольскому войску, всех непокорных мы приведём к повиновению, везде будет Великая Орда», — так думал Бату-хан.

Хан встал, посмотрел в открытое окно дворца. С берегов Итиля веяло ночной прохладой, в поле пели сверчки, изредка ухала ночная птица. Из окна виднелась луна, блики её света отражались в воде, мелькали на доспехах стражников. Молчаливая охрана боялась издать какой-либо звук, чтобы не нарушить покой Великого хана.

Хан вспомнил молодую болгарку: «Красивая...Пусть приведут её сегодня. Надо поговорить с ней один на один, без старой няньки». Конечно, можно её взять силой, но хан хотел длительных, доверительных отношений. Как каждый мужчина, грозный хан хотел беззаветной, самоотверженной любви. «Бабка Бортэ любила Темучжина, когда он ещё не был Великим ханом всех монголов. Сколько они прошли вместе, в голоде, холоде и нужде, сколько вместе видели и горя, и радости...Она была единственной женщиной, с которой считался дед Чингиз и чьего гнева он боялся. Как бы мне найти такую же женщину» — так думал Бату-хан и незаметно задремал под свежестью утреннего тумана.

* * *

Пленниц держали в сторожевой крепостной башне. Их темница находилась на одном уровне с поверхностью земли, поэтому пленницы видели дневной свет и проходящих мимо жителей города. Иногда люди останавливались и заглядывали в окна. По городу уже прошёл слух, что дочь болгарского мурзы и её няньку схватили и держат в темнице. На окнах стояли решётки, но ставни были открытыми, рядом постоянно находилась ханская стража. Огромные воины, багатуры, поочерёдно сменяя друг друга, несли круглосуточный караул у ворот темницы. Зевая они отгоняли лёгкими ударами копий, делая страшные лица и грозясь убить.

Монголки из обоза, доверенные хана, повинувшись его повелению, сводили пленниц в термы и принесли сменную, чистую одежду. Девушке даже выделили нарядное платье, обильно украшенное бисером и серебряными бляшками. Также пленниц начали хорошо кормить, кроме традиционных монгольских блюд из мяса и кобыльего молока, им приносили сладости и фрукты, которые стали появляться на рынке, лишь только успокоилась война, и жизнь вошла в мирное русло.

* * *

На третий день после заточения в башню хан прислал за Назирой воинов.

— Ты пойдёшь одна, — на ломаном болгарском огромный стражник обратился к девушке.

— Как же так, а как же я? — Сяганат старалась встать между стражником и девушкой. — Я не пушу её одну...

— Сиди, старая, я сделаю, что мне велено... Хан ясно сказал — привести одну, без няньки...

Стражник грубо пихнул Сяганат плечом, так, что та отлетела в угол темницы.

— Девочка моя, будь осторожнее... Я не знаю, что у хана на уме... Не перечь ему...

* Яса — свод законов, основа государства Чингиз-хана

- Хорошо, бабушка, я постараюсь молчать...
- Храни тебя Аллах, дитя... Возвращайся побыстрее...

Назира молча вышла за ханской стражей и пошла в сторону дворца.

Хан ждал девушку... Интересно, как сложится разговор без старой няньки, будет ли пугливая красавица покладистой, не будет ли перечить его воле... В юные годы в степи хан с отцом охотился на ланей, вот и девушка напоминала ему большеглазую, пугливую, но грациозную в своей робости лань. Рыжая Лань была прародительницей монголов, от её любви с Сизым Волком появился род Великого Чингиза. Так гласило предание... Интересно, получится ли союз Хана Орды и Булгарской Лани? Молодой Бату-хан страстно желал этого...

Пленницу ввели, она встала посреди комнаты, уперев взор в пол... Девушка была наряжена в традиционную национальную одежду, на головном уборе и платье выделялись серебряные украшения. Бату жестом отпустил Субэдея и стражу, оставшись с девушкой наедине. Лишь толмач-китаец притаился в углу. Хан осторожно обошёл девушку, приблизился к ней, чтобы уловить аромат её волос. Толмач, вжавшись в стену, переводил...

- Напомни, как тебя зовут?
- Назира, Повелитель...
- Сколько тебе лет?
- Семнадцать, Повелитель...
- Ты уже знала мужчин?
- Нет, отец не успел отдать меня замуж.
- У тебя есть жених, Назира?
- Он погиб в болгарском войске, как и мой отец, как и мои братья...
- Ты переживаешь свои потери?
- Да, Великий хан. Я жалею, что меня не было с ними...

Хан опустил на скамью, стоящую у стены.

- Это ведь война, а на войне убивают. На поле брани выживают лишь сильнейшие.

Немного помолчав, хан добавил:

— Я хочу, чтобы ты стала моей наложницей, Назира. Ты будешь в моём гареме, будешь ехать за мной в обозе моего войска. Я постараюсь, чтобы ты ни в чём не нуждалась, у тебя будут слуги, одежда, еда, тёплая постель. Я буду дарить тебе дорогие подарки. Но знай, ты должна быть покорна моей воле, ты должна стать моей, ждать меня по ночам, радоваться мне, согревать моё ложе... Ты родишь мне детей...

На глаза девушки навернулись слёзы. Она отвернулась, не смея поднять взгляд на Бату-хана. Русые волосы застлали её лицо, руки были приставлены к вискам, вся ссутулившаяся фигура говорила о неподдельном, искреннем горе.

- Что же ты молчишь? Посмотри мне в глаза! — Хан слегка повысил голос.

Девушка откинула прядь волос и открыла заплаканное лицо:

— Нет, Великий хан, я никогда не буду твоей. Ты с оружием пришёл на нашу землю, в наш цветущий край! Ты истребил наше войско и сжёг наши города! Ты убил моего отца, моего жениха и моих братьев! Это была моя семья, я любила их, они были мне ближе всех на свете! Я никогда не буду принадлежать человеку, убившему моих близких!

Хан молча встал. По тому, как хищно прищурились глаза и заиграли на лице желваки, было видно, что ответ ему не понравился. Он ненадолго задумался, потом отворил дверь, сделал знак Субэдей-багатуру и тихо сказал по-монгольски: «Отведи её обратно в темницу. Надеюсь, что заточение сделает своё дело, и она покорится моей воле. Найдите её слуг, кто служил её отцу, и кого она хорошо знает. Переверните весь

Булгар, все близлежащие деревни, но найдите их! Я скажу, что с ними надо сделать... После этого приведёте её ко мне». Немногословный Субэдей молча кивнул, и ханская стража увела пленницу обратно в башню.

* * *

Старая Сяганат не находила себе места. С тех пор, как стража увела её воспитанницу, казалось, прошла целая вечность. Медленно тянулось время, казалось, что даже воздух в древнем Булгаре замер в тревожном ожидании. Как вырваться из темницы, как попасть в ханский дворец? Что там происходит, как ведёт себя грозный хан, не обижает ли он её девочку? «Горе, горе побеждённым... Их удел — выполнять волю победителей, их прихоти и желания, какими бы мерзкими они не были. Аллах Великий, не за себя молю, прошу за невинное дитя... Лишь бы хан не обидел мою Назиру, лишь бы он не навредил ей, не взял силой мою девочку». Но, вот послышался шум, дверь отворилась, стражник грубым толчком затолкал молодую девушку в темницу.

Сяганат подошла к своей воспитаннице, нежно обняла её.

— Милое моё дитя... Слава Аллаху, ты цела... Назира, что сказал тебе Великий хан? Девушка разрыдалась.

— Ах, бабушка, что мне делать? Хан хочет взять меня в наложницы. Он предложил жить в гареме, следовать за ним в обозе его войска.

— И что ты, дитя, решила?

— Абикай, я не буду принадлежать человеку, который убил моего отца и моих братьев...

— Хан возьмёт тебя силой.

— Абикай, я не буду его...

— Хан убьёт тебя, Назира! Он не потерпит неповиновения...

— Смерть была бы избавлением, бабушка... Зачем мне жить, если все мои близкие уже мертвы?

— Покорись ему, дитя... Ты ещё молода, у тебя будут дети, они будут детьми Великого Хана...

Девушка в задумчивости села на постель.

— Нет, абикай, не бывать этому... Лучше не уговаривай меня... — Юная пленница нахмурилась и упорно сжала губы. — Я не буду его, не предаю память моей семьи...

* * *

Было раннее утро. Молодой хан позавтракал лепёшкой с овечьим сыром и запил кумысом. Несмотря на огромную власть, в питании хан был непритязателен, лишь требовал, чтобы еда всегда была вкусной и свежей. Затем хан прошёл в тронный зал и воссел на место, некогда принадлежавшее булгарским властителям. Булгары, булгары... Хан погрузился в воспоминания о своих первых победах...

Огромная Орда надвигалась из азиатских степей. Войска шли неспешно, осознавая свою мощь, предвкушая сражения и смакуя будущую добычу. Впереди, на два-три дня пути, скакали монгольские дозоры, проводившие разведку, подмечавшие пути прохода, урожай на полях и речные броды, пристально оценивающие силы противника.

В Булгарском ханстве почуяли неладное. Молодому хану Абдулле, занявшему трон после смерти отца Ильгам-хана, доложили о быстрых, уклоняющихся от прямых стычек, ускользающих от преследования кочевниках. Хан велел отправить в Степь свои дозоры, булгарских смельчаков, опытных воинов, не боявшихся чужой стрелы

или сабли. Большинство дозорных не вернулись обратно, но те, кому посчастливилось воротиться, рассказали о невиданной силе, которая движется на болгарские земли, о сотнях тысяч воинов на приземистых лошадях, о диковинных китайских камнеметательных машинах, которые тянут огромные волю, об обозе Великой Орды, растянувшимся на несколько дней пути. Хан Абдулла велел созывать войско, во все концы Волжской Булгарии были отправлены гонцы с ханским указом. Удалось собрать сорок тысяч хорошо вооружённых и смелых бойцов. Но по сравнению с Ордой этого было мало, катастрофически мало...

Год назад, летом 1236 года, войска сошлись в степи под Булгаром. Целых два дня армии стояли напротив друг друга, присматриваясь, оборудуя позиции, проводя разведку местности. Внешне болгарская армия выглядела лучше, у воинов были свежие кони, добротные мечи и стрелы, доспехи из стали отливали блеском на ярком солнце. Орда монголов на фоне армии хана Абдуллы выглядела блекло. Монголы, устав от длительных переходов, не спеша разбили лагерь, оборудовали позиции, тянули время, необходимое на отдых лошадей и восстановление сил. Но монгол было почти в три раза больше.

На третий день началась жестокая битва. Лёгкая, быстрая монгольская конница вгрызалась в ряды болгарских воинов, осыпала их стрелами, жестоко рубилась с всадниками в стальных доспехах. Всадников поддерживала пехота с длинными копьями. Монголы применили свою излюбленную тактику — в случае численного превосходства они насакивали двумя волнами, сперва бились одни воины, потом они отходили на заранее подготовленные позиции, и в бой вступали свежие силы, всадники, поддерживаемые пешими частями. «Урагшаа!» — гремел боевой клич монголов, болгары отвечали им — «Аллах Акбар!». Булгарское войско, отважные и гордые всадники, поддерживаемые ополчением, стойко держались и рубились с монгольскими силами, но силы были неравны, численный перевес Орды дал о себе знать. Вначале были смяты болгарские силы в середине войска, затем монголы окружили и порубили фланги. К вечеру всё было кончено, монголы спешивались, не торопясь осматривали убитых, забирали ценное себе в добычу, добивали раненых. Бату-хан приказал пленных не брать, пусть дерзкие болгары умоются кровью за свою строптивость. Предводитель войска, хан Абдулла, и все его военачальники полегли на поле брани. Небольшой горстке болгар, не более тысячи, удалось вырваться, их путь лежал на Русь, во Владимирское княжество, где сидел Великий князь урусатов Гюргий*. Они прихватили семьи, укрывшиеся в ближайших лесах, и тайно, небольшими отрядами, покинули Булгарию. Местное население частично разбежалось, кто куда, часть на Русь, часть на запад к мордве, часть на север к черемисам. Были и такие, кому бежать было некуда, они решили остаться и положиться на волю Всевышнего.

Вечером того же дня монгольская армия ворвалась в беззащитный город, где жестокая резня продолжилась. Реки крови пролились на улицах, монголы врываются в дома, жгли мечети, убивали детей, насильовали и вспарывали животы женщинам, без жалости секли стариков и старух. Казалось, врата ада обрушились на славный город Булгар, злые духи, иблисы** поселились в нем, люди не могли творить такое... Ещё день продолжалась резня, затем хан приказал бойню прекратить, а большую часть награбленного — сдать в казну. Воины беспрекословно покорились приказу грозного хана, насилие и грабежи закончились...

* Гюргий — Юрий Всеволодович, Великий князь Владимирского княжества, сын Великого князя Всеволода Большое Гнездо

** Иблис — злой дух, демон в Исламе

Хан был доволен, но желал большего. Молодой, дерзкий характер делал своё дело, Бату грезил новыми владениями, походами, добычей. Успех в военном деле высоко ценился у монголов, ещё вчера забытые племена охотников и скотоводов превращались в грозную, хорошо вооружённую, бесстрашную силу, ужасающую Орду, сметающую всё на своём пути... Где же оно, загадочное Последнее море, куда завещал дойти его дед? Какая добыча, какие трофеи ждут хана в пути? А тут ещё эта непокорная красавица... Ну, ничего, хан приведёт её к послушанию...

Пришёл верный Субэдей-багатур. Хан велел никого к себе не впускать, беседа велась вполголоса и продлилась довольно долго.

— Слушаюсь, Великий Хан, — с этими словами Субэдей спешно удалился.

* * *

Утром следующего дня пленницы неспешно проснулись. Голову Сяганат одолевали тревожные думы, какое-то смутное беспокойство чувствовалось во всём течении времени. Стражники принесли еду, Назира не спеша позавтракала, Сяганат не притронулась к еде, лишь попила воды. Воздух с Итиля приносил прохладу, уже вовсю чувствовалась осень, деревья стали желтеть, на полях созрел урожай, убирать который было некому. Ставни были приоткрыты, лёгкий ветерок гулял по темнице.

С улицы раздался непонятный шум. Затем небольшой камень ударил по стеклу в ставне окна.

— Эй, красавица, выгляни в окно! — На ломаном болгарском наречии произнёс голос с чужеземным акцентом. Назира приблизилась к окну и отшатнулась от него, из её груди вырвался горестный вздох, девушка зарыдала:

— Бабушка, что это? Как же так можно?

Старая Сяганат подошла к окну и тоже в ужасе отшатнулась... Прямо напротив, в десяти шагах от темницы, в земле стояли остриём вверх три монгольских копыя, на которые были насажены человеческие головы. Сяганат и Назира знали, кому принадлежали эти головы. Здесь были мальчик, ровесник Назиры, который служил на конюшне в доме Наиля-мурзы, пожилой садовник и женщина, помогавшая по хозяйству и в стряпне, которых Назира знала со своего рождения. Окровавленные головы слуг были обращены лицом к темнице. Девушка побледнела и забилась в угол, по её телу прошёл озноб, из уст вырвался горестный крик.

Сяганат бросилась к Назире, крепко обняла её, прижала голову девушки к своей груди.

— Не плачь дитя... Монголы-звери, Великий Аллах покарает их...

— Бабушка, что же это... За что это им?

— За то, что служили твоему отцу в твоём доме, Назира! Иногда наша печальная судьба бьёт по нашим близким. Хан хочет запугать тебя, сломить твою волю, заставить покориться... Монголы понимают только силу...

— Как мне жить, бабушка, как мне жить? Что нас ждёт дальше? — Слезы ручьём катились из глаз Назиры, тело содрогалось от рыданий, горе её было безутешным...

* * *

Бату-хан вспоминал своё детство... Отношения со своими родными и двоюродными братьями всегда были сложными, молодые волчата ещё подростками стали грызться за власть, которая когда-нибудь достанется им после Великого Чингиза.

О Джучи, отце Бату-хана, говорили разное. Когда Великий Темучжин был гоним, меркиты, враги монголов, захватили в плен его жену Бортэ. Джамуха, названный брат Темучжина, собрал нукеров и помог освободить пленницу. Бортэ вернулась из меркитского плена беременной, и после этого родила крепкого чернявого малыша Джучи. Монголы шептались, что ребёнок не от Темучжина, который с рождения был рыжим, говорили об этом украдкой, так как боялись, зная крутой нрав Покорителя Вселенной. Великий Хан всех монголов никогда ничем не попрекнул Бортэ, он любил свою первую жену, считал себя виноватым в том, что допустил её пленение. Хан никогда не унижал, не обзывал, не шлёпал Джучи, он баловал сына, особо выделял его среди других детей, часто играл с ним, когда тот был маленьким, прижимал его к мускулистой груди, только иногда странно вглядывался ему в глаза, словно пытаясь уловить знакомые черты в лице и повадках малыша.

Но не все наследники Великого Темучжина были такие же великодушные... Второй сын Темучжина и Бортэ, брат Джучи Чагатай как-то прилюдно обозвал его ублюдком, «меркитским подарком», в результате чего братья сцепились и подрались. Потом Великий хан имел неприятный разговор с Чагатаем, сказал: «Что же ты попрекаешь брата? Попрекай меня за свою мать Бортэ, за то, что я не уберёг её от позора!» Чагатай смутился:

— Прости меня, отец, я сказал во зле, не подумав.

Он никогда больше не позволял себе подобного, однако с тех пор отношения между братьями были натянутыми. Холодный конфликт всегда мог перерасти во что-то большее, лишь принадлежность к одному роду и власть отца удерживали братьев от драки.

Последние годы отношений отца и Джучи были сложными. Джучи был единственным чингизидом, который позволял себе открыто неповиноваться отцу, не исполнял его приказы, походам и ратным схваткам предпочитал охоту, своих многочисленных жён и наложниц. Великий Чингиз прощал любимого сына, и когда тот неожиданно умер, все боялись об этом ему сказать. Гонец, приехавший с этой вестью, встал в юрте перед взором Чингиз-хана, начал говорить приветствие Покорителю Вселенной и расплакался.

— Что же ты плачешь, воин? Разве мой сын Джучи мёртв?

— Да, Великий Хан, ты сам сказал об этом. Наш господин внезапно умер, ему стало плохо после ужина, — таков был ответ гонца.

Грозный хан замолчал, сошёл с деревянного трона, как-то сразу ссутулился, отяжелел. Но слёз в его глазах приближённые не увидели.

— Что же, так тому и быть. Великий Тенгри* призвал моего сына. Готовьте поминальный пир и оставьте меня одного... — Хан жестом приказал всем удалиться, все в смятении покинули юрту Великого хана.

И вот, Западный поход монголов. Бату командовал объединённым войском, кроме него, в походе были родные братья-джучиды Орда-Ежен, Шибан и Бёрке, сын и внук Чагатая Байдар и Бури, двоюродные братья, сыновья Угэдея Гуюк и Кадан, сыновья Толуя Мункэ и Бучек, младший сын Чингиз-хана и его второй жены-меркитки Кулан, Кюлькан. Командовать родственниками было сложно, но если потомки Чагатая предпочитали отмалчиваться на Военных советах, то сыновья Угэдея, наследника Великого Чингиза, так и норовили вставить Бату палки в колёса, особенно в этом преуспевал Гуюк, который пошёл в Западный поход за славой и ревностно относился к командованию Бату. «Вот упрямый осёл, нет от тебя покоя!» — думал Бату-хан, но всё равно не решался вступать в открытый конфликт с родственником, предпочитал его держать на расстоянии от себя. Поэтому и сейчас Гуюк и Кадан стояли со своими туменами отдельно от Бату, южнее Булгара.

* Тенгри — бог Неба, верховное божество монголов

Мысли вернулись к Назире. «Мой отец любил женщин, набирал себе жён в военных походах. Я буду действовать также, буду набирать себе жён в своих походах. Мне нужна эта болгарка, эта нежная девушка, я заставлю её покориться», — так думал Бату-хан, вспоминая прошлое.

* * *

На следующий день Бату-хан велел привести к себе Назиру. И снова одну, без старой Сяганат. Он ждал девушку, и, когда её доставили в тронный зал, сразу перешёл к делу. Рядом стоял молчаливый Субэдей.

— Назира, ты подумала над моим предложением? — спросил хан.

— Да, Повелитель...

— И что? Что ты решила?

— Нет, Повелитель...

— Что нет?

— Я не буду твоей, Великий Хан. Я не буду жить с человеком, убившим мою семью.

— Ты хорошо подумала?

— Да, Повелитель... У нас был добрый город, в котором жили хорошие люди... Ты захватил его со своими воинами и разорил... Ты обезглавил моих преданных слуг, которых я знала с детства. В чём они провинились? Я не прощу тебя...

Хан рассмеялся. Какая же наивная его пленница!

— Война есть война. Монголы победили болгар, поэтому мы новые хозяева ваших земель... Мы решаем, кого карать, а кого — миловать. Удел побеждённых — служить победителям! Я не нуждаюсь в твоём прощении, наоборот, я твой победитель и пытаюсь оказать тебе великое благо.

Девушка молчала.

Внезапно Бату хищно прищурился и заглянул девушке прямо в её большие бездонные глаза.

— А если я велю убить тебя?

— На всё воля Аллаха, Великий Хан... — Губы девушки упрямо сжались. — Я не боюсь смерти, в лучшей жизни я встречу с мамой, отцом и своими близкими. Аллах, Господин Миров призовет меня в Фирдаус*, и там я увижу всех, кто покинул мир из-за тебя!

Хан разозлился — какое упрямство! Именно такого гнева, вспышек импульсивной, животной, неконтролируемой ярости больше всего боялись его приближённые. Он подскочил к Назире и схватил её за волосы. Склонившись над ней, он тихо прошепел:

— Значит, ты не боишься смерти, красавица? Так знай, я не убью тебя сразу. Без мучений ты не умрёшь... Я велю отдать тебя своим нукерам, и, когда они разорвут твою одежду и наслаются твоим юным телом, я отдам тебя в тумен. А там тебя замучают до смерти, живой оттуда ты уже не выйдешь. Вместо того, чтобы быть моей и рожать мне детей, ты предпочтёшь такую участь?

— На все воля Аллаха, Господа Миров... Отпусти меня, Повелитель, ты делаешь мне больно. Твоё поведение не делает тебе чести, позорит тебя!

От этих слов девушки у хана потемнело в глазах. Какая дерзость, какая же она упрямая и своенравная! Теперь точно ей надо преподать урок, даже ценой её жизни! Оставлять такое нельзя... Но и нельзя давать волю гневу, особенно при подчинённых. Мечь надо подавать с холодной головой. Хан оттолкнул пленницу.

* Фирдаус — райский сад в Исламе

— Знай, я приду к тебе в башню за ответом завтра. Если ты не передумаешь, Назира, твоя участь будет решена, и ты закончишь свою жизнь в муках и бесчестии. Увести! — Жестом хан показал, что разговор окончен.

* * *

Хану не спалось. Во дворце стояла ночная тишина, лишь тихо пели сверчки за окном да доносился лай городских собак, многие из которых стали бездомными, так как их хозяева были убиты. Бездомные собаки дрались с волкодавами, пришедшими с войском из Средней Азии, воины разнимали их, следили за тем, чтобы не было жертв, отгоняли местных собак палками и плетями.

Полный лик Луны красиво отражался в водах Итиля, лунный свет пробивался в спальню. Шёлковые китайские одеяла и подушки с вышитыми драконами не приближали сон, хан перекатывался с места на место на огромной кровати.

Война с Китаем ввела в монгольской знати моду на всё китайское, на китайские халаты из нежного шёлка и парчи, на оружие, украшения. Вооружение монгольской армии модернизировали китайские инженеры, у войск появились камнемёты, осадные башни, китайские мастера обучали молодых монгольских воинов владению мечом, пиротехники передавали монгольским воинам навыки взрывного дела, примитивные бомбы на основе пороха стали применяться монголами в битвах. Это коснулось и быта — монголы добавляли в пищу острые китайские специи, монголки красились китайскими белилами, копировали причёски и одежду китаянок.

Хан вспомнил историю про деда, которую ему рассказал отец. Однажды Темучжин с четырьмя нукерами шёл по стойбищу своего улуса. Был летний вечер, солнце клонилось к закату, монголы неспешно занимались домашними делами. Женщины хлопотали по хозяйству, помогая мужьям, готовя еду в котлах и шлёпая малышей. Дети постарше гонялись друг за другом по степи, играли в салки. Ничего не предвещало какой-то тревоги, набега врагов, грозы или урагана. Вдруг внимание хана привлёк странный шум, пьяный гвалт, удары плетью, душераздирающие визги животного.

Хан повернул на шум и увидел такую картину. Рядом с небольшой юртой стоял столб для привязи лошадей. К столбу была привязана молодая собака, щенок монгольского волкодава, хотошо нохой*. Пьяный молодой монгол бил что есть мочи щенка плетью, тот скулил и убегал, но привязь была короткой, и далеко убежать не получалось. Шерсть защищала спину и бока собаки, но на морде оставались красные рубцы, щенок взвизгивал при каждом ударе. Жена выскочила из юрты, шумела, пыталась образумить мужа, но он грубо отпихивал её и продолжал бить собаку плетью. Когда камча была в очередной раз занесена, хан сделал знак воину, и тот перехватил руку. Щенок, поскуливая, с испугом смотрел то на хозяина, то на хана, не зная, куда деться и что будет дальше.

С пьяных глаз монгол не сразу узнал хана, но когда узнал, испуг пробежал по его лицу, он упал на колени.

— Вот пьяный болван! Ты что, перепил архи? ** Разве ты не знаешь, что у монгол собаки священны? Они сторожат наши стада и юрты! За что ты бьёшь щенка? — Хан грозно повысил голос.

— Великий хан, пёс укусил моего старшего сына, когда тот играл с ним...Я наказываю собаку!

* Хотошо нохой — бурят-монгольский волкодав

** Арха — монгольская водка на основе молока

— Наверное, жена твоя плохо смотрит за детьми, правда ведь, женщина? Наказывать-то надо жену. — Хан обратился к жене истязателя, но та стояла, боясь проронить хотя бы слово.

— Правда? — повторил Темучжин.

— Да, Великий хан, — выдавила из себя монголка.

— За то, что истязал собаку, привяжите его к столбу! Щенка заберите в мою юрту! Держите драчуна на привязи, пока не протрезвеет... Еду не давать, только воду, утром и вечером. Под страхом смерти, передайте всем мой приказ, кто поможет ему, покормит или даст воды, сам будет привлечён мной к ответственности. Ты останься, утром тебя сменят, — хан обратился к одному из воинов.

— Слушаюсь, Великий хан! А ну-ка, иди сюда, пьянчуга! Руки за спину! — Воин привязал молодого монгола к столбу. Тот хмуро молчал, боясь ещё больше прогнать Темучжина.

Два дня молодой монгол простоял привязанным к столбу. Рядом на траве, не отходя далеко и всхлипывая, сидела его жена, обнимая колени. Силы оставили парня, руки и ноги затекли, он просто повис на верёвке лицом вниз. На третий день Темучжин снова пришёл к его юрте. На этот раз его сопровождали воины и Джебэ-нойон, чья звезда военачальника уже начала своё восхождение.

— Отвяжите его, — короткий приказ, и воины сняли парня со столба.

— На колени...Ты понял, за что наказан? — Хан внимательно смотрел на парня.

— Да, Великий хан! Пощадите меня, Великий хан!

Монгол еле стоял на коленях, запёкшиеся губы растрескались, взъерошенная голова раскачивалась из стороны в сторону.

— Никогда не издевайся над слабыми. Если читаешь более слабого врагом, лучше сразу убей... Но не издевайся, не мучай ни ножом, ни саблей, ни плетью, ни копьём... Это недостойно мужчины. Тем более, не мучай того, кто не может за себя постоять, да и сказать в своё оправдание пару слов не может, — Темучжин засмеялся. — Ведь собаки пока не научились говорить, правда?

Улыбки появились на лицах грозных воинов, сопровождавших хана.

— А что, Джебэ, нужен тебе такой нукер? — Хан продолжал шутить.

Джебэ замер в поклоне:

— Если Великий хан прикажет. Только пусть он сперва отпросится у жены...

Воины при этих словах дружно засмеялись...

— Так и быть! Если захочешь, поступай в тысячу Джебэ-нойона, скажи десятникам, Темучжин попросил за меня... И помни этот урок всю свою жизнь.

Хан пошёл прочь, а молодой монгол продолжал стоять на коленях и смотреть вслед Великому хану, чувствуя холодок стального клинка на своей шее, осознавая, что смерть прошла где-то рядом...

* * *

Бату ворочался с боку на бок... Почему не спится? Может, встать с постели и пойти, проверить дозоры? Как сложится завтрашний день, передумает ли его пленница? Если передумает, то сбудется мечта хана, он добьётся внимания красавицы, а если нет, то придётся выполнить свою угрозу, девушка умрёт в ужасных муках... Проклятое упрямство... Никто не может перечить воле Великого хана, здесь нельзя давать

* Нукер — дружинник на воинской службе

спуску... Как сложится завтрашний день? Скорее бы рассвело... Бату — хан задремал под утренней прохладой...

Наступило утро... Бату неспешно поднялся с ложа. Слуги принесли еду, но есть не хотелось... Выпив кумыса и приказав двум воинам: «За мной!», хан в сопровождении толмача и Субэдея быстро пошёл в сторожевую башню к пленницам. Огромные стражники-багатуры преклонили головы перед ханом, когда он заходил в темницу. В углу маленькая Сяганат перебирала чётки и тихо читала молитву: «О Аллах! Прости её, и помилуй её, и избавь её, и окажи ей милость... И окажи ей хороший приём, и сделай место входа её просторным, и омой её водой, снегом и градом...» Из глаз старушки текли слезы, в фигуре читалось горе и обречённость. На постели в противоположном конце темницы лежала Назира... Девушка была мертва... Её лицо было смертельно бледным, красивые волосы разметались по подушке, глаза слегка приоткрыты, из уголка губ сочилась крохотная струйка крови... Рядом с постелью валялась небольшая склянка из жёлтого мутного стекла... На лице пленницы застыла полуулыбка, весь вид её говорил: «Мои мучения закончились... Теперь я увижу своего отца и своих братьев, теперь мой жених сможет стать моим мужем... Я победила тебя, Великий Бату-хан!»

Хан пришёл в ярость! «Лекаря, быстро», — крикнул он, и стражник убежал за лекарем-хорезмийцем*. Тот примчался и начал осматривать тело девушки...

— Что с ней? — спросил Бату.

— Это яд, Повелитель... Пока не пойму. Похоже на болеголов или беладонну**. У неё образовался паралич сердца и дыхания, она умерла во сне.

— Она мучилась?

— Нет, Повелитель. По-видимому, она приняла яд вечером, перед сном. Он убивает тихо и бесшумно. Она ушла быстро, ей не было больно... Она не страдала...

— О, Великий Тенгри! — Хан сжал кулаки и зарычал в ярости. — Куда смотрела стража? Куда смотрел ты, мой наставник, мои глаза и уши? — Хан смотрел на Субэдей-багатура, тот насупился, отвёл взгляд. — Неужели этого нельзя было предвидеть? Откуда взялся яд? — Хан перевёл взгляд на стражников темницы.

Стражники бросились на колени.

— Прости нас, о Великий! Мы ничего не видели, не было такого, чтобы кто-то подошёл близко к двери или к окнам.

Слово взял лекарь.

— Великий хан, скорее всего, яд подбросили в открытое окно. В городе много сочувствующих семье Наила-мурзы, вот кто-нибудь и выполнил просьбу девушки, принёс ей склянку с ядом.

— Стражу казнить. Отрубить им поганые головы! Выполняй, наставник, — хан опять обратился к Субэдею.

— Слушаюсь, Великий Хан! Разоружить их, — сказал Субэдей пришедшим воинам.

Приговорённые стражники повисли на ногах хана.

— Пощади, о Великий... Мы смоем наш позор кровью... Поставь нас в битве в первые ряды... Прикажи не казнить нас.

— Прочь от меня, шакалы... Пощады вам не будет! — Пара пинков от хана отшвырнула плачущих стражников. — А ты куда смотрела, старая? — Хан обратился в сторону Сяганат.

* Хорезмиец — житель Хорезма, государства в Средней Азии, завоёванного Чингиз-ханом. В Хорезме процветали науки, в том числе, медицина

** Болеголов и беладонна — ядовитые растения, на основе которых в средние века изготавливались сильнодействующие яды

Маленькая женщина забилась в угол и выглядела отрешённой в своём горе. И вдруг случилось её преображение, она быстро, с дикой злобой, как рысь, бросилась на хана, лицо её было перекошено от гнева, кулаки застыли в замахе. Толмач-китаец побледнел, вытянулся и оторопело замер, затем тихо заговорил под грозным взглядом Бату.

— Будь ты проклят, Великий хан, и весь род твой, все дети твои и внуки твои, и внуки внуков твоих, все будьте прокляты до седьмого колена. Ты хотел опозорить невинное дитя, ты хотел отдать юную, чистую девушку своим воинам, если она не покорится тебе! Она предпочла смерть позору... Эта смерть на тебе, Великий хан! Я буду приходить к тебе во сне каждую ночь и взывать к твоей совести. Аллах, Господин Миров, покарает тебя, язычника, заставит испытать такое же горе, которому ты подвергнул нас с Назирой. Будь ты навеки проклят, Великий хан!

Маленькая Сяганат сотрясала воздух, казалось, от её гнева обрушатся стены темницы. От таких дерзких слов Бату-хан потянулся к арабской сабле: «Снести старой башку за её поганый язык!»

А впрочем... Смерть юной, невинной девушки потрясла хана. Довольно смертей за сегодняшнее утро... Хан как-то враз обмяк, устало сел на скамью в углу. Казалось, что он за мгновение прибавил себе лет тридцать, из грозного молодого правителя превратился в пожилого, уставшего от всего человека.

— Что со старухой, её казнить? Что прикажет Великий хан? — Субэдей-багатур склонился в полупоклоне.

— Нет, нет, мой верный наставник, который в этот раз меня подвёл. Я не воюю со старухами... Дайте ей железную пайцзу на проход по всем моим владениям и выгоните за стены города. И чтоб никто, слышите, никто, ни один воин, ни один дозор не смел её и пальцем тронуть! Пусть она ходит от города к городу, от села к селу, и помнит о том, что не спасла свою воспитанницу, не уговорила её на близость со мной. Пусть корит себя до своего последнего вздоха и умрёт с этой мыслью! Гоните прочь её с глаз моих, пока я не передумал!

Бату подошёл к телу Назиры, взял её за руку. Покой пленницы был безмятежным, она также улыбалась грозному хану. Какая она всё-таки красивая! И непокорная...

— Девушку тайно похороните на городском кладбище! Пусть на её могильной плите не будет имени... Эх, Назира, Назира, тебя могла бы ждать совсем другая судьба... Ну да ладно, плохих новостей за сегодняшнее утро хватило.

Хан остановился в дверях и резко обернулся. Взгляд его был устремлён поверх находящихся в темнице. Присутствующие склонились в почтительном поклоне.

— И вот ещё что... Субэдей, собирай Курултай, пошли гонцов ко всем царевичам, пусть будут здесь через три дня! Мы выступаем на Русь!

Великий хан Великой Орды вышел из темницы и направился во дворец. Сяганат гневно посмотрела ему вслед.

* * *

«Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!» — бьётся железная пайцза о медный пояс. Маленькая женщина, одетая в чёрное, пробирается через морозную степь, идёт к своей цели. На Север, только на Север! Там, в шумной и растущей Казани, у старушки родственники, там она может найти кров и защиту. Казань монголы пощадили, там не было таких зверств, как в Биляре или Булгаре, люди там мирно приняли монгольское начальство, покорились, столкнувшись с дикой, жестокой силой. Мороз пронизывает одежду, покальвает кожу, заставляет быстрее двигаться. «На Север, на Север! Проклятые монголы... Проклятый Бату-хан, наказание земли болгарской! Пусть им всем будет пусто»... Но что все это по сравнению с тем, что случилось, по сравнению с её горем...

Может, и не надо куда идти, может, надо просто лечь и умереть. «Но нет, я должна рассказать всем о поступке Назиры, пусть он вселит в сердца болгар надежду! Если мы сейчас слабы, мы можем не покоряться и ждать мести над язычниками. А месть обязательно придёт, Великий Аллах не оставит своих верных рабов! Соберётся ещё болгарское войско, выгонит проклятых монгол обратно в их бескрайние степи. На Север, только на Север, вперёд, только вперёд!»

На степь медленно опускаются сумерки. Холод окутывает землю, встаёт в воздухе, становится зябко. Всё замирает, затихает среди холмов и травы. Старушка выбивается из сил, ноги тяжелеют, голова клонится к земле. Идти уже нет мочи... «Надо немного отдохнуть, посидеть или прилечь... Вот и подходящий холмик. Сейчас прилягу, чуть полежу, отдышусь и продолжу свой путь. Эх, дитя, дитя, невинная, юная моя девочка... Как я без тебя, как мне жить дальше?»

Старая Сяганат легла на небольшой холм и закрыла глаза. Внезапно она согрелась, как будто кто свыше укрыл её одеялом, холод отступил, по суставам и мышцам разлилось приятное тепло... «Как же хочется спать... Похоже, с этого ложа мне уже не встать. О, Великий Аллах, обращаюсь к тебе в свой час... Сделай так, чтобы я увидела мою девочку, чтобы обняла её и никогда, никогда больше с ней не расставалась. Милая Назира, скоро встречу с тобой... О, Аллах, Господин Мироздание, прости меня... Прости, что не уберегла невинное дитя, любимую мою девочку... Прости меня... О, Великий, прими душу мою».

Маленькая старая женщина, свернувшись, лежала в зимней степи. Она засыпала в последний раз, и ей снился красочный, долгий сон. Снился цветущий, зелёный город на берегу могучей реки, шумный восточный базар, переливы разных наречий и голосов, бродячие фокусники, ремесленники, кузнецы, россыпи зелени, прилавки со сладостями, шёлковые ткани, ковры, медвежьи и волчьи шкуры, зазывающие народ купцы, она, улыбающаяся, ещё крепкая, полная сил, и маленькая девочка с заплетёнными в косы волосами, теребящая её за рукав: «Абикай, возьми меня на ручки... Абикай, возьми меня на ручки...»

ДВА ПЕТРА

*И у мёртвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.
Александр Твардовский*

Пётр — моё имя. Имя твёрдое, звучное; назван я так в честь своих дедов. Они не брали Берлин и не участвовали в параде Победы, сложив свои головы в самые трудные, самые драматичные 1941 и 1942 годы... Два Петра, два крепких русских мужика, оба от земли, оба родились в многодетных крестьянских семьях. В их судьбах, как в зеркале, отразилась противоречивая, трагическая и великая история России первой половины XX века. Пётр Михайлович, 1901 года рождения, отец мамы — из деревни Жильково Козельского уезда Калужской губернии (ныне Калужской области). Пётр Васильевич, 1913 года рождения, отец папы — из деревни Куршино Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне Кировской области).

Они не знали, да и не могли знать друг друга. Но судьба распорядилась так, что во мне соединилась их кровь и возродилось имя через 20 лет после гибели дедушек. И я считаю священным долгом рассказать о них. Тем более, мне удалось поклониться их могилам. Обе могилы — братские, на обеих выбиты имена моих Петров. Уж не ведаю, что ещё может связывать два города — словенский Марибор и подмосковный Волоколамск — но для меня теперь святы и эти два названия, как места их упокоения.

Много лет мои родители пытались узнать, где погребены их отцы. И если папа, Юрий Петрович Муратов, знал, в каком городе находится могила отца, то мама, Людмила Петровна, более 70 лет знала только то, что её отец пропал без вести. Папа не раз бывал в Волоколамске, ходил от одной братской могилы к другой — их в округе множество, но безуспешно. Найти отца помог ему местный военкомат, сообщив точное место захоронения Петра Васильевича.

Петра Михайловича много лет разыскивал мой дядя — мамин старший брат Борис Петрович Калиничев. Будучи полковником ГРУ, он имел возможности и для изучения архивов, и для оформления точных запросов, но никаких следов отца найти ему не удалось. Справка из Центрального архива Министерства обороны СССР гласила: «пропал без вести 20 августа 1941 года в районе деревни Петрухново Ленинградской области». На том и успокоились. И только в новые времена, благодаря всезнающему интернету и обществу «Мемориал», мне удалось узнать подробности последних месяцев жизни Петра Михайловича.

ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ

Козельск. Не зря ордынцы назвали этот город «злым». Козельск не был центром княжества, но ни один город не достался ордынцам такой кровью, потому и стёрли они его с лица земли, засыпав, по преданию, солью место, где он стоял.

Боевой дух древних прашуров передан Петру Калиничеву. Всю жизнь он был профессиональным военным. Дяде Боре в бездонных архивах Министерства обороны всё же удалось раскопать довоенное личное дело Петра Михайловича и автобиографию, написанную им в 1939 году.

В семье Калиничевых было семеро детей. Уже в 13-летнем возрасте Пете пришлось покинуть родную деревню и начать трудиться чернорабочим на хлебобулочной фабрике в Калуге. Сохранилась фотография того периода: на ней Пётр с другом, а на обратной стороне разъяснение к фото — видно, что в 14 лет дед едва умел писать. В мае 1917 года Пётр перебрался в Киев, устроившись подмастерьем на хлебозавод. Вскоре наступило лихолетье гражданской войны. Насмотревшись на германских и австро-венгерских оккупантов, на марионеток гетмана Скоропадского и гайдамаков Петлюры, Пётр Калиничев в феврале 1919 года добровольно вступил в Красную Армию. Вначале служил рядовым красноармейцем в Первой Украинской стрелковой дивизии, затем, в июне того же года, в Особой мотострелковой кавалерийской бригаде, воюя на Юго-Западном фронте против Петлюры и Деникина. В 1920 году, закончив Борисоглебские кавалерийские курсы красных командиров, в составе 17-й кавдивизии, уже в должности командира эскадрона, воевал на Западном фронте против Польши, а с января 1921 по ноябрь 1922 года — против банд Махно, Тютюника и Гальчевского.

Так и стал Пётр Михайлович кадровым офицером Красной Армии. Недолго состоял в рядах ВКП(б), но в 1922 году был исключён за (дословно) «барахольство» своих подчинённых. Впрочем, это не повлияло на его военную карьеру. В 1926 году, закончив Крымскую кавалерийскую школу имени ЦИК Крымской АССР, получил назначение на службу в Белорусский военный округ.

Боевой офицер РККА Калиничев принимал участие во всех военных кампаниях предвоенного периода: воевал на КВЖД, в Испании, на реке Халхин-Гол. Особенно запомнилось моей маме, каким помороженным отец вернулся с финской войны, а из-за ранения руки даже не смог открыть замок двери дома. Интересно, что периоды времени, пришедшиеся на эти войны, в личном деле значатся как «декретные отпуска» безо всяких подробностей.

У нас сохранились швейцарские карманные часы на цепочке, на обратной стороне которых красиво выгравировано: «Майору тов. Калиничеву П. М. За боевую подготовку. Нарком обороны СССР. 1/XI-1936 г.». Ныне это наша главная семейная реликвия. А в 1938 году он получил звание полковника с назначением на должность командира полка 7-й кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа.

С конца тридцатых годов началось переобучение большинства офицеров-кавалеристов специальностям других родов войск в связи с потерей кавалерией стратегического военного значения. Пётр Михайлович стал командиром мотоциклетного полка 3-го

механизированного корпуса БОВО. Последнее предвоенное назначение полковник Калиничев получил в 1940 году под Вильнюс — столицу свежее испечённой Литовской ССР, куда был передислоцирован вместе со своим полком. Туда же вскоре переехала из Минска вся его семья. В октябре того же года Пётр Михайлович стал слушателем оперативного факультета Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии в Москве.

Его первая супруга, Софья Драбкина, умерла в 1929 году при родах сына Бориса. Пётр Михайлович женился повторно на санинструкторе полка Софье Суслович — матери моей мамы. Но не повезло и со вторым браком: моя бабушка разбилась при падении с лошади и умерла в 1938 году, когда моей будущей маме было всего семь лет. В третий брак Пётр Михайлович вступил незадолго до войны, у его новой супруги тоже имелся свой сын.

Уезжая на учёбу в лётную академию, он забрал с собой сына Бориса, передав его на воспитание в Ленинград родне первой супруги. С того времени ни об отце, ни о Борисе моя мама многие годы ничего не знала. Предчувствие надвигающейся войны, по воспоминаниям мамы, ощущалось физически. Особенно это было заметно по поведению литовцев, в скором будущем — верных приспешников немцев. Мама рассказывала, как однажды ночью выстрелили в дверь квартиры, где они жили (их семья была расквартирована в самом Вильнюсе, а не в военной городке при полке). Там же, в Вильнюсе, 22 июня 1941 года она встретила войну.

Немцы атаковали сотнями самолётов все воинские части и сбросили на город хорошо вооружённый десант, некоторые десантники прекрасно говорили по-русски. Маме с махочой и сводным братом чудом удалось выскользнуть из спешно оставляемого Красной Армией Вильнюса, но почти все жёны и члены семей военнослужащих вильнюсского гарнизона, многих из которых мама хорошо знала, так и остались под немцами, их судьба трагична...

Представляю смятение оглушённой известием о начале войны враз ошетинившейся Москвы... Слушатель лётной академии РККА полковник Калиничев был срочно направлен в Ленинградский военный округ по своей прежней специальности: в Новом Петергофе начиналось формирование 25-й отдельной кавалерийской дивизии. Такие спешно формируемые дивизии называли «лёгкими». Начальником её штаба и был назначен полковник Калиничев. Круговерть срочных дел по формированию дивизии хоть немного отвлекла его от мрачных тревожных дум о судьбе семьи.

25 июля в состав действующей 34-й армии Северо-Западного фронта вошла новая дивизия, состоявшая из трёх кавалерийских полков, 900 сабель в каждом, и вспомогательных эскадронов. На вооружении имелись десятки станковых и ручных пулемётов, 21 орудие. Рядовой и сержантский состав набирался из добровольцев, командный — в основном, из военных академий: командир дивизии комбриг Гусев Н. И. перед самой войной служил комиссаром Академии Генерального штаба, а начальник отдела связи штаба майор Ягджян С. А. — преподавателем Академии связи.

Первой задачей 25-й дивизии стало прикрытие района сосредоточения передовых частей 34-й армии. 12 августа под Старой Руссой дивизия приняла участие в контрударе, направленном против стремительно прорывавшейся к Ленинграду немецкой группы армий «Север». Боевая задача: действия по тылам противника отдельными эскадронами в районе посёлка Дедовичи. В этом рейде кавалеристам противостояли 32-я пехотная дивизия вермахта и дивизия СС «Мёртвая голова». Продвинувшись через болота, они смогли выйти им в тыл и успешно атаковать, правда, в этих боях получил ранение комдив Гусев.

18 августа от командарма был получен новый приказ: повернуть на северо-восток, соединиться с двумя стрелковыми дивизиями и приготовиться к наступлению. Задача была очень сложная: за два дня марша кавалеристам предстояло пройти более ста

километров, часть пути проходила по открытой местности с преодолением многочисленных водных преград.

Уже в первое утро марша, 19 августа, дивизию обнаружила и атаковала вражеская авиация. При отсутствии зенитных средств, в течение суток кавалеристы потеряли больше половины личного состава и всю артиллерию. Остаткам кавдивизии удалось сосредоточиться юго-западнее Старой Руссы, в строю осталось около 800 бойцов. Но уже вечером того же дня их бросили в бой: в районе деревни Смолево была обнаружена и уничтожена колонна немецких мотоциклистов.

Немцы перешли в контрнаступление, 25-й дивизии поставили новую задачу: задержать врага, прикрыв отход главных сил 34-й армии за реку Ловать. Но 20 августа под деревней Петрухново под удар немцев попал штаб дивизии...

Я изучал именно список потерь командно-начальствующего состава 25-й кавалерийской дивизии за период с 14 августа по 1 октября 1941 года (8-й отдел Главупра кадров Наркомата обороны № 0513 от 14 декабря 1941 года). В нём под номером один значится начальник штаба полковник Калиничев Пётр Михайлович, в графе «когда и по какой причине» записано: «без вести пропал 20.8.41. в р-не дер. Петрухново Лён. области». Такая же запись у многих штабистов из этого списка, среди них начальник оперативного отдела майор Иванов, начальник отдела связи майор Ягджян, помощник начальника отдела связи капитан Евштокин, комиссар штаба Пономаренко.

Да, сказать, что первые месяцы войны стали временами трагических, полных горечи потерь и поражений — значит, не сказать ничего. Боевые задачи 25-й кавдивизии менялись, но главным было: найти и уничтожить. Огнём, шашкой, руками, зубами — как угодно, любой урон, нанесённый врагу, был бесценен. А там уж как придётся, как поётся, «что кому назначено, чей теперь черёд...». Пишу, и реально слышится грохот разрывов снарядов и бомб, канонада кавалерии, крики и мат красноармейцев, стоны раненых, хрип умирающих лошадей...

Последующая участь 25-й кавалерийской дивизии первого формирования трагична. В конце августа после короткого переформирования она вновь была направлена в рейд по тылам немцев южнее Демянска. После нескольких успешных операций, в частности, разгрома немецкого штаба (отомстили за свой штаб!), 8 сентября дивизия попала под удар вражеских танков и была рассеяна, фактически перестав существовать как боеспособное соединение. Разрозненные группы кавалеристов дивизии вместе с остатками 34-й армии самостоятельно с боями прорывались из окружения севернее и южнее Демянска. Во второй половине сентября 25-я кавдивизия была сформирована практически заново, вновь под командованием толком не залечившего своё ранение комдива Гусева.

Но, несмотря на то, что контрудар Красной Армии под Старой Руссой завершился неудачей, он всё же отвлек часть сил немецкой группы армий «Север» от наступления на Ленинград. А значит достиг главной цели: дал время на подготовку города к обороне, сломить которую, как известно, гитлеровцам так и не удалось.

Подробности пленения Петра Михайловича, видимо, так и останутся тайной. Из личного состава штаба 25-й кавалерийской дивизии первого формирования после войны в живых остались только трое офицеров, один из них — упоминавшийся в именном списке потерь майор Ягджян С. А. Будучи тяжело раненым, он попал в руки врага. Выжить в плену Степану Акоповичу помогла его национальность: в лагере военнопленных в польских Пулавах фашистское командование стало формировать из армян так называемые «фельдбатальоны». Условия содержания узников в них были намного мягче, чем в других лагерях. В конце 1943 года всех пленных из Пулав переправили во Францию, в город Манд. Там владевшему французским языком майору Ягджяну удалось связаться с участником движения Сопротивления, работавшим в лагере плотником, и впоследствии вместе с другими

узниками бежать из лагеря. Окончание войны Степан Акопович встретил с оружием в руках в составе 1-го советского партизанского полка французского Сопротивления.

Информацию о майоре Ягджяне я узнал из статьи «Путь мужества» майского номера журнала «Огонёк» 1957 года. В ней рассказывалось о подпольной борьбе узников-армян в условиях немецких лагерей и их участии в боевых действиях против общего врага в рядах движения Сопротивления. Борис Петрович, узнав через редакцию «Огонька» адрес Ягджяна, в конце 1957 года с ним встретился.

Дядя Боря подробно описал эту встречу, отметив, насколько немногословным был Степан Акопович, насколько тяжело давались ему воспоминания. Ягджян не скрывал, что большинство бывших окруженцев, а тем более военнопленных, на контакт идут крайне неохотно, и обижаться за это на них не стоит. Причина тому – проводившиеся по возвращении дознания особистов. Впрочем узнав, что Борис Петрович в то время являлся слушателем Академии Связи, где когда-то преподавал сам Ягджян, он хоть немного разговорился. В частности, поведал, что тогда, после неудачного наступления под Старой Руссой, из штабистов вырвались из окружения комиссар Пономаренко и тяжело раненый замначальника связи Евштокин. Они прошли всю войну. Но на момент встречи дяди Бори со Степаном Акоповичем, контакты с Пономаренко затерялись, а капитан Евштокин скончался от ран вскоре после войны.

Однако никакой информацией о судьбе своего командира, начальника штаба 25-й отдельной кавалерийской дивизии полковника Калиничева, в тот злосчастный день 20 августа 1941 года Степан Акопович, к сожалению, не располагал. Я лишь могу выразить уверенность, что в плен мой дед попал, не имея возможности сопротивляться, что косвенно подтверждает факт его быстрой смерти в немецком концлагере.

* * *

В сентябре 1941 года на железнодорожный вокзал югославского города Марибор прибыл эшелон, доставивший около 3300 советских военнопленных. Немецкие солдаты выгоняли их на перрон с криками: «Bestien heraus!» («Сволочи, вон!»). Среди доставленных был и Пётр Михайлович.

Состояние пленных было ужасным. Товарные вагоны были набиты ими до отказа, двери наглухо закрыты. Малую и большую нужду приходилось справлять на месте, многие умирали в пути, но их тела так и оставались в вагонах до самого Марибора. Немцы морили пленных голодом и жаждой. С перрона узников доставили в концлагерь, именованный шталагом XVIII-D (306), у горы Мельски-Хриб.

«Шталаг» (Stalag) – немецкий термин времён Второй мировой войны, означающий базовый лагерь для команд военнопленных. Шталаг XVIII-D (306) гитлеровцы открыли в Мариборе сразу после капитуляции Югославии. В документах немецкого верховного командования впервые он упоминается 1 июня 1941 года, когда там были размещены 3838 югославских и 208 британских военнопленных. Позднее югославы были перемещены из лагеря из-за опасений немцев в их связях с партизанами. Югославских военнопленных заменили французские. Количество и состав военнопленных постоянно менялись. С июня 1941 года до поздней осени 1942 года больше всего там было французов (почти 7000 человек), британцев тогда насчитывалось около 3500. Большинство военнопленных привлекалось к выполнению различных работ. Счастливыми считались те, кого направляли на работу в крестьянские хозяйства. В лагере оставались только истощённые и больные. Впрочем британские и французские пленные имели возможность получать посылки и от Красного Креста, и от своих родственников, поэтому их пребывание в лагере можно считать более-менее сносным. Функционировал этот шталаг до конца войны.

Северная словенская часть Югославии позднее была включена в состав Третьего рейха (имперский округ XVIII), а Марибор немцы переименовали в «Марбург-ан-дер-Драу». Буква «D» в названии шталага свидетельствует о том, что в округе было ещё 3 шталага — «А», «В» и «С».

Советские военнопленные содержались отдельно — в здании старых таможенных складов. Условия, в которых им предстояло существовать, ничем не отличались от условий в самых ужасных нацистских концлагерях. Из-за скудного рациона физическое состояние стремительно ухудшалось. Понятно, что ни о каких посылках не могло быть и речи. Голод усугубляли тиф, чесотка и дизентерия. На огромную массу узников было всего три врача. Спать приходилось прямо на бетонном полу. Охранники лагеря, за редким исключением, жестоко избивали узников. Высокую смертность среди наших пленных нацисты объясняли тем, что многие из них якобы подорвали здоровье ещё в Советском Союзе. Представители Красного Креста, посетившие лагерь в октябре 1941 года, оценили условия их содержания как абсолютно неприемлемые.

Жители Марибора, ежедневно становившиеся свидетелями страданий узников, пытались оказывать помощь. Хозяйка магазина в Мелье через троих югославских военнопленных тайно передавала хлеб, а другая жительница Марибора собирала деньги на хлеб и табак, которые пленным проносили жалевшие их охранники из Вены.

Командование шталага приказало хоронить умерших советских узников в больших братских могилах поблизости от лагеря. Позднее их стали хоронить на городском кладбище «Побрежье», ранее умерших перезахоронили там же. Бывший директор кладбища вспоминал, как однажды осенью 1941 года к нему пришёл один немец с вопросом «где можно закопать своих собак». Директор указал место захоронения домашних животных — в поле за забором, не сразу поняв, что речь шла о советских военнопленных. Жители Марибора ещё много лет с содроганием вспоминали жуткую картину: каждый день через полгорода, по мосту через реку Драва на кладбище шла большая телега, гружёная окоченевшими трупами советских военнопленных, которую, надрываясь, тащили их бледные, худые, еле живые товарищи. А однажды зимой 1941 года администрация шталага устроила себе забаву: «забег» узников по улицам Марибора, после которого скончалось сразу около 30 человек.

Всего осенью-зимой 1941–1942 годов из 3300 прибывших в сентябре в шталаг умерло около 2800 советских военнопленных. Пятьсот переживших эту страшную зиму узников весной 1942 года переправили на заводы Штирии.

Не пережил ту зиму и мой дедушка... Немцы неплохо вели документацию, поэтому известна не только точная дата его смерти — 20 ноября, но и номер ямы, где его захоронили — 29. В тот же день скончались и были погребены в той же яме ещё пятеро узников-красноармейцев: Можаяв Николай, Смирнов Павел, Абрамов Алексей, Маслюков Алексей и Терещенко Николай.

Почему я считаю, что это именно мой дед, а не его полный тёзка? При содействии администрации президента России в Центральном военном архиве Минобороны были раскритичены архивные материалы концлагеря в Мариборе. Благодаря им, военнопленный № 44757 шталага XVIII-D (306) был идентифицирован как полковник Калинин Пётр Михайлович, внесённый в Список советских офицеров, погибших, умерших и пропавших без вести в 1941 году, захороненных в Словении, под номером 35 (МО вх. № 1162 от 8.9.1999 г.). Анкетные данные полностью совпали...

Почему так поздно? Не знаю, но как говорится, лучше поздно, чем никогда. В любом случае, горькая правда лучше неопределённости статуса «пропавшего без вести», хотя подсознательно всегда хочется успокоить себя микроскопической надеждой на то, что человек как-то выжил, всё у него сложилось нормально, пусть где-то далеко, просто ты об этом не знаешь.

Отчего умер мой дедушка — от боевых ранений, от голода, от тифа или от всего разом? Впрочем какая разница? Я всё пытаюсь представить себе деда — измождённого, заросшего,

с ввалившимися глазами в рваной одежде на ледяном бетонном полу. Догадываюсь, какую тоску и горечь чувствовал он в душе — наверняка охранники лагеря прожужжали пленным все уши, что уже пали и Москва, и Ленинград. О чём думал Пётр Михайлович в свою последнюю ночь с 19 на 20 ноября? Какие последние слова прошептали его холодеющие губы? Не узнаем никогда. На братской могиле советских военнопленных, где покоится его прах, воздвигнут мемориальный комплекс, на одной из плит которого среди сотен других имён выбито по-словенски: **Pjotr Kaliničev**.

ПЁТР ВАСИЛЬЕВИЧ

«И было у отца три сына». Как в сказке. Только, в отличие от сказки, все трое умные. «Отец» — мой прадед Василий Федотович Муратов, «три сына» — его сыновья, мои деды — старший Пётр, средний Андрей и младший Аркадий.

«Вятский народ хватский — семеро одного не бояться». «Семеро на стогу, один „кидат“ (*кидает*) — семеро кричат: не заваливай!» Это наши вятские шутки-присказки. С одной стороны, они выглядят смешными и даже немного самоуничижительными, с другой стороны, только сильный народ может так подшучивать над собой.

Стоит на правом высоком берегу красавицы Вятки недалеко от волостного, ныне районного центра Вятские Поляны наше родовое гнездо — старинное село Куршино. Испокон веков трудом праведным жили в нём потомственные земледельцы Муратовы. Жизнь была непроста — как-никак зона рискованного земледелия, как сейчас умно выражаются, нередко случались неурожаи, а крестьянские семьи в тех краях были многодетными. Родители трудились от зари до зари, старшие дети подтягивали младших. Зачастую старших сестёр те, кто помладше, всю жизнь кликали «няньками», немудрёная одежда переходила от подросших детей подрастающим. Народ тогда не особо рвался в города, никто не мучился поисками «смысла жизни». Точнее, смысл жизни был прост и понятен: труд в поте лица с Божьей молитвой, забота о семье и радение о земле-кормилице. Население росло, народ расселялся по уезду, распахивал новые земли, ставил «починки» — так исстари на Вятке называли новые деревни. В начале 20-х годов XX века в Куршино насчитывалось более 200 дворов.

В 1924 году случилось большое несчастье: сильный пожар уничтожил половину Куршина. Погорели и Муратовы, пришлось перебраться за ручей — в небольшую деревушку Помяловку (впоследствии она слилась с Куршино, став улицей Помяловской). Но беда не приходит одна: в 1925 году умерла жена прадеда, моя родная прабабушка Мария Ефимовна, в девичестве Конькова. И остались сиротами 12-летний Петья, 8-летний Андрейка (так говорят на Вятке) и 4-летний Аркашка. Но Василий Федотович, постаравшись быстро справиться с горем, женился повторно — ну как мальчикам без мамки, пусть и неродной? Впрочем заботилась она о пасынках, как о родных сыновьях — язык не повернётся назвать её «мачехой». Мария Степановна Гребнева была из дальнего села Батырево, что под удмуртским (в те времена говорили «вотянским») райцентром Кизнер. Но, к сожалению, совместных детей у неё с Василием Федотовичем не случилось: Мария Степановна была, как тогда говорили, «неродицей». Прабабушку Марью я немного помню — она умерла в 1969 году, когда мне было семь лет, правда, общаться мне с ней не разрешали: в конце жизни она страдала открытой формой туберкулёза. Кстати, её родной брат служил в личной охране Николая II, мой папа видел его фотокарточку, сделанную в то время в Питере, на ней — молодой красавец с аксельбантами и в парадном кивере. Папа запомнил его высоким, статным, кряжистым стариком.

Так и обживались в Помяловке с новой хозяйкой на новом месте. В 1931 году старший сын Пётр женился на местной девушке Сашеньке Мараткановой. Муратовы тесно сблизилась с новой роднёй — видным, справным родом Мараткановых. В их семье было одиннадцать детей, Саня последняя — как тогда выражались, «поскрёбыш».

К тому времени всюду катился по стране тяжёлый каток «социалистического преобразования деревни» под названием коллективизация. Мараткановы и Муратовы, будучи крепкими единоличниками, обобществлений не желали, поэтому решили ставить свой починок на противоположной нижней лесистой стороне Вятки — недалеко от устья её притока Люги. Старший брат моей будущей бабушки Сани Иван Алексеевич к тому времени завербовался на Дальний Восток — на строительство авиазавода в Комсомольске-на-Амуре. В то время вербовка на строительство «флагманов социалистической индустрии» была одной из немногих возможностей для сельских жителей получить паспорт.

Для починка выбрали поляну около большого соснового леса. С северной стороны к деревне примыкали обильные пойменные луга, тянувшиеся вдоль речки Люга. Место живописнейшее. Сняться с насиженных мест и начать обустриваться заново поначалу решились шесть семей: братья бабушки Александры Алексеевны — Григорий, Алексей (впоследствии крёстный моего отца), Фёдор и Василий Мараткановы с семьями, Шушпановы — семья сестры Марии и мы, Муратовы. Починок сперва назвали Красным Яром, но позднее возникло окончательное, ставшее официальным название — деревня Новое Куршино.

И закипела работа: валили лес, ставили избы, корчевали и распахивали на лошадях землю, в богатой покосной пойме Люги заготавливали сено. Понятное дело, родственному помогали друг другу — иначе никак. Мне всегда казалось, что рискованные первопроходцы, заселявшие и обживавшие новые места — далёкая история, а вот, глядишь ты, это было по историческим меркам совсем недавно! Способны ли мы, сегодняшние, на нечто подобное? Сомневаюсь... Все друг друга прекрасно знали, вкалывали на совесть, подгонять никого не надо — в этом принципиальнейшее отличие от колхозов: работали на себя, на свои семьи и род.

В 1932 году у Петра и Александры Муратовых родился первенец — «Генкя», мой дядя Геннадий Петрович. Они разбили при доме сад, огород, а Василий Федотович катал отличные валенки, вся округа в них ходила. Сразу за деревней — прекрасный лес, в нём полно всякой живности, ягод и грибов, прадед засаливал ядрёные мохнатые белые грузди целыми кадками. В общем, живи и радуйся.

Но... докатился-таки и до этих дальних лесных выселок неумолимый каток коллективизации. Районные власти потребовали организовать колхоз, обобществить средства и орудия производства, поскольку земля и так изначально принадлежала «народу», а не каким-то там ново-куршинцам, её обрабатывающим. Иначе... Сами понимаете. Но это полбеды. В состав колхоза включили ещё одну небольшую деревню — Новую Сосновку, она стояла на другом берегу Люги, недалеко от её устья, километрах в двух от Нового Куршина, в ней насчитывалось 14 дворов. Как и Новое Куршино, Новая Сосновка тоже когда-то была почином, поставленным переселенцами из соседней деревни Кулыги. Половина жителей Новой Сосновки носила фамилию Павловы. Правда, специфику возникновения включаемых в новый колхоз деревень решили отразить в его названии — «Начало». На мой вкус, это лучше, чем набившие оскомину названия колхозов имени каких-нибудь деятелей революции или гражданской войны, или «чего-нибудь» (пути или знамени) коммунизма.

Председателем нового колхоза назначили одного из ново-сосновских Павловых, а другого Павлова, у которого был самый большой и красивый дом, раскулачили (дом отдали под школу). Там же в Новой Сосновке жил ещё один Павлов, который упорно не

хотел вступать в колхоз, оставаясь убеждённым единоличником, что по тем временам было крайне рискованным.

Я не хочу сказать о жителях Новой Сосновки что-то плохое. Но представляю настроение Муратовых и Мараткановых: жить на непонятные трудодни, завися от результатов работы чужих, практически незнакомых тебе людей... Это было почти невыносимо для крестьянского самосознания. Особенно мучился Василий Федотович, всю жизнь полагавшийся только на себя и на тех, кого он хорошо знал и кому доверял. А тут...

Где-то в 1934 году приехал в отпуск из Комсомольска-на-Амуре Иван Алексеевич Маратканов. Он пустил там корни, его рассказы о Дальнем Востоке «зацепили» затаившего обиду на колхозы Василия Федотовича. Посовещавшись, Муратовы и решили двинуть на новое место, только уже несравнимо более далёкое. Мараткановы переезжать не отважились, решили подождать, посмотреть, что выйдет из этой затеи у Муратовых. К тому моменту у Петра и Александры было уже двое детей: на свет божий появилась дочка Нина.

Сказано — сделано. Шестеро Муратовых — глава семьи Василий Федотович с женой Марией Степановной, старший сын Пётр с женой Александрой и детьми Геной и Ниной собрались в дальний путь. Средний сын Василия Федотовича Андрей, закончив школу-семилетку, уже работал бухгалтером в Вятских Полянах, младший Аркадий заканчивал семилетку, его решили не сдёргивать с места, оставив под присмотром Мараткановых. Опущу описание «патетики» сборов и долгого пути, догадываюсь, насколько было сложно оторваться от земли, скажу лишь главное: семьи моих прадеда и деда переехали в Комсомольск-на-Амуре году в 1935 или 1936.

Вспоминаю бабушку Александру Алексеевну, труженицу, всегда сдержанной и спокойной, не припомню, чтобы она спорила на какие-то политические темы. На мой вопрос «как получилось, что мой отец родился за тысячи километров от вятских мест» она, помолчав пару секунд, дала исчерпывающий ответ: «дык от колхозов-от побежали...» Это была единственная «политически окрашенная» фраза, которую я слышал от своей почти святой бабушки. Впрочем большего и не надо. В этой фразе — всё.

В Комсомольске их, как людей малообразованных (баба Саня, помнится, с трудом читала и писала: её образование ограничилось двумя классами церковно-приходской школы), но привычных к крестьянскому труду, определили на работу в подсобное хозяйство авиазавода, находившееся неподалёку от города, около нанайской деревни Дзёмги. Рядом с домом Ивана Алексеевича Муратовы поставили небольшую насыпную избу. Именно там в 1938 году на свет божий появился мой отец Юрий, «Юрик», как его звали в детстве.

К тому моменту Муратовы уже осознали свою ошибку с переездом. Причин было множество. Как говорится, «не заклиматило»: чаще болели, зимы дольше и холодней, земля намного скуднее, чем на родной Вятке. Потомственная крестьянская душа звала на родину. К тому же Василий Федотович уже смирился с мыслью, что от колхозов не скроешься нигде. А годом раньше случилось большое горе: заболела и умерла двухлетняя Нинушка, царство ей небесное. В довершение всего прадед, собирая шишку, упал с кедра и сломал два ребра. Приковыляв домой, он эмоционально выдал длинную словесную тираду, общий смысл которой сводился к тому, что пора покидать Дальний Восток и возвращаться домой.

В 1939 году Муратовы вернулись. За домом всё это время присматривали Мараткановы. Андрея призвали на срочную службу в РККА, Аркадий собирался поступать в Ульяновское танковое училище. Колхоз «Начало» выполнял планы, на трудодни кое-что выдавали. Муратовы стали колхозниками, украдкой вздыхая по единоличной вольнице и ясно осознавая, что возврата к прежней жизни уже не будет. К тому моменту в Новом Куршине стояло уже 12 дворов, правда, электричества в деревне ещё не было (оно

появится только в 1946 году). Василий Федотович возобновил катание валенок — это давало хорошее подспорье к трудодням. Кормило хозяйство и лес. В 1940 году у Петра Васильевича и Александры Алексеевны родилась дочка, которую тоже называли Ниной. Сразу успокою мнительных приверженцев разных примет: в этом году моя тётя, Нина Петровна, отметит 80-летний юбилей, дай Бог ей здоровья. Словом, всё обстояло более-менее нормально, жить можно.

Но тут пришла война...

* * *

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Александр Твардовский*

«Прощай, Юрик!» — последняя фраза отца, которую запомнил мой папа. Пётр Васильевич поцеловал сына, подняв его на вытянутых руках. Юрик радостно засмеялся, не понимая происходившего вокруг. Мальцу было всего три с небольшим года, но его память отчётливо сохранила проводы отца. Юрику нравилась общая суета вокруг, гости, песни, ему было приятно, что любимого отца все обнимают. А Пётр Васильевич заскочил на подводу, помахал рукой и уехал. Как оказалось, навсегда. Вместе с ним на призывной пункт райвоенкомата в Вятских Полянах отправились и двое Мараткановых. Шёл август 1941 года.

Став немного постарше, Юрик понял, КУДА они ушли, хорошо запомнив проводы следующих односельчан — казалось, войне не будет конца. Обычно вся деревня собиралась в доме уходящего на фронт, накрывался стол, потом запрягали лошадь и призывники с песнями и гармошкой прощались с деревней, объезжая её на подводе. В память Юрика врезались слова песни: «Прощайте, люди добрые, прощайте, вся моя родня!» Все выходили на улицу, обнимали призываемых на фронт. Провожали до околицы. Дальше дорога уходила в перелесок, разделявший Новое Куршино и активно строившиеся по соседству завод по выпуску фронтовых конных санитарных двуколок и новый посёлок при заводе — Усть-Люга (ныне Новое Куршино и Новая Сосновка стали просто улицами этого посёлка, перестав существовать как отдельные населённые пункты).

Основная забота о семье легла на плечи Василия Федотовича, детишки звали его «батё». Он, фактически, заменил им отца. Война и общее горе изменили людей — все самоотверженно трудились в колхозе. «Всё для фронта! Всё для победы!» — этому лозунгу следовал каждый. Больше ни одного плохого слова про колхоз от Василия Федотовича не слышали. Прадед и сам прекрасно понимал: его ударный труд в колхозе «Начало», который он поначалу так невзлюбил — реальный вклад в дело победы, а значит, и помощь воюющим сыновьям.

Андрей, проработав после демобилизации всего несколько месяцев, был призван вновь. Он воевал на Карельском фронте, Аркадий, только-только получивший свои лейтенантские

«кубики» на петлицы, командовал танковым взводом на Южном фронте. Младший из братьев Муратовых получил тяжёлое ранение — ему разворотило лицо, оторвало нос, благо уцелели глаза. Вернувшись в строй после госпиталя, зимой 42-го года Аркадий был командирован в Челябинск на танковый завод — принимать новую партию машин для своей бригады, о чём известил в письме «батьку». Василий Федотович вымолил в колхозе небольшой отпуск, чтоб повидаться с сыном в Челябинске. При встрече он не узнал своего некогда красавца-сына: его обнимал поседевший человек с изуродованным лицом. Это была их последняя встреча: 19 июля 1942 года лейтенант-танкист Аркадий Васильевич Муратов пал смертью храбрых в боях под Воронежом. Парню шёл двадцать второй год...

Пётр Васильевич оказался на Западном фронте в 906-м полку 243-й стрелковой дивизии. Командовал отделением в звании сержанта. В декабре 1941 года в составе 29-й армии Калининского фронта его дивизия участвовала в Калининской наступательной операции и 16 декабря первой вступила в освобождённый от гитлеровцев Калинин (ныне Тверь). В дальнейшем 243-я дивизия участвовала в кровопролитной Ржевско-Вяземской операции и к концу апреля 1942 года вышла на подступы к городу Ржеву, где закрепилась, перейдя к активной обороне.

Наступательные операции по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа и освобождению Ржева — одна из наиболее драматичных и трагических страниц истории Великой Отечественной. Сколько наших солдат полегло подо Ржевом! Кровавую Ржевскую битву в народе называли «ржевской мясорубкой». В советские времена о ней говорили совсем немного и как-то вскользь. И только недавно, в 2007 году, указом Путина Ржеву было присвоено почётное звание «Города воинской славы» за мужество, стойкость и массовый героизм его защитников. Что мешало принять такое решение намного раньше, когда они ещё были живы? Впрочем лучше поздно, чем никогда, надеюсь, что хоть кто-то из уцелевших героев дождался этого.

Но я остановлюсь только на предпоследней операции этой страшной битвы — второй Ржевско-Сычёвской наступательной. Она получила кодовое название «Марс» и проводилась силами Калининского и Западного фронтов под руководством генерала армии Г. К. Жукова. Точнее, на боевых действиях 243-й дивизии в рамках этой операции.

Низкий поклон людям, создавшим и поддерживающим сайт «Память народа»: именно там мне удалось ознакомиться с журналом боевых действий 243-й стрелковой дивизии, отсканированным и выложенным на этом сайте. Скажу честно, читать пожелтевшие страницы с написанными чернилами неровным почерком строками волнительно. Журнал вёлся ежедневно, сквозь сухой лаконичный текст воочию ощущаешь дыхание истории. Привожу фрагмент журнала боевых действий 243 СД (стрелковой дивизии) с 30.11.42 по 15.12.42 г. в сокращении, курсивом, со своими комментариями в скобках. Я набрал этот текст, сохранив его орфографию и пунктуацию (архив ЦАМО, фонд 1525, опись 1, дело 34). Командир дивизии — полковник Куценко А. А.

30.11–4.12.1942 г. 243 СД частями и отдельными подразделениями 9-ю эшелонами по ж.д. транспорту передислоцировалась с района Медынь в р-он Красново (Калининская область).

5.12.42 г. Боевая задача. Подготовка частей и отдельных подразделений к наступательным операциям.

Описание боевых действий. Дивизия дислоцируется в лесу в районе Красново, Петрушино.

6.12.42 г. Дивизия дислоцируется в прежнем р-не. В течение дня проводила занятие по боевой подг-ке, вместо 3-х штатных единиц создано два стрелковых б-на (батальона). Потерь и происшествий не имеет. КП (командный пункт) дивизии Красново.

8.12.1942 г. Боевая задача. На основании боевого приказа № 020 штарма (штаба армии) 20 от 8.12.42 г. дивизия совершает марш из р-она Красново-Петрушино и сосредоточивается ю.з. (юго-западнее) Арестово выйти на рубеж отм. (отметка) 203,7. Лапоток. Дальнейшая задача – овладеть р-оном (исх) 206,7, Помельницы, отм. 206,4.

Описание боевых действий. Дивизия совершает марш для наступления. Происшествий нет. КП дивизии Бобровка.

9.12.42 г. Боевая задача. На основании боевого приказа штарма дивизии занять исходное положение ю.з. Арестово и наступать в направлении Подосиновка «ост. 174 км». Ближайшая задача – овладеть Подосиновкой.

Описание боевых действий. Дивизия сосредоточилась в р-не ю.з. Арестово. Резерв командира дивизии – лыжбат, разведрота, заград. б-он сосредоточились в лощине южнее Бобровки 400 м.

Потери: ранен нач-к политотдела батальона комиссар Сорокин, 906 СП ранено 2 кр-ца (красноармейца), 910 СП – потеря нет, 912 СП – убито 1 чел., ранено 4 чел.

10.12.42 г. Боевая задача прежняя.

Описание боевых действий. Дивизия, приняв оборону в полосе: мост сев. Подосиновки 200 м – кустарник вост. Подосиновки 200 м – ю.з. скаты безымянной высоты с горизонталью 200, сев. Жеребцово 200 м, готовится к выполнению боевого приказа штарма.

Потери: 906 СП – убито 2 кр-ца, 910 СП – ранено 11 кр-цев, убито 2 чел., 912 СП – убито 2 кр-ца, ранено 6 чел. Потери артиллерии – ранен зам.ком. 775 АП (артиллерийского полка) майор Черников. Резерв ком.дивизии потерь не имеет.

И вот, началось наступление...

11.12.42 г. Боевая задача прежняя. Боевым распоряжением 077 Штарма 20 от 10.12.42 г. Атаку пехоты и артиллерии назначаю на 11 ч 00 м 11.12.42 г.

Описание боевых действий. Дивизия в ночь с 10.12 на 11.12.42 г. вывела части на исходное положение для атаки. С 1-ч 10 м до 11.00 11.12.42 г. все системы боевых порядков артиллерии вели обработку переднего края обороны пр-ка (противника). И в 11.00 начало прорыва переднего края пр-ка. Действовавшие танки в направлении дивизии, дойдя до переднего края потеряли 8 машин, остальные танки остановились.

906 СП Наступая на правом фланге дивизии (исх) мост сев. Подосиновки, (исх) Подосиновка, встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, успеха не имел. К 8.00 **12.12.42 г.** седлает дорогу Подосиновка – Мал. Кропотово. Потери: **убито и ранено 254 чел.**

910 СП Совместно с пульбатом (пулемётным батальоном) прорвал передний край Подосиновки. В 11.20 ворвался в Подосиновку с двумя танками и двумя стрелковыми ротами. Встретив сильный руж. пулем. арт. мин. огонь пр-ка, понёс большие потери, успеха в овладении Подосиновкой не имел. Потери: **убито и ранено 718 чел.**

912 СП Прорвав передний край (исх) Подосиновки, (исх) Жеребцово к 20.00 достиг сев. зап. Жеребцово 300 м. 2-м б-оном (батальоном) юго-вост. Подосиновки седлает дорогу Подосиновка – Жеребцово. Встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, отбив контратаку, в дальнейшем успеха не имел. Потери: **убито и ранено 621 чел.**

Резерв ком.дивизии готов к выполнению боевой задачи, согласно боевого распоряжения № 82 12.12.42 г. Потери: **убито и ранено 28 чел.**

Артиллерия дивизии с приданными полками усиления 302 ГАП (гаубичный артиллерийский полк) и 998 ПАП (противотанковый артиллерийский полк) произвели 50-минутную арт.подготовку. Потери: **убито и ранено 30 чел.**, пропали без вести 3 чел.

Соседи: справа 30 гв. (гвардейская) СД, слева 247 СД.

13.12.42 г. Боевая задача *Задача прежняя. Дивизия продолжает наступать на Подосиновку с задачей овладеть, в дальнейшем наступать на Лапоток.*

906 СП наступает на сев.вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

910 СП наступает на вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

912 СП наступает на юго.вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

Потери: *906 СП убито 10 чел, ранено 22 ч.*

910 СП убито 58 чел, ранено 129 ч.

912 СП убито 134 чел, ранено 291 ч.

Артиллерия – убито и ранено 11 чел.

КП и НП (наблюдательный пункт) *дивизии – в Арестово.*

В этот день, 13 декабря 1942 года, наступление, похоже, велось уже по инерции. От дивизии, судя по сведениям о потерях, остались одни осколки, наступать далее было нечем.

В какой из трёх дней наступления был тяжело ранен Пётр Васильевич осталось неизвестным. В похоронке указана причина смерти: «слепое осколочное ранение правого бедра». Шипя и потрескивая, раскалённый кусок железа остывал в его развороченной плоти. Кровь хлестала из раны, к тому же на морозе она сворачивается очень плохо. Возможно ранение оказалось бы несмертельным, получи он своевременную медицинскую помощь. Но раненых было много, очень много. Везло тем, кого ранение настигало ближе к своим позициям – их выносили с поля боя раньше. А вот раненые у переднего края противника зачастую так и оставались там умирать: враг не давал возможности их спасти. И только доносились постепенно затихавшие крики и стоны раненых – представляю, какая была мука слышать это...

Операция «Марс», между тем, по-прежнему продолжалась. Завершится она только через неделю, 20 декабря. А журнал боевых действий разбитой в наступлении 243-й дивизии продолжал сухо информировать:

14.12.42 г. Боевая задача *Выйти в резерв армии для приведения частей в порядок.*

Описание боевых действий. *Части дивизии, сдав участок в полосе наступления 379 СД (далее наступать предстояло уже ей) к 18.00 14.12.42 г. вышли в резерв 20-й армии для приведения частей в порядок и сосредоточились:*

906 СП – сев.зап. Зеваловки

910 СП – сев.зап. Кузнечихи

912 СП – ю.вост. Зеваловки

775 АП на ОП (оперативной позиции) р-н Арестово для поддержки 379 СД. КП дивизии – высота с кустарником, что западнее Бабихино.

15.12.42 г. Задача прежняя. *Дивизия дислоцируется в районе Зеваловки и Кузнечихи на основании приказа штарма привести части в порядок. Проведено совещание с командирами частей и подразделений по вопросам укомплектования и реорганизации подразделений.*

775 АП на ОП в районе Арестово.

КП дивизии – высота с кустарником, что западнее Бабихино 400 м.

Это был последний листок журнала боевых действий дивизии на тот период. Её, фактически, не стало. Уже потом, в тылу, 243-я стрелковая дивизия реорганизовывалась и доукомплектовывалась личным составом. Как о боевом соединении сведения о ней в новом журнале боевых действий появляются только через два месяца. Сколько сослуживцев командира отделения сержанта Муратова осталось к тому времени в строю неизвестно, скорее всего, почти никого.

Догадываюсь, что наступление на укреплённую, насыщенную, глубоко эшелонированную оборону врага изначально представлялось бойцам 243-й дивизии обречённым на неудачу, что и подтвердилось невыполнением поставленных боевых задач и численностью потерь. Они прекрасно понимали, ЧТО им предстоит морозным утром 11 декабря 1942 года. Но солдаты обязаны были выполнять приказ, а потому, несмотря ни на что, шли, увязая в снегу, вперёд на врага.

Однако бойцы, командиры полков и дивизий, армий и фронтов не знали и не могли знать, что немцы были специально предупреждены о том наступлении подо Ржевом в рамках радиоигры «Монастырь» и ожидали его. Ничего не знал об этом и Жуков, в то время ещё генерал армии. «Марс» и «Уран» (контрнаступление под Сталинградом) проводились в рамках единого замысла, поэтому основная стратегическая задача операции «Марс» состояла в отвлечении сил противника для обеспечения успеха операции «Уран», о проведении которой враг даже не подозревал. Жестоко? Наверное да, но это война... Ржевская битва перемолола все резервы немецкой группы армий «Центр», и спасти окружённую Красной Армией в Сталинграде армию Паулюса было уже практически нечем. Поэтому вторую Ржевско-Сычёвскую наступательную операцию нельзя считать провалом, а смерть Петра Васильевича напрасной. Более того, его даже можно назвать соучастником Сталинградской битвы, переломившей ход всей Второй мировой войны.

Красная Армия победила под Сталинградом и стремительно продвинулась вперёд на юге, а в 1943 году перешла в победное наступление и на центральном направлении, в том числе, под Подосиновкой. На современных картах нет ни Подосиновки, ни Арестова, ни Жеребцова — могу только представить, что осталось от тех деревень после наступления. Третьего марта 1943 года вновь стал нашим многострадальный Ржев, из довоенных двадцати тысяч населения города уцелело всего 150 человек...

А переформированную 243-ю стрелковую дивизию в конце февраля 1943 года перебросили на Юго-Западный фронт под Луганск с тем же командиром — полковником Куценко. Новый журнал боевых действий дивизии всё так же беспристрастно фиксировал продолжение её боевого пути. Победного, на запад!

Но уже без Петра Васильевича. Последняя неделя жизни сержанта Муратова прошла в агонии: потеря крови оказалась критической. Сознание всё чаще покидало его, и 20 декабря 1942 года моего дедушки не стало. Помимо даты и причины, в похоронке указано место смерти: эвакогоспиталь № 1763 города Волоколамска Московской области. И место погребения — братская могила № 9. Осиротевший Юрик на всю жизнь запомнил, как, получив похоронку, нечеловеческим голосом завывала его ставшая вдовой мать Александра Алексеевна...

* * *

«И было у отца три сына». Но только один из них, средний, вернулся с войны. В 1946 году, к великой радости Василия Федотовича, навестил родные места Андрей Васильевич Муратов — в военной форме, с табельным пистолетом в кобуре, солидный, бравый, красивый. Его грудь украшали два ордена Красной Звезды и четыре медали: «За боевые заслуги», «За оборону советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга» и, разумеется, «За победу над Германией». К тому времени он стал гвардии майором, оставшись служить в армии кадровым офицером. Вся деревня приходила поприветствовать героя, многие, обнимая его, плакали: более половины мужиков-кормильцев Нового Куршина не вернулись с фронта. Но гостил Андрей Васильевич недолго. Забрав с собой будущую супругу, красавицу-односельчанку Анечку, он отбыл к месту службы в Белоруссию, где до войны много лет прослужил другой мой дед — Пётр Михайлович.

О погибших старшем и младшем братьях Муратовых ещё долго напоминали бала-лайка Петра и гитара Аркадия. Онемевшие без хозяев инструменты много лет пылились в чулане, но больше на них никто не играл.

Я часто думаю о своих дедах, подолгу вглядываюсь в их фотографии, «примеряю» на себя их судьбы. Но как бы ни старался, представить себя нынешнего на их месте никак не получается. Они, в отличие от меня, не узнали главного — как завершилась война. С возрастом всё глубже осознаёшь весь трагизм и величие тех времён, ведь я уже почти на 20 лет старше Петра Михайловича, а Пётр Васильевич и вовсе младше моих детей. Двум Петрам — Михайловичу и Васильевичу — не довелось услышать от своих внуков такое тёплое обращение: «деда Петя». Но они отдали свои жизни за то, чтоб это услышал я...

В 2017 году мы с отцом и моим двоюродным братом екатеринбуржцем Андреем Геннадьевичем Муратовым впервые побывали на братской могиле в Волоколамске, что сразу за автобусной остановкой «Совхоз». Аккуратный ухоженный обелиск с небольшим памятником за оградкой под сенью высоких деревьев, некоторые из которых наверняка стояли в конце 1942 года, когда опускали в могилу умерших в госпитале солдат. На обелиске выбито имя деда «Муратов П. В.» Мы поклонились его памяти, сфотографировались, возложили красные гвоздики, повязали георгиевскую ленточку, прибрались, вымыли обелиск. После чего набрали землицы с братской могилы и поехали на Вятку — бросить, по древней русской традиции, по горсточке на могилы Василия Федотовича и Александры Алексеевны. Андрей повёз священную землицу на могилу отца — Геннадия Петровича, моего дяди.

В прошлом году мы с сыном Ярославом по пути в далёкую Словению вновь навестили могилу Петра Васильевича. В Марибор приехали в символическую дату — 22 июня. Сразу нашли бывший штагал XVIII-D (306) на улице Эйншпелерьевой на окраине города. Возложили красные розы у памятного стенда рядом с воротами в здание, где содержались советские военнопленные, и где скончался Пётр Михайлович. Традиционных красных гвоздик в ближайшем цветочном магазине, к сожалению, не оказалось. Потом пешком прошли путь, по которому лагерная телега почти 80 лет назад доставила тело Петра Михайловича на кладбище «Побрежье». В цветочных рядах у входа в него нашлись-таки красные гвоздики. Мемориал погибшим советским военнопленным отыскали довольно быстро. С утра хмурилось, погромыхивало, вершины окружающих город гор скрывали мохнатые низкие тучи. Но «небесная канцелярия» будто бы терпеливо ждала, пока мы почтим память деда, разразившись мощной грозой чуть позже — ливень хлынул стеной. Мы с сыном сочли это знаковым.

Часто слышу выражение «братский народ», и не реже споры, какие народы таковыми считать. Ведь далеко не всегда совместные исторические судьбы, общая религия или этническое родство делают народы братскими. Мой критерий оценки братства прост и понятен — отношение к исторической памяти. Если чтите свято память советского воина-освободителя — братский народ, если нет — извините... Ныне некоторые неблагодарные народы Европы страдают исторической амнезией, надеюсь, в перспективе излечимой.

Но про словенцев так не скажешь, вот они — братский народ, несмотря на то, что их страна состоит в НАТО. Мемориал содержится в образцовом состоянии. В Словении вообще с большим уважением относятся к памяти наших воинов, освобождавших её территорию. Памятники погибшим советским солдатам бережно сохраняются местными жителями по всей стране. Меня очень тронуло прошлогоднее сообщение в СМИ о визите словенской делегации в Москву с целью переноса частички Вечного огня у Кремлёвской стены в столицу Люблян для зажжения там своего Вечного огня. Значит помнят, значит им это нужно.

В 2006 году по инициативе нашего посольства на братской могиле в Мариборе установили большой надгробный мраморный православный крест. Каждый год 9 мая там проходят торжественные мероприятия, посвящённые памяти наших погибших военнопленных. Участвуют представители мэрии города, местных организаций, Музея народно-освободительного движения. А с недавних пор русская община Марибора проводит марши «Бессмертного полка», в которых принимают участие всё больше словенцев.

Мы с сыном тоже набрали землицы с братской могилы в Мариборе и на обратном пути задержались в Москве. Вместе с моим двоюродным братом подполковником в отставке Игорем Борисовичем, тоже внуком Петра Михайловича, бросили по горсточке на могилы Калиничевых: Бориса Петровича, внука Олега и правнука Андрея.

Волоколамск и Марибор. Две братские могилы. Два солдата. Два Петра. Ныне они снова проходят вместе с нами маршем «Бессмертного полка». Светлая им память! И царствие небесное...

2020 год

Волоколамск. Братская могила

Марибор. Братская могила

МИЛЯУША КАГАРМАНОВА

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Повесть

«ТАНКИСТЫ» И «САМОВАРЫ»

Пир разгорался всё сильнее и сильнее. Меха растрёпанной тальянки не успевали раздуваться, её звук заглушили крики, свист, стук костылей и скрип самодельных деревянных тележек, на которых горбатились неуклюжие тела. Под этот грохот прыгал стол, на котором плясали гранёные стаканы, постукивая друг о друга, падая и выплёскивая драгоценное содержимое. Пьяные мужики кричали каждый о своём.

- Эх, Маруся!
- Хо-ой, сапоги не порви!..
- Наливай!..

Сильные руки хлопали ладонями о грязный пол, добавляя прыти вечеринке. Эти же руки крутили по полу самодельные деревянные тележки. А сидевшие за столом или на лавке вдоль стены срывались с мест, бросали костыли в сторону, пускались в пляс, но спотыкались одной — единственной! — ногой об эти коротышки на полу и с грохотом падали. Но снова поднимались и, разгорячённые горьким самогоном, снова устремлялись в гущу вакханалии. И лишь отрешённо под густыми бровями страшно блестели глаза — серые, чёрные и голубые — как перед атакой на ненавистного врага. Медали на гимнастёрках звенели, срывались и разлетались по сторонам...

Вдруг с грохотом открылась дверь, державшаяся на защёлке из гвоздя и в квартиру ворвались вооружённые солдаты со стволами наперевес. Не успели люди остановиться и успокоиться, как перед ними встал человек в форме майора милиции и начал громкую речь:

— Товарищи фронтовики! Советское государство, заботясь о благополучии оставшихся без крова над головой и без присмотра инвалидов и искалеченных решило разместить вас в интернаты и лечебницы! Сегодня же ночью вы будете погружены в поезд и отправлены туда. Собирайтесь!

Пьяное сборище калек сначала умолкло в растерянности, потом все разом заговорили, наполнив квартиру нестерпимым гулом.

- Какая ещё лечебница?
- А как ты собираешься меня лечить? Ноги, что ли, пришьёшь?
- Никуда не поеду! Я за эту землю воевал! Когда ты, молокосос, соску сосал, я кровью истекал среди огня!

Милиционер поднял руку и попросил тишины.

- Товарищи! Спорить бесполезно. Выходим по-одному!
Этого хватило, чтобы пьяный народ взбесился.
- Ты что, гражданин начальник, арестовываешь нас?
- Да кто ты такой, чтобы с нами так разговаривать? — один одноногий, подняв костыль, запрыгал к милиционерскому командиру. — Ты меня, фронтовика, хочешь напугать?

Прыгая в бешенстве, инвалид запутался о чей-то костыль и упал на пол. Грохот падения и последующий за ним семиэтажный мат, чей-то пронзительный свист стали сигналом для всех. Пьяные фронтовики, вернее то, что от них осталось — половинки тел на деревянных колёсиках, одноногие и однорукие, даже один слепой — бросились на прибывших краснощёких молодчиков. Комната погрузилась в грохот и крики мужской свирепой драки. Но битва закончилась так же быстро, как и началась. Очень скоро восставших против указа власти усмирили: кому закрутили руки назад, кому одели на голову мешок, кого связали и поволокли на выход. У солдат, не первый раз занимающихся этим неблагоприятным делом, всё необходимое оказалось под рукой. Они, не церемонясь, грузили инвалидов на грузовик, приставленный прямо к подъезду. Спротивление было упорным, но силы оказались неравные. Уже через час крытый грузовик под охраной нёсся по ночному городу в сторону вокзала.

А на вокзале — кошмар! Сюда одна за другой подъезжают такие же крытые машины, из них выгружают калек и инвалидов, с криками и руганью волокут к вагонам и поднимают наверх. Многие орут и бушуют, лезут в драку с конвоирами. Они явно пьяные, как и те самые, которых только что настигли на городской квартире за весёлым празднеством. Лишь некоторые смиренно и спокойные катятся на колясках, ковыляют на костылях или мирно плетутся за ведущими санитарями. Солдаты торопятся. Суэта такая, словно где-то рядом идут ожесточённые бои и бойцы с санитарями возят оттуда неиссякаемый поток раненых.

Наконец возня утихомирилась. Людей расположили по вагонам. Много было среди прихваченных и «самоваров» без рук и ног. Как их могли найти и поймать — не понятно, ведь эти существа совсем не могут двигаться, только сидят и удивлёнными глазами взирают на тех, кто ещё может каким-то образом выразить своё недовольство. «Танкисты» помогают другим: сильными руками хватаясь за поручни, лезут в вагоны, толкают впереди себя товарищей, поднимая их на полки. Они без ног, эти калеки, двигаются на тележках. Народ и назвал их «танкистами».

Погрузка закончилась. «Танкисты» и «самовары», одноногие и однорукие, контуженные и кривые, упакованы в один состав, и усталый паровоз поволок весь этот шумный, тяжёлый груз бед, горестей и трагедий от вокзала. В неизвестность отправился поезд, состоящий из зла, обид, слёз и ненависти — ненависти на весь мир, на людей и на самих себя, обречённых войною на новые, ещё большие мучения, страдания и муки...

Это было в апреле 1949 года. Страна встречала четвёртую весну Великой Победы. Когда началось отступление врага и освобождение родной земли от фашистских захватчиков, улицы советских городов заполнили раненые и искалеченные фронтовики. Они стояли по углам, сидели на вокзалах, у столовых и баров, выпрашивая милостыню, напивались допьяна и валялись на улицах, занимались мелкими кражами и устраивали драки. Они портили предпраздничный вид городов.

Война унесла 27 миллионов жизней. Живыми возвратила 46 миллионов 250 тысяч покалеченных. 775 тысяч из них — контуженные, 155 тысяч одноглазые, 3 миллиона одноруких. А больше миллиона воинов — без обеих рук, 54 тысячи — слепые. Госпитали, больницы и приюты переполнены людьми без присмотра и помощи, без поддержки и будущего. Большинство потеряли семьи, некоторые не помнят даже, кто они и откуда. Встречаются и более смыслёные, здраво решившие, что в таком

убогом виде они теперь не нужны родным и близким — вот и остались кочевать по улицам городов и у вокзалов, промышляя чем попало. Они отстранились от общества, занимают пустующие дома, вместе собираются, встречаются и заводят разговоры о житье-бытье. У каждого из них в душе живёт огромная горечь. Сердца изранены, души больные. Они пытаются все болезни утопить в пьянстве. Потом всё это выплёскивается наружу, оборачивается ненавистью на сидящего рядом соседа и начинается обычная драка. Эти люди превратились в изгоев, мешающих советским людям строить коммунизм.

В 1949 году, перед 70-летием вождя народов И. В. Сталина, и как бы в подарок ему, правительство решило: всех фронтовиков-инвалидов, у которых нет семьи и присмотра, выслать добровольно или принудительно в специальные интернаты и лечебницы. Эти мероприятия были проведены на основании указов Президиума Верховного Совета СССР и Постановлений Совета Министров СССР. К пятилетию Победы города были очищены от беспризорников и просящих милостыню...

Рамазан проснулся только днём, еле оклемавшись от пьяного угара и вчерашней усталости. Долго лежал, не понимая, где же он оказался. Лёгкий перестук колёс по рельсам привёл в чувство и напомнил: их же вчера грузили в поезд! Он опёрся на руки и приподнялся. Первым увидел Василия, устало наблюдающего берёзы, бегущие за окном назад. Василий тихо и спокойно сидел, упёршись подбородком о кулаки.

Рамазан потянулся и толкнул друга:

— Вася, а куда мы едем?

Рыжеволосый обросший мужчина повернул голову в его сторону:

— Говорят, на остров Валаам.

— Валаам? А где это?

— В Карелии, где-то на Ладожском озере.

— А что там? Лагерь какой-нибудь? Мы кто, Вася, пленные что-ли?

— Санитары этого поезда говорят, что бывший монастырь переделали в спецлечебницу для фронтовиков. Там, говорят, нас будут лечить, — друг тяжело вздохнул. Рамазан протрезвел окончательно:

— А что у меня лечить? Что можно лечить у тебя? Что, они будут пришивать мне оторванные ноги?

Василий, кажется, уже перебесился и успокоился. Смирившись с судьбой, он остался спокоен:

— Какой смысл бушевать сейчас? Если уж выжили в войну, то и тут не помрём, Ромка...

Ромка-Рамазан, горячий молодой парень, обвёл глазами весь вагон и снова упал на топчан, зажав руками болевшую голову:

— Э-эх! Вчера нужно было выпить эту бутылку и уйти домой, Вася. Поддались уговорам этого дяди Коли, опьянели и забылись.

— Что с того? Не сегодня так завтра — всё равно бы схватили. Невозможно же не выходить на улицу. Ты смотри: сколько тут народу собрали! Пока ты спал, всю дорогу заносили новых и новых...

* * *

Рамазан с Василием познакомился в одном из подмосковных госпиталей в сорок четвёртом году. Василий сначала со стороны наблюдал, как Рамазан приходил в себя после операции и требовал вернуть ему ноги. Молодого, чернявого парня санитары пугались. Махая кулаками, он на весь мир сыпал матом и проклятиями. Василий

подошёл к нему, сильно прижал к кровати и помог сделать укол. После ухода медиков он продолжал сидеть у больного, пытаясь его успокоить:

— Ты, дружок, не сопротивляйся так. Так быстрее привыкнешь, будет легче. Сколько не рыпайся, ноги уже не вырастут. Я вот восемь месяцев в таком положении. Что поделать — судьба...

Чернявый отворачивается, пряча обильно текущие по щекам слезы, стесняясь своей слабости.

— Как тебя зовут?

— Рамазан.

— По нашему Рома, значит. А я — Василий Егорович, можешь называть меня Васей.

— Откуда будешь? Какой национальности?

— Из Башкирии, — Рамазану разговор даётся трудно. Недавно отрезанная нижняя часть туловища отдаёт нестерпимой болью.

— Столько дней ты по-своему кричишь, стонешь, но никто не понимает.

— Э-эх, слушай, найди мне пистолет, а?

Василий пожимает плечами:

— Пистолет? А зачем?

— Ну хотя бы нож... Найди, а? Не могу так лежать!..

Василий, ничего не говоря, молча сползает с кровати Рамазана и удаляется, неуклюже подпрыгивая на руках. Через некоторое время он возвращается с бутылочкой в зубах:

— На, глотни немного. Я у врача выпросил.

Кое-как приподнявшись, Рамазан сделал несколько глотков и поморщился. Крепкий спирт обжёг внутренности, не видевшие несколько дней еды и воды. Очень скоро тело заволокла приятная лёгкость. Боль, не дававшая ни о чём думать, резко спала. Не желая упускать такое состояние, парень сделал ещё глоток. Но после третьего раза новый приятель убрал бутылку с тумбочки.

— Хватит, раны могут открыться.

После выпивки боль ушла. Рамазан вспомнил, что давно не ел. Взял и пожевал черствеющий хлеб, отпил чай из стакана. Василий всё ещё был рядом, то подавая нужное, то убирая, а сам всё время рассказывал новости. Они долгие пять месяцев провели в одной палате. Рамазан был призван на службу в тридцать девятом году, с действительной и попал на фронт в сорок первом, но не довоёвал: в сорок четвёртом, уже в логове фашизма, наступил на мину и взлетел на воздух, но остался жив.

А Василий Егорович был призван на войну уже взрослым мужчиной, отцом двоих детей. В сорок втором году его семья осталась в оккупированной части, семью истребили каратели, деревню сожгли. Сам Василий горел в танке, остался не только без ног, но и без кола и двора. Он уже все эти потери пережил, стал спокойным человеком — в противовес вспыльчивому Рамазану, готовому озвереть от каждого слова. Но разные характеры не помешали им подружиться.

— Ромка, дорогой мой, давай сообщим о тебе в деревню, там же у тебя есть и родные, и близкие люди, — уговаривал Рамазана Василий, но парень упорно стоял на своём:

— В таком состоянии я не буду там показываться!

— У тебя есть мама, сёстры. Ты их не лишай последней надежды...

— Я буду только обузой для матери. Она, сама уже пожилая женщина, всю жизнь будет мыкаться со мной? А я буду лежать и страдать, видя, как она мучается? Лучше — погиб, и дело с концом.

— Эх, молодой, не понимаешь ты самых дорогих вещей. Моих родных война разнесла в клочья, а я живу...

— А тебе разве не лучше теперь? Твоей жене ты нужен был бы — вот такой? Ты терпеливый, но пойми, что мы теперь никому без надобностей!..

Так же в госпитале они встречали праздник 9 Мая. С такими же получеловеками дружно кричали «Ура!», чокались склянками со спиртом, пели и плакали. Местные мастера постарались — смастерили лёгкие тележки, научили хитростям обращения с замысловатым приспособлением. Когда закончился срок пребывания в госпитале, Рамазан с Василием решили отправиться куда глаза глядят. Покатались по железной дороге и решили остановиться в городе Сочи. Здесь теплее и сытнее. Помыкались в южном городе, нашли каморку, начали работать: один — сапожником, а другой стал ремонтировать чемоданы. Когда нет ног, руки быстро привыкают к любому труду. В городе оказалось немало таких как они, «танкистов» и «самоваров». Постепенно сблизилась с собратьями по беде, начали встречаться, выпивать и скандалить. Тут много было и тех, кто, как Рамазан и Василий, добывали хлеб своими руками, но немало и тех, кто находил пропитание, выпрашивая милостыню.

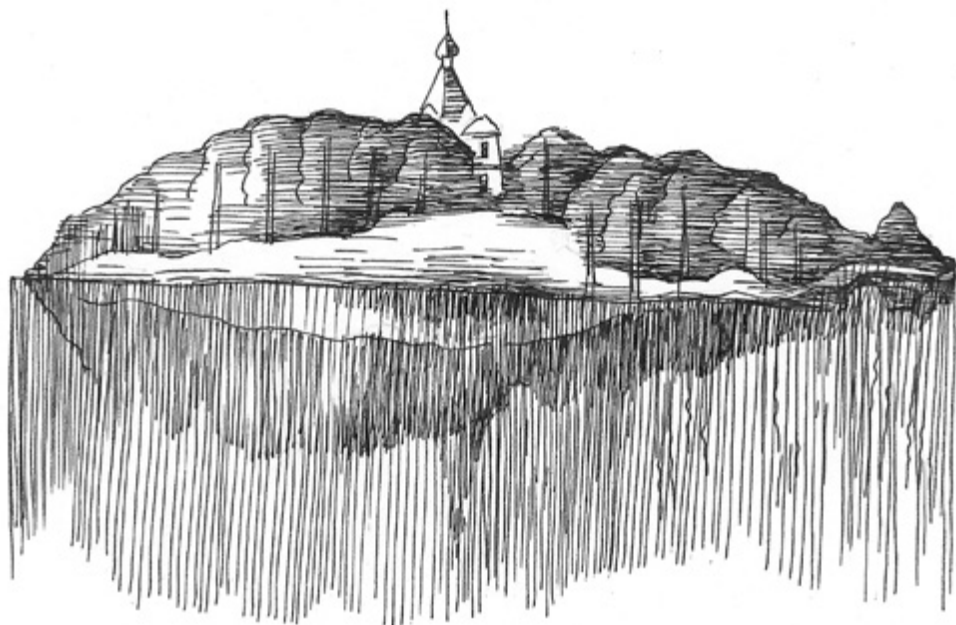
В тот злополучный вечер их пригласил на день рождения дядя Коля, одноногий фронтовик. Для всех собравшихся было важно посидеть братьями по оружию и по общему горю, с такими же обездоленными мужиками. Встречаться друг с другом среди городского столпотворения доводилось редко. Пили за Победу. Поднимали тосты за погибших, за сгоревшие деревни и города, за оставленных любимых... За измученную карателями Катю Василия, за замёрзшую в блокадном Ленинграде Маргариту Якова, за оставшуюся под бомбой Женю дяди Коли, за Аннушку Славы, отказавшейся от мужа-инвалида, за любимую девушку Рамазана, которая даже не подозревала, где он находится сейчас... Тосты проносились без конца. Водку запивали текущими по щекам слезами и слюной, занюхивая куском чёрствого чёрного хлеба. Потом запели. А потом пошла пляска. А дальнейшие события связаны вот с этим поездом...

* * *

Пароход пристал к острову Валаам. Их погрузили на машины и долго везли по берегу. Обоз из нескольких грузовиков поднялся на крутой пригорок и встал перед каменными строениями, огороженными полуразрушенной стенкой. Из настезь открытых ворот выбежала вооружённая охрана, за ней солдаты и медсёстры. Они радушно улыбались, принимая каждого инвалида. Их таскали на носилках, брали за подмышки, приподнимали и вели вдвоём с двух сторон. У кого тележки оказались с собой, те покатали самоходом, а те, у кого тележка сломалась или потерялась в суматохе переезда, прыгали на руках.

В сумраке лазарета открылись двери, в длинном коридоре стало светлее. Пришедшие расположились по каморкам-палатам. Рамазан с Василием вошли в большую комнату. Она оказалась с низким потолком и маленькими окнами, но человек на двадцать.

В летописи «Слово о Валаамском монастыре» говорится, что обитель заложена в 1407 году. В те времена на острове жили более шестисот монахов. Они содержали остров как плодородное хозяйство. Но соседи шведы постоянно покушались на благоприятные земли, из-за чего монастырь пришёл в опустошение. В дальнейшем деревянные постройки сгорели, потом снова восстанавливались. И храмы воздвигались снова. Сколько-то времени эта земля оставалась в руках Санкт-Петербургских митрополитов, иногда подпадала под подчинение финляндской епархии. В 1940 году тут открылась школа финских боцманов и юнг. А в 1944 году финны оставили остров. Уже разваливающиеся постройки становятся складами заводов, военными арсеналами. И вот в 1949 году тут обосновалась лечебница, куда и приплыли наши герои...

Рамазан проснулся ночью от холода. Одеяло, сшитое из шинельного сукна, не грело. Да и матрац, набитый соломой, потрепался настолько, что лучше бы лежать на голой доске. И пахнет не утренней свежестью. Под тусклым лунным светом, едва пробивающимся сквозь маленькие грязные окна, с дружным храпом посапывают около двадцати мужиков: кто-то разговаривает во сне, кто-то скрипит зубами и постанывает. Но все очень старательно укутались в жёсткие и короткие одеяла, засунули головы вовнутрь, словно черепахи.

Рамазану стало тоскливо от дружного невесёлого храпа. Прикрыв глаза, он крепко сжал ладонями лицо и долго лежал так. И в голове возникли слова песни: «Сердце успокоится слегка, Душа улетает в облака, Стоит только запеть...» Башкирская застольная. Мать с отцом, бывало, певали её, да и гости, вдохновлённые медовухой и весёлым общением. Под мелодию курая... Отец был особенно музыкальным. Как затянет душевно, а его просят ещё и ещё...

Его голос передался и Рамазану. В детстве сёстры часто просили Рамазана петь, ставя на стул и задабривая конфетками. Подрастая, он застеснялся и перестал выступать напоказ. Зато в лесу и в поле, оставшись один, напевал эту песню, и казалось, что у него неплохо получается. В школе и учителя замечали его способности, из друзей кое-кто приметил, просили, но он упорно сопротивлялся. Ему всегда казалось, что песня — это раскрытие души настезь.

И Рамазану захотелось петь. Все муки могли раствориться в сладостной мелодии печальной песни, вылиться наружу, в мир. Он сначала про себя нащёптывал знакомые слова, потом не выдержал, скинул одеяло, спрыгнул с низенькой кровати на пол и, опираясь на руки, устремился во двор. Он, не чувствуя ни прохладу раннего весеннего утра, ни твердь прошлогодней пожухлой травы, торопливо допрыгал до крутого берега, откуда простирались голубые дали. Посмотрел на волны, тихо плескавшиеся о берег и неожиданно запел не родную деревенскую, а понравившийся ещё в школе русский романс: «Утро туманное, утро седое...» Потом вспоминал и запевал все песни, которые знал. Если не помнил слов, начинал другую.

Так и сидел Рамазан на берегу, пока со стороны лечебницы не начали выходить и прислушиваться санитары. Грустная мелодия, вырывавшаяся из груди, медленно распространялась по затуманенной поверхности озера. Словно удивлялось широкое озеро, без всплеска и волнений внимая песне — что за диво? А может эти места впервые стали свидетелями таких мелодичных и задушевных песен-историй? Кто знает? Во всяком случае, он высказал пенем всё, что было на душе, и незнокомое озеро и пустынный берег его услышали... И стало действительно легко, словно крылья проклюнулись.

А тем временем лечебница оживилась. Санитары забежали по зданиям, будили людей, показывали, где помыться и куда идти завтракать. Не желающие послушно подчиниться указаниям громко роптали и бранились, но всё же — кто-то с помощью, кто-то сам — отправлялись в ту сторону, откуда шёл запах вкусного завтрака. В просторном зале, уже с высокими потолками, стояли длинные столы со скамейками во круг. Один стол в конце поставлен поперёк. На нём стоят огромные армейские бачки, поверх которых едва видны головы раздатчиков долгожданной пищи. Заглядывающие в зал мужики быстро соображают, что к чему, и становятся в очередь, а более наглые и смелые уже добрались до стола и начали жадно работать ложками из алюминиевых мисок. Суматоха, крики с призывом о спокойствии и порядке остаются всего лишь дежурными предупреждениями. Люди кое-как приспосабливаются у столов и едят, облизываясь и оглядываясь в сторону раздачи, рассчитывая на добавку. Наконец очередь у крайнего стола закончилась, зал погрузился в ровный стук ложек и тихий разговор. И тогда в столовую вошли несколько человек в военной форме и белых халатах.

— Доброе утро, товарищи фронтовики! — произнёс мужчина среднего возраста. Со всех сторон раздались ответные крики: «Здравия желаем!..», «Доброе утро!...», «Здорово, гражданин начальник!..»

— Как провели ночь? Не замёрзли? — военный заботливо расспрашивал, обращаясь ко всем. — Я — Игнатъев Фёдор Васильевич, воинское звание — капитан. Я директор этого пансионата. А рядом со мной, — он повернулся и показал на седого старика, — Тарас Соломонович Самоцветкин, главный врач пансионата и мой заместитель. Рядом с ним — старшая медсестра Нина Харитоновна, далее...

Большинство знакомящихся были женщины: директор столовой, завхоз, какой-то организатор чего-то. Накормленные люди тихо-мирно дослушали директора, а когда он предложил задавать вопросы, загалдели. Но этот базар резко осадил тот же повышенный голос:

— Отставить! Поднимаем руку и спрашиваем по-одному!

К потолку взвились сразу несколько протянутых рук. Игнатъев выслушал нескольких и сделал обобщение:

— Вопросы одни и те же. Почему мы здесь, что с нами будет? Позвольте ответить так. Советское государство открыло по всей стране несколько пансионатов для ухода за фронтовиками-инвалидами. Тут вас будут кормить и присматривать.

— Мы сами кормили себя!

— Я не просился в этот пансионат...

— Товарищи! — капитан был готов к этому ропоту и сразу же перешёл в наступление. — Советские фронтовики не должны бродить по улицам бездомными и пьяными валяться по закоулкам! Вы — достойные защитники Родины, проливавшие за неё кровь в смертельных боях с врагом. Страна не бросит вас в вашем несчастье! Так не должно быть!

Эти слова заставили всех замолчать и задуматься. Потом снова посыпались вопросы:

— А почему угнали силой?

— А я и так неплохо жил! Тут же замёрзнуть можно!

— Товарищи фронтовики! — седой мужчина в белом халате вышел вперёд с поднятыми руками и все сразу стихли. — Я военный хирург, до конца войны не выходил из операционной. Через мои руки прошло немало таких раненных, как вы. Может быть, кого-то из вас оперировал тоже я. Я очень хорошо понимаю ваше положение.

Фронтовики к докторам относились с уважением и не посмели перебивать. Главврач уверенно и смело продолжил дальше:

— Вы были долго без присмотра и ухода. А уж о медицинской помощи и говорить не приходится. У многих гангрена! Нужны повторные операции. В таком состоянии разве вы сможете жить дальше? — головы опустились, кулаки сжались, взгляды уставились в пол. — Ладно, сюда пришедшие хоть как-то могут двигаться. А в это время оставшиеся в палатах: слепые, без рук-ног и другие — кто им поможет? Этот пансионат открылся для помощи вам, героям войны! Мы — ваши друзья, а не враги! Но порядок будет жёстким! Пить и драться запрещается! Указания санитаров выполнять беспрекословно!

— А уйти отсюда можно?

— Нет! — вмешался капитан. — Пансионат расположен на острове, кругом большая вода. И не забывайте — в команде врача есть вооружённая охрана. Непослушных ждёт суровая кара. Сейчас, после завтрака, по палатам пройдёт специальная комиссия, составят списки...

Ещё неделю, после этого памятного завтрака и знакомства с администрацией находились бунтовщики. Да и убежать не удавалось тем, кто попытался. Их ловили, волокли в палаты, бросали на кровати, привязывали накрепко, иногда закрывали в тёмную комнату в подвале. А бывшие вояки сцеплялись не только с обслуживающим персоналом, но и между собой. В столовой падали столы и скамейки, инвалиды бросались друг на друга. Но тут же арестованные получали положенное наказание. Они лежали связанные и сутками голодные, прося пить или требуя выпустить в туалет. Эти меры вынуждали становиться более послушными и вести себя смирнее. Постепенно в пансионате установилась тишина и порядок.

Маленький пароходик, связывающий остров с большой землёй, приплывает один раз в месяц. Он привозит провизию, почту и медикаменты. Меняется медперсонал, охрана и другие работники.

Через месяц пребывания на горизонте и появилось это судно. Пароход приблизился к пристани и дал громкий продолжительный гудок. В пансионате шла обыденная работа: уборка, прогулка больных, проветривание вещей и комнат. Санитары выгнали всех ходящих из палат, развесили одеяла и матрацы, открыли настежь окна. Для выноса «самоваров» один рукодельник начал мастерить большие корзины из камыша. Безногих и безруких укладывали погреться на солнце. Инвалиды постепенно привыкали, в тёплые дни стали сами проситься на солнышко, и даже засыпали, в корзинах...

От гудка парохода все головы разом повернулись в сторону пристани. Люди в корзинах зашевелились. Из столовой выбежали поварахи, из других зданий — охрана и санитары.

— О-о, пароход!

— Наконец-то!

— Еда прибывает, продукты!

— Заперли на острове и морят голодом, сволочи! Надо написать товарищу Сталину об этом! — На разные — и злобные, и радостные — возгласы добавлялись и разговоры из курилки:

— Сегодня, наконец, уснём сытые.

— Я в Москве на вокзале жил сытнее, а тут... Автомата нет! — озлобленно высказал Сергей по прозвищу Серый, выдыхая густые клубы дыма из носа. «Опять про свои довоенные геройства рассказывает», — подумал Рамазан. Он уже слышал, что до войны Серый был известным вором в законе, что московская милиция очень долго охотилась за ним. А он под носом преследователей успевал вычистить богатые квартиры и смывался бесследно. Пройдя с самого детства целую цепь лагерей, он добровольно попросился на войну в штрафбат. Вот сейчас он спокойно и самоуверенно заявляет при разгоравшихся спорах фронтовиков между собой: «Мы, штрафбатники, очищали для вас минные поля. Это мы умирали первыми на передовой!» И никто не опровергает его. Потому что уже не секрет, для чего штрафбаты нужны были на войне. Но Рамазан всё равно не согласен, что этот Сергей стремится установить тюремные порядки. Он и в казарме превратился в своеобразного хана, изгоняя от себя непослушных и оставляя при себе только холуёв. И в столовой восседает на самом видном месте. Даже санитары опасаются его. Лишь главврач Тарас Соломонович, всеми прозванный как «доктор Соломон», и начальник пансионата Фёдор Васильевич особо не почитают его, воспринимают как одноногого калеку-фронтовика и несчастного человека, обиженного на свою судьбу, а заодно и на весь белый свет.

Однажды в столовой этот бывший урка потребовал от поварихи дополнительный хлеб для себя, и когда она отказала, замахнулся на неё костылём. В это время Рамазан, занимавший очередь за ним, перехватил палку. Серый повернулся и, стоя на здоровой ноге, замахнулся другим костылём — уже на Рамазана. Но парень быстро перехватил и эту угрозу. Не сумев сохранить равновесие, нападающий оступился и грохнулся на пол. От этой неожиданной стычки и очередники, и уже сидевшие за столами обедающие резко затихли в ожидании недоброй развязки. Рамазан бросил на упавшего вояку костыли и со злостью высказал:

— Ты чего налетел на невинного кашевара? Откуда она возьмёт тебе этот хлеб, если его нет?

— Ах, ты, сука! — закричал тот, и быстро поднявшись, начал наступать на Рамазана со свирепым видом. — На кого руку поднимаешь?

Рамазан приготовился отразить атаку:

— Хлеб выдаётся всем по норме. Почему ты требуешь прибавку?

— Ты, фраер, кажется, не знаешь, кто я такой?

— Хватит вам! Хватит тебе, Сергей! Где охрана? — завизжала повариха, но её крик перекрыл другой шум. Прикрывая Рамазана, перед ним встал Василий, ещё несколько одноказарменников выстроились в защиту парня-инвалида. И шайка Сергея собралась быстро, встали за ним. Но битва не успела начаться, прибежала охрана и развела противников в разные стороны.

— Ещё встретимся, герой! — пригрозил Серый, уходя. В палате Василий пытался образумить друга:

— Зря ты связываешься с ними. Если пойдёт так, то придётся каждый день устраивать разборки...

— Нет, не нужно. Но я не могу позволить, когда на моих глазах обижают невинных людей. Ты же видел, как эта женщина испугалась? Серый специально устраивает скандалы! Добивается своевластия. Что же, будем бояться его?

— Я, Ромка, теперь уже никого и ничего не боюсь. Если придётся, опять встану за тебя. Но не будь таким безумным...

От этих спокойных слов Рамазан тогда успокоился. Нельзя спорить с человеком, вставшим на твою защиту против целой банды...

Как только пароход уплыл за горизонт, на пригорок, где расположился пансионат, поднялись тяжело гружёные грузовики. Три машины проехали через ворота

и остановились перед столовой. Из кабин вылезли водители в военной форме и по одному вооружённому часовому. Их встретили охранная команда острова и всё перенесли в здание. Внимательно наблюдавшие за их работой инвалиды повеселели. Они начали перекидываться шутками, смеялись громко и забористо. Все без команды повалили в палаты, помогая санитарам и друг другу. Рамазан с Василием тоже взяли одну корзину с инвалидом и понесли в пансионат. «Танкисты» иногда тоже помогают санитарам, заноса корзины с «самоварами» с улицы. Ужина дожидались с нетерпением. Потому что в последнее время пища оскудела, еда стала бедной, сведясь к жидкой баланде и куску хлеба. Люди чувствовали голод.

Всё мигом съели: и сытную кашу, и по три куска чёрного хлеба. Потом разлили крепкий сладкий чай, кому сколько влезет. Раздали и папиросы. Многие отправились курить, а оставшиеся продолжали прихлёбывать чай.

Завтра праздничная дата — 9 мая! В честь Дня Победы обещан праздничный пир. Разнёсся слух, что даже артисты приехали. Столовая закрылась, но народ спать не торопился, все вышли на улицу. Сладостно вздыхая тёплый аромат весеннего вечера, погружаясь в воспоминания, люди весело обсуждали последние новости.

— Ур-ра-а! Победа! С днём Победы!

«Самовар» Антоша открыл глаза и заорал на всю палату. Сам же зыркал туда-сюда: слышит ли его кто-нибудь? Широко раскрытые весёлые глаза делали из этого человека без рук и ног огромного беззащитного ребёнка. И таких только в одной палате шестеро. Антоша самый молодой из них. Их разместили так, чтобы другие по возможности могли присматривать и помогать им. Антоша был призван на войну только в 1945 году, в боях за Берлин был ранен и искалечен.

— Да, Победа, друг мой Антоша, Победа...— Василий проснулся давно, кажется, даже успел помыться и привести себя в порядок в честь знаменательной даты. Он приподнял Антошу и усадил поудобнее. Взял из-под кровати бутылку и подставил к парню, чтоб он пописал, принёс тазик с водой и промыл лицо. Потом достал из его чемодана гимнастёрку, засунул рукава вовнутрь и набросил на грязную майку.

Антоша обрадовался так, словно у него заново выросли руки и ноги.

— Василий Егорович, дайте-ка зеркало!

Небольшое круглое зеркальце мужик преподносил парню и к лицу, и до груди, увешанной медалями. Там улыбался молодой красивый парень, сияя голубыми глазами. Антоша от такого вида совсем разговорился и закричал:

— Эх, Василий Егорович, только девушек не хватает! — Мужики, уже вставшие и навещающие марафет, дружно засмеялись. Они сумели побороть своё жалкое состояние, подавив гордость и постоянное ощущение боли в ранах, находя изредка в унылой жизни своей повод повеселиться. Когда после своего утреннего пения не берегу в палату вернулся Рамазан, там стоял хохот. Заулыбался и он в порыве весёлого настроения, даже не подозревая о его причине. И во время завтрака хорошо чувствовалось, что каждый в душе озарён каким-то внутренним торжеством, что сделало всех и добрее, и мягкосердечнее.

Обед был приготовлен во дворе пансионата, на зелёной лужайке из только что проклюнувшейся из-под земли бархатной травы. Каждая казарма расположилась отдельным кругом, приспособив под сиденья вынесенные одеяла, настелив вместо скатертей полотенца и газеты. Послушав приветственные речи начальника лагеря и главного врача, все подняли по сто граммов и чокнулись стаканами в честь великого праздника. На пир собрались и сотрудники пансионата, медсёстры и санитарки, кухонные работницы. Потом развязались языки, заиграли ложки, пошла потеха. Сплетни

о приглашённых артистах оказались пустым слухом, но никто не разочаровался. Песня началась как бы сама и была подхвачена многими голосами. Перебрали все знакомые фронтовые песни, умельцы заводили и народные мелодии. Их слушали с упоением и просили повторить снова.

Праздничная выпивка быстро закончилась, но раззадорившимся мужикам этого показалось мало. Душа требовала продолжения банкета. Некоторые начали досаждают санитаров и медперсонал, выпрашивая у них хоть глоточек спирта. В это время кто-то пустил слухок: в казарме Серого есть самогон, и он продаётся! И вправду, заходившие туда возвращались с какой-то настойкой за пазухой. Покупали её на все, что в цене: кто на деньги, кто на приличную одежду, кто и на награду. Некоторые даже тёплые одеяла меняли на питьё. И в палате Рамазана оказались пузырьки с самогоном. Где Серый берёт её?

— Говорят, на хуторе живёт женщина-самогонщица. Значит, он тут распродает её товар, — сказал Василий.

— Но ведь из лагеря нельзя выходить!

— Нашлись пути. Или с охраной договорились, или какой-то санитар помогает.

— Да-а, в таком случае вечером тут хай поднимется...

Действительно, вечером в пансионате разразилась настоящая война. Народ стал неуправляемым, непонятливым и развязанным. В казармах-палатах люди, в основном, орали песни, обнимались, плакали и смеялись. Но на улице... Одни рвались домой, пытаясь перелезть через запёртые ворота. Часовые были вынуждены стрелять в воздух и под ноги особо взбесившимся, чтобы те протрезвели. Некоторые лезли в дом к начальнику и главврачу, требуя объяснений, но никто их в ту сторону не пускал. Рамазан и Василий с ещё несколькими трезвыми получили приказ присматривать за домом, где жила женская часть персонала. Там двери крепкие, есть охрана, но всё же... Вся ночь прошла в противостоянии: одни пили и бушевали, другие сторожили и присматривали. К утру пьянке пришёл конец, запасы опустели, люди повалились кто-куда и крепко уснули.

ДЕВУШКИ

С каждым рейсом парохода в пансионате добавлялись клиенты, а кто-то из обслуживающего персонала отправлялся на большую землю. И вот однажды случилось событие, ошарашившее даже видавших виды надсмотрщиков: в одном из грузовиков они увидели полный кузов женщин! Охрана и медперсонал помогли дамам разгрузиться. Все выстроились около машин. Вышедшие из казарм мужики тоже уставились на непонятную толпу. Сами то они более-менее свыклись со своим изувеченным видом, а вот видеть перед собой таких же искалеченных женщин было жутко. Но всё же женщины — это женщины. Многие ярко сверкают орденами и медалями, волосы у них красиво убраны, да и одеты дамы в костюмы, яркие платья и блузки. Тёплый ветерок разносит с их стороны запахи мыла, одеколона и духов.

Пока мужики пялились на невероятное зрелище, из толпы женщин вышла одна и зычно скомандовала:

— Ну, девочки, кто из вас может забрать свои вещи, несите их с собой, видно, рассчитывать на чью-то помощь тут не приходится.

«Девочки» захихикали, переговариваясь между собой, а мужики опомнились и бросились помогать. Быстренько разобрали и отнесли вещи новосёлок к указанному дому. В доме разразился неумолкаемый шум и визг. Рамазан, сделавший три рейса с чемоданами в руках и на тележке, захотел немножко понаблюдать за необычным

зрелищем. В отличие от мужиков, женщины обустроивались на новом месте чинно, благородно и дружно. Его присутствие было замечено. Крепкая женщина, командовавшая всеми, обратилась к нему:

— Ты, джигит, собираешься с нами жить?

Все, находящиеся в комнате, разразились смехом.

— Айда, милоч, проходи! Моя постель самая мягкая! — весело подмигнула и распустила волнистые волосы одна весёлая «танкистка».

— Нет уж, я его дальше себя не пропущу! — протянула для поцелуя руку к нему одна красивая девушка с голубыми глазами.

Рамазан покраснел от смущения и поспешил ретироваться. От таких шуток ему было и легко на душе, и стыдно, и тяжело. Хотелось, конечно, оставаться, слушать весёлое щебетанье красоток, но деревенский стеснительный нрав оказался сильнее. Другой бы на его месте не остался без ответа, а он сорвался и убежал.

Мужики из его казармы, хоть и старались показать, будто ничего особенного не произошло, всё же были взбудоражены. Некоторые сразу же заняли очередь к рукастому Василию, чтобы сделать причёску. Безрукий Хлопуша нанял соседа подшить и поштопать свою одежду. Другие как бы невзначай вспомнив о своих лохматых бородах и усах, поспешили в умывальную комнату, чтобы привести себя в порядок. Но нашлись и те, кто посмел капнуть дёгтем в бочонку мёда. Мужик из шайки Серого по прозвищу Евнух, заметив переполох, громко захохотал:

— Хлопуша, чего ты прихорашиваешься? Думаешь, бабам нужны безрукие, как ты? Их же нужно шупать!

Хлопуша, молодой и стеснительный, растерялся и сник от такого издевательства.

— А ты, Василий, зря мучаешься с причёсками. Этих баб мужики из нашей казармы уже разобрали. Конечно, не очень приятно якшаться с такими калекками, но, как говорится, на безрыбье...

Василий не остался без ответа:

— А тебе-то какая забота? Зачем тебе баба? Ты же евнух! — От этого прикола в палате раздался дружный смех.

— Ну и ну! Правильно схвачено!

Евнух не хотел сдаваться:

— Я же не для себя... Что за напасть — баба? Для полного счастья хватает водки и папирос...

Но было видно, что его задело слова Василия и смех ребят. Евнух исчез так же незаметно, как и появился. Василий же сказал с сожалением:

— Да-а, он, конечно, не виноват, что стал евнухом...

За вечерней трапезой невозможно было скрыть, что мужская половина пансионата претерпела много изменений: мужики побрились, постриглись, одели всё лучшее, даже запах одеколона почувствовался в воздухе вместо терпкого пота и вони портянок. Прекратился мат, исчезла толкотня. Фронтовики вдруг повели себя как робкие школьники. Женщины в большой столовой сидели отдельно от них, и мужики старались не оборачиваться в их сторону. Якобы им всё равно, видали баб и получше. А Игнатьев, радуясь появившимся изменениям, приподнялся из-за стола, и произнёс речь:

— Уважаемые фронтовики! Как видите, нашего полку прибыло. На войне не только мужчины, но женщины проливали кровь. Что я хочу сказать? Женщин нужно любить и уважать! Не обижать! Оказывать посильную помощь! И, конечно, не мешать им тут жить! Понятно?

Последовало молчание. Но во взглядах ясно обозначилось полное согласие со сказанным. Фёдор Васильевич продолжил:

— В женском отряде 36 человек. Их начальником будет Зинаида Захаровна. Она — единственная женщина, сумевшая на фронте обуздать тяжёлый танк ИС-2! Она была командиром танковой роты, первой из четырёх женских экипажей вступившей в бой на Курской битве летом 1943 года! Девчата шли на таран вражеского танка, когда их машина загорелась! Они погибли смертью храбрых. Долгое время Зинаиду тоже считали погибшей, но потом, когда она пришла в себя в госпитале, выяснилось, кто она такая. — Игнатьев после многозначительной паузы торжественно произнём. — Зинаида Захаровна — Герой Советского Союза!

Столовая загудела в дружных рукоплесканиях. Зинаида с места потянула руки и попросила слова.

— Товарищи фронтовики, уважаемые мужики, вот так, по велению судьбы пришлось нам стать квартирантами. — Тут она немного осеклась, голос задрожал. — Мы все здесь люди, прошедшие огни и воды войны, немало испытывавшие защищая Родину. Я надеюсь, что очень скоро мы подружимся и заживём единой семьёй.

И по виду, и по твёрдому голосу этой женщины было заметно, что она способна и за себя постоять, и за своих подопечных. Нет у неё ног ниже колен, но всем своим существом она показывает крепкую физическую силу и высокий боевой дух. Волосы, красиво уложенные на голове, делают её ещё выше, а милое и спокойное лицо указывает на степенность и великодушие. Ясно, что она — командир. А вот девушку, сидевшую рядом с ней без одной руки и одной ноги трудно назвать калекой, ибо нужно быть слепым, чтобы не видеть её красоту и милую привлекательность. Она и одета была не в обычную гимнастёрку, а в шёлковый шифон. Тонкая талия крепко затянута узеньким ремнём. Длинная белая шея, чистое лицо, маленькая головка делают её похожей на волшебное изваяние. Волосы струятся по розовым щекам изысканными кудрями. Девушка беспрерывно рассказывает сидящим вокруг что-то интересное, постоянно улыбается. Значит, искренняя и весёлая. А вот у той, которая давеча сказала Рамазану, что у неё самая мягкая перина, жизнерадостная натура выпирает напоказ, она постоянно хохочет.

Да и все женщины то и дело стреляют искристыми глазами в сторону мужчин, говорят о них. Вот от очередной шутки их стол чуть не взлетел под потолок. Многие захлебнулись чаем, но продолжали смеяться, кашляя и размазывая слезы. Это веселье вылилось через раскрытые окна на улицу, пошло звенеть по острову. Лицо начальника Игнатьева расплылось в улыбке, а среди мужиков вновь оживление возникло. Женский смех, как нечто сокровенное на свете, был, есть и будет таинственным оружием в руках прекрасного пола.

ХОР

К осени озеро приобрело мутно-серый вид. С высокой горы оно простирается как безбрежное море без берегов. Летом хоть иногда замечались проплывающие куда-то суда. А теперь и их не осталось. Лишь белые кудрявые волны, гонимые холодными ветрами, с шумом ударяются о пустынный берег и, присмирив, откатываются назад. За ними идут другие, более свирепые, третьи... Вот так само с собой играет озеро, находит в этом утешение. А для Рамазана вошло в привычку с утра пораньше появляться на берегу, чтобы излить душу песней...

Он тихо сидел, но вдруг услышал позади шорох и обернулся. На встречу ему шагнула Люба.

— Извини, — сказала она. — Тебя видно из нашего окна... Ты, оказывается, поёшь!

— Да я так... Для себя, — пролепетал, покраснев, Рамазан.

— Да нет же, ты очень красиво поёшь, душевно. Я давно прислушиваюсь. Только слова не понятные.

Когда Люба подошла совсем близко, Рамазан протянул руку, чтобы помочь ей сесть рядом.

Рамазан часто видит эту девушку. Любуясь её заманивающей красотой, он всегда удивляется, как можно так быстро и и мастерски передвигаться на одной ноге с помощью одной руки. Вроде бы — так невозможно ходить, а она научилась. Лицом — красавица, каких поискать. Глядя на неё можно и про своё уродство забыть.

— Зачем так рано встала? — Парень задал, по своему разумению, глупейший вопрос, но что-то же нужно было говорить...

— А я птичка ранняя. Стала бы примерной женой для когонибудь, но только вот никто не зовёт.

Эти игривые слова совсем смутили Рамазана. Девушка хихикнула и здоровой рукой похлопала его по спине.

— Ты же мусульманин, да, Ромка? Я тебя как братишку привечаю. У меня был братишка твоего возраста...

— А где он теперь?

— Не знаю, в сорок втором году окончил военное училище, ушёл на фронт и пропал без вести... Я в Ленинграде пять лет жила в ожидании его.

— Так ты из Ленинграда?

— Да, я там родилась. Папа был военным, его братья, мой братишка — тоже. И я. Мы все из военной династии. Отец на войне под бомбёжку попал, и на братишек его тоже похоронки пришли. Мама стала жертвой блокады. Из всей большой семьи одна я осталась, вот в таком виде.

— И как же теперь... — Рамазан не смог договорить до конца.

— А я закончила музыкальную школу, по классу фортепьяно. Очень прилично пела. Но выросла и до смерти влюбилась в молодого капитана, подчинённого отца. Убежала от дома и поступила в разведшколу. Как только началась война, я обманом и правдой устроила так, что оказалась на службе рядом с любимым. — Люба с ласковой грустью посмотрела на волнующееся озеро, посидела в молчании, потом продолжила рассказ. — Нас на фронте называли ППЖ — «походно-полевая жена», может, приходилось слышать? Зная, что у него есть в тылу жена и дети, я стала походной женой. Потому что любила! А меня многие осуждали. И ты тоже, Рома?

— Я?.. За что же?.. Нет... — Парень словно утонул в бездонной синеве, растерялся и умолк. — Люба, ты не плачь, ладно!..

— А я не плачу. Я уже давно не плачу. — Она улыбалась, а по щекам текли слёзы... — В январе сорок четвёртого троём пошли на разведку. Через болота немцы постоянно стреляют из пушек, никак не пройти. Очень долго ползком добирались до их позиций, сделали топосъемку, нанесли на карту вражеские укрепления. Но на обратном пути попали в засаду. Двое остались там. Я заторопилась, сбилась из проложенной безопасной тропинки. Чуть не дойдя до своих, утонула в болоте и там карабкалась полночи...

— Но ты же выкарабкалась, Люба! — воскликнул Рамазан, слушая рассказ девушки. Он схватил её дрожащую ладонь в свои руки. — Живая же, вот рядом со мной сидишь!..

— Да, выбралась... Наши утром подобрали... Вмёрзла я в лёд намертво... Откололи ребята... Но после болота рука и нога начали гнить. Отрезали... Потом ещё. Вот так меня обкромсали, Рома.

Рамазан сильнее сжал её руку. Утешительных слов не было.

— А мой любимый, который говорил, что разведётся с женой, женится на мне, увидел меня и ушёл, пропал без следа. Я потом слышала, что он вернулся живой к своей законной жене... Вот такая моя жизнь, Ромка! — Люба невесело взглянула на Рамазана, утопающего в своих мыслях. — Ты уж извини, что раскрылась перед тобой, побеспокоила...

— Нет-нет, никакого беспокойства! Я же всё равно сидел просто так...

— Но ты же пел! Спой ещё, а? У тебя мягкий баритон. А у меня — высокий, сопрано. Ты начинай, а я присоединюсь, — она тонкими пальчиками схватилась за его крепкий локоть.

Рамазан глубоко вздохнул, откашлялся для приличия, словно большой артист, потом гордо поднял голову и тихонько запел:

— Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Следующую строку подхватила Люба:

— Выходила на берег Катюша,

На высокий берег, на крутой!

— Выходила, песню заводила...

Двое, крепко прижавшись друг к другу, начинали одну песню за другой. Голос Рамазана становился с каждым разом смелее, теперь он заполнил обрывистый берег, и, дойдя до казарм, всполошил всех. Ему подпевал тонкий женский голос, усиливая и придавая нежность и тонкость спонтанному дуэту. Когда дуэт остановился перевести дыхание, позы раздались аплодисменты. Оказывается, сзади подошли доктор Соломон и несколько медсестёр. Они слушали с умилением. Рамазану стало неловко, он даже собрался быстренько смотаться, но доктор остановил его, нажав на плечи.

— Замечательный дуэт складывается у вас, — сказал он. — Если найти ещё и гармониста, то можно концерты устраивать.

— Идея! Захар Соломонович, составим хор! — откликнулась Люба.

— Хор? А почему — нет? — подхватил Захар Соломонович. — Кстати, песня — очень полезная терапия.

— Вася играет на гармошке, только инструмента у него нет, — Рамазан высказал предположение и стушевался.

— А нельзя ли достать, Захар Соломонович? — Люба жалобно смотрела на главврача.

— Будет вам гармошка, будет! На следующий рейс парохода запишем инструменты для хора.

Люба оказалась старательной организаторшей. Тем же вечером она начала собирать певцов для будущего хора. Сначала люди подняли затею на смех. Но нашлись многие, кто хотел понравиться этой милой девушке, или те, кто устал от безделья. Среди них Люба и выбирала приличные голоса. И вот два десятка желающих собрались в комнате, приспособленной девушками под библиотеку и начали репетиции. Сначала все старались просто орать погромче, не обращая внимания на Любу, жестикулирующую перед ними. Но та оказалась упрямой: кого-то меняла местами, кого-то уговаривала, подсказывала, заставляла. То начинала песню, то вдруг останавливала, показывая, как правильно держать дыхание, как открывать рот. Люди возмущались, бранились, обижались, но через некоторое время в хоре возникло согласие, а в голосах зазвучали приятные нотки.

Всю длинную зиму работали с «творческим коллективом» Люба и Рамазан. К весне у хора появилось три гармониста и один скрипач. Хор состоял уже из пятидесяти женских и мужских голосов. Даже проходящие мимо острова пароходы замедляли ход, а пассажиров долго сопровождала мелодичная песня, заставляя всех подключиться к знакомым мотивам. Песня казалось, наполняет всё кругом, будоража души невероятной ностальгией, будя сладкие и печальные воспоминания. Но туристы не могли

понять источник удивительного явления: они вопросительно глядели то в небеса, то друг на друга. Лишь, приближаясь к острову, замечали на высокой горе странный строй людей, которые распевают песню за песней. И тогда с парохода становились слышны громкие рукоплескания, крики «Браво» и свист.

А хор не утихает, все поёт и поёт. Даже когда судно пропадает за горизонтом, эта кучка безногих и безруких калек ещё долго разносит песни по валаамскому раздолью, теша самих себя. Так и возникло в народе название — «Поющий остров».

СВАТ

Появление в военизированном пансионате женского пополнения не только вынудило мужчин укротить своё буйство, оно возбудило в них и мужские страсти. Каждому хочется завоевать внимание, найти пару, попасться на глаза и на слух женщин. Кто из мужиков откажется заработать ласковый взгляд, нежное слово от прекрасного пола. За одно это можно отдать жизнь! Отсутствие рук и ног не исключает порывы сердца!

Рамазан давненько и с интересом наблюдал, как Василий и Зинаида, долгую зиму вместе устраивая библиотеку и привлекая клиентов пансионата к чтению, начали сблизиться и сами. Мастер на все руки Вася сначала подрядился туда мастерить полки для книг. Потом в его устах зачастило слово: «Зина,». «Зина сказала, Зина просила...» При Зине он забывал и своих друзей, и весь мир, и даже своё плачевное состояние. Больные в казармах сначала посмеивались, подтрунивали, но потом поняли, что у этих двоих слишком много общих мыслей и чувств. Спокойный и всезнающий Василий, деловая Зинаида для многих стали старшими родственниками. К ним обращались за помощью и советом. Зинаида, женщина грамотная, помогала выправлять документы девушек и парней, отыскивать их родственников, устанавливать связь с родиной. А Василий стремился как можно удобнее устроить быт больных: кому-то мастерил тележку, кому-то трость и костыли, а кому-то — приспособления к кровати. Пару полюбили все.

— А у Зинаиды Захаровны до войны семья была? — спросил однажды Рамазан, помогая другу строгать дощечки в приспособленном под мастерскую помещении. Василий обычно не сразу заговаривает. Рамазан, давно зная об этом, выдерживает необходимую паузу. Но вот Вася выдувает пыль от выструганной дощечки-заготовки, медленно поворачивается к другу и начинает:

— Была. Муж погиб сразу же. Двое дочерей были отправлены в тыл, но попали под бомбёжку. Разбомбили поезд, дети потерялись. Живы или нет, никто не знает.

— Тяжёлый случай... — Рамазан пожалел, что затеял этот разговор. Он не думал, что услышит столь печальную историю. — Да, действительно крепкая женщина Зинаида: у самой такое горе, а она заботится о других.

— В поисках дочерей куда только не писала! Попутно стала заботиться и о других. Она уже воссоединила немало судеб. До сих пор и сама надеется, ждёт...

Мужчины притихли и некоторое время посидели молча. И вдруг Рамазана осенило:

— А почему бы вам не пожениться, Вася?

Вася слегка улыбнулся, продолжая сидеть как ни в чем не бывало.

— Ты смотри, Вася! — вдохновлённо продолжил Рамазан, — я честно говорю: вы с Зинаидой — прекрасная пара!

И снова ответ — молчание... Наконец-то его друг нашёл силы заговорить:

— Легко ты рассуждаешь, Ромка... По тебе, вот так взять и переломить. Во-первых, зачем Зинаиде такой калека, как я? Во-вторых, она так предана своим воспоминаниям. В-третьих... да ну, пустое это!..

— Нет, Вася, ты послушай! Помолчи на этот раз! Ты, наоборот, станешь для Зинаиды опорой и помощником. А воспоминания... Пускай и они будут, никакого вреда!

— А любовь? Ведь должно же быть у этой женщины какое-нибудь чувство ко мне? — Вася с сомнением раскинул руки и превратился всем своим видом в огромный вопрос.

— Да всем уже известно, что Зина к тебе... равнодушна. Тебе она тоже не безразлична, так ведь? — Рамазан приблизился и впился в глаза друга, отчего Вася смутился и отвёл взгляд.

— Э-эх, друг!.. А кто бы отказался от такой женщины, как Зинаида? За её один взгляд я готов взобраться на ту гору!

От такого откровения окрылённый Рамазан ударил друга по плечу и рассмеялся.

— Так ты же влюбился!

Вася смущённо улыбнулся в ответ.

— Тогда не будем откладывать дело в долгий ящик! Давай, решим всё по-мужски. — Рамазан не выдержал, в нетерпении захохотал маленькими колёсиками по мастерской, катаясь туда-сюда. — Идём к ней свататься!

Что ты говоришь? Такие дела разве так легко решаются? Кто сватать, например, будет? — Василий жёстко хмурит брови.

— Кто-кто... Например, я! Пойду и посватаю! — Рамазан сам удивился своей смелости — откуда появилась такая прыть и опрометчивость? Слово — не воробей.

— Т-ты? — Василий прикрыл лицо ладонями и впал в глубокую задумчивость.

— Да, я. А что, не гожусь? Язык есть, голова на плечах. Ладно, ног нет... — Парень попытался все превратить в шутку. Но другу его уже было не до шуток. Он не против затеи Рамазана, но всё ещё не может прийти в себя. Глаза смотрят с надеждой, а язык говорит совсем другое:

— Если не согласится? Выгонит с треском... Тогда что будем делать, Ромка?

— Не выгонит! Вот увидишь! Всё — решено, сегодня же после ужина отправляюсь к ней!..

Вечером Рамазан обнаружил Зинаиду Захаровну в библиотеке. Женщина сидела за столом и что-то писала: то ли прошение за кого-то, то ли письмо вместо кого-нибудь. Часто заглядывавшего сюда паренька она хорошо знала, но он из-за своей стеснительности держался на расстоянии. И вдруг присел напротив в ожидании чего-то. Она оставила на парня пытливые глаза. Ему стало неловко, но всё же он не отвёл взгляд:

— Зина... Зинаида... Зинаида Захаровна...

— Да, я... — Она сидела и ждала, что же скажет этот чернявый молодой молчун.

— Зинаида Захаровна...

— Да-да, я — Зинаида Захаровна, тридцать пять лет так называюсь, — мягко улыбнулась она. Эта улыбка придавала «свату» уверенности, и он выложил всё сразу, на одном дыхании, немного заплетаясь:

— Я прошу вашей руки, Зинаида Захаровна. Стать женой... Жить вместе...

Женщина откинулась назад, упёрлась спиной о спинку стула, резко прикрыла ладонью рот и ошарашенно взглянула на парня круглыми голубыми глазами. А он продолжил как ни в чём не бывало — главное уже сказано:

— Василий Егорович — очень хороший человек, настоящий мастер! У него душа добрая! Но вы же его знаете...

— Уф!.. Василий, что ли? — Она перенесла дрожавшие руки к лицу и будто покачнулась. — А я подумала, что ты сам хочешь жениться на мне!..

Рамазан понял свою ошибку, поспешил быстрее поправиться.

— Да нет же, нет! Василий Егорович! Я пришёл от его имени сватать тебя. Сват я, сват!

— Сват? Ай да, Рома! — Зинаида весело и долго смеялась. До слёз на глазах. Потом смех превратился в рыдания, она всхлипывала, вздрагивая плечами и закрыв глаза

руками. Потом надолго притихла. Рамазан потянулся, желая приобнять её, но постеснялся и отвёл руки.

— Зинаида Захаровна, нет так нет, только не плачьте, ответьте, пожалуйста.

Нет, Зинаида не плакала. Она задумчиво смотрела на Рамазана, уставившегося на неё.

— Ну и что же ты ждёшь от меня? — чуть-чуть улыбнулась женщина. — Скажи другу своему: пускай приходит, поговорим. Без этой вашей комедии со сватовством.

У Рамазана рот растянулся до ушей, он даже хотел вскочить, словно забыл, что ног нет, а он только присел перед этой замечательной женщиной.

— Есть, товариш командир! Он сейчас же будет тут!

— Ну не сразу же... Можно и завтра!

Но «танкист» уже на слышал её, он, сломя голову, нёсся к своей казарме, торопясь обрадовать друга.

Через неделю состоялась свадьба, самая первая в истории панисоната.

После свадьбы новой паре предоставили отдельную комнату: убрали из неё хлам, покрасили-побелили, обставили найденной мебелью. Пансинат не остался в стороне от такого чрезвычайного происшествия: начальник и главврач сделали личные преподношения влюблённым. После этого к Рамазану надолго прилипло прозвище «Сват». Его похождения в этой роли Зинаида рассказала как хохму девушкам в палате, а те сейчас при виде Рамазана сразу начинают улыбаться.

— Ромка, а меня посватай, а?

— И меня, Ром! Найди мне жениха, пожалуйста!

— Ромка, хоть басурманина, сгодится! Когда ждать?

Рамазан лишь смущённо улыбается, пожимая плечами. Тут бесполезно отмахиваться, только раззадоришь девушек.

Переведа стрелки времени немного вперёд, нужно сказать, что у Василия с Зинаидой родились четверо крепких парней, именно они стали первыми гражданами острова Валаам. Один из них стал журналистом, запечатлевшим воспоминания родителей на бумаге.

ЛЮБА

Многие с завистью смотрела на молодожёнов. Любопытно было глядеть, как они гуляют вместе: Василий с превеликой осторожностью толкает впереди себя тележку с женой, а та, выпятив огромный живот, мило улыбается, довольно восседая на троне любви в ожидании грядущего пополнения. Эта идиллия семейной жизни многих возбуждает, будя в женских душах вполне объяснимое чувство ожидания своего счастья. Желания материнских чувств, быть любимыми, заботиться о чьём-то благополучии, ухаживать за кем-то — эти природные потребности женского организма вынуждают бывших фронтовичек всегда быть красивыми.

Став на войне калекой, оказаться обречённой на вечное затворничество на этом диком острове? Это судьба? Нет! Живой пример Василия и Зинаиды — перед глазами! Мысли меняются, а с ними — и желания. Как в высушенную досуха землю падают первые капли дождя, обогащая её влагой, так и в эти души проникает семя надежды, пробуждая новые мечты и желания. Женщины хотят стать ещё красивее и привлекательнее, замечая приглядывающих за ними одичавших мужиков. Они пытаются хоть взглядом объяснить своё безразличие, понимание и сочувствие. Конечно, мужское население клевало на такие соблазны. Возникало соперничество, возникали скандалы, иногда доходило до драк. А заканчивалось тем, что, пройдя через испытания, некоторые пары объединялись.

Люба всё сильнее привязывалась к Рамазану. Приносила из библиотеки хорошие книги, садилась за ужином поближе, на репетициях старалась коснуться его рукой, стирала его грязные рубашки, возвращая их обратно со сладким ароматом женского духа... Рамазан терял голову от возможной близости, доводил себя до иступления. Казалось ему, что однажды не вытерпит, возьмёт и прижмёт к груди эту хрупкую женщину, навсегда связав жизнь и судьбу с ней. Но только подумает о таком исходе — в самых глубинах души просыпается какое-то противостояние. Оно возрастает как снежный ком и становится поперёк горла, затмевая всю сущность одним словом: Залифа... Будто с этим именем связано всё святое для парня: родина, мать, родные, которых он изо всех сил пытается забыть. Или перегораживает его решительный шаг гордость, что обрекла их к вечному безуспешному ожиданию? Не поймёшь...

Залифа, черноволосая красавица, скромная и пугливая газель, — она была в его жизни или нет? Возможно, она уже не ждёт его, давно вышла замуж и вспоминает Рамазана так же, как и он её — было-не было... Нет Залифы, а, может, и не было? А Люба есть, вот она — рядом, ждёт его ласки. Подойти, обнять, сказать сокровенные слова. Ну и что, что она русская! Красивая же, даже очень красивая. Мягкая, нежная, ласковая. Ну и что, что калека! Рамазан тоже не из тех, кто на лошадь запрыгивает с первого рывка. Ну и что, что она была чьей-то любовницей. Те времена давно канули в лету. Наверное, уже их любовь сгорела, воспоминания улетучились. Разве Рамазан сам не любил? Сколько ночей он падал на подушку и долго-долго всхлипывал, обливаясь слезами. Он горел в адских мучениях, представляя любимую в чужих объятиях. Мало было таких удручающих минут? До войны, на войне... Если посчитать и эти годы, тут, то получается более десяти лет. За это время столько воды утекло, жизнь проходит...

На красавицу Любу обратил внимание и Серый. А когда не получил ответного чувства, откуда-то откопал её «походно-полевое» прошлое и вылил в народ, словно ушат помоев. Даже остановил Рамазана, чтобы дать совет:

— Рома, ты же намного моложе меня, — сказал он, стараясь быть как можно доброжелательнее. — Поэтому я говорю тебе как братишке: зачем тебе нужна эта метла? Она же была любовницей своего командира! Так и воевала. Тоже польза, конечно, только зачем ты за ней волочишься? Давай, поделись с нами. Тоже будем не хуже командиров.

Серый попытался смеяться охрипшей от курева гортанью. Еле удерживая себя от злости, Рамазан ответил кратко:

— Ну и пусть...

И поспешил удалиться, чтобы дело не обернулось очередным скандалом.

Но через несколько дней ему пришлось пожалеть, что при той встрече он сдержался. Нужно было, оказывается, сразу — бить, бить и бить...

Был тихий вечерний час — время прогулки «самоваров» и неподвижных больных. Рамазан с Любой, как всегда, прихватили на корзине Антошу. Этот искренний парнишка удобно расположился между ними и начинал веселиться: что-то рассказывал, хохотал, даже запевал. Его очень любят все, а Антошка не отрывает глаз от миленькой Любы. Они пришли к излюбленному месту на берегу, а перед ними предстал неприятный для всех Серый.

— Мадам, пройдемся немного, есть несколько слов тет-а-тет, — обратился он к Любе, попыхивая сигаретой. Люба даже не сдвинулась с места. Она уже давно устала от приставаний Серого, несколько раз даже отвергла присланных им сватов. Девушка ничего не ответила, тогда мужик обратился к её спутникам:

— А может вы пройдётесь на стороне?

Не успел Рамазан ничего сообразить, тут же вмешался Антоша:

— Ещё чего? Может, тебе ещё и портянки подсушить? — Он криво усмехнулся, чуть приподняв голову из корзины.

— Ты, полено, сиди смирно! — Сергей вскипел. Он не собирался уходить отсюда. — Ну, Люба, мне поклониться перед тобой?

Люба посмотрела на него снизу вверх.

— Не надо. Ни поклонов твоих, ни разговоров пустых. Иди своей дорогой, Серёжа, не беспокой меня.

— Люба, — начал снова Серый, но его перебил громкий крик Антона:

— Сказали же тебе: иди своей дорогой!

В этот момент Серый, не зная на ком выместить вскипевший гнев, ударил костылём по корзине, в которой сидел беспомощный Антошка. Корзина вместе с грузом упала и покатила вниз по склону. Когда Рамазан с Любой пришли в себя, было уже поздно: корзина полетела вниз с обрыва. Рамазан устремился за ней, падая и катясь, но сумел остановиться прямо над пропастью. Люба же кричала на весь берег:

— Помогите! Спасите! Рома! Антоша! Убили!

Пока прибежали с берега санитары и охрана, оттащили от обрыва Рамазана и Любу, успокаивая орущую на весь мир девушку, прошло довольно много времени. И виновник этой трагедии Сергей улизнул. Не было до него никому дела. Охранники, понявшие ситуацию, вышли через ворота, спустились в обход обрыва к берегу и через некоторое время подняли навех окровавленное тело на плащ-палатке. Увидев его, измазанного глиной, Люба заголосила ещё сильнее.

— Антошка! Что же с тобой сделали, родненький мой?

Рамазан устремил вопросительный взгляд на охранника, идущего впереди. Тот печально pokrutil головой.

Рамазан со всей силой ударил кулаком о землю, повернул тележку и заторопился к казармам: нужно поймать этого проклятого Серого и выместить на нём вскипевшую злобу. Он готов схватить его за горло и грызть зубами! Но мужика не нашли ни в казарме, ни в пансионате вообще. Скоро к поискам присоединились все, кто мог, но Серый «провалился» как песок сквозь пальцы. Назавтра охрана организовала поиски беглеца в окрестностях, но тоже бесследно. А Антошу похоронили на лесной поляне недалеко от лазарета. Это кладбище скоро начнёт расширяться, там будет много могил. Антошина стала первой, огороженной оградой из камней.

Не успел народ отойти от горя, случилось ещё одно событие, удивившее всех. Пароход делал очередной рейс, он повернулся в сторону пристани, чтобы разгрузиться. Все ожидали грузовиков с продуктами. Из кабины одной машины вылез мужчина в военной форме, поставил на траву чемодан и оглянулся по сторонам. Люба, сидевшая рядом с Рамазаном, вдруг вскочила и закричала истошным голосом:

— Макси-им! Максимка! — Она вскочила и захотела побежать, но сразу упала, запутавшись ногой о костыли. Хорошо, что Рамазан успел подхватить. Только девушка вырвалась и от него, всё ещё пытаясь бежать сама. За это время военный успел приблизиться, подхватил и обнял девушку, приподняв её на руки. Костыли разлетелись в стороны. Мужчина снова прижал Любу к груди, а потом расцеловал её. Люба тоже крепко прижалась к нему, то плача, то смеясь. За ними наблюдало довольно много зевак, гадая и переговариваясь между собой.

— Братишка же это мой! — объявила Люба. — Родной, единственный! Живо-ой! — Она снова прижалась к груди парня.

Вечером Люба познакомила брата с Рамазаном и Василием. Они долго сидели и вели разговор. Максим, оказывается, служил в секретной части, поэтому не имел

возможности сообщить об этом родственникам. Запрещали даже сестре написать. И после войны он служил за границей, продолжая секретную миссию.

Месяца два назад он вернулся домой, а там... В их квартире живут чужие люди. И никто не знает, куда делись прежние хозяева. Он отправился по старым друзьям и знакомым, выпрашивая и выясняя. И наконец-то разведчик узнаёт: на острове Валаам находится его единственная сестра! Вот он и тут.

Назавтра спозаранку они договорились встретиться на пристани. Рамазан уже стоял и ждал Любу на их привычном месте — на высоком берегу озера. Она тихонько подошла к нему, присела и уткнулась в плечо парня. Рамазан тоже без слов взял её в объятия. Люба прижалась ещё сильнее и прошептала в ухо:

— Рома, дорогой, айда с нами. Вместе будем жить. Я буду тебе хорошей женой. Всё будет так, как ты пожелаешь. Хочешь, я стану мусульманкой?

Рамазан догадывался, что разговор на такую тему возникнет. И боялся этого. И не знал, как ответить.

— Люба, Любаша... Я знаю, ты очень хорошая. Ты самая красивая и умная...

— А что же тогда мешает нам быть вместе? Почему ты сторонись меня? Тебя пугает моё уродство?

— Да ты что? Какое уродство? Я же вижу только твою красоту и душевное тепло. А вот не могу тебе объяснить, что мешает.

Люба отстранилась от его объятий и отошла немного в сторону.

— Я догадываюсь, что тебя сдерживает.

— Что? — Рамазан сидел и ждал, что она скажет то, чего он сам боялся.

— У тебя в душе живёт другая. Тебя пугает данное ей обещание?

Клятва! Рамазана вдруг осенило, словно его облили ледяной водой. Да-да, обещание! Он же поклялся Залифе...

А Люба продолжила:

— Я восхищаюсь тобой. Сильным и принципиальным, умеющим оставаться верным сказанному слову, данному обещанию, первой любви... У меня это не получилось, я слишком слабая. Безхарактерная какая-то... — Люба хотела повернуть разговор в обычное повседневное русло. Рамазан с удивлением повернулся к ней и взглянул — на красивое лицо, на земляничные губы, на лебединую шею.

— Это кто, ты — безхарактерная? Ты героиня, Любаша! И сердце у тебя золотое. О себе не думай так приземлённо. Твой избранник будет самым счастливым мужчиной на свете!

— Только жаль, что мною избранные не хотят жениться на мне, — девушка глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. Рамазан подыграл:

— Потому что у этих мужчин нет ума! Безголовые они.

После обеда Любу провожали всем пансионатом. Рамазан долго, пока пароход не скрылся за горизонтом, сидел в тяжёлых раздумьях. Словно что-то большое вырвалось из его души, невзрачный остров показался теперь ненужным, нет в нём никакого смысла и утешения.

Люба обещала ему писать. Упреждая события, скажем: Люба сдержала своё обещание. Теперь их надолго будет связывать поток непрекращающихся писем. Они даже встретятся! Полвека Великой Победы Рамазан отпразднует вместе с Любовью Андреевной.

МАТРОС

Самый авторитетный человек в пансионате — Матрос. И самый старший среди всех. По документам ему уже восемьдесят лет. Как сам утверждает, на деле и того больше. Он родился в горах, и пока родители спустились с гор и оформили ему метрику, прошло несколько лет. Таким образом в чабанских семьях оказались разновозрастные дети одного и того же года рождения. Если верить его воспоминаниям, от Чёрного моря до горных ледников, где никогда не тает снег, где находится их кишлак, нужно было очень долго подниматься. В подростковом возрасте, когда мать отправилась в мир иной, отец решил с детьми спуститься с гор в низину. Так они стали жить — шестнадцать детей и папа! — около рыбаков на море. Отец снова женился, от второй жены родились ещё восемь детей.

Один из них, двадцатилетний абхазский джигит Батал Зухбай в 1904 году пошёл на Русско-японскую войну. Вернувшись во здравии, женился. Потом пошёл на Первую мировую войну, оставив дома жену и двоих сыновей.

Но и там судьба смилостивилась над ним. Он вновь вернулся с войны, даже без царапин на теле. Грудь Батала украшали два Гергиевских креста. Дома он занялся привычным рыбацким делом, и у него родились ещё три богатыря.

Когда началась война с немецкими фашистами, его пять сыновей, уже женатые, один за другим призываются на фронт. И похоронки начинают приходить тоже одна за другой... Третью похоронку жена не выдержала: она тихо умерла, бережно приобняв кучу писем от сыновей. Ещё две похоронки старик уже получает один. Потом собирает все сообщения про геройские смерти сыновей, складывает их в нагрудный карман и идёт к черноморскому порту — напрашивается на службу. Посмотрев документы, ему говорят, что староват для службы, не годен. Старик Батал выкладывает на стол перед командиром все пять похоронных бумажек: Аслан, Беслан, Баград, Барнук, Архас — принимайте!.. Батала берут в хозчасть порта. Он занимается то извозом продуктов в столовую, то смазкой техники в мастерских, то возит уголь. Несколько раз провожает морские лайнеры на задание и не дожидается их возвращения! Ставших родными парней он провожает, похлопывая по спине натруженными руками, потом долго смотрит на горизонт, надеясь первым встретить их в порту... Не дождавшись, затягивает песню:

*Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от этой земли...*

Осенью 1944 года, когда в том порту не осталось и следов пребывания фашистов, старый моряк становится жертвой немецких разведчиков, посланных для уничтожения морской техники. Мощный взрыв на лайнере, тихо дремавшем на причале, заставил вскочить спящих матросов. Большая часть военных погналась за диверсантами. А на охрану порта оставили небольшую группу. Самым первым поспешивший к месту трагедии Батал во всеобщей суете бросается на выручку. Хорошо зная расположение кают на судне, он бросается в самую гущу пожарища, заранее обливаясь водой, но остаётся под обрушившимися обломками и калечит ноги. Он выбрался из теплохода. Но пришёл в себя уже без ног...

В отличие от Рамазана, старый Батал не очень горюет за потерянные ноги, его удивляет другое. «Мои пять сыновей — мои львы, погибли, а я, пройдя три войны, почему до сих пор живой?» — недоумевает он. Этот же вопрос старик часто задаёт и Рамазану, который задумчиво строгаёт доски в мастерской. Нахмутив густые брови, Батал упрямо вопрошает: почему так получилось, почему мир устроен так? Потом он многозначительно тычет пальцем в небо: только он знает!..

Перед окончанием войны значительная часть абхазов попадает под сталинскую депортацию народов. В суматохе событий пропала без вести двадцать три брата старика Батала и около двухсот их родственников.

Оставшись без ног, Батал узнал про Валаам и добрался сюда. Он уже не собирает никого беспокоить своим присутствием. Несмотря на почтенный возраст, старик здоров телом, крепок духом, хорошо слышит и видит. Молчалив, но, если скажет, то рубит правду-матку в глаза. Не юлит, не оправдывается. С Рамазаном они спелись. «Ты на меня похож!» — заявляет иногда старик. Таким образом, он как бы одобряет поведение молодого парня. Батал — очень хороший мастер по дереву. Берёт ненужную чурку, а через два-три дня из неё делает какую-нибудь нужную вещь. Все женщины благодаря умельцу обзавелись красивыми шкатулками с изысканной резьбой, сундуками и полками. Чего только не делал Батал для детей Василия: и медведей, и лошадей. Каждому новорождённому дарил люльку, узнав, что в пансинате ожидается прибавление. Украсит чудо-люльку деревянными игрушками и незаметно оставит её у дверей комнаты новых родителей. Его очень любят дети. И только начинающие ходить, и те, кто постарше, так и вьются у ног старого моряка, слушая его рассказы.

Старый дед никому не отказывает. Он легко шагает на деревянных ногах, с удовольствием исполняя каждую просьбу малышей. Когда Зинаида чувствует, что её дети слишком досаждают старику, она незлобно бранится. А добрый дед легко улыбается и машет рукой: «Иди своей дорогой, Зинаида, тут у нас мужской разговор!» Зине этакая помощь всегда кстати: у неё — огород и птичник. Пансионат завёл свою ферму, и туда нужно поспеть на дойку.

Матрос — незаменимый помощник для женского населения. «Поэтому Бог и не забирает тебя на небо, — говорит старику Рамазан, — ты очень любишь детей.»

— А кто их не любит? — ответил Матрос, зыркнув глазами сквозь густые брови. — И тебе дети нужны.

— Дети — не рыба, их в воде не поймашь, — Рамазан ответил весело, радуясь удачному сравнению, но старик осадил его:

— Откуда дети берутся, я без тебя знаю. У моего отца осталось двадцать четыре ребёнка, а у моих пятерых сыновей — восемнадцать внучат. Наверное, хотя бы половина из них живы-здоровы. Надеюсь, они продолжают мой род на этой земле. А что останется после тебя?

Рамазан заморгал глазами и крепко стиснул зубы. А старик продолжал:

— Вот так-то, ничего не останется! А я успел внукам рассказать всю родословную своих предков. Их ночью разбуди и спроси — всё знают и всё расскажут. Если хоть один из них выживет, он будет знать, от кого произошёл, кем были его предки. Эту цепочку нельзя разрывать. Она — непереносимое условие выживания народа.

— И у нас есть такой порядок. Я тоже знаю свою родословную, — сказал Рамазан. И он стал перечислять запомнившееся с детства имена: Умурзак, сын Умурзака Калмык, его сын Сайфульмулюк, его сын Ахметсафа, после него Казыхан, его сын Абдрахман, и — Рамазан!

А будет ли сын Рамазана? Неужели его родословная закончится?

— А что я могу сделать? Не хочу жениться!..

Старый Батал метлой подбирает опилки с пола мастерской, а сам одновременно продолжает важный разговор:

— Я понял, сынок: что ты тут не женишься. В прошлом году упустил такую девушку!.. Значит, твоя судьба не здесь.

— А где же, как вы думаете?

— Может быть, на родной стороне...

Возвращаться тебе нужно, сынок. Ты молодой, сильный, да и есть куда ехать. Тебе нужно жить со своим родом. Там твоя вера, твой народ, твои обычаи.

— Вот в таком виде? — Рамазан показал на нижнюю часть своего тела, где когда-то были ноги.

— У родных людей ты в любом виде будешь родным. Сам же видишь: от безногих и безруких тоже рождаются нормальные дети.

Старик подмёл опилки и стружки, взял свечу и зашагал из мастерской, Рамазан покотился на тележке за ним. Под тусклым светом лампы два необычных человека двигались по длинным извилистым коридорам. Они пройдут этой дорогой ещё не раз. Абхаз Батал Зубхая умрёт в пансионате Валаам в 92 года. Его скороговорки «Аслан, Беслан, Баград, Барнук, Архас...» выгравированы на могильной плите. Так народ покажет почтение и уважение Матросу.

После восьмидесяти лет минувшего столетия, когда пансионат уже закрылся, на острове в честь ветеранов войны поставят стелу. На торжественной церемонии будут присутствовать родственники абхаза Батала. После посещения могилы прадедушки в книге памяти они оставят запись: «От имени 46-ти внуков и правнуков...»

БОЙ

Пароход протяжно погудел и проплыл мимо острова на пристань. Его было хорошо видно с горы. Только грузовики от пристани что-то запаздывали. Игнатъев и заведующий столовой выходили и посматривали, но обоз с продовольствием всё не показывался! В конце концов, Фёдор Васильевич взял с собой двух конвоиров и на мотоцикле поехал на пристань.

Они вернулись через час и сразу объявили по всему лагерю сигнал тревоги. Все, кто может двигаться, собрались у главного входа.

— Товарищи, — начал Игнатъев взволнованным голосом, у него даже дрожали руки. — У нас ЧП! На пищевой обоз совершено нападение! Вернее, обоз угнали совсем! Остановили на полпути, скорее всего, была перестрелка — на дороге видны следы крови. Охрану, возможно, убили. Но тел на дороге не осталось.

Раздались голоса, началось оживление.

— Не зря говорили, что на острове появилась банда...

— Надо что-то делать. Нельзя ждать голодными целый месяц очередного рейса!

Игнатъев поднял руку и попросил тишины.

— Вы правы, товарищи! Нужно сейчас же принять меры! Бандиты только и ждут, чтобы мы присмирели. Тем более, у нас мало осталось припасов: керосина и муки хватит только на два дня. В обозе, кроме продуктов, должны быть и тёплая одежда, и медикаменты.

Женская часть пансионата растерялась, а вот мужчины взбунтовались от такой новости:

— Дайте нам оружие, Фёдор Васильевич!

— Давайте, пойдём и поймем бандитов, пока они не скрылись совсем!

— Помощи ждать неоткуда...

— Грузовики по бездорожью далеко не уйдут...

Фёдор Васильевич, выслушав мужчин, покивал головой в знак согласия и снова выступил вперёд:

— Товарищи фронтовики! Я призываю всех, кто может ходить, ещё раз взяться за оружие и защитить самих себя! Мы, победившие фашистских захватчиков, и бандитов призовём к ответу!

Все разом встрепенулись. Уже привыкшим к мирной жизни солдатам вновь захотелось защитить всё население острова и самих себя. С теми, кто возьмётся за оружие, пришлось сначала разобраться главврачу. Он разделил стоящих в строю на «годен» и «негоден». Но и негодных тоже вооружили и выставили вместо охраны вокруг пансионата. Охранники провели для них инструктаж. А остальных разделили на три группы и отправили в разные стороны от лагеря.

Группа Рамазана состояла из двух здоровых охранников, повара, санитаря и семи «танкистов». Вторую группу возглавил сам Игнатъев. Третью взял под командование доктор Соломон.

Осенний день быстро вечерел, ушли недалеко. Легли спать на мягкой хвое, выставив охрану вокруг себя. Каждые два часа менялись посты. Рамазан не хотел ставить на караул Матроса, как пожилого человека, но тот настоял, ссылаясь на свою бессонницу. Рамазан не хотел брать на поиски этого старика, но Баталом особо не покомандуешь. В поход он собрался быстрее других, прицепив к поясу кинжал. Директор с главврачом многозначительно переглянулись, но ничего не сказали.

Рано поутру снова двинулись на поиски. На болотистых местах были чётко видны следы грузовиков. То они едут по дороге, то сворачивают в лес. Разводя машины,

захватившие обоз путали следы. Когда остановились на обед, посланные вперёд разведчики вернулись.

— За этой горой есть пещера, — сообщили они. — Там стоит машина, но людей вокруг не видно...

Желание покушать улетучилось. Взялись за оружие и пошли в гору. Поднявшись к вершине, ползком спустились в сторону пещеры. Прячась за деревьями, подобрались к грузовику. Кабина была пустая, в кузове тоже — никого. Значит, враг — в пещере! Преследователи только вошли в неё, но тут из-за леса появилась другая машина. Сюда едет! Раздалась команда: «Ложись!» Все заняли удобные позиции, готовясь к атаке. Грузовик остановился рядом с первым. Из кабины и кузова выпрыгнули человек десять. Они сразу же были встречены огнём на поражение — с бандитами не церемонятся! Пошла пальба! В это время раздалась команда: «Идут из пещеры!» Приготовились и к этой встрече.

Рамазан развернул свою тележку к светлой зоне. Бандиты бежали гурьбой, не думая об осторожности. Первые двое были тут же сражены автоматной очередью, остальные укрылись за камнями. С двух сторон между огней остались наступающие. Невозможно было поднять голову.

— Стреляйте прицельно! Патроны зря не тратьте! — Один из охранников, зажимая раненое плечо, подавал команды. Батал подполз к нему и сделал перевязку. Бандиты почуствовали, что пришёл небольшой отряд с ограниченным количеством оружия, и осмелели. Решили не торопиться, укрылись за камнями и закурили, дожидаясь своего часа.

— Эй, фраера! Вам жертвы нужны? Если нужно, сделаем! А если нет, может, договоримся? — человека, укравшегося за колёсами машины, конечно, все узнали.

— Серый, — Рамазан зло стиснул зубы.

— Ну, как — будем договариваться? Вы остаётесь с нами, а добычу поделим.

— Мы не будем разговаривать с бандой шакалов! — Раненый охранник ответил за всех.

— А ты, сопляк, не решай за других! Твоя работа — служить, через два-три года уедешь к маме. А эти фронтовики, они такие же брошенные люди, как и мы. Я хочу говорить с ними.

— Тогда выходи, поговорим вдвоём, — разозлившийся Рамазан начал было подниматься, рядом лежащий Батал осадил его, схватив за рукав.

— А-а, басурман, и ты здесь? — Сергей довольно засмеялся. — Считай, попался!

— А ты мне ещё за Антошку ответишь!

— Отвечу, отвечу, какие ещё вопросы будут? На все ответим. У нас времени навалом, торопиться некуда.

Бандиты перекурили, поговорили между собой, потом главарь Сергей снова решил уговорить сдаться.

— Мы твоё слово услышали, басурман, а что думают другие? Ведь не все же хотят погибнуть? Тут я вижу голову Матроса. Салам-алейкум, уважаемый! Что же вы скажете, умнейшая голова?

— Ты же знаешь, Серый, я живу своими законами. — Батал включился в разговор, в его голосе не было ни тени злости. — На моей земле тигры и шакалы в одной стае не ходят. Если даже состарится тигр и не сможет охотиться, он не станет мараться остатками шакальской еды. Он поднимается на вершину горы и умирает там гордо и величаво. А твоя душа — гнилая, ты привык питаться ворованным и награбленным...

— Ах, так... — Серый прикинулся задумчивым, — Я нечаянно подумал, что ты — старый калека, а ты, оказывается, гордый барс! — К его хохоту присоединились и другие члены шайки.

— Чтобы быть барсом не нужны ни ноги, ни руки. Нужно только сердце! Да и шакалом стать не трудно.

— Тогда пеняйте на себя! Мы, воры, не такие гордые, как вы. Мы только хотим жить в достатке и мирно, — крикнул Сергей и снова открыл огонь. Пули от его автомата попадали в камни и отскакивали по сторонам. Опять началась перестрелка. Рамазан почувствовал, что появились жертвы. Но нет возможности выяснить и помочь. Ему нужно уничтожить идущих из пещеры, или хотя бы задержать их.

В самый разгар боя снаружи послышались чьи-то голоса, которые потом стали яснее:

— Ур-ра!

Рамазан поднял голову.

— Ур-ра, ребята, это наши!

На Рамазана был наставлен пистолет, но в это время врага поразил кинжал, который точно метнул старик Батал. Пошла рукопашная! Банду загнали вглубь пещеры. Оттуда отстреливались. Истребив наружных, Рамазан устремился к пещере, и вдруг, напротив него встал Серый.

— Басурман, ты не проживёшь дольше меня! — сказал он, нажимая на курок. Падая, Рамазан успел поймать и повалить Серого на себя, заодно успел схватить его автомат и нажать на спуск. Оказавшийся на подбородке ствол, длинной очередью снёс голову вору в законе.

Прибежавший на подмогу Василий нашёл в луже крови двоих, намертво сцепившихся друг с другом.

К вечеру все вернулись в пансионат, загрузив в машины ворованные продукты и одежду, а также мёртвых и раненых.

ЗАЛИФА

— Ну-ну... Открой глаза! — Бархатный голос Тараса Соломоновича, кажется, слышится издалека, тёплая ладонь его ложится на лоб. Наклонившееся лицо тоже видно как в тумане. — Ромка, сынок, не сдавайся! Слышишь меня? — доктору не нравится, что раненый закрывает глаза, чтобы уснуть. — Открой глаза, это приказ!

Рамазан не прочь подчиниться приказу, но нет сил поднять веки. Он снова проваливается в бездонную пропасть...

Со временем глаза сами раскрылись. Как будто он проснулся от долгого сна. Сообразил, что находится в лазарете! Санитарка, задумчиво смотревшая в окно, словно услышала шелест его ресниц, обернулась и спросила:

— Проснулся? — Она внимательно осмотрела повязку на животе раненного и крикнула кому-то в другой комнате:

— Он пришёл в себя!

Появилось несколько санитаров. Потом зашёл главврач Тарас Соломонович. Он, кажется, спал, потому протирает усталые глаза.

— Ну, герой, как дела? — улыбнулся доктор. Ответить ему у Рамазана не хватало сил. Он испугался этого — неужели теперь и говорить не сможет? Врач поспешил успокоить:

— Не беспокойся, язык твой на месте, говорить будешь. В двух местах я соединил кишечную трубку, другие места не трогал. — Рамазан смотрит на доктора с молчаливой благодарностью. — Честно говорю, я даже не верил, что смогу спасти тебя. Крови ты много потерял, и рана была серьёзная. Вот так, сынок... Теперь, если будешь послушным, через месяц встанешь на ноги... — сказал врач и быстро поправился. — То есть сядешь на тележку.

Рамазан даже не мог представить, как он сможет лежать, словно привязанный, целый месяц. Но друзья не дали ему скучать. И кроме Василия с Матросом много было тех, кто несмотря на роптания медсестёр, приходил и усаживался около кровати, что-то говорил или просто молчал.

— Какой смысл глазеть на спящего человека? — удивлялась санитарка, устав отгонять настёрных посетителей.

— Близость человеческих душ, дорогая, определяется не только громкими разговорами и объятиями, — говорит ей главврач. — Чувства проявляются и без слов, на расстоянии. И именно вот те, которые без слов, понимаются более глубоко и основательно.

Когда Рамазан немного окреп, начал самостоятельно есть, к нему зашли Василий с женой Зинаидой. Жена друга испекла для него пирог и вскипятила чай. Потом, несмотря на его жёсткое сопротивление, поменяла бельё. Всё это делала с какой-то молчаливой таинственностью.

— Рома, родимый мой, — заговорила наконец Зинаида, убрав посуду и примостившись рядом с мужем. — У нас есть серьёзный разговор к тебе. Ты ведь знаешь, что я занимаюсь поиском пропавших родственников клиентов пансионата. И переписываюсь с ними. — Зинаида говорит осторожно, тщательно подбирая слова. — Два года назад мне прислали заметку из одной газеты. Там какая-то комсомолка напечатала рассказ взрослой женщины, у которой без вести пропал сын. Похоронки не было. Однополчане сообщили, что солдат был отправлен в госпиталь с тяжёлым ранением. Дальше следы терялись. Когда все надежды уже лопнули, в 1948 году односельчанин, только что вернувшийся в семью, заявил, что видел пропавшего на Сочинском вокзале. «Да, это был он! Точно он, только ног нет! Я не успел выскочить из вагона, поезд набрал ход...», — рассказывал солдат. После этого известия мать хватается за соломинку и снова начинает поиски.

Взгляд Рамазана потяжелел, он стал задумчивее, дыхание участилось. Зина забеспокоилась, видя его состояние, но всё же продолжила:

— Там отмечено, что эту мучившуюся в поисках сына женщину зовут Асмой Абдулхаевой, она ищет сына Рамазана 1920 года рождения, его призвали на службу в 1939 году. Только этому письму уже много лет, ко мне оно попало недавно. Но всё же я выпросила адрес и послала письмо. Но ответ был от другой женщины, её имя — Залифа...

— Залифа?..

— Да. Через почту я отыскала и связалась с Залифой.

— А зачем её искать? Я и так знаю, где Залифа живёт. — Рамазан крепко сжал зубы, чтобы на раскричаться.

— Ты подожди, Рома, дослушай. — Вася коснулся его локтя.

— После, — неторопливо продолжает Зинаида, — я описала парня, который живёт тут на Валааме, его состояние и внешность. А она прислала фотографию. На ней ты, Рома, рядом со своей матерью!

Василий полез в карман, достал фотографию и передал Роме. Рамазан только взглянул и с болью закрыл глаза: да ведь он прекрасно знает каждый штрих, каждую точку на этой черно-белой фотографии! Платок на голове, яркий и цветастый, его мама одевала только в торжественных случаях. На ней было коричневое платье, бархатный бешмет. Грустные глаза, светлое лицо, крепко сжатые губы. Потом ещё оправдывалась и смеялась: «Постеснялась фотографа и насупилась так, что самой некрасивой кажусь!» На долговязом парне, стоящем за ней, чёрный костюм, изнутри видна рубашка с расшитым воротником. На голове кожаная кепка, оставшаяся от отца.

Увидев фото, Рамазан понял, что не сможет убежать от действительности. Он снова вопросительно посмотрел на Зинаиду, требуя дальнейших разъяснений.

— Мамы твоей уже нет, Рома... Она ушла из этой жизни четыре года назад. А тебя ищет Залифа.

Услышав о смерти матери, в боку Рамазана что-то кольнуло, он долго лежал, не смея вздохнуть. Чтобы подавить свои чувства, он жёстко сказал:

— А зачем я Залифе нужен?

— Я знала, что ты начнёшь ерепениться. И Залифе написала об этом. Вот она прислала письмо конкретно на твоё имя. Ты сначала прочитай его, а там уже сам решай, что делать, мы тебя неволить не будем. — Зина мельком посмотрела на мужа, тот быстренько вытащил из того же кармана конверт и положил на грудь парня. Супруги торопливо вышли из палаты.

Рамазан долго лежал, не смея взять в руки письмо. Потом дрожащими руками отыскал его и открыл конверт. Содержание было самым обычным: «Хаумы, Рамазан! («Здравствуй» по-башкирски заставило его вздрогнуть: он давно не читал писем на родном языке, и разговаривать было не с кем). Горячий привет с ветрами Аллагувата тебе присылает Залифа. Я знаю, что ты хочешь забыть и родину, и нас, и решил не возвращаться в деревню. Зинаида написала мне всё. Но всё же я пишу тебе, чтобы объяснить наше положение. В 1944 году пришла похоронка на нашего отца. В том же году от болезни лёгких померла и мать. Мы с сестрёнкой остались одни. Зима была очень холодная и тётя Асма, твоя мать, позвала нас пожить у неё. Готовить дрова для одной избы будет легко, сказала она. В 1946 году твоя сестра Амина покалечилась на лесоповале, два года мучилась в постели и умерла. Её трое детей остались в руках тёти Асмы, папе их тоже не судьба была вернуться домой. Вот так мы стали жить вместе большой семьёй. Тётя Асма до самой смерти ждала тебя. Сын её соседа, Шариф ага, оказывается, видел тебя в городе Сочи на вокзале. Но не успел с тобой встретиться. После этой новости мы взбодрились и начали писать в разные организации, искали тебя. А я тебя ишу с сорок четвёртого года, с тех пор как перестали приходить твои письма. С тётей Асмой мы жили и страдали вместе, надеясь на твоё возвращение. Я уже говорила, что семья наша очень большая. Сестрёнке исполнилось двадцать лет, она уже девушка на выданье. Дети твоей сестры Амины тоже выросли, старший сын заканчивает школу. Две девочки с детства привыкли называть меня мамой, они взрослые, сами ухаживают за собой. Мы держим скотину, птицу. До сих пор живём у тёти Асмы, то есть в вашем доме.

Вот такие наши дела. И про тебя мы знаем и очень радуемся, что ты живой. Война коснулась всех домов в деревне, многие остались без отцов и родных, а ты решил нас осиротить таким образом. Мама твоя ушла с надеждой, что ты жив. И я тоже верила.

С искренними желаниями свидеться с тобой — Залифа.

2 октября, 1955 год.»

Рамазан признал Залифу сразу же. По цветастому платку матери. Стоящая на углу палубы парохода девушка и поведением, и одеждой отличалась от других. Василий с Зинаидой тоже узнали её, медленно спускающуюся с палубы по трапу. Полы длинного платья, поверх которого был одет чёрный ворсистый бешмет, колыхались на ветру. Залифа одной рукой поправляла платье, а в другой держала большущий чемодан. Не торопится сойти на берег, спокойно ждёт своей очереди. Рамазан даже по этим медлительным движениям узнавал спокойную природу женщин своей деревни и его сердце больно заныло. Именно в это время он почувствовал, как соскучился по самим дорогим людям, что зря только столько времени мучил себя нежеланием возвращаться в родные края. Он издалека хотел поприветствовать её, поднял руку и тихонько прошептал:

- Залифа..
- Потом глубоко вздохнул и крикнул громче:
- Залифа!

В последний раз прокрутим время вперёд. Рамазан и Залифа прожили вместе около сорока лет, и оставили этот мир друг за другом. У них было шестеро детей, их род, распространившись по миру, создал широкое родословное дерево. И с друзьями на Валааме наши герои встретились не раз.

А пансионат на острове просуществовал до 1974 года. Таких лагерей, как этот, по стране было несколько. Потом на Валааме снова восстановили монастырь. Память об инвалидах-фронтовиках сохранили лишь старое кладбище и музей внутри церкви. Они — свидетели. Не забывают. Все, как было. После Победы...

*Перевод с башкирского
Дамира Шарафутдинова*

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

ПОЛЫНЬ В СНЕГУ

Полегла в голом поле пехота
В декабре сорок первого года.
Кто потери считал под Москвой?!
И последним стал первый бой.
Не жалел Верховный народу.
Шли в огонь новобранцы с ходу...
В чёрном небе звезда зажглась.
И вмерзали солдаты в наст.
Пули в поле тела отпели.
Схоронили в снегу метели.
Вьюги вдовий оплакал вой.
И хранит полынь их покой.

ТРЕУГОЛЬНЫЙ ПАРУС ИЗ БУМАГИ

Как в снегу, в бинтах лежат солдаты –
Все войной безжалостно распяты!
В старой школе госпиталь теперь.
Учат жить здесь взрослых, как детей.
Долго длится мужества урок
Для учеников – без рук, без ног.
И оценки выставляет мелом
Смерть – учитель строгий в платье белом...
Классная доска с весны хранит:
«... на дуэли Лермонтов убит...».
Вновь, как школьник, смотришь ты в окно,
Про себя твердя «Бородино»
И слова простые «Завещанья»,
Как завет прощенья и прощанья...
И фантомной болью вдруг пронзит:
«В сорок первом – Лермонтов убит!».

Ночью, карандаш зажав зубами,
Пишешь сам письмо далёкой маме.
И белеет в госпитальном мраке
Треугольный парус из бумаги.
Пусть летит с надеждой он домой:
«Мама! Я не умер. Я – живой!».

ЗАПАХ ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Запах горькой полыни
Мне напомнил опять,
Как тоскует о сыне
Поседевшая мать.

На рассвете выходит
За ворота она.
И до вечера бродит
Скорбной тенью – одна.

Сын мальчишкой безусым
Уходил на войну.
И домой не вернулся –
Сгинул в чёрном дыму.

Пламенеют закаты
Над полынной страной.
В поле боли солдаты
Стали горькой травой...

Горе душу сжигает.
Год за годом идёт.
Каждый вечер встречает
Сына мать у ворот.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Купол неба – синий нимб России.
Дождь прошёл, и радуга встаёт.
Влажный чернозём почуял силы.
Умерев, зерно росток даёт.

Жизнь над смертью торжествует снова.
И от солнца отползает тень.
Воскресает воинство Христово
После Пасхи на девятый день.

Пламенеют травы на пригорках.
Взрывами черёмухи цветут.
Сыновья в истлевших гимнастёрках
К матерям седым с войны идут.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

На глазах сжимается как сердце
То, что нам завещано в веках.
Горсть земли в ручонке у младенца.
Горсть земли в руке у старика.

Горсть земли, что слаще земляники.
Горсть земли, что пота солоней.
Человек становится великим,
Если солью растворится в ней.

Горсть земли – горячая от крови –
У солдата запеклась в руке.
На чужбине был он похоронен
От полей родимых вдалеке.

Пыль дороги смерчем закружится
И осядет на полынь в тоске.
Горсть родимой принесла землицы
На могилу сына мать в платке.

И забьётся вдруг родное сердце –
Слёзы оживить его смогли!..
Горсть земли в ручонке у младенца
Вобрала все горести земли.

ГОРЬКАЯ ПОБЕДА

Мой дед не любил вспоминать о войне.
Забывшись, ночами стонал он во сне.

Сердце изранили грани осколка.
От боли ему помогала махорка –
По-солдатски крепка и горька.
С самокруткой однажды застыла рука...
Нет! Не рассказывал он о войне.
Знать оттого мне горше вдвойне,
Что и безвременной смертью деда
Оплачена горькая наша Победа!

ПОХОРОНЫ ДЕДА

Бывают странные совпадения.
Они оставляют на сердце след.
Пришла из деревни –
в мой день рожденья –
Телеграмма. Скончался дед...
Я не забуду тот день в декабре.
Морозы тогда стояли под сорок.
Шли мы к кладбищу на горе.
Снег под ногами взрывался, как порох.
В поле нас встретил

пронзительный ветер.
Обметала позёмка сугробов края.
От ледяного дыхания смерти
Как-то роднее вдруг стала родня.
И долго-долго смотрел нам вслед
Молоденький ельник,
посаженный дедом...

Вот, говорят, в ногах правды нет.
А я бы мог поспорить об этом,
Вспомнив корявые корни-вены
Да пару разбитых солдатских сапог.
Из райбольницы после гангрены
Дед умирать вернулся без ног...
Гроб на плечах всплыл на гору, как лодка.
Захлебнувшись, замолк

похоронный марш.
И в тишине причитала тётка:
«Папанька! Жалельщик наш!».
Небо высокое стало суровее.
Смертно белело поле окрест.
Вкопан был в мёрзлые комья надгробия
Комлем – дубовый обтёсанный крест.
Цело тело или короче –
Всех, как мать, принимает земля...
Умер дед двадцать первого ночью.
А наутро – родился я.

ПОСЛЕДНИЙ ЮБИЛЕЙ

Деду

Наркомовских сто грамм
Мы у могилы пьём...
Не тронут твой стакан,
Накрытый сухарём.

Поклонимся в молчанье.
Утраты – всё острей...
Вот так и отмечаем
Последний юбилей.

ВОЙНА

Было вначале слово.
И слово было: «Война».
По-библейски сурово
Внимала ему страна.

Жизнь поменялась круто
И стала до боли проста.
Раструбом репродуктора
Отверзлись пророка уста,

Голос гнева возвысив!
И кровь была солона.
С ветхозаветных истин
Начиналась война!

Так было: «Око за око».
И ярость застила свет!
И лишь под конец далёко
Забрезжил Новый Завет.

Не звери мы – человеки.
«За други своя» – помин.
И опустили веки
Волкодавы...
«Аминь».

От редакции. Поздравляем Валерия Алексеевича Сухова, нашего уважаемого автора, с вручением премии имени М. Ю. Лермонтова 2020 года за поэтический сборник «Холмы земные» и культурно-просветительскую деятельность.

ИСТОРИЯ ГЕРОЕВ, СРЕДИ КОТОРЫХ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Интервью с участником афганской войны, Героем России, уроженцем Татарстана, написанное по просьбе редакции нашего журнала.

Дауди Ильяс Дильшатович – общественный деятель, публицист, Герой Российской Федерации. Родился 29 января 1967 года в городе Азнакаево Татарской АССР. В 1985–1986 годах выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Проходил службу в разведывательной роте 149-го гвардейского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии в должности разведчика. Награждён двумя орденами Красной Звезды. В августе 1986 года во время общевойсковой операции «Западня» на афгано-иранской границе был тяжело ранен. Лишившись ноги, после длительного лечения в том же году комиссован из рядов Вооружённых Сил СССР. За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Афганистане, 27 декабря 2009 года был удостоен звания Героя Российской Федерации.

В 2012 году окончил факультет национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автор рассказов и очерков об афганской войне, опубликованных в «Армейском сборнике», в газете «Красная звезда» и ряде других российских изданий. В 2017 году стал победителем Всероссийского литературного конкурса, учреждённого Центральным Домом российской армии Министерства обороны Российской Федерации, в номинации «Проза и драматургия».

Член Общественного совета при Полномочном представительстве Республики Татарстан в Российской Федерации.

Женат, воспитывает сына и пять дочерей.

– Ильяс Дильшатович, романы, основанные на реальных военных событиях, всегда привлекают внимание. Ваше произведение «В круге кундузском» называют историческим. Расскажите, о чём Ваша книга?

– Мои друзья, солдаты и офицеры, искренне гордятся тем, что служили в Афганистане, выполняя важную государственную задачу вдали от Родины. Я постарался изнутри показать быт и атмосферу боевых действий, фронтовую дружбу, способность к взаимовыручке и самопожертвованию. К написанию романа я шёл долго. Из памяти не уходили воспоминания. Во время учёбы на факультете национальной безопасности академии при Президенте России я проштудировал все мемуары наших военачальников из советского Генерального штаба, Туркестанского военного округа, 40-й армии, посвящённые афганской войне. На основании собранных данных сначала написал книгу о тех событиях под названием «Большая игра в Афганистане». Одновременно с этим многие годы продолжал изучать историю данного региона: непосредственно самого Афганистана, а также соседних с ним государств Центрально-Азиатского региона и Южной Азии: Пакистана, Ирана, бывших среднеазиатских республик СССР.

Во время службы в Афганистане я вникал во все нюансы жизни и быта местного населения. Использовал любую возможность пообщаться с жителями. Изучал не только национальные особенности, но и религиозные направления в исламе (суннизм, шиизм, исламизм). Эти знания позволили мне хорошо осмыслить события, произошедшие

в Афганистане, 1980-е годы, и наложить на них историю моих героев. Таким образом роман растянулся в сагу продолжительностью в три десятилетия.

Его главными действующими лицами стали шестеро советских солдат-разведчиков из состава Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Они были призваны из разных уголков СССР. Это — бурят из Улан-Уде Дархан Бадмаев (потомок шаманов), поволжский немец из казахского Джамбула Константин Тевс, выросший в интернате донской казак из Ростова Сергей Сидоренко, студенты Рустам Тукаев из Татарстана и потомок столичной научной интеллигенции москвич Иван Костров, а также представитель культурной (северной) столицы — ленинградец Герман Стрельцов. Их знакомство началось в поезде по пути в «учеб-ку» — в южный Узбекистан. По прибытию в воинскую часть их отобрали в разведывательную роту, поскольку все они оказались спортсменами и знали толк в боксе, дзюдо и каратэ.

С первых дней учёбы в ходе освоения навыков войскового разведчика, а затем в период службы в Афганистане их дружба будет только крепнуть. Разведчики примут участие в наиболее сложных войсковых операциях афганской войны в Панджшерском и Мармольском ущельях, приграничных с Пакистаном и Ираном провинциях Кунар, Бадахшан, Герат, в районе Хоства-Ференг. Трое из дружной шестёрки погибнут в бою. Двое из троих, оставшихся в живых, будут ранены на другой операции и вернуться домой госпитальными коридорами.

Вернувшись на родину, парни увидят другую страну, существенно отличающуюся от той, которую они покидали. Верные своим принципам и убеждениям, они не смогут остаться в стороне от событий, разделивших российское общество на две части в дни политического кризиса в октябре 1993 года. Участвуя в вооружённом противостоянии сторонников президента и Верховного Совета у Дома Советов, друзья встанут по разные стороны баррикад.

Но что может быть ценнее фронтовой дружбы! Даже в этих непростых условиях друзья, рискуя жизнью, будут выручать друг друга. Однако один из них в те октябрьские дни всё же погибнет. Ивана Кострова — офицера спецподразделения «Альфа», отвечающего за развод противоборствующих сторон, сразит пуля снайпера, когда он попытается вынести раненого солдата из зоны обстрела...

Пройдут годы. И меня найдёт Бруно Тевс, сын погибшего в Афганистане друга-немца Константина. В 1989 году Бруно вместе с матерью и родственниками уедет на постоянное

место жительства в Германию, в город Фрайбург, а когда вырастет, тоже выберет армейскую стезю. Отслужит срочную службу в бундесвере, окончит офицерские курсы. И став, как и его отец войсковым разведчиком, обратится к командованию с просьбой направить его служить в Афганистан в составе Объединённых сил западной коалиции ISAF. Там обер-лейтенант Бруно Тевс будет зачислен в спецподразделение TASK FORCE 47 (Tf-47), располагавшееся в афганском городе Кундуз. В задачи этого подразделения входило проведение специальных операций по ликвидации членов движения талибан.

Бруно Тевс при исключительных обстоятельствах с помощью корреспондента крупного западного издания Отто Гринберга, который в это время по заданию редакции готовил материал к 30-летию вывода советских войск из Афганистана, встретится с моджахедом, убившем его отца. Сам Бруно потеряет любимую девушку — афганку Ситу Ахмадзай, доктора международной гуманитарной миссии «Врачи без границ». Она погибнет при ударе авиации афганских вооружённых сил на этапе проведения ими спецоперации против членов движения талибан. Данные афганским лётчикам передали военные США из ISAF. После другого авиаудара Бруно потеряет и ставшего ему близким другом корреспондента Отто Гринберга...

Будучи очевидцем и участником этих драматических событий, Бруно уволится из армии и отправится на историческую родину — в Казахстан. Там он навестит оставшихся родственников, оставит на могиле отца горсть земли, собранной на месте его гибели. А затем отправится в Москву и отыщет одного из двух друзей отца — безногого Рустама Тукаева. Чтобы узнать, что произойдёт дальше, нужно прочитать роман.

— *Татарин Рустам, как и автор романа, без ноги. Он и автор — одно лицо?*

— Нет. Рустам лучше, чем я. Это другой человек. Мне было удобно через свой родной край, моих старших товарищей, земляков, погибших в Афганистане, передать атмосферу того времени, нравственные и духовные ценности советских людей.

— *То есть получается, что в книге все персонажи — реальные?*

— Персонажи все реальные. Имена изменены.

- Роман «В круге кундузском» выстрадан судьбой?
- Это действительно так.
- Вы не боитесь примерять свою тельняшку на современную молодёжь, характеризуя книгу как историю героев, среди которых хочется жить? Поймут ли они, о чем идёт речь?
 - Убеждён, что молодёжь у нас достойная. Многие из ребят хотели бы стать такими же, как герои этого романа.
 - Афган изменил жизнь большинства воинов-интернационалистов и членов их семей. Вы свою судьбу предначертали рапортом на имя военного комиссара о досрочном призыве. Не жалеете сегодня об этом?
 - Афганистан – самая дорогая страница в моей жизни. Я ничего бы не поменял. Одно только не смог бы пережить ещё раз – это боль, которую я причинил своим родителям, получив увечье.
 - Почему судьбы наших современников, побывавших «за речкой», выглядят как пунктиры на карте мира, которые пересекают страны и континенты?
 - Это во многом типичная линия их жизни. Я просто взял истории своих героев и реальных прототипов и соединил их с подлинными событиями, имевшими место в Афганистане и в России в разное время. И читатели, среди которых, надеюсь, будут ветераны-афганцы, разглядят среди тех событий и себя, и своих товарищей, и свой полк. Верю, книга понравится и моим сослуживцам, живущим ныне в родном Татарстане.
 - Я передал объективную картину тех лет и обстановку, которая складывается сегодня. К большому сожалению, война стала трагедией для афганского народа. В подавляющем большинстве он понимает, что СССР, так много сделавший для становления афганского государства, желал этому народу только добра.
 - Ваш роман – хороший сюжет для кино.
 - Признаюсь: главной задачей и было кино. Но чтобы сделать хороший фильм, необходим не только профессиональный сценарий. Интерес к книге уже есть. Как ни странно, даже за границей. Ведь, например, трагические события с массовой гибелью мирного афганского населения после авиаударов сил ISAF вызвали в европейских государствах широкий резонанс и осуждение со стороны гражданского общества. Например, во время авиаудара по кишлаку Дафтани погибло до 100 детей в возрасте от 8 до 14 лет. А после удара по окраине кишлака Ибрахим-хейль погибли 80 мирных жителей. Всё это случилось в разное время в провинции Кундуз. Кстати, после трагедии в кишлаке Ибрахим-хейль в бундестаге создали парламентскую комиссию, которой было поручено выяснить обстоятельства массовой гибели мирных граждан.
 - Касательно кинопроекта: мы ведём активные переговоры с российскими и зарубежными деятелями киноиндустрии по поводу экранизации романа. Рассматриваются разные варианты: съёмки всей саги целиком в виде сериала или создание полнометражного фильма о Бруно Тевсе.
 - А почему вы решили назвать роман «В круге кундузском»?
 - Это метафора. В центре города Кундуз, что на северо-востоке Афганистана, есть круглая площадь. На протяжении столетий там бурлит активная жизнь. Сама же провинция Кундуз продолжает оставаться регионом ожесточённых боевых действий как во времена присутствия советских войск в 1980-х годах, так и поныне. Такова жизнь.
 - Спасибо за интересное интервью и за ваш роман. Будем ждать фильм!

Беседовал Дмитрий Назаревич, фото из архива Ильяс Давуди

Редакция журнала «Аргатак. Татарстан» получила согласие Героя России Ильяс Дильшатовича Дауди на публикацию некоторых фрагментов его романа «В круге кундузском».

ИЛЬЯС ДАУДИ

ПО ЗОВУ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА

НАША РОДИНА – АЗНАКАЕВО

Руст родился на юго-востоке Татарской АССР в обычной советской семье, но с традиционным татарско-мусульманским укладом жизни. Корни его родного города Азнакаево исходили из двух татарских аулов Куктэка и Куштиряк, расположенных по обе стороны устья реки Ик, служившей административной границей Татарской и Башкирской автономных республик. Детство и юность нашего героя проходили в городских дворах, полных детворы разного возраста, игравшей в футбол, хоккей, лапту и тому подобное. К началу каждой весны подростки собственноручно изготавливали рогатки, самострелы, поджиги. На кострах плавил свинец и отливали из него макеты маузеров и револьверов, с которыми играли в войнушку. С ближайших строек тащили у строителей карбид, клали его в ёмкости, а затем взрывали. Опасные увлечения приводили к тяжёлым травмам, но дворовых это не останавливало.

Несмотря на разницу в возрасте, пацаны были дружными и сплочёнными, ибо в стычках с другими командами каждый двор отвоёвывал лидерство силой. Причина соперничества состояла в доминировании в местах культурного досуга: в кинотеатре «Восток», на летней танцевальной площадке, огороженной стальной сеткой в городском парке, у открытого бассейна и на хоккейном корте. У кассы кинотеатра «Восток» и на автовокзале пацаны из примыкающих к ним дворов сшибали у залётных карманную мелочь. Появление в стычках первой крови по неписанным законам улицы завершало противоборство.

Когда Русту исполнилось семь лет, его мама Райса Ахмадулловна, к тому времени «Заслуженный врач РСФСР», руководила Азнакаевским родильным домом. Должность, звание и авторитет способствовали получению благоустроенной трёхкомнатной квартиры в центре города на улице Ленина. Благодаря этому Руст вошёл в наиболее авторитетное дворовое сообщество «Центр», состоявшее из сыновей городского начальства и местной интеллигенции. Эти ребята были наиболее развиты и физически, и культурно, увлекались самбо, борьбой и боксом, но при этом неплохо играли на гитаре, на клавишных и ударных инструментах. Один из подвалов, принадлежащий городскому производственному предприятию, по инициативе сына начальника был переоборудован под спортивный зал. Другое помещение стало музыкальной студией и было оснащено усилителями, колонками, комплектом гитар, импортной ударной установкой — всё это приобрёл для своего «чада» влиятельный главный редактор

городской газеты «МАЯК». По вечерам пацаны исполняли там песни популярной рок-музыки из репертуара Юрия Антонова, «Машины времени», Beatles, Deep Purple, Led Zeppelin, Pink Floyd, Elton John, Uriah Heep и других групп. Руст, как и многие его сверстники, увлекался игрой на гитаре. Но более приоритетным для него стал спорт. К моменту переезда в центр он уже два года занимался боксом. Так что «центристам» он пришёлся ко двору.

Пацанская среда Азнакаево была жёсткой. Без умения постоять за себя в ней было невозможно утвердиться. Руст, даже оказываясь младшим, мгновенно реагировал на попытки притеснения старшими, не боясь вступать с ними в противоборство. Характер способствовал признанию.

В секцию бокса он пришёл по примеру двух своих дядей — перворазрядников. Один был старше Руста на 6, другой на 8 лет. Хотя и жили они в городе Туймазы (это уже Башкирия, в 75 километрах от Азнакаева), но для Руста стали кумирами. Бокс формировал в Русте и его товарищах по команде волю и мастерство. А смелость и решительность они проявляли в активной среде улицы. Боксёрское сообщество было представлено в городе двумя школами: добровольным спортивным обществом «Труд» в «Доме Физкультуры» и «Трудовыми резервами» в городском профтехучилище № 28. Спортсмены из обеих школ хорошо знали друг друга. По традиции, взрослая, они становились наставниками младших, передавали им опыт и мастерство. Одновременно с занятиями в секции бокса Руст посещал музыкальную школу по классу аккордеона. Его отец и мать считали, что физическое развитие необходимо уравновешивать культурным, а Руст неизменно слушался родителей. Музыкальная школа располагалась в небольшом двухэтажном здании над районным отделением милиции. После занятий музыкой Руст мчался на тренировку в «Дом физкультуры», который находился в ста метрах от школы. Ему нужно только миновать пространство, застроенное частными гаражами. Там, между гаражами, он оставлял папку с нотами и брал сумку со спортивной формой. Бокс поглощал Руста без остатка. Он по полной выкладывался на тренировках и спаррингах. И успевал ещё подготовиться к занятиям в школе. Иначе было нельзя — родители не должны за него краснеть перед кем бы то ни было...

В 1980-м году Азнакаевский район потрясло трагическое событие: в морском боевом походе героически погиб его уроженец, призванный на действительную службу. В наградном листе было написано: «При аварии на газотурбинной установке старшина 2 статьи Шайхутдинов А. З. не растерялся и не оставил свой боевой пост. Охваченный пламенем, он бросился к пульту управления и в аварийной обстановке остановил машины, чем предотвратил аварийный взрыв корабля. Он погиб, выполнив свой воинский долг до конца, с честью, как герой». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 февраля 1981 года старшина 2 статьи Шайхутдинов Альберт Зайнутдинович за проявленное мужество был награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно). Награда и орденская книжка в торжественной обстановке были вручены комиссаром Азнакаевского райвоенкомата отцу награждённого.

Для увековечивания памяти героического земляка в городе Азнакаево был учреждён ежегодный межреспубликанский турнир по боксу среди юношей памяти Альберта Шайхутдинова. Руст трижды становился победителем этих соревнований. Особенный эмоциональный подъём он испытал, когда тренер команды Нияз Хабибуллович Хамидуллин подал директору школы список спортсменов, которых надо было освободить от занятий на время соревнований. Тренируясь и участвуя в первенствах, Руст хорошо успевал в школе. Всякий раз, уезжая на соревнования или спортивные сборы, он брал с собой учебники, в свободное от тренировок и состязаний время занимался

самостоятельно. В школу Руст возвращался, зная наперёд две, три темы, и неизменно садился за первую парту. И учился на пятёрки...

В каникулы, в выходные и праздничные дни, Руст часто приезжал с родителями погостить к деду Ахмадулле (по-татарски «бабаю») и бабушке Кариме (по-татарски «эби») в Туймазы. Этот город стал ему таким же родным, как и Азнакаево. Улица Василия Чапаева, на которой стоял дом деда, находилась в частном секторе, недалеко от новостроек и железнодорожного вокзала. Жители улицы по-деревенски общались между собой, а в случае нужды всегда помогали друг другу. После Победы в Великой Отечественной войне прошло тогда более 25 лет. И Руст вместе с двоюродными братьями и другими сверстниками по примеру «тимуровцев» чтимого ими по школе Аркадия Гайдара, становились «чапаевцами», то есть оказывали реальную помощь матерям и вдовам воинов, не вернувшихся с той войны.

Газ в частные дома тогда не подавался, топили дровами. Ребята спиливали в ближайшей округе высохшие деревья, кололи дрова, вскапывали и засаживали огороды, красили фасады домов и заборы, носили из колодцев воду. Дома, оставшиеся на долгие годы без мужских рук, сильно обветшали и заметно отличались от остальных. Юные помощники-добровольцы приводили их в приличный вид. Постаревшие вдовы были растроганы проявленной заботой и душевно благодарили за помощь. А Карима-эби, услышав от соседей похвалу за воспитанных внуков, говорила им: «А я ведь тоже жена одноногого инвалида войны. Могли бы и мне помочь по хозяйству!» Упрёк, разумеется, был шуточным. По улыбчивому лицу Каримы-эби все видели, что она гордится своими воспитанниками, успевшими понять что-то главное в своей жизни.

* * *

Во вторник 17 апреля 1984 года у ребят 10 «А» класса прозвенел звонок на очередной урок. Ученики сели за парты. Спустя минуту, в дверь постучали. Затем она чуть приоткрылась, и кто-то попросил седовласого преподавателя выйти. В коридоре стояли офицер военкомата и две сотрудницы горисполкома. После короткой беседы преподаватель вернулся в класс заметно подавленным. Он тихо попросил Руста Гильфанова взять с собой портфель и выйти из класса. И сам потом удалился вслед за Рустом, оставив ученикам рабочее задание и сославшись на неотложные обстоятельства. Через некоторое время в класс вбежал опоздавший с перемены Фаяз Латыпов. Он-то и поделился с одноклассниками скорбной вестью, нечаянно услышанной им в коридоре: «Брат Руста Фанис Гильфанов погиб в Афганистане. Привезли цинковый гроб».

Печальной новостью в числе других был ошарашен и Руст. Он дружил с Рустом и прекрасно знал его старшего брата по занятиям в секции бокса, постоянно интересовался у одноклассника сведениями о месте службы Фаниса в ДРА, о его боевых буднях. Как будущему призывнику ему это было интересно. Руст сразу вспомнил, как два года назад Фанис пришёл на тренировку налысо стриженным и сообщил: «Всё, парни, завтра ухожу в армию. Увидимся через два года!» К Русту, несмотря на разницу в три года по возрасту, Фанис относился дружелюбно, служил ему примером поведения и в спорте, и на улице. Нельзя было не уважать Фаниса и за то, что он стал старшим мужчиной в семье после неожиданной смерти отца, помогая своей маме (Дание-апа) кормить семью и воспитывать младших, трудясь в УБР (управлении буровых работ) перед призывом в армию.

В конце марта 1984 года истекли два года его армейской службы, а Фанис всё не возвращался. В начале апреля Рустам сообщил Русту, что некоторое время назад, батальон Фаниса был ротирован из Асадабада в Джелалабад, и в своём последнем письме

Фанис просил родных ему больше не писать. Он объяснял это скорой демобилизацией. Его очень ждали домой...

За период службы старшего сержанта Фаниса Гильфанова с октября 1982 года по апрель 1984 года в 7-й мотострелковой роте, не выбиравшейся из боевых действий, погибло более тридцати пяти военнослужащих. В бою у населённого пункта Ганджаль в провинции Кунар 16 мая 1983 года его рота понесла безвозвратные потери в количестве 17 воинов, а 11 апреля 1984 года у населённого пункта Суруби в упорном боестолкновении она же понесла потери по разным данным от 12 до 15 человек. Подавляющее число погибших солдат в том бою, в числе которых был и заместитель командира 1-го взвода Фанис Гильфанов, являлись по сути уже демобилизованными. Срок их службы истёк, и они ждали отправки домой. Четверо военнослужащих, вместе с которыми плечом к плечу воевал старший сержант Фанис Гильфанов, за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга в республике Афганистан, были удостоены званий Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации: лейтенант Александр Стомба (посмертно); лейтенант Георгий Демченко (посмертно), старший лейтенант Сергей Амосов (посмертно), рядовой Нухидин Гаджиев (посмертно).

В Книге Памяти погибших в Афганистане о Фанисе написано: «ГИЛЬФАНОВ Фанис Азгамович, 1963 года рождения, младший сержант, командир отделения... Неоднократно принимал участие в боевых операциях. 11.04.1984 г. подразделение, в составе которого он находился, выполняло боевую задачу и попало в засаду. В завязавшемся бою Гильфанов погиб. За мужество и отвагу, Гильфанов Ф. А. награждён орденом „Красной Звезды“ (посмертно)»...

Провожали Фаниса в последний путь всем городом. Проститься с ним пришли преподаватели школы, все, с кем он рос, учился, дружил, занимался боксом. Остались на время похорон и сопровождавшие гроб военнослужащие Советской Армии: офицер и два солдата. В Афганистане они служили не с Фанисом, а в другом подразделении, но им поступил приказ доставить тело погибшего воина на Родину. Многие азнакаевцы подходили к ним, расспрашивали об обстоятельствах гибели Фаниса и вообще о той войне. Траурная колонна прошла мимо средней школы № 2, в которой десять лет учился Фанис.

В дальнейшем судьба распорядится так, что спустя полгода или год пятеро ребят из класса Руста призовутся на срочную военную службу в Вооружённые силы СССР и направятся служить в Демократическую Республику Афганистан. Невзирая на гибель в Афганистане родного брата Фаниса, Рустам Гильфанов, оставшись единственным сыном у матери, спустя год, по исполнению 18-ти лет, весной 1985 года вместе с товарищами отправится служить в советскую армию.

Есть что-то необъяснимое в житейских совпадениях...

* * *

Весной 1984 года Руст окончил среднюю школу на «отлично» и получил звание кандидата в мастера спорта по боксу. А в июне он уехал в Москву, где, успешно сдав вступительные экзамены, поступил в институт нефти и газа имени И. М. Губкина. Руст поселился в трёхместной комнате студенческого общежития, построенного к открытию летних Олимпийских игр 1980 года на улице Бутлерова. Его соседями по комнате оказались студенты третьего курса, только что приехавшие из Норильска, где летом работали в стройотряде. Они уже прошли армейскую службу. Один из соседей по национальности был туркмен. Его часто навещал хромающий и немногословный земляк. Как-то раз Руст поинтересовался, что у него с ногой. Тот рассказал, что в Афганистане в районе Газни их взвод попал в засаду. В том бою выжили лишь он и ослепший от

ранения командир. Это сильно потрясло Руста. К его кручине в связи с гибелью в Афганистане Фаниса Гильфанова добавились новые впечатления.

Несмотря на то что жизнь в столице и учёба в институте Русту нравились, мысли его почему-то постоянно возвращались к афганской войне. Стремясь узнать о ней больше, поздними вечерами он тайком слушал по транзистору передачи западных радиостанций, в которых выступали бывшие советские военнослужащие, при разных обстоятельствах попавшие в плен к афганским «мятежникам». Их из Афганистана через Пакистан переправляли в Западную Европу, а затем в Канаду и США. В радиоэфире они повествовали о якобы многотысячных потерях советского военного контингента в Афганистане, о жестоких неуставных взаимоотношениях, бесчинствах советских военных и о значительных жертвах среди гражданского населения. У каждого выступавшего была своя история. Руст не давал оценку, не испытывал к ним сочувствия или неприязни. Выбор оказавшихся «за бугром» был ему непонятен. Но его продолжали волновать гибель земляка Фаниса, а также история хромого туркмена. Интервью бывших советских солдат только подогревали интерес к событиям в далёком Афганистане. Не хотелось им верить, но хотелось быть рядом с ровесниками, которые с оружием в руках защищают южные рубежи Родины, выполняя интернациональный долг...

В середина сентября (едва началась учёба) в студенческой среде появилась слухи о возможной мобилизации студентов призывного возраста, годных к военной службе. Русту в это время как раз исполнилось 18 лет. И он тотчас направился в военкомат Брежневского района Москвы и подал заявление с просьбой направить его служить в Демократическую Республику Афганистан. Там его действия сочли весьма странными и ход заявлению не дали. Поняв, что дело застопорилось, Руст написал новое обращение на имя военного комиссара, полковника Накашидзе и одновременно записался к нему на приём. Полковник принял студента, внимательно прочитал его заявление, а затем спросил: верно ли он понял прочитанное. Получив утвердительный ответ, Накашидзе порвал заявление, а Руста выгнал из кабинета. Оказалось, не на того напал. Руст день за днём приходил в военкомат и «мозолил глаза». Как-то утром нос к носу столкнулся с полковником у входа в РВК. Поняв, что Руст твёрд в своём намерении, Накашидзе пригласил его в кабинет и, решив поговорить дипломатично, по-отцовски, стал взывать к здравому смыслу:

— Не понимаю я тебя! Ты что, смерти ищешь?! Многие пытаются уклониться, а ты на войну рвёшься? Ты ведь студент, верно? — взывал к здравому смыслу полковник.

— Да! — ответил Руст.

— Вот иди и учись! — наставлял комиссар. — Надо будет, мы сами тебя вызовем. А иначе позвоню твоему ректору, пусть он с тобой разбирается.

И опять заявление было порвано. На Руст тут же достал из студенческого портфеля второй экземпляр, который и положил полковнику на стол:

— У меня этих заявлений — целый портфель!

Полковник вскипел, вскочил с места, взял Руста под локоть и повлёк к выходу. Приёмная была забита взрослыми людьми кавказской национальности.

— Посмотри, — сказал Накашидзе, — это — мои земляки. Они пришли сюда, чтобы отмазать от армии своих сыновей да племянников, а ты добровольно на войну просишься?

Руст твёрдо заявил:

— Я всё равно туда пойду!

Поняв, что уговоры бессмысленны, Бедзин Антонович Накашидзе махнул рукой, быстро вернулся к письменному столу, наложил на заявление короткую резолюцию и вручил Русту:

— Чёрт с тобой! Не хочешь учиться — побегай по горам. Только вернись живым!

* * *

Пройдя военно-врачебную комиссию в РВК и попрощавшись с институтом на время военной службы, Руст успел съездить и в Азнакаево, чтобы попрощаться с родителями.

В купейный вагон фирменного поезда «Башкортостан», в котором ехал Руст, зашёл высокий крепкий парень, показавшийся знакомым. Парень тоже пристально посмотрел на Руста и, чтобы развеять сомнения, назвал его по имени. Руст подтверждающе кивнул и сам тотчас же вспомнил вошедшего. Это был один из членов туймазинской сборной по боксу по имени Тахир. Он, как и Руст, ехал домой повидаться с родственниками перед отправкой в армию. Но только ехал он через Москву транзитом из Ленинграда. Из рассказа Тахира Руст узнал, что всю боксёрскую сборную юношей в Ленинград перевёз тренер Николай Исаев, переехавший туда жить.

Под стук вагонных колёс между старыми знакомыми завязалась долгая беседа. Тахир сообщил Русту горькую весть о гибели в Афганистане в мае 1984 года их общего товарища, Фануза Гареева — капитана туймазинской сборной. С Фанузом Руст тоже был хорошо знаком и даже приятельствовал. Это был техничный и перспективный боксёр, которого ждали высокие пьедесталы. Ещё во время летних школьных каникул, находясь в гостях у деда Ахмадуллы, Руст, дабы не останавливать тренировочный процесс, посещал тренировки в туймазинском спорткомплексе «Химмаш», поддерживал с местными боксёрами дружеские отношения, но в товарищеских встречах городских команд всегда выступал за Азнакаево.

Тахир поведал Русту, что, окончив десятилетку, Фануз отправился в город Фергану (Узбекистан), в Школу высшего спортивного мастерства. Оттуда и был призван в войска Туркестанского Военного округа. В учебной воинской части, куда попал служить Фануз, он продолжал заниматься боксом и стал победителем Первенства Вооружённых сил СССР 1983 года, достигнув звания «Мастер спорта СССР». Однако после окончания учебки, как честный и волевой парень, Фануз не прикрылся высокими спортивными достижениями, чтобы уклониться от отправки в Афганистан. Он предпочёл отложить спортивную карьеру до возвращения из армии.

В Афганистане Фануз Гареев, как и погибший за месяц до него Фанис Гильфанов, был зачислен в состав 66-й отдельной мотострелковой бригады в Джелалабад, но только в разведывательную роту. А погиб Фануз в мае 1984 года в ходе общевойсковой операции в провинции Панджшер.

В Книге Памяти погибших в Афганистане о Фанузе написано: «В ходе выполнения боевой задачи отделение Гареева Ф. Т., находясь в головном дозоре, продвигалось по заданному маршруту. На одном из участков дозор был обстрелян противником. Проявив высокие профессиональные навыки, Гареев Ф. Т. организовал оборону отделения и обеспечил вступление в бой главных сил подразделения. В ходе выполнения боевой задачи Гареев Ф. Т. был тяжело ранен и от полученных ран 20.05.1984 скончался. За мужество и отвагу он был награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно)...

Авторское отступление от сюжета. Руст, находясь в поезде, мчащемся к родному дому, не знал, да и не мог знать о других друзьях-земляках, которые уже никогда не смогут вернуться ни в Азнакаево, ни в Туймазы из пылающего в сражениях Афганистана, куда он добровольно стремится попасть, повидавшись с родными и близкими людьми, думая при этом — не в последний ли раз... Как прошла встреча с родителями, как навещал родную школу, спортивный зал, как накануне отъезда прошёл по знакомым с детства улицам, наш герой не стал рассказывать. Слишком горячими были слёзы матери, слишком жёсткими были упреки отца, не желающих отдавать родную крови-

ночку на бойню... Спешу успокоить читателя — Руст останется жив, иначе эта книга не была бы написана. Но читателю я не могу не рассказать о тех утратах, которые ещё неизвестны главному герою романа.

Николай Кандауров, выпускник Азнакаевского ГПТУ № 28, капитан юношеской сборной по волейболу, добродушный, жизнелюбивый и отзывчивый парень, был давним товарищем Руста. Они росли в разных концах улицы, но вместе играли в футбол и хоккей, часто встречались на разных соревнованиях. Отец Руста работал вместе с родителями Николая на одном и том же нефтетранспортном предприятии. И Руст, и Николай одновременно в течение года служили в Афганистане, не зная об этом, поскольку оказались в разных местах. О гибели друга Руст узнал из письма своей матери. Она подробно написала о похоронах Николая, произошедших в родном Азнакаево, куда и был доставлен «груз-200». В своё время о подробностях воинского подвига земляка Руст узнает уже сам.

В посмертном наградном листе Кандаурова Николая Петровича, 1966 года рождения, пулемётчика 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка написано: «При оказании интернациональной помощи афганскому народу в деле защиты завоеваний Апрельской революции в ДРА, проявил мужество и героизм. Принимал участие в 15 боевых операциях, гвардии рядовой, пулемётчик. 14 декабря 1985 года при ведении боевых действий в районе пересечения Панджшерской долины и ущелья Хазара рядовой Кандауров Н. П. действовал в составе разведдозора батальона. Выдвигаясь в заданный район, дозор обнаружил передвижение крупной банды мятежников, которые занимали позицию для нападения на основные силы батальона. Сообщив об этом на командный пункт, дозор занял выгодную для боя позицию и открыл по мятежникам прицельный огонь, сорвав их планы внезапного нападения на основные силы. Мятежники ответили сильным обстрелом позиции дозора из стрелкового оружия и безоткатных орудий. Завязался упорный бой. В ходе боя командир дозора получил ранение, двое солдат погибли, сам рядовой Кандауров Н. П. был ранен в обе ноги. Истекая кровью, он продолжал огнём своего пулемёта сдерживать натиск мятежников, превосходящих по численности. Однако мятежники продолжали наступать уже с трёх сторон. Рядовой Кандауров Н. П. дал команду оставшимся в живых выносить командира из-под огня. Оставшись на позиции один, рядовой Кандауров Н. П. до последнего патрона вёл бой с мятежниками, а когда у него кончились патроны, то удерживал противника гранатами. Поняв, что у десантника кончились патроны, мятежники решили захватить его в плен. С последней гранатой рядовой Кандауров Н. П. оставался на своей позиции. Когда мятежники окружили его, отважный гвардеец, дав им возможность приблизиться на минимальное расстояние, подорвал себя, уничтожив при этом семь мятежников. Проявив хладнокровие, мужество и героизм, рядовой Кандауров Н. П. погиб, до конца выполнив свой воинский и интернациональный долг».

В бою на Пизгаранском кресте в ущелье Хазара 14 и 15 декабря 1985 года вместе с гвардии рядовым Николаем Кандауровым из состава 8-й и 9-й парашютно-десантных рот, а также приданных сил 3-го парашютно-десантного батальона 345-го парашютно-десантного полка, погибло по разным данным от 13 до 15 человек.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «За мужество, героизм и самопожертвование» гвардии рядовой Николай Кандауров награждён медалью «За Отвагу» и орденом Ленина (посмертно).

И ещё один бой, ещё одна утрата...

В ряды Вооружённых сил СССР Фаяза Латыпова призвали в октябре 1985 года. Руст к тому времени прослужил уже год.

После трёх месяцев подготовки в военном учебном подразделении в гарнизонах Термез и Шерабад на юге Узбекской ССР Фаяза Латыпова для дальнейшего прохождения службы в феврале 1986 года направили в состав Ограниченного контингента Советских войск в Афганистан, в 191-й отдельный мотострелковый полк в провинции Газни. Спустя три месяца, в апреле 1986 года, он в составе подразделения участвовал в крупной войсковой операции в провинции Пактия на афгано-пакистанской границе, сопровождая на горном участке маршрута возле населённого пункта Чамкани транспортную колонну автомашин и бронетехники. Огневое прикрытие её головной, тыловой и хвостовой части обеспечивало грозное оружие с мощной ударной силой — зенитные установки ЗУ-23-2, установленные на кузовах трёх КАМАЗов. Рядовой Латыпов входил в один из боевых расчётов Зу-23-2. Учитывая, что зенитки представляли для атаковавших советские колонны мятежников наибольшую опасность, поражение их боевых расчётов являлось приоритетной задачей. С ближайших гор по КАМАЗу, в котором находился Фаяз, был открыт шквальный огонь. Первыми ранили водителя. Обездвижив КАМАЗ, мятежники заблокировали дальнейшее движение колонны и начали её расстреливать. Несмотря на непрекращающийся огонь, Фаяз не растерялся. Он быстро определил местонахождение огневых точек противника и открыл по ним огонь из зенитной установки. В огневом противостоянии он получил сквозное пулевое ранение в живот и скончался при эвакуации в госпиталь 14 апреля 1986 года.

В Книге Памяти погибших в Афганистане о Фаязе написано: «Латыпов Фаяз Мазгарович, 1967 года рождения, рядовой, радиотелефонист. В Республике Афганистан с февраля 1986 года. В ходе боевой операции мотострелковая рота, в которой он служил, преодолевала ущелье и была обстреляна. Под огнём противника Латыпов Ф. М. действовал смело и решительно. При смене огневой позиции он получил тяжёлое ранение и 14.04.1986 года скончался от ран. За мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета Латыпов Ф. М. награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно)».

ГОРНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ШЕРАБАД И КИШЛАК МАЙДАН

Близился к концу декабрь 1984 года. Несмотря на зиму, погода в Сурхандарье, на юге Узбекистана, не грозила ненастьем, оставаясь сухой и тёплой. После месячного курса молодого бойца и принятия Военной присяги на Термезском полигоне, находившемся в двух километрах от советско-афганской границы, шестерых друзей — Костра, Сидора, Костяна, Стрелу, Руста и Монгола — в составе разведроты направили в Горный учебный центр (ГУЦ). Там в течение двух месяцев разведчикам предстояла горная, тактико-специальная и огневая подготовки. На вершинах холмов ГУЦ были оборудованы стрельбище, душманский городок, палатки разведывательной и горнострелковых рот. Три палатки разведроты стояли особняком на окраине. Душманский городок представлял собой подобие глинобитного афганского кишлака с хижинами, строениями и узкими улочками. К расположенным в низине солдатской столовой, умывальникам, киноклубу под открытым небом с ближайших холмов вели крутые узкие тропы.

Два месяца горной подготовки состояли из многократных восхождений, длительных горных переходов и крутых спусков — всё с полной выкладкой и догрузкой. Альтернативой на полигоне была команда «Сопка наша — сопка ваша». Она означала приказ к экстренному овладению вершиной. Физические нагрузки курсантов казались непереносимыми.

Условия их занятий были приближены к боевым действиям. Условия быта оставались полевыми, сопровождавшимися произвольными выбросами углекислых газов, испарениями солдатских портянок в нагретом за день воздухе палатки. Для стабилизации работы сердца курсантам-разведчикам регулярно выдавали специальные таблетки.

Единственным местом, где теплилась какая-то жизнь, был расположенный в трёх километрах от Шерабада кишлак Майдан. Он раскинулся в подножье гор. Зарослями высокого и густого камыша был окаймлён пруд, в котором водились караси. Но рыбу в пруду никто не ловил, местные жители в пищу её не употребляли. Они занимались скотоводством, выращиванием бахчевых культур и фруктов: арбузов, дынь, персиков, абрикосов, винограда, хурмы. Во многом структура местного общества сохраняла до-революционный уклад. Наследие басмачества явствовало до середины 1960-х годов. Да и в середине 1980-х самой статусной персоной кишлака, например, был заведующий крошечным продмагом Хамидулла. Отсутствие нормального питания, в особенности мучного и сладкого, наталкивало курсантов-разведчиков на мысль о целесообразности установления с жителями Майдана делового контакта. Случай для этого вскоре представился.

Надо отметить, что с первого же дня курсантской службы на Термезском полигоне, Руст расположил к себе экипаж боевой разведывательно-дозорной машины БРДМ, уроженцев Средней Азии механика-водителя Надира и наводчика-оператора Махмуда, прослуживших к тому времени уже полтора года. Услышав их общение между собой, Руст удивился сходству узбекского языка с родным татарским и в сжатые сроки сумел заговорить по-узбекски. НаDIR и Махмуд ввели Руста в узкий круг своих земляков, занимавших в воинской части «тёплые», хозяйственные места: на складах, в столовой, чайхане. Потенциал Руста по добыче продуктового дефицита для себя и друзей на территории части возрос. Решалась эта задача мирными методами. Да и благодаря последующему знакомству с хозяином продмага в кишлаке Хамидуллой Сидору, Монголу, Костяну, Костру и Стреле при прямом посредничестве Руста удалось осуществить уникальную сделку по обмену списанных солдатских одеял на бесценный для молодых организмов урюк. Это была тщательно разработанная конспиративная операция, о которой командованию лучше было не докладывать.

Сотрудничество Руста и Хамидуллы продолжилось, завязавшись в добрые отношения. Хамидулле импонировало, что Руст татарин- мусульманин, говорит по-узбекски, и предприимчив. Узнав, что к Русту по разрешению командования перед отправкой в граничащий рядом Афганистан должен приехать отец, Хамидулла настоял, что гость непременно должен остановиться в его доме. И отец солдата приехал. И встреча состоялась. Командир роты за успехи в боевой и политической подготовки поощрил Руста тремя сутками краткосрочного отпуска. Сутки, правда, были неполными, а с утреннего развода до вечерней поверки. Ночью солдат должен был находиться в расположении части. Но три дня, проведённые отцом и сыном вместе, накануне неведомой разлуки, очень многое для них значили. Отец и сын гуляли по округе, рыбачили на пруду, беседовали за чаем на топчане террасы, выходившей в сад Хамидуллы, и говорили о жизни. И главным оставался вопрос отца:

— У тебя нет желания остаться? Ещё можно это остановить. Вчера вечером мы долго беседовали с гостеприимным Хамидуллой. Он сказал, что у него есть связи, позволяющие удержать тебя от отправки в Афганистан. Ему нравится, что ты мусульманин, учишься в Москве, быстро научился говорить по-узбекски. Намекнул, что у него дочь на выданы...

— Как ты себе это представляешь! — не отвёл глаза Руст. — Все мои друзья отправятся за речку, а я останусь служить в Союзе? Это исключено! И прошу тебя, не предпринимай каких-либо действий на сей счёт. Для меня это будет постыдным поступком...

— Ты исполнен романтики! — продолжал горевать Фархад Мисбахетдинович. — А понимаешь ли, что на войне люди гибнут?! Или возвращаются домой искалеченными, как твой безногий дед Ахмадулла, как другой твой дед Мисбахетдин, полностью оглохший. Ты хочешь себе такой участи?!

— Я понимаю твоё беспокойство, эти — проникся Руст. — Но это моя жизнь. И мой мужской выбор. Я не могу остановиться на полпути.

— А о нас с мамой ты подумал?! — взывал Фархад Мисбахетдинович.

— Не переживайте! Всё будет хорошо! — уверял Руст.

Вечерело. Неожиданно появилась юная дочь Хамидуллы, Дильбар, принёсшая заваренный чайник и менажницу, наполненную орехами и изюмом. Ей было лет тринадцать, четырнадцать. Две сплетённые чёрные косы при движении разлетались по сторонам, либо достигали середины ярко красного платья куйлак. На голове Дильбар была расшитая яркими нитками куполообразная тюбетейка дюппи. На протяжении всего времени, пока Фархад Мисбахетдинович гостил в доме Хамидуллы, она старательно ухаживала за ним и приходившим в увольнение Рустом: подавала еду, чай, не переставая хлопотать по хозяйству...

Время стремительно шло вперёд. Завершался трёхмесячный курс подготовки в Афганистан. Накануне в ГУЦ Шерабад из Ташкента прибыла группа старших офицеров разведотдела ТуркВО, курировавшая подготовку войсковых разведчиков. По итогам показательных выступлений по тактико-специальной подготовке и рукопашному бою, проведённым в Душманском городке ГУЦ, подопечные старшего лейтенанта Ровды были экзаменованы на высшую оценку. С завершением горной подготовки Сидор, Костян, Стрела, Костёр, Руст и Монгол вместе с другими курсантами из ГУЦ Шерабада возвратились на Термезский полигон и ждали отправления за речку.

БОЙ ЗА РЕЧКОЙ

(Из главы «Операция «Западня». Герат. Западный Афганистан. Середина августа 1986 года).

Ночью разведчики чистили оружие, отведя на сон редкие часы. А мятежники, обходя высоты, на которых закрепились советские войска, минировали обходные пути.

Боеприпасы были уже на исходе. Прицельный огонь мятежников по вертолётам МИ-8 МТ, как по приоритетной цели, не позволял сбросить на передний край боеприпасы и воду, не говоря уже об эвакуации раненых. Это отвлекло резервы и снижало темп наступления. Когда одному вертолёту удалось на рассвете сбросить необходимый груз на тыловую высоту, командир роты Середа вызвал к себе Руста и приказал:

— Сержант Тукаев! Назначь четырёх бойцов, чтобы они транспортировали с тыловой высоты боеприпасы и воду на занимаемые позиции.

— Товарищ капитан! — ответил Руст. — У меня во взводе на данный момент одна молодёжь необстрелянная. Разрешите собрать группу из опытных бойцов и повести её самому.

— Ты мне нужен здесь, — возразил Середа.

— Три дня назад, если помните, — настаивал Руст, — следуя впереди дозора, я вывел роту на высоту и запомнил все тропы. Я уверен, это сохранит группу от гибели.

— Хорошо, — не совсем уверенно согласился капитан.

Руст взял с собой Сидора, Костра, Мамаладзе и Солодуху. Спустя несколько часов, преодолев немалое расстояние, они с боеприпасами и тюками с водой начали спуск

с противоположного склона. Первым шёл Руст строго по тропе, никуда не отступая. В какой-то момент под его ногами прозвучал характерный щелчок. Мина! Ужас не успел охватить бойца. Но в мгновение от щелчка до разрыва в голове Руста промелькнули главные мысли: на какие тяжкие муки я обрёл родителей! Не смогу вернуться на ринг! Никогда не овладею сердцем девушки, с которой хотел связать судьбу! И надежда — может, это не мина...

Последнюю мысль прервал громкий разрыв и тяжёлый удар по ногам. Руст, вращаясь, покатился вниз по склону и ему казалось, что следующим кувырком он навалится на другую мину. Неимоверным усилием он упёрся ладонями в горную осыпь и остановился. В ушах висел протяжный звон. Глаза застилала густая пелена. Руст повалился набок и увидел, как из рваных, окровавленных его голеней торчат белые кости, а из них капает светлая жидкость.

Группа, оказавшаяся недалеко и оставшаяся незадетой взрывом, оцепенела.

— Не подходи! — закричал Руст рванувшимся к нему Сидору и Костру. — Здесь могут быть мины!

Он помотал опалённой пороховой гарью головой и по пластунски пополз к отброшенному взрывной волной своему АКС-74. Резко потянул за ремень, снял с предохранителя, направляя автомат на себя. Сидор прыгнул на него и вырвал оружие.

— Верни автомат! Я всё равно не жилец. Пока меня донесут до вертушки, другие подорвутся.

Подошедший Костёр молча вколол Русту двойной промедол и, располовинив ножом отмотанный с приклада АКС резиновый жгут, затянул его на обрубках голеней поверженного друга.

Через пять минут Руст потерял сознание. Его погрузили на плаш-палатку и перенесли на тыловую высоту. Туда без последствий смог приземлиться вертолёт. Сидор, Костёр и другие разведчики возвратились на позиции роты...

Продолжение в следующем номере.

ВОН ТАМ, ВДАЛИ...

Стихи разных лет

* * *

Свалив на бугре недомётанный стог,
Взбесившийся ветер скатился в низы,
И в тёплую пыль деревенских дорог
Упали тяжёлые капли грозы.

Ворчала, ворочалась туча-зыбун.
Вдруг ливень ударил, ручьи потекли.
И мчался пришпоренный громом табун.
Вздывая копытами комья земли.

Летели галопом мои стригунки.
А ливень по спинам вовсю молотил.
С колхозной машиной наперегонки
Летели они, выбиваясь из сил.

Я к рыжему крупу трёхлетка прирос,
Пока не возник конный двор перед ним,
А там, среди пахнущих дёгтем колёс.
Мы долго дышали восторгом одним.

Исхлёстан дождём от макушки до пят,
Я видел – сверкала небес круговерть
В безумных и влажных глазах жеребят,
Что сбились, дрожа, под сухую повесть.

УРОКИ БОКСА

Мне семнадцать. И Васька Ефтеев –
Пустомеля, оглобля, дурак –
Метит в челюсть. Пустая затея.
Я ныряю под бьющий кулак.

Вырос я. Ты не думай, Василий,
Что как раньше обиду стерплю.
Если хочешь помериться силой,
Я готов, хоть и драк не люблю.
И теперь моя правая, Вася,
Бьёт по «солнышку» – тренер учил.
Ты давно на скандал нарывался –
Сбоку левой ещё получи!
На чужую девчонку позарился?
На меня – изувечу! – орал?
Отсвирепствовал, друг, отбазарился,
Всё по-честному. Ты проиграл.
Всё по-честному. Чисто и чётко.
Отдохни, корешок, у плетня.
Зря твоя прибежавшая тётка
Сельсоветом страшает меня.

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Новостей в деревне – ворох.
Сядут бабки у крыльца:
– У него характер – порох.
Хлопнет дверь – весь в отца!

«Моют косточки» соседки –
то ли брату, то ли мне.
А у Токаревой Светки
расцвела герань в окне.

Брошу камешек в окошко.
Светка высунет язык.
А вечерняя гармошка
в сад зовёт. В саду – турник.

Крутанусь на нём для форса
или ради куражу.
Как в райцентре вместо морса
выпил пива – расскажу.

Светка вздрогнет. Слышен шорох
в темноте за городьбой.
– У меня характер – порох.
Ты не бойся, я с тобой.

Ты мне рада иль не рада?
Обниматься не спешу.
Поцелуемся? – Не надо!
Может, завтра разрешу...

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Виктору Утробину

Ну вот и мы, дружище, пообтёрлись,
Узнали, что почём и что к чему,
Давно не рвём воротники на горле,
Доверившись всезнаюню своему.
А помнишь – в рукопашной за плетнями
Доказывали местным фраерам,
Что к девушкам, чья честь хранима нами,
Не нужно приставать по вечерам?
Давай разгоним в памяти туманы
И вспомним всё, чего не сберегли!
Пусть наши заурядные «романы»
В любовь до гроба не переросли –
Зато в душе останется живую
Былой любви немеркнущая власть!
Вон там, вдали с берёзовой листвою
Навек её косыночка слилась...

* * *

Среди сомнений века, суеты
Коснись щеки моей дыханьем сонным.
Надежда – ты, любовь и вера – ты.
Горит звезда во мраке заокононом.
Земля – наш дом. Другого не дано.
Непостижимо, что над крышей – вечность.
И вместе нам проснуться суждено.
Как счастлив я!
Как счастье быстротечно...

КАРУСЕЛЬ

От горизонта, землю накрывая,
 Ползла на город мрачною стеной
 Какая-то стихия грозовая,
 Какой-то вал клубился нефтяной.
 Вершила туча грозное движение,
 Пытая человека наяву:
 Мол, выдержать такое напряженье
 По силам ли живому существу.
 И серую, дымящуюся завесой
 (Над головою крыша не спасёт!)
 Тяжёлый ливень шёл над ближним лесом,
 Казалось, лес потоками снесёт.
 Казалось, гром земли разбудит недра,
 Казалось, молнии разрежут вдруг поля...
 И карусель, раскрученная ветром.
 Скрипела осью, как сама земля.

* * *

А на лужайке Настенька и Ванечка,
 Две светлорусых детских головы, —
 И золотые брызги одуванчиков
 Рассыпаны по зелени травы.

У сочных майских красок столько гонора!
 Я наяву цветные вижу сны.
 Но за поспешной кистью не угонишься —
 Через неделю нету желтизны.

И над садами дачными развеялся
 Вишнёвый и черёмуховый дым.
 Но не грущу давно я по-есенински,
 Что «я не буду больше молодым».

И подсмотрев, как роща за амбарами
 Вовсю шумит окрепшею листвою,
 Пою с друзьями вместе песни старые
 О том, что «чёрный ворон — я не твой...»

А на лужайке Настенька и Ванечка
 Весёлым смехом радуют гостей
 И белый пух сдувают с одуванчиков,
 И он летит над памятью моей!

АВГУСТ В ЛАИШЕВЕ

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
 То ли на Каме, а то ли на Волге*,
 Ветра порыв, поцелуй на устах —
 Долгий.

Что ещё надо? Люблю тебя, жизнь!
 Лето уходит, свечой догорая...
 Ангел небесный, ещё покружись,
 В прятки с листвою на закате играя.

Ты от напастей меня бережешь,
 Нежно потворствуя райским забавам...
 Вдруг пробежит августейшая дрожь
 По перелескам, по волнам и травам.

Первые капли грибного дождя
 Забарабанят по листьям капризно.
 Что я запомню, навек уходя
 От берегов «задремавшей Отчизны»?

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
 То ли на Каме, а то ли на Волге,
 Ветра порыв, поцелуй на устах —
 Долгий...

* Городок Лаишево находится на слиянии рек.

РОМАНС

Памяти Николая Рубцова

Над серебром заснеженных полей,
Над белой и безмолвную равниной
Звон бубенцов послышится старинный,
Когда раскинет звёзды Водолей.

И я рванусь, к тебе, былая Русь,
Всей памятью, всей болью, всей печалью.
Мне журавли под осень прокричали,
Что я по снегу к матушке вернусь.

Гони, ямщик! Я не жалею слёз.
Пускай же тройка по равнине скачет!
Вон жемчуга на веточках берёз
Слезами стынут – небо тоже плачет.

В моей больной, поруганной стране
Опять дела разбойные творятся.
И силы нет юлить и притворяться,
Что «всё путём», что всё по нраву мне.

Гони, ямщик! Я не найду ответ.
Я перестану плакаться над прошлым.
И санный след серебряной порошей
Укрыт надёжно. И возврата нет.

Горите, звёзды! Я услышать смог
Всей кровью зов таинственный и древний.
И я скачу – вдруг вспыхнет огонёк
В какой-нибудь покинутой деревне...

* * *

*По холмам задремавшей Отчизны
Николай Рубцов*

Автострада моя, автострада!
Четверть века уже за рулём.
Наказание или награда –
По асфальту лететь напролом.
К восходящему древнему Солнцу
Направляю смертельный разбег.
Я б хотел, разорвав горизонты.
Угодить в восемнадцатый век.
Там волшебники и великаны
Из тумана бредут по росе.
Здесь гаишники, как тараканы,
Выползают с утра на шоссе.

Долог путь ли до финишной тризны?..
Вдруг из детства (пригрезилось мне?)
По холмам задремавшей Отчизны
Скачет отрок на белом коне.
Уж не я ли, двенадцатилетний,
Упредить захотевший беду,
Пастушок-коновод не последний
В пятьдесят деревенском году?
Нет! Мираж! Лошадиные силы –
Под капотом машины моей.
Рву напрасно последние жилы –
Не догнать мне живых лошадей!

* * *

Не мечтая о будущих вёснах,
Я по осени тихо бреду.
Чья-то лодка тоскует о вёслах
На заброшенном старом пруду.

Может, кто-то её и починит
И на остров, где будет любим,
Погребёт, пропадая в пучине
Вод летейских. Будь, Господи, с ним!

* * *

Диане Кан

Течёт река Волга
Под россыпью Млечной.
Я буду жить долго,
Я буду жить вечно.

А Волга впадает
В небесное море,
Вдали пропадая
И Млечному вторя.
И катится в вечность
Подобием Волги
Вся звёздная млечность,
А я — в самоволке.
Сижу, будто выпил
Вселенского зноя,
Из вечности выпал
На время земное...

* * *

Боже, прости, что пишу я пока ещё
Эти стихи.
Был искушаемым, был искушающим —
Тяжки грехи.

В дни осиянные, в дни окаянные
Мерю судьбой
Эти листочки — мои покаяния
Перед Тобой.

ПАСХАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Бабушка с молитвы возвратилась,
Внученьке гостинцы принесла.
— Бог подал!
Потом перекрестилась.
Собралась семья вокруг стола.

— Почему пасхальное яичко
Всех других вкуснее в десять раз?
А в стекло оконное синичка
Тенькает. С иконы смотрит Спас.

— Я молилась, а душа-то пела,
Слыша в благодати: «Аз воздам...»
— Бабушка у нас помолодела.
Дед, и ты ходил бы с нею в храм!

День пасхальный праздничен и светел.
Праздничен и светел к Пасхе дом.
И, подумав, внучке дед ответил:
— Мы с тобою вместе в храм пойдём.

* * *

Екатерине

Светлеет лик жены. Лучистых глаз истоста
Взволнует вдруг меня, как в памятном году.
А тихий белый снег летит на крышу дома,
На розы у крыльца, на яблони в саду.
И всё, что есть вокруг, взлелеяно руками,
Которые — прости! — мне грех не целовать.
А речка за окном, как дочка, к маме Каме
Бежит, не торопясь так рано зимовать.
Какой пречистый снег!

Не будем ждать ненастья.

Калитку отворив, детей и внуков ждём.
Приехали уже! Смеются Лена с Настей.
Их голосам в ответ поскрипывает дом.
Ах, дети, Божий дар и Божье наказание!
Кто ангел, тот и плут, как всяк в своей поре.
И младший сын Сергей уж едет из Казани.
А старший сын Сергей хлопочет на дворе*.
Рябинка у ворот от ветра не согнётся,
За домом у реки родник студёный жив.
А скоро внук Артур из армии вернётся,
С наградами, небось, по чести отслужив...
Достаток в доме есть, чужого нам не надо.
А если что не так — Господь, не приведи...
Оладушки на стол! Ты счастлива и рада.
На каждого из нас с улыбкой погляди!
Ты молишься за всех коленопреклоненно:
— Господь, спаси семью

в наш ненадёжный век!

Жена, бабуля, мать — одна во всей Вселенной,
Твоя душа чиста, как этот тихий снег.
Ты только посмотри — вот он летит над нами,
Над памятью о тех, кого нельзя забыть
На Волге, на Днепре, на Ухре и на Каме.
— Ах, все ли собрались?

Ну как вас не любить...

* * *

Владимиру Скифу

Однажды приснилось внезапно,
Как будто младенцем я стал,
В потёмках наощупь, на запах
Маманькину титьку искал.
Родне я об этом поведал.
Брат Саша в сердцах произнёс:

* Так уж вышло — в нашей семье два сына Сергея.

– Ты хоть и ровесник Победы,
Но тот ещё молокосос.
Сестра подзадорила, Люба:
– Всем голодно, как не крути!
Твои ненасытные губы
На маминой помню груди.
Повадки твои не забыты –
Ты в прятки со всеми играл,
От няньки, от бабы Улиты
В три года из дома удрал...

Деревня за общую лямку
Тянула на трудном веку.
Последыш нашёл свою мамку
В страду на колхозном току.
И мама недолго томила,
В жару на крылечко присев.
При всех она сына кормила,
И вырос я тоже при всех.
Живу! Моя песня не спета!
Ровесник, узнай по строке,
Как я в то голодное лето
На мамкином рос молоке...

АРХИВ

Быть знаменитым некрасиво...

Борис Пастернак

Ищи себя в черновиках
И в недописанных стихах,
И в недоговорённом.

Когда найдёшь, то вспомнишь сам,
Как воспарял ты к небесам,
Каким ты был влюблённым!

Каким ты был... Но всё не то.
И стих нелеп, как конь в пальто –
Ты зря ломал походку,
Пытаясь стать не хуже, чем
Калиф на час, напрасно с кем
Пил в ЦэдээЛе водку.

Над словом ты изведаль власть,
А слава мимо пронеслась
Без остановки возле.
С судьбою спорить – проку нет.
До тридцати ты был поэт.
Но разве не был после?..

А вот об этом не тебе
Судить, ты ветреной судьбе
Скажи: «Мадам, спасибо»!
А слава – что? А слава – дым.
Оставь-ка рейтинги другим –
Быть модным некрасиво.

Ищи себя в черновиках
И в недописанных стихах –
Да будет поиск сладок!
И продолжай пером водить,
А перед тем, как уходить,
всё приведи в порядок.

О недавно изданных книгах Николая Алешкова рассуждают литературный критик, коллега-писатель и читатель

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

И В ДАЛЬНИЕ ЛУГА НАВЕК ВЕРНУТЬСЯ...

Жанр поэмы сегодня не особенно популярен. С одной стороны, современность приучила художника и его поклонников больше внимания уделять своего рода мгновенным лирическим «снимкам», отодвигая продуманное и долгое высказывание в сторону как якобы одряхлевшую творческую форму. Огромный вал поэтических фиксаций, часто более похожих на продукт самовыражения автора, нежели на произведение искусства, захлестнул литературу. Из стихотворения постепенно выветривается личностное начало, и остаётся лишь эмоциональный порыв, соединённый с ворохом реальных предметов и осколков воспоминаний, смутных и герметично-индивидуальных.

На этом фоне поэзия Николая Алешкова отличается видимой художественной устойчивостью — его тонкая лирика органично соседствует с поэмами, а многие эпизоды стихотворений становятся впоследствии частью развёрнутого сюжета. И закономерно, что книга поэм этого автора воспринимается читателем как одно большое художественное высказывание, объединённое не только мыслью, но и чувством. О чём бы ни писал Алешков, его строки сохраняют печать личности человека, который прожил жизнь, полную противоречий, счастья и горечи, знал любовь и сохранил трепетную веру в высшие законы бытия.

В книге его поэм есть как бы общая часть, где автор соединяет свою судьбу с долей русского народа — это «Ковчег», поэтическое повествование о ратных страницах Крыма. Сопричастность родной истории поэт старается передать сыну. Кроме того, трагические страницы его биографии соприкасаются с поэмой о церковном колоколе, сброшенном под речной лёд в годы гражданской войны богоборцами. Возвращаясь на законное место, колокол прогоняет выморочный сон, охвативший душу героя. Уже, казалось, погибшая, она вновь обретает радость жизни и смысл своего существования.

Остальные восемь сюжетов книги носят отчётливо биографический характер. В них есть просветлённые картины детства, красота природы, порывы юной души, любовь, которая осветила последующие годы героя — и беда, пьянство, отчаяние и ощущение собственной ненужности. Противоборство великих и жестоких влечений окрашивает жизненный путь alter ego автора в драматические тона, но долгое повествование всё-таки приходит к гармоническому рубежу: талант и сердце уже не спорят друг с другом, а душа не сопротивляется своему непостижимому полёту сквозь пространство мироздания.

Многие картины в поэмах также биографичны, и это создаёт очень важную атмосферу достоверности при развитии сюжета. Черты реальности берутся автором осознанно, в соответствии с изобразительной задачей; они почти осязаемы и не кажутся избыточными или трафаретными. Известные слова М. Ю. Лермонтова об истории души человеческой здесь чрезвычайно уместны, «особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

Современной поэзии очень не хватает медленного созерцания истории и биографии. Во многом погашены рассуждение и свойство прозорливо, не амикошонски сближать, казалось бы, далёкие друг от друга вещи. Простота поэтического языка порой заносится в число художественных недостатков.

Книга поэм Николая Алешкова не спорит с литературным безумием и упадком — она сразу обращается к предметам подлинным и серьёзным. И в этом её достоинство, не подвластное ужимкам бесплодного ума и щебету пустой речи.

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

ГОД РОЖДЕНИЯ

Передо мной плотный томик в серебристой обложке, на которой уместился и русский пейзаж, и милосердное название — «Дальние луга»... Изящно изданная книга, зовущая заглянуть внутрь. Я заглянул и надолго задержался в ней, и возвращался к ней, перечитывал. И позволю себе некоторые мысли по поводу этой книги...

«Дальние луга» — эти простые два слова отзовутся, пожалуй, в душе всякого человека, для которого русский язык — родной.

Скорее всего, отзовутся они памятью детства, юности, молодости. И совсем не только для уроженцев деревни эти слова — некий заветный код, пароль. Есть в них внутренняя мелодия, пробуждающая глубинную, родовую память...

«Дальние луга» — поэтический сборник Николая Алешкова, книга, охватывающая весь жизненный и творческий путь её автора. И эта книга мне понравилась...

Почему? Почему так отзываются во мне, вологжанине, стихи уроженца берегов Камы? Потому что всех нас (русских и татар, украинцев и якутов, всех живущих в России) объединяют язык

Пушкина, вера в Создателя, общая историческая память...

Здесь я хотел, сначала, привести лишь пару строф из стихотворения Николая Алешкова, но понял, что нельзя членить единую мысль. Пусть будет стихотворение полностью (а я ещё раз, с удовольствием, проживу его, переписывая из книги на белый лист)...

ПАМЯТЬ

*Спит Земля в сиянье голубом...
Михаил Лермонтов*

Сундуками, ларями, сусеками
Не измерить богатство её.
Далеко-далеко, за парсеками,
Под звездой золотится жнивье.

Золотится? Вы в этом уверены?
Да! Безверье сумеи превозмочь!
Пусть года световые немерены,
Память — царственной Вечности дочь!

Мы давно бы забыли, наверное,
След кометы с павлиньим хвостом, —
Нашу память небесную Лермонтов
Разбудил, возносясь за Христом.

Небо — зеркало. В нём отражение
Всей планеты и каждой судьбы.
В тайне смерти есть тайна рождения —
И летят верстовые столбы

В бесконечность. Стихами Есенина
Ныне, присно, во веки веков

Столько жизни и света посеяно,
Что не страшно могильных оков.

Пусть кому-то во что-то не верится —
Нашу Землю Творец освятил,
И не зря она всё-таки вертится
В сонме прочих небесных светил.

Все мы — в космосе, все — небожители.
Утром, чуть заалеет восток,
Улыбнитесь — вы Солнце увидели! —
И в земной окунитесь исток.

Нам Создателем небо подарено,
Купол неба безмерно высок.
Наша память улыбкой Гагарина
Озарила небесный чертог.

И не знает душа отторжения
От Вселенной на Божьих весах.
Неземной синевы отражение
Я увидел у внучки в глазах.

Николай Алешков — сын Победы («Я родился в России//В сорок пятом году»), он из поколения пережившего послевоенную разруху, восстановление страны, покорение космоса, создание великой державы. Но это поколение увидело и падение этой державы... Это судьба общая... А есть и личная, но такая, что ведь была у каждого из нас — детство...

* * *

Среди берёз, ромашек и полыни
Катилось к речке детства колесо.
Отсеребрились солнечные ливни,
И вырос я, как в поле колосок.

Как щедро мир наполнен тихим светом!
Как бродит сок в берёзовом стволе!
И навсегда в круговороте этом
Осталось моё детство на земле.

И через жизнь «проживаемся» и к пониманию вечного вопроса:

Лишь после смерти я вернусь домой –
Туда, где жил когда-то до рожденья.
И буду ждать, томиться в том раю,

На той далёкой млечной переправе,
Куда же в этот раз печаль мою
Рука Отца Небесного направит?

А ведь из детства в небеса прямая тропинка через те самые луга...

Утренней росой в лугах умыться
И зерном, созревшим в колоске,
К солнышку лучами прицепиться,
Повисеть на тонком волоске...
А сорвавшись звёздочкой неяркой,
Осветить реку, за ней леса,
И село с оврагом за пожаркой,
И свою тропинку в небеса.

Здесь я лишь чуть прикоснулся к объёмной, одновременно сложной и простой, как жизнь, книге Николая Алешкова... Приоткрыл эту книгу, чтобы рассказать о ней друзьям, и чтобы поблагодарить поэта за его щедрость.

Когда в ворота ломится пурга,
Когда на сердце тяжесть и усталость,
Пусть мне приснятся дальние луга,
В которых детство навсегда осталось...

Там живы все. Там нет могильных плит.
О, если бы в рассветный час проснуться,
На берег детства Каму переплыть
И в дальние луга навек вернуться!..

ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ

СЛОВО О ПОЭТЕ

*Свои стихи несущ как свечи
(Хоть и нечасто) в Божий храм.
И знаю, что за них отвечу.
Отвечу – точно. Но не вам.*

Николай Алешков

26-го июня 1945 года в селе Орловка Челнинского района ТАССР в семье кузнеца Алешкова Петра Фёдоровича, вернувшегося по ранению с фронта раньше Победы, и его жены Марины (Мариши) четвёртым в семье родился сын Николай. Ныне Николай Петрович Алешков – известный поэт, автор более десяти поэтических книг, лауреат литературных премий, основатель и главный редактор литературного журнала «АРГАМАК. ТАТАРСТАН». В год 75-й годовщины Великой Победы русского народа над фашистской Германией, он отмечает и своё 75-летие.

Многие его стихотворения широко известны, а отдельные строфы и строки, как говорится, ушли в народ:

Нас всем миром растили
Пересилив беду.
Я родился в России,
В сорок пятом году...

К Господу приходят в одиночку.
Толпами к убожеству идут...

Враг отступит, глаза опуская,
Если русский поднимет глаза...

Важно определить, что Николай Алешков — русский поэт не только потому, что он верен отечественной классике, но и по своим корням, по духу и характеру своему. Его кредо: «Поэт пишет для себя и для Бога. Стихи — это исповедь и молитва.» Отвергая известное правило «Ни дня без строчки!», он следует другому принципу, озвученному в своё время Львом Николаевичем Толстым: «Пиши только тогда, когда не можешь не писать».

Русский поэт — два этих слова имеют для нашего земляка сакральный смысл. Он знает, что звание русского поэта присваивает не власть, его присваивает время, история и народ. В судьбе русского поэта всегда отражается история Отечества, того самого, которым, по мысли Пушкина, поэта Господь наградила...

Как гражданин, как любитель русской поэзии, как почитатель таланта, я не могу не высказать слова сердечной благодарности мастеру в год его юбилея. Время быстро течно, оно всё расставит по своим местам. Я твёрдо убеждён, что творчество Алешкова будет изучаться, как уже сейчас оно изучается в некоторых набережночелнинских школах, и со временем наряду с Есенинскими, Рубцовскими, Цветаевскими чтениями будут проводиться Алешковские чтения на его родине, в городе Набережные Челны. Русские поэты должны входить в сокровищницу народной памяти. Ныне его родное село Орловка волею судьбы оказалось в центре полумиллионного города. После трёхлетней армейской службы, после недолгой поры скитаний в поисках своего места на земле, в 1969 году Николай вернулся на родину, где и поныне живёт в своём деревянном доме, поглядывая из окна на речку Челнинку, в которой мальчишкой купался до посинения, ловил пескарей, а в шесть лет чуть не утонул.

Мечтал о чём? Мечтал о том,
Чтоб сказка бьёлью стала.
В родном селе построил дом.
Душа на место встала...

А за рекой на непаханом поле,
Глядя на облако из-под руки,
Девочке Кате и мальчику Коле
Добрые люди сплетали венки
Из васильков и душистого хмеля.
Пел соловей и гудели шмели.
Сидя на облаке, ехал Емеля,
Жаром от печки касаясь земли.

«Научиться владеть размером — можно, писать грамотно и даже безукоризненно — тоже не ахти как сложно и трудно. Но не каждому дано — вернее, позволено — включиться в музыкальный ритм своего времени, исчезнуть в нём, раствориться и, растворяясь, говорить о том, что видишь и чувствуешь» (А. А. Блок). В мире искусств поэзия занимает особое место, так как «в душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией» (Н. А. Некрасов). Николай Алешков осознаёт это предназначение и эту ответственность.

О чем ты говоришь, Господь с тобою?
Игра в слова — опасная игра,
Когда она становится судьбою
На грани адской бездны и добра.

Бумага, карандаш, остывший кофе,
Сквозняк в жилище, тесном и пустом...
А ты вслед за Учителем к Голгофе
Идёшь, гонимый, с жертвенным крестом...

Наша поэзия, наша речь, наш фольклор отражают особенности и характер русского человека. Во всех действиях мы руководствуемся не столько законами логики и рационального мышления, сколько велением души и сердца. Об этом много говорили и классики, и современники. Именно поэтому «Умом Россию не понять...» (Ф. И. Тютчев). Отсюда — русская душа, русский характер. Отсюда русский бунт... В этой душе всё: боль, тоска, любовь, печаль, нежность, вера... У поэта зачастую — в одном произведении. И в собственной судьбе.

В подлинной поэзии всегда остаётся много невысказанного. В любом языке, даже в таком богатом, как русский, не хватает слов, чтобы выразить все чувства. Нередко тайна остаётся в подтексте, в том, что прочитывается между строк. Русская поэзия — это нерв, это натянутая струна. Талантливо и точно отображён русский человек со своими особенностями Николаем Алешковым в его короткой поэме «Ковчег». В ней и гордость за него, и горечь, и боль. Это одновременно и ода, и реквием. Обращаясь к России, испытавшей трагедию гражданской войны, поэт пишет:

Матушка, не по силам
Мир на себе держать?
Гнев перетёк по жилам,
Вытеснив благодать.
Удаль у нас безмерна.
Норов наш — без границ.
Смутно на сердце, скверно
Меж разъярённых лиц...

Русский себя погубит.
Русский врага спасёт.
Кто нас таких полюбит?
Кто нас таких поймёт?
Прыгнуть на бомбу? Пофиг!
Спас! Обречённо стих...
Русского слова — подвиг —
Нет в словарях других...

Такие стихи и пишутся, и читаются сердцем. Подлинная поэзия неперевода, ибо она может жить только в стихии родного языка. Всё остальное — вариации на заданную тему, исполненные с той или иной мерой одарённости. Всё самое заветное и сокровенное может быть исполнено и услышано только на родном языке.

Жизнь моя, ты не поле для битвы —
Не о битве поют соловьи!
Уважаю чужие молитвы,
Уповаю всегда на свои.

Каюсь — редко со свечкою в храме
С прихожанами вместе стою,
Чтоб Христу и покойнице маме
За судьбу поклониться мою.

Понапрасну я их не тревожу,
Но и совесть не зря ворошу.
Я прошу только милости Божьей,
А у мамы прощенья прошу...

Феномен искусства является пока неразрешимой загадкой человека. Ясно только то, что одарённый человек не может быть вне искусства. Искусство — это его среда обитания. Это образ его жизни, способ его духовной самореализации посредством чувственно-выразительных средств. Это способ передачи той информации, которую нельзя выразить и передать никакими иными средствами.

Стихи Николая Алешкова вызывают у меня эмоции, размышления, если хотите, и удовольствие, как хорошая музыка или полотно художника.

Сентябрьское солнце восходит в зенит.
На пашне струной паутинка звенит.
И всем обещает осенняя Русь
Короткое счастье и долгую грусть.

Эти стихи «включают» и мозг, и сердце. Ощущаешь радость и прелесть жизни, красоту природы, любовь к живущим и ушедшим, утраты и потери, живительную силу бытия... И почему-то часто наворачиваются слёзы. Я не знаю, чем они вызваны — откровением, невысказанной тайной, высоким слогом, красотой языка, любовью поэта к человеку и Богу, в которую нельзя не поверить. Но это хорошие слёзы — слёзы очищения. К очищению, может быть, и призвано искусство? Есть множество формулировок этого предназначения. Я знаю, что Николаю Петровичу нравится мысль Василия Розанова о том, что литература призвана служить смягчению нравов. Приходят на память и слова Анатоля Франса: «Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа. Не свои — наши мысли заставляет поэт петь внутри нас... Понимая его, мы сами становимся поэтами, как он».

При чтении стихов Алешкова подсознательно приходишь к его образному восприятию, к миру зрительных ощущений: видишь, например, воочию быт деревенской избы, маленького мальчика, его матушку, которая не молится, а беседует с Богом. Поэт, наверное, обладает врождённой чувствительностью к тем или иным проявлениям нашего земного бытия, и это удивительно.

*Солнышко золотое
Светит из детства мне.*

*Вот мой отец двадцатилетний
на снимке, чистый славянин,
а в маме тюркское заметней.
В большой семье я – третий сын...
(Мои родители – верхний ряд).*

*Дед Фёдор прямо в кузне умер,
от раны с Первой мировой,
а дед Лаврентий дома умер
от раны с Первой мировой.*

*Теперь Вторая мировая
Отца пытается достать...*

*А в Орловке на летнем крылечке
Дождается мама меня ...*

*Осенний воздух пахнет дымом...
И пусть судьба не без прорех,
но я нередко был любимым,
и нынче жаловаться грех...*

*– Вот умру – держитесь друг за дружку, –
тихо-тихо мама говорит...*

*Запомните счастливым,
пожалуйста, меня!*

*Альбомные листы вернут меня туда,
Где счастьем до краёв наполнены года.
Альбомные листы...Альбомные листы...
И будущего нет, когда они пусты.*

*Спортивно-спартанское детство – опора и сила.
Они помогают понять, отстоять, устоять.
И мне никогда даже в голову не приходило,
Хоть что-то в себе и в судьбе навсегда поменять!*

*Я – женщина!
Во мне огонь и лёд,
Я хрупкий стебелёк с безмерной силой.
В меня вложили боги тайный код –
Код жизни, что под сердцем я носила.*

*Мой старый друг, каких-то десять лет
Тому назад казалось нам бесечно,
Все, что имеем нынче – бесконечно,
И будет всё, чего пока что нет.*

Начинается мир за порогом,
А за печкой сверчок верещит.
Вечер. Мама беседует с богом.
На божнице лампадка горит.

Я лежу на скрипучих полатях.
У святых озаряются лбы.
И сливается мамино платье
С полумраком вечерней избы...

Умение находить в родном языке «лучшие слова в лучшем порядке» можно сравнить с мастерством скрипача, виртуозно водящего смычком по струнам нашей души. «Одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия», — открывает нам ключ к пониманию искусства Александр Сергеевич Пушкин. А музыка и поэзия — сёстры. Поэту, когда он создаёт стихи, никак не обойтись без интонации, без этой мелодии. Не случайно на стихи Николая Петровича его друзьями-музыкантами написано немало песен. Читая такие стихи, слушая такие песни, начинаешь думать, что без них, как и без молитвы, человек вряд ли способен стать Человеком.

Поэзия Николая Алешкова искренна, открыта и, казалось бы, предельно проста в своём словесном выражении. Это нередко порицается ныне проповедниками очередного авангардизма в поэзии. Только они забывают, что не всё так просто, что даже самая высокая — пушкинская — простота (не в первый раз свержаемая с «корабля современности») воспринимается нами, оппонентами авангардистов, как «ясность — удовольствие ума» (по выражению другого русского гения, Льва Николаевича Толстого). Кому верить — тут каждый решает сам.

«Первое правило сей науки (поэзии) должно быть: живи как пиешь, и пиши, как живёшь. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы» (К. Н. Батюшков). Алешков — лирик, «один из самых тонких лириков послевоенного поколения современной России, — так считает писатель Александр Ольшанский, стоявший у истоков поступления Николая Петровича в Литературный институт имени А. М. Горького в 1976 году. — Причём его лиризм граничит с исповедальностью.»

Две красные розы на белом снегу.
Над розами крест деревянный.
И я уже слёз удержать не могу
В день памятный, в день окаянный.

Будь проклят навеки холодный и злой
Январь девяносто четвёртого,
Обливший бедой, как горячей смолой.
Хоть в простыню снега завёртывай

И сердце, и душу. Не будь на руках
Сыночка, тобою рождённого,
Я б лучше сгорел, превратился бы в прах
Под небом Отечества сонного...

«Алешков — один из самых предметных поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны

в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное» — продолжает разговор об истинном и мнимом один из самых уважаемых литературных критиков современности Вячеслав Лютый, автор статьи-предисловия к книге Алешкова «Жизнь моя... Избранное» (Казань, Татарское книжное издательство, 2015 г.). Эта же статья была опубликована в журнале русских писателей «Наш современник».

Говоря о поэтах, не хочется называть их коллегами. В общении с ними Николай Петрович чаще использует выражение «братья и сёстры по смуте в крови», принадлежащее вообще-то не ему, а Инне Лимоновой, поэтессе, бывшей челнинке, вместе с которой он в семидесятые годы «правил перо» в легендарном литобъединении «Орфей». Так вот что пишет другая «сестра по смуте в крови», одна из лучших русских поэтесс современности Диана Кан о любовной лирике своего старшего по возрасту брата: «В стихотворениях Алешкова о любви просто необходимо учитывать аспект материнства — святого предназначения женщины на Земле. В них практически любая лирическая героиня, даже не будучи возведена в статус Прекрасной Дамы, окружена ныне редким рыцарским отношением». А так называемую «мужскую» вину перед женщиной, которую современные поэты старается обходить стороной, Алешков не прощает себе, раскаивается в ней, исповедуясь перед всеми и перед Богом.

Я не просил о верности. Не надо.
Свободна ты. Вот Бог, а вот порог.
Но будь всегда на расстоянье взгляда,
Чтоб от беды тебя я уберёг.
Так говорил я женщине когда-то,
Которую боялся потерять.
И потерял. Она не виновата.
Мне на земле её не отыскать.
Там, в небесах, её мольба застыла.
Какую глупость я нагородил!
Она МЕНЯ о верности просила,
А я свой взгляд стыдливо отводил.

Прекрасны стихи поэта о природе. В них проскальзывает тютчевское благоговение перед Божьим миром. Человек не должен отделять себя от природы. Когда он слит с ней, ему и открывается музыка сфер.

Судьбы твоей дорога
Лишь тем и дорога,
Что ты поверил в Бога,
Что ты простил врага.
Печаль твою излечат
Река, притихший лес
И тёплый летний вечер
И звёздочка с небес...
Пиши стихи, на Млечный
Поглядывай покой,
И, может быть, за вечность
Зацепишься строкой...

Так называемая гражданская тема в поэзии Николая Алешкова — это диалог долга и совести. У Николая Петровича и здесь свой почерк. Даже его гражданский гнев глубоко лиричен, ибо в нём заключено душевное волнение. Поэт прекрасно осознаёт «с чего начинается Родина». У каждого своя Орловка, своя Челнинка, свой плёс и свой погост. Достаточно вспомнить малую толику фрагментов его замечательных стихов.

В моей больной, поруганной стране
Опять дела разбойные творятся.
И нету сил юлить и притворяться,
Что «всё путём», что всё по нраву мне...

...

Ты прости нас, отец, мы живём
В самой подлой базарной эпохе.
Торг уместен. Всемирным жульём
Всё наследство дробится на крохи...

Он честен и не изменяет чётко обозначенной творческой позиции, так как его поэзия пронизана искренней, а не пафосной любовью к России, к её народу. К её многонациональному народу. Русский для поэта — не только определение национальности. Русский тот, кто любит Россию.

Я написал поэму,
Сын, закачай в планшет,
Чтобы однажды — в тему! —
Вспомнить отца завет.
Родину не меняют,
Веру не предают.
Русские это знают,
Песни о том поют.

Как человек приходит к Богу? Отношение к вере у каждого — глубоко личное, а его молитва — самое сокровенное. Какие мысли, какие испытания, какие поступки и действия приводят к истинной вере, к осмыслению своей жизни и своего назначения? Судя по стихам поэта, его путь к храму был и остаётся тернистым и нелёгким. Но сейчас для него очевидно, что истинная вера облегчает наше земное существование. Он постигает, что жизнь души не измеряется только земным звеном.

Недавно Николай Петрович рассказал мне, как нашёл название для своей юбилейной книги избранной лирики, готовящейся к выходу в Татарском книжном издательстве (г. Казань).

— Было не менее десятка вариантов, — вспоминает он, — но ни одно меня не устраивало. А книга-то уже в издательстве, уже готовится к выходу... И вот я стою в храме Космы и Дамиана в родной Орловке среди молящихся, только что исповедался, готовлюсь к самому главному. И вдруг — мысль: а я ведь всю жизнь через грехи, утраты и испытания шёл к этому таинству. И называется оно — ПРИЧАСТИЕ. Я причастен ко всему, что было, есть и ещё будет со мной среди родных мне людей. Значит, и для книги моей это самое точное название.

Подумалось — такое тёплое, непосредственное, душевное, иногда по-детски наивное отношение к вере, к Богу, как у Н. Алешкова, я ощущаю только у Михаила Юрьевича Лермонтова. Помните?

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Вот и закончилось наше небольшое путешествие в мир поэзии Николая Алешкова. Конечно, на его творчество повлияла плеяда многих великих русских поэтов от Пушкина, Лермонтова... до Есенина, Рубцова, Юрия Кузнецова... Их нотки иногда проскальзывают в стихах поэта, и эта преемственность естественна. Семена попали на благодатную почву. Николай Петрович пополнил когорту подлинных поэтов России. Всё его творчество – пример того, что «Поэзия требует всего человека» (К. Н. Батюшков).

Николай Петрович, долгие лета Вам и дальнейших творческих успехов на радость читателям!!!

По весне запоют соловьи
Так, как в юности давней певали...
Я б хотел, чтобы вирши мои
Так же людям сердца согревали.

Р. S. Хотелось бы особо отметить деятельность Н. П. Алешкова на посту главного редактора литературного журнала «АРГАМАК», которая во многом способствует объединению литературного сообщества России.

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

ВСЕГДА ХОЖУ ПО СОЛНЫШКУ

* * *

Давным-давно у бабушки гостила,
Но, почему-то, помню до сих пор
Слова, в которых свет, тепло и сила.
Как заговор она произносила,
Когда вела меня гулять во двор:

– Всегда ходи по солнышку!
Всегда ходи по солнышку,
От солнца своё сердце не тая!
Сбирай тепло по зёрнышку
И раздавай до доньшка,
И солнечную будет жизнь твоя!

Я слушала, я верила, а значит
Искала солнце, обходила тень.
Но иногда случалась незадача...
Я топала ногами, громко плача,
Когда был за окном ненастный день:
– Ага! Ходи по солнышку!
Как я пойду по солнышку –
На улице ни капли нет тепла!
Но кошку или скворушку,
Что клюв упрятал в пёрышки,
Я согревала и домой несла.

Пытаюсь безуспешно повзрослеть я,
Но солнечного детства волшебство
Нет-нет, да и подстёгивает плетью
И я бегу в мороз и зноем летним
И всем дарю улыбки и тепло.
И ты ходи по солнышку!
Всегда ходи по солнышку,
От солнца своё сердце не тая.
Сбирай тепло по зёрнышку
И раздавай до доньшка,
И солнечную будет жизнь твоя!

* * *

Мой старый друг, каких-то десять лет
Тому назад казалось нам беспечно,
Всё, что имеем ныне – бесконечно,
И будет всё, чего пока что нет.

Дорога вьётся между круглых дат
А кажется, что мы бежим по кругу.
И некогда пожать друг другу руку,
И прогуляться выйти ночью в сад.

Не бегаются утром по росе
И под дождём нам кажется промозгло,
И небо видим не в узоре звёздном,
Ответы на вопросы знаем все.

Или не все... Нам просто дела нет.
Мы попросту их отмечаем всуе.
А март капелью яростно колдует,
Июнь кругом разбрасывает цвет?

Сентябрь листвою кружит, январь в снегах,
А мы в мечтах о деньгах, о делах,
О том, куда поехать подлечиться...
И чуда в нашей жизни не случится...
Дней приторная тянется нуга...
Но мы вперёд не будем забегать,
Пока так пьяно солнышко лучится!

* * *

Есть сила в звуках, что кружат над нами.
Взмах крыльев, шум листвы и родников
В нас отзовутся чистыми словами
И строками волнующих стихов.

Но иногда, блуждая меж домами,
Не замечаем тот глубокий ров,
Что делит звуков мир. Да и частями
Не каждый в сердце их впустить готов.

Нам кажется, они разрушат мир,
Что беззаботно спит у нас внутри.

Есть сила в чувствах, что владеют нами.
Гнев, сострадание, зависть, скорбь, любовь...
И каждое мы вскармливаем сами.
И каждое разит не в глаз, так в бровь.

Химеры, плуты! Под семью замками
Держать бы их в душе, чтоб даже вздох
Не выдал их присутствие. Веками
Стать сдержаннее каждый был готов.

Но лишь по воле чувств мы слышим звуки,
Что отражают счастье, боль и муки.

* * *

Заповедные тропы российской глубинки,
Где неспешно течёт жизнь людей по-старинке,
Где чисты родники и вода чудотворна,
Где единство с природой не мода, а норма,
Где берёзы в объятья языческой силы
Призывают прильнуть,

где бы нас ни носило.
Сколько б мы ни кружили
в потёмках столичных,
Только там, в окружении гомонов птичьих –
Соловьиных распевок, свистелок синичьих –
Обнаружим, что ценности не безразличны
И поймём, что без них
дальше жить неприлично!

* * *

Время выбрало меня и закрутило
Каруселькой, на лошадку усадив...
Во саду ли в огороде это было,
Где не виделось далёких перспектив...

Круглоличка, невеличка, неумёшка,
Устремившись за малиновкой в саду,
Я летела вслед с коленками в лепёшку
И подсвечивала шишкой во лбу.

Мама с бабушкой над деткой колдовали:
Врачевали, бинтовали, лили йод,
Слёзы детские подолом утирали
И твердили заклинанье «Всё пройдёт!»

Все пройдёт... Проходит время незаметно...
Карусельную лошадку в поводу
Я веду на водопой через рассветы
В край малиновок, где в вечность упаду...

БАЛЛАДА О ПЕРЕЛЁТНЫХ ЛИСТЬЯХ

Стая листьев перелётных
Зимовать к земле летела.
Но один, что посмелее,
Улетать не захотел.
Был тот лист совсем зелёным...
Может в этом всё и дело:
Кто желтее — тот старее,
Старость ищет где теплее,
Кто старее — тот мудрее,
А кто зелен — тот и смел.

Листья жёлтые летали
И кружили и порхали,
Старый двор переметали,
И планировали вниз.
Все они конечно знали,
(Только что с того, что знали!)
Век они свой отлетали,
Если с веток сорвались.

Стая листьев сбилась в кучу...
На костёр их водрузили,
В жёлтый цвет вмешался рдяный —
Цвет заката и утрат...
Лист зелёный, чем ты лучше?
И ответ не находил он...
Он на холоде ветрами
Был и сам сто раз распят.

Листья старые судили.
Их почти уже спалили,
И почти золою стали
Те, кто так любили жизнь...
Вот тогда рванулся с ветки
И зелёный в пекло, к предкам.
Он летел легко и метко,
В ад, где все пути сошлись.

Стая листьев перелётных
На костре дотла сгорела.
Были старые — мудрее,
А зелёный — слишком смел.
Трудно в мире окрылённым...
Может в этом всё и дело:
Чем желтее — тем смелее
На костёр они всходили...
А кто зелен — тот летел...

* * *

Как хорошо, что будущее скрыто.
Прильнув к замочной скважине глазком,
Не подсмотреть — разбито ли корыто
И скачку принца на коне лихом...
Осенних листьев вычитаны письма
И сожжены в предзимье на кострах,
И нависает будущее высью,
И рассыпает по земле прах...
Он чей? Всё тайна. Мне не догадаться,
Кого вот-вот и схватят в оборот,
Чтобы за жизнь по полной рассчитаться
За каждый миг счастливый, час и год...
Сиюминутно радость рассыпаю,
Одномоментно улыбаюсь дню,
И солнцу, с чьим закатом — засыпаю,
Дневалою и с рассветами встаю...
А будущее... пусть пребудет тайной...
Сама... собой... оплачу... оплачу...
Осенних листьев письма не случайно
Бросаю куклой Тутти палачу.
Пока не обнаружится подмена
Все будут живы-счастливы вполне,
А там, глядишь, и подоспеет смена
С корытом новым, с принцем на коне...

* * *

Волга, Сура, Кокшага...
В вечность от них — полшага
по заливным лугам.
Можно всю Русь объехать,
переставляя вехи
к сказочным берегам...

Там, по колено в травах —
влево пойдёшь ли, вправо —
Леты не избежать.
Прополоскать мыслишки:
бодрствуешь или спишь ты
в глупостях куража?

Можно сидеть на месте
и наслаждаться лестью,
не совершив побед...
Можно всю жизнь скандалить,
биться за то, чтоб дали
фантики от конфет...

Можно за поллитровкой
рюмочной рокировкой
слушать и сыпать бред...
Можно менять обличье
и гардеробчик личный,
чтобы пробиться в свет...

Можно в дешёвость фразы
ссыпать горстями стразы,
выдав за афоризм...
Можно прожить без веры,
зная, что ты не первый,
принявший нигилизм...

От суеты к погосту
Слишком коротким мост был,
хлипким и без перил...
Волга, Сура, Кокшага...
В вечность от них — полшага,
не жил ты или жил...

* * *

Забавна жизнь-калейдоскоп:
Картинки дружно скок-поскок —
И вот уже узорец вышит,
Как будто мановеньем свыше.

И всё хочу сломать, как в детстве я,
Чтоб ясен стал сам принцип действия.

* * *

Спортивно-спартанское детство
во мне наследило
Да так, что следы с биографией
прочно сплелись.

В любую погоду все годы куда-то катила
На горки взбираясь, пыхтела и падала вниз.

Спортивно-спартанское детство
пустым полустанком
Холодным и колким пронизывало до костей.
Этапы моих эстафет...

Я бегунья в пространстве
Где мир и мирок мой заходятся от скоростей.

Спортивно-спартанское детство
дружить научило,
Отсеивать пустопорожность
и суетность встреч,
Футболить занудство всезнаек
в обличье училок,
Вставляя, не скупясь, доброту
с состраданием в речь.

Спортивно-спартанское детство...
Я счастлива, право,
Что мне интернатского времени
выпала честь.

По-правде живу и не точит
неправды отравы,
И не отравляют чужие намёки и лезть.

Спортивно-спартанское детство —
опора и сила.
Они помогают понять, отстоять, устоять.
И мне никогда даже в голову
не приходило,
Хоть что-то в себе и в судьбе
навсегда поменять!

* * *

Сколько в нас намешено кровей!..
Стоит только пристальней взглядеться
В лица окружающих людей:
Вот оно — вселенское соседство.

Разделить попробуй ДНК —
Ни за что не выйдет, хоть убейся!
Спаянные гены за века,
Призывают нас к единству действий.

Мы едины общностью побед,
Верой в свет, добро и справедливость.
И ценнее этой веры нет,
Даже если время изменилось.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ

Перемещение поколений:
Рожденье — смерть — и опять рожденье.
Мы — наших предков произведение,
Мы их частицу несём в себе.

Душой, нам кажется, молодые,
Наивно-девственные, простые,
А смотришь — дети уже седые,
И в агрессивной живём среде...

А жизнь стремительней год от года
И переменчива, как погода,
И в ней, как в море, не сыщешь брода
И не побегаешь по воде.

Умчалось детство на трёхколёсном...
Нашли ответы на все вопросы...
Жизнь озираем со взглядом взрослым...
В других копаемся и в еде...

Морщин добавилось к нашим лицам,
И волос гуще стал серебриться,
Не успеваем наговориться
И молча рядышком посидеть...

Одолевают тоска и лень,
Многозначительность и степенность...

И понимаем, что рядом тленность,
Но всё надеемся — не про нас...

Грузней становимся, тяжелее,
Не куролесим на юбилеях,
Гуляем вечером по аллеям,
И сил расходуется запас...

В трёх измерениях сохраниться
Возможно, если объединиться,
Хотя бы мысленно породниться,
Ведь все мы топчем одну землю...

Поймёшь, коль пристальней взглянешь
в лица,
Идущих рядом с тобой людей:
Мы во Вселенной сродни частицам,
От счастья движущихся к беде
На сверхкосмической колеснице,
Но только каждый в своей судьбе...

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

БУДЕМ!

День рождения Веры Хамидуллиной — это всегда яркий праздник. Никогда не угадать, что придумает Вера. Только вдруг раздастся звонок, и прозвучит озорной голос:

- Ну что, Оля, едем?..
- С тобой — хоть куда, ты же и водитель — ас.
- А то!..

И мы — на машине в путь. В Москву, в библиотеку Некрасова, где на юбилей Веры соберётся изысканный бомонд: Никас Сафронов, Светлана Савицкая, Альфия Когогина, Геннадий Норд, Ольга Трифонова, Андрей Новиков, Александр Тимофеевский, Евгений Степанов... Мои московские друзья тоже с радостью потянутся — Наталья Нилова, Антонина Спиридонова, Юлия Великанова, Андрей Васильев...

В другой раз едем поближе, в Казань, в Дом-музей Василия Аксёнова, где Вера, при поддержке хозяйки дома Ирины Аксёновой (однофамилицы писателя), устроит грандиозную литературно-музыкальную встречу с друзьями и знакомыми. А в Доме ветеранов, где пройдёт первый литературный дворик, на моей гитаре будет играть Сергей Безруков.

Или помчимся в Дербышки на встречу с учащимися специализированной школы-интерната. Вихрастые мальчишки 12–14 лет окажутся искренними, любознательными, вопросы умные зададут — читают, значит! И стихи Веры, и песни мои послушают с нескрываемой радостью, обступят потом и спросят: «А в Интернете можно скачать вашу песню «Балладу о перелётных листьях?..» А стихи (это — к Вере) можно?». В ответ Вера щедро раздарит свои книжки.

Или в Елабугу, в Библиотеку Серебряного века, где нам, кажется, всегда рады, и где на этот раз пройдёт чтение классиков...

А в Набережных Челнах творческое рандеву? Обязательно! Здесь у Веры тоже эксклюзивные праздники. Например, встреча челнинцев в концертном зале мэрии с Борисом Грачевским. Школьников подруга собирает в самом большом зале Городского дворца творчества детей и молодёжи. Как сейчас вижу: солнечный весенний день перед каникулами, полный зал детворы — человек семьсот, из разных школ города. Классами съехались ребята познакомиться и пообщаться с поэтом Александром Павловичем Тимофеевским, написавшим стихи ко всем известной «Песенке Крокодила Гены». Никогда не забуду, как Александр Павлович сказал: «Вы думаете, легко она мне далась? Вовсе нет! Я долго не мог придумать второй куплет. Друзья, вместе с Владимиром Шаинским, композитором, заперли меня на кухне и сказали — не выпустим до тех пор, пока не сочинишь. Вот я и сочинил, глядя в окно, как «прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте»...

Знаю, Вера иногда гостит в семье Тимофеевских в Москве. Всегда к друзьям едет с подарками. Багажник машины ими полон: книги, чак-чак и баурсак, и что-нибудь ещё. Словно не у неё день рождения, а у них, а всё потому, что великодушью, открытости и честности научило «спортивно-спартанское детство», которое прошло в интернете:

Спортивно-спартанское детство дружить научило,
Отсеивать пустопорожность и суетность встреч, <...>
Вставлять, не скупясь, доброту с состраданием в речь...

Как откроет Вера багажник, так все и ахнут:

— Вот это да!.. Как ты всё это осиливаешь?.. Салон и багажник «под завязку» загружены коробками с книгами, журналами для очередной выставки в Нижнем Новгороде, ярмарки в Москве, сабантуя в Сибири. И специальные книжные полки прихвачены.

— Ерунда, — щедро улыбнётся автоледи, — самое главное — гитара. Мы с гитарой ездим парой. Пара — я и Ольга, а с нами её гитара.

Обычно на день рождения Веры погода бывает хорошей, — всё-таки, самый конец мая. Я люблю эти поездки — тепло, дороги чистые. А ведь и в ледяном дожде пришлось побывать,

и в урагане с ливнем, и в снегопаде. В дороге помогает музыка. У Веры всегда с собой диски с любимыми песнями. Едем и подпеваем Владимиру Высоцкому, Вадиму Егорову, дуэту Никитиных, Веронике Долиной... Лишь когда требуется особое сосредоточение, Вера отключает проигрыватель. Тогда мы всматриваемся в путь во все глаза.

К счастью, всё складывается удачно. Боженька Веру любит. Почти всегда — свежий ветерок, голоса птиц в открытое окно врываются. Мы даже синюю птицу однажды встретили — она пролетела прямо перед лобовым стеклом, всполохами — ярко-синий размах крыльев. Чудо! Знак к удаче.

Есть сила в звуках, что кружат над нами.
Взмах крыльев, шум листвы и родников
В нас отзовутся чистыми словами
И строками волнующих стихов <...>
Но лишь по воле чувств мы слышим звуки,
Что отражают счастье, боль и муки.

Праздник детской книги, на который мы однажды спешили в Москву, в Российскую государственную детскую библиотеку, получился добрым, не растерялась задуманная красота. А сколько красоты уже состоялось на пути Веры? Меня восхищает её трудолюбие, доброе азартное упрямство. Праздники, встречи — сегодня на юге страны, завтра на севере; собственные книги — взрослые и детские; переводы, коллективные сборники — да с какими авторами! — и со всеми надо согласовать. Вера, когда ты успеваешь? Ответ — здесь:

Я за благодать принимаю данное, <...>
Длинная дорожка ли не длинная,
Не пролить бы, то что Бог плеснул!

Сколько лет мы знакомы? Скоро — пятнадцать! Юбилей. Вот и день рождения Веры — юбилейный. Что она придумает? Как всё сложится? Время вдруг обрушилось испытанием. Беда на планете. Вера мне позвонила и впервые, пожалуй, я услышала тревогу в голосе:

— Что и как будет... Получится ли у меня праздник? Поживём — увидим.
— Прорвёмся... Ты же — Вера, будем верить.
— Будем...

Потрясение. Боль. «Бегут по виадукам города://Туда-сюда до точки невозврата». «Что совершенно, то не свершено». «Волга, Сура, Кокшага...//В вечность от них — полшага //по заливным лугам», «и буду вечно пялиться в окно, //мечтая за решёткой об одном://чтоб стартануть по Млечному пути»...

И всё же, всё же:

Как хорошо, что будущее скрыто. <...>
Сиюминутно радость рассыпаю,
Одномоментно улыбаюсь дню,
И солнцу, с чьим закатом — засыпаю,
Дневалою и с рассветами встаю...

Не зря юбилейная поэтическая подборка Веры называется «Всегда хожу по солнышку». И, несмотря на то, что представлены в ней большей частью новые стихи, через каждую «взрослую» строчку проглядывает озорная девчонка:

Пытаюсь безуспешно повзрослеть я,
Но солнечного детства волшебство
Нет-нет, да и подстёгивает плетью
И я бегу в мороз и зноем летним
И всем дарю улыбки и тепло.

Однако тут же — до озноба по коже:

Карусельную лошадку в поводу
Я веду на водопой через рассветы
В край малиновок, где в вечность упаду...

И вдруг снова, как в детской считалочке, но уже с другим смыслом:

Забавна жизнь-калейдоскоп:
Картинки дружно скок-поскок —
И вот уже узорец вышит,
Как будто мановеньем свыше.

И всё хочу сломать, как в детстве я,
Чтоб ясен стал сам принцип действия.

Вере важен принцип действия — как всё работает. «Во всем мне хочется дойти до самой сути». Узнаёте? Конечно. И желание это для поэта — благо: без него нет зоркости, нет чистоты и точности слова. А Вера не боится слов — тут её прямота и открытость подкупают. Она смело «вставляет в речь» простонародные и хлёсткие словечки: «скок-поскок», «узорец», «училок», «землица», «куролесим», «стартануть», «футболить», и это у неё выходит не нарочито, а естественно. Но главное и самое привлекательное в поэте — его интонация. Только интонацией своей поэт интересен и только этим он отличается от других.

О любви каждый поэт говорит по-своему. Вера, например, так: «Но там, где мёд, там и укус пчелиный, // любовный яд кляня, // мои не соблазнённые мужчины, // прошу простить меня». Я написала на эти стихи романс, и он полетел по свету: его включила в свой репертуар казанская певица Юлия Панфилова. А Вера Берадзе, услышав его на моём вечере в Москве, восторженно откликнулась: «И стихи, и музыка бесподобные!».

В судьбе Веры кружит «Солярный круг от Солнца к Родноверью» и она — в поэтическом полёте, где лень и тоска «не совместимы с бытом птицы», ибо «если приземлюсь — пиши пропало»...

Вера, ты сама всё про себя знаешь: пусть «трудно в мире окрылённым», «где мир и мирок мой заходятся от скоростей», пусть «катит жизнь: то ровно, то покато, // благословляет или кроет матом», но тебе «никогда даже в голову не приходило, // хоть что-то в себе и в судьбе навсегда поменять!»

В добрый путь!
С юбилеем!

УЗЫ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В октябре прошлого года наш Елабужский государственный музей-заповедник тепло принимал участников Всероссийского литературного фестиваля «Осенины», на котором отмечалось двадцатилетие Татарстанского отделения Союза российских писателей и десятилетие литературного журнала «Аргмак. Татарстан», чьим издателем стало республиканское отделение СРП. Конечно, это произошло не случайно, ведь уже многие годы музей-заповедник связывают с этой писательской организацией тесные узы дружбы и сотрудничества.

Нельзя не вспомнить о том, что именно Николай Петрович Алешков, председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей и главный редактор журнала «Аргмак. Татарстан», подал в 2006 году замечательную мысль учредить в Елабуге Литературную премию имени Марины Цветаевой. Даже в те годы, когда имя этого великого русского поэта было под негласным запретом, в наш город приезжали почитатели творчества Марины Ивановны, чтобы просто постоять у дома, где прошли её последние дни, склонить скорбно голову у могилы на Петропавловском кладбище. Сейчас память поэта увековечена в Елабуге, как, пожалуй, ни в одном другом месте в мире.

В мемориальный комплекс Марины Цветаевой входят Дом памяти, Литературный музей, площадь с бюстом поэта, Библиотека Серебряного века, могила на старинном елабужском кладбище и Покровская церковь, в которой было совершено отпевание Марины Цветаевой и где каждый год 31 августа служатся панихиды.

Самым крупным событием, связанным с именем поэта, являются Международные Цветаевские чтения, которые проходят раз в два года. Ныне они должны были состояться в десятый раз, но из-за пандемии коронавируса перенесены на 2022 год. Однако Цветаевская премия в номинации «Поэтический сборник» будет присуждена в онлайн-режиме всё-таки ныне. Неизменными участниками Цветаевских чтений бывают не только исследователи жизни и творчества Марины Ивановны, литературные переводчики, руководители и научные сотрудники цветаевских музеев, но также поэты и писатели. Особенно большое представительство членов Союза российских писателей было на восьмых Цветаевских чтениях, в рамках которых прошла встреча авторов журналов «Паровоз» и «Аргмак. Татарстан».

Стало уже доброй традицией, что обстоятельные обзорные материалы о Цветаевских чтениях, которые проводит Елабужский государственный музей-заповедник, появляются на страницах журнала «Аргмак». Не раз публиковались в этом издании репортажи о творческих встречах с поэтами и писателями в Библиотеке Серебряного века, рецензии на книги, презентации которых проходили здесь же, а также подборки фотографий елабужских авторов с видами города и таких ярких событий в его истории, как празднование 1000-летия, проведение Всероссийской Спасской ярмарки и Фестиваля колокольного звона.

Не забывает журнал своевременно оповестить своих авторов и читателей-поэтов об объявленном конкурсе на присуждение Литературной имени Марины Цветаевой в номинации «Поэтический сборник». В 2020 году станет известно имя нового лауреата данной номинации, а в этом номере «Аргмака» читателям предоставляется замечательная возможность познакомиться с творчеством всех предыдущих поэтов-лауреатов.

**Гульзада РУДЕНКО, генеральный директор
Елабужского государственного музея-заповедника**

ЦВЕТАИНСТВО

(стихи лауреатов Международной литературной премии
имени Марины Ивановны Цветаевой)

Ольга ГРИГОРЬЕВА (2008 год)

* * *

«Цветаинство» – я прочитала слово
над книжной полкой, в городе Тарусе.
Его придумал, знать, какой-то гений
иль этот молчаливый продавец,
в пустом и неказистом магазине
смотрящий на входящих с вечной грустью,
Ну а сегодня – с маленькой надеждой,
что, может, что-то купим наконец...

Цветаинство царит на этих полках.
Откроешь книгу – и пойдёт сиянье!
Наверно, тут должны толпиться люди,
должны все книжки разбираться влёт!
Но то, что высоко, толпа не любит.
Спасёт не обожанье – пониманье.
Какие тиражи теперь, Марина!
Настал черёд. Но кто те вина пьёт?
... Здесь в детстве жизнь была

подарком царским.

Что сёстрам довелось... Не хватит слов.
Цветаинство витает над Тарусой
и окропляет нас дождём октябрьским,
и устилает золотом дорожки,
и озаряет пламенем костров.

* * *

От Тарусы до Елабуги
Горькая дорога дальняя.
От Тарусы до Елабуги –
Коктебель, Серёжа, Макс...
И весёлая мелодия,
И мелодия печальная.
От Тарусы до Елабуги
Встретится любовь не раз.

От Тарусы до Елабуги –
И Берлин, и Прага дивная,
И парижские метания,
И разруха, и война...
И мелодия народная,
И мелодия старинная
О судьбине злой скитальческой,
Коль оставлена страна.

От Тарусы до Елабуги –
Как от жизни до бессмертия,
И летит её мелодия,
Избавляя от тоски,
По-над пропастью забвения,
Разбивая лёд неверия,
От Тарусы до Елабуги,
От Парижа до Москвы.

От Тарусы до Елабуги
Бездорожье и колдобины...
Над полянами цветущими
Облака плывут, легки.
Босиком идёт Цветаева
По тропинкам милой родины.
Не цветы под ноги клонятся,
А стихи, стихи, стихи...

ДОРОГА

Уже оставалось немного
До страшного вечного сна.
Она примеряла Дорогу,
Судьбу выбирала она.
Как будто работу искала,
Шла в гору – и кладбище тут...
Дорогу к себе примеряла.
Два дня – и её понесут.

Постой, продержись хоть немного!
Но всё в этом доме сошлось...

Уже не отпустит Дорога.
И выдержит кованный гвоздь.

Евгений ПОСПЕЛОВ (2010)

РЕКВИЕМ ХХІ

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте...
Александр Твардовский*

Я очнулся под ржавой травой,
Как под Ржевом убитый солдат.
Над тяжёлой моей головою,
Как салют, догорал звездопад.

Я слышал глухие раскаты
Мне неведомых залпов и гроз,
Я увидел как снова солдаты
По команде встанут в полный рост,

Как осколки и пули срезают
Словно цвет васильков — пацанов,
Как глаза набухают слезами
У ещё не родившихся вдов...

Я проснулся от странного гула,
Что промчался над мёртвой зарёй.
И сквозь сжатые веки и скулы
И сквозь череп, забитый землёй,

Прорывались тревожные звуки
Бесконечно знакомой мольбы:
Пусть не ведают дети и внуки
Нашей ратной, великой судьбы...

Кости собраны в грязную кучу,
Каска, фляжка, ремень, ППШа...
И Валькирии образ летучий
Как висящая в небе душа.

БЛУДНЫЙ СЫН СВОЕЙ ЭПОХИ

Не суетись, наивный самоед.
Ответов нет. Да и вопросов нет!

Невмоготу? Остановись, послушай.
В квартире приберись. Сходи в народ.
Он для тебя кликуху подберёт.
И ты увидишь собственную душу.

Смирись. Про отраженья в зеркалах
Ни Яхве не расскажет, ни Аллах.
Ты это ты. Не думай про подобье...
Сними киношедевр, придумай хит.
Смени в окошке надоевший вид.
И не смотри на ближних исподлобья.

И уходи. Куда глаза глядят.
Где даром лишней корки не съедят
Где слово словно выжатая губка...
И возвращайся. Сытым ли, святым —
Каким угодно, только не пустым,
Как позолота высохшей скорлупки.

АКТУАЛЬНО О ВЕЧНОМ

Как модно стало ненавидеть
Родной, раздолбанный порог!..
То ли дурной у нас родитель,
Руководитель то ли строг?
Семья глупа ли, вороваты
Друзья —
Хоть в гости не ходи?!..
Иль не хватает нам зарплаты,
Чтоб на бутылку наскрести?

А что, не так?!..
Ведь россияне
Ленивы и душой кривы,
При этом верят, что сиянье
От их исходит головы!..

Распетушились русофобы!!
И за докладом шлют доклад

Святым гаагским судьям,
Чтобы
Всех рассудил маркиз де Сад...

В краях проверенных и чётких
Уже давно на русских зуб,
Как гвоздь в ноге,
Сидит в печёнках
У них
Наш самостийный пуп.
Без очереди в космос рвёмся,
Без спросу лезем на Восток!..
А наши речи так и вовсе
Для некоторых –
Кипяток!

Во всём,
Всегда мы виноваты!
Что есть ракеты, нет машин,
Что наши пьяные солдаты
Идут в Париж, берут Берлин.

Перечисленье околесиц
Про наш безумный третий Рим
Тупей поклёпа, жальче лести:
Что нам чужбины сладок дым!..

Шумит искусственное эхо,
Досужий разводя народ.
Однако, друг мой верный,
Эко
Иных от этой шняги гнёт:

Мол, царь – урод,
Царица шлюха,
Страна – империя,
А люд –
Наворовать, набить бы брюхо,
А там – пусть хоть в Сибирь сошлют!..

Что ж, коли модно ненавидеть
Родные твердь и потолок,
Коль неуютна нам обитель,
И старый бог излишне строг,

На милость пришлому барыге
Сдадимся с выгодой, братки,
Сожжём музеи, храмы, книги,
Распустим славные полки –

И заживём!
Рабом при кухне –
Одной лишь волей естества,
Чтоб не душой, а телом пухнуть,
Как Жан,
Не помнящий родства,
Что сдал Париж проезжим бошам
Без боя –
За паёк и суп...
И вроде как не давит ноша:
Мол, город цел, и он не труп!..
Но вот согбенную походку
Он приобрёл на вечный срок!
Что ж, нам – урок.
Про хлеб и водку
Мы помним их слова,
Дружок...
Так и живём.
И оплеухи
Эпох,
И бунт, переворот,
И ложь, и разливные слухи
Лишь укрепляют наш оплот.

Пушай плодятся небылицы,
Брехню до неба возводя,
Нам правда оmyвает лица,
Как капли спорого дождя.

А старый дом с кривым порогом
Какой ни есть, а всё ж родной.
Хранимый старым, мудрым богом –
С ним, как за каменной стеной.

И то ведь, тыщу лет не зря же
Учились мы, что знать, как жить...
И дома нашего нет краше,
Хоть этого не может быть...

Михаил ЗАЙЦЕВ (2010)

* * *

А мир предельно прост.
 Душе близки родные
 Стада небесных звёзд,
 В полях – стада земные.

Вечерний свет потух.
 По медленному склону
 Ведёт стада пастух
 К открытому загону.

В ночи стада лежат.
 Сны видят золотые.
 Все вперемешку спят –
 Небесные, земные.

МАРИЯ

Налетела шпана-вороньё,
 Озираясь вокруг виновато.
 И – камнями бросали в неё!

Елена КРЮКОВА (2010)

* * *

Не говори же лишнего
 ни лживого ни чудесного
 Живый в помощи Вышняго
 в крове Бога Небеснаго
 Водворится
 а ты молчи тебя зажгли ты и гори
 Бедным огнём тонкой свечи
 освещай тюрьму свою изнутри
 Не говори безумного
 не подражай священному

И – упала:
 «Да что ж вы. Ребята?!»

Разлетелись. Собрался народ.
 – Это ж Машка! С неё не убудет,
 Ей привычно лежать у ворот.
 Растерялась:
 «Да что же вы, люди?!»

Снег посыпал. Сначала краснел
 На дрожащей, сочащейся коже,
 А потом заскоруз, загустел.
 Промелькнуло:
 «Да что же ты, Боже?!»

* * *

Наша доля – чудна.
 Наше небо – высоко.
 Наша чарка – без дна.
 А душа – одинока.

Тёмному острозубому
 пьяному белопенному
 Пусть хмельные подавятся
 злойной застойной горечью
 Нищему будь подарком
 на перекрёстке голода
 Выйди в дождь эка хлещет
 как смотрят карнизы низкие
 Ни за грош ни за пятак
 аспидами и василисками
 Мокрый беги по городу
 да под серебряной лавою

Нищая ночь осыпана
 звёздною Божьей славою
 Ночь этот ливень бешеный воды
 бурей богатые
 Вся эта тьма кромешная крыши –
 звенящими латами
 Хляби разверзлись небесные
 бьют ледяными секирами
 Окна горят бестелесные во мраке –
 белыми дырами
 О да то не вода а кровь хлещет
 с великой силою
 О да это гибнет любовь
 тонет жжёт за могилою
 Господи мы в Твоём мире живём –
 святыми и уркаганами –
 Под снегами и под дождём
 под вихрями-ураганами
 Под ливнями где седое жнивье
 огненными жестокими
 Яви Ты мне спасенье Твоё
 когда захлебнусь потоками

АНГЕЛИЦА

Старик, упала я. Старик, воды!
 Старик, кругом увалы и хребты.
 Летела я в широких небесах –
 А там и месяц высох и зачах.

Лилия ЮСУПОВА (2012)

ПОЗНАНИЕ

Наш сын заводные машинки
 Всегда разбирал до пружинки,
 Чтоб способ движенья понять.
 А после такого обряда
 Пыхтело любимое чадо
 И тщилося обломки собирать.

Так люди, рассудку не внемля,
 Вторгаются в небо и землю,
 Чтоб с тайны сорвать кожуру.

Крыло моё!.. А перья все в крови,
 Во ржавчине, мазуте, масле, льду...
 Старик, ты Божью Матерь не зови.
 Не видишь – человек попал в беду.
 Мне чем-нибудь... крыло перевяжи.
 Бинтом. Портянкой. Красным лоскутом.
 Муаром – через грудь – роскошной лжи,
 Где орден всходит Солнцем над крестом.
 Да подцепи же... – рваной простынёй
 Военной свадьбы, с коей в ночь шагнул
 И ногу потерял... кто там с тобой?!..
 Мальчонка... рот – два зуба, свист и гул?..
 Старик и мальчик – кровных два ведра
 На коромысле века. Ближе, ну!..
 Я ангелица. В небесах дыра
 Прорезалась. Я как в неё шагну
 И упаду – на площадь во снегу,
 И бычит храм свой лбище золотой...
 Дуй, ветер, дуй! Я больше не могу.
 Я – коркой в грязь – у снега под пятой.
 Я сломанные крылья волоку.
 Отец мой, Сын мой, я узнала вас.
 Я молока метели на веку
 Хлебнула. Я лила метель из глаз.
 Я на метели ела и спала,
 Сражалась, кровь на серебро лия...
 Вас обниму, пока не снидет мгла,
 Крылами изувеченными
 я.

Но ядрышко скрыто в орешке...
 И боги взирают с усмешкой
 На детскую эту игру.

* * *

Считали предки Землю – центром света,
 А оказалось – мелкая планета,
 Иголка в галактическом стогу,
 Затерянная Богом на бегу...

А я живу — и не могу смириться,
 Что жизнь моя всего мгновенье длится,
 Что по вине космической игры
 Я — лишь пыльца на кончике иглы.

И по ночам вселенскою тоскою
 Пространство мировое беспокою
 И вызываю трепеты планет,
 Когда стихи рождаются на свет.

* * *

На исходе сибирского лета
 Распустились повсюду цветы,

Виль МУСТАФИН (2014)

ПРО СОВЕСТЬ

В судьбу впряглась однажды совесть
 И понесла, не беспокоясь
 О том, что будет впереди, —
 Аж сердце ухало в груди...
 А что в итоге?.. А в итоге —
 Всё те же чистые дороги
 Без продолженья и конца,
 Как две ладони у лица...

ПОЭТ И ВРЕМЯ

«Служенье муз не терпит суеты...»
 Блажен поэт, поведавший об этом,
 Блаженны музы, знавшие поэта,
 Блажен их мир, далёкий, как мечты...

В умах толпы законы красоты
 Толкуются полезностью предмета,
 А выгода — важнейшая примета
 Достоинства. Поэт, где ж нынче ты?

Сегодня он в толпе — как сын толпы,
 И ритм ему толкут её стопы,
 И рифму тыщезевный рёв диктует.

Одаряя последним приветом
 Этой хрупкой земной красоты.

Скоро выпадет снег на аллеи,
 Потемнеет от слез небосвод,
 И опять мы с тобой пожалеем,
 Что и этот кончается год.

Так и жизни моей панорама
 Пролетит как нечаянный миг.
 А пока я люблюсь упрямо
 На роскошный весёлый цветник...

Давным-давно стезя его тропы
 Единственной затоптана. И пыль
 Чужих сапог судьбой он именует.

ИЗ КНИГИ «БЕСЕДЫ НА ПОГОСТЕ»

*Что ж мне делать, слепцу и пасынку...
 Марина Цветаева*

Все вопросы твои — мои,
 Но ответить-то вовсе некому, —
 Не услышав твоих молитв,
 Мир оставил их безответными...
 О, Марина, хоть ты ответь, —
 Я услышу: я здесь, я близко, —
 Не прошедшему через смерть
 Мне, прильнувшему к мёртвым листьям...
 Я прижался к тебе щекой, —
 Надо мной лишь трава колыхет, —
 Ты ответь мне, скажи: доколь
 Эта горькая неслышанность?
 Безразличие — до когда?
 Знак отличья! — за сверх-безличье...
 Чуть отличному здесь — беда:
 Заплюют, заклюют, закличут...
 Не умеющему украсть —
 От своих же детей — проклятье!
 Не совравшему власти в масть —

Вековечно свой лик прятать...
 Что же делать, Марина? Что?..
 Ты, прошедшая смерть навыйлет,

Евгений ЭРАСТОВ (2014)

* * *

Что, Эвтерпа, ты шепчешь мне в ухо?
 Погоди, я достану блокнот.
 Вороха тополиного пуха
 Буйный ветер по пляжу несёт.

Мы с тобою вдвоём не случайно
 В этот час на речном берегу.
 Есть меж нами особая тайна,
 Я её ото всех берегу.

Трав июньских размах и невинность.
 Ежевичный причудливый склон.
 Не моя в этом, право, провинность,
 Что отметил меня Аполлон.

Не моя в этом, право, заслуга,
 Что я пил из кастальской струи,
 Что на ухо шептала подруга
 Сладкозвучные строки свои.

Очаруй меня сорной половиной
 И загробной коврижкой медовой,
 И пахучей болотной травой.
 На сиринге своей тростниковой
 Просвисти над моей головой.

* * *

В углу мире, где царствует случай,
 Где сплошные прорехи в судьбе,
 Эта странная сила созвучий
 Почему-то нас тянет к себе.

Рифма сладкая тянет магнитом
 Как стальные опилочки нас.

Подскажи, покажи исток
 Мне, живущему так впервые...

Видно тайна какая-то скрыта
 В сочетании звуков и фраз.

Как загадочно ты, мирозданье!
 Плеск леща, соловья щебетанье.
 И себе задаю я вопрос –
 Почему же Святое Писанье
 Без мучительных рифм обошлось?

* * *

Хорошо быть свободным поэтом!
 По тропинкам блуждать луговым.
 Нескончаемым солнечным летом
 На охоту ходить за сюжетом,
 За доверчивым словом живым.

Это самая лучшая доля!
 Ах, как ухают в роще сычи!
 Хорошо ли искать ветра в поле
 Или спонсора в русской ночи?

Я хожу по лугам и болотам,
 Где камыш до звезды достаёт.
 В нашем слове есть тайное что-то –
 Восприимчивость к высшим частотам,
 Византийский загадочный код.

Я хожу, ощущая с годами
 Свой особый, причудливый путь...
 Если песенный дар тебе дали,
 Остальное ты должен вернуть.

Разнотравья непризнанный гений,
 Захудалый сорняк чистотел
 Государственной тайны растений
 Мне никак выдавать не хотел.

Он на солнце глядел, как на идол,
Прославляя свою колею,
Но однажды не выдержал, выдал
Тонкоствольную тайну свою.

И держа словари наготове,
Погружаясь в родной перегной,
С чистотелом мы братья по крови –
Мы повязаны тайной одной.

Диана КАН (2016)

* * *

* * *

В изысканном корейском ресторане
На закуску закажу себе селёдки...
О родине, потерянной в изгнание,
Мы говорим за стопкой русской водки.

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

Забуть про неприкаянность надеясь,
Мы вопреки политкорректной скуке
Тоскуем о прабабушке Корее,
Которая сама с собой в разлуке.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольню чувствуешь поэтом.

Всё это сколь почётно, столь печально.
Чем дальше, тем страшней,
 как в старой сказке –
Держать удар меж русской наковальней
И молотом надменным самурайским.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая व्यюжные узоры.

Как вольный ветер, по миру скитаться,
Но всё ж заветы прадедов лелеять.
В горниле роковых репатриаций
Надеясь, любить, бороться, верить...

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Ты, мой народ, цены себе не знаешь!..
Упрятанный в напевы Арирана,
Великодушьем русским укрощаешь
Змеиный холодок меча-катана.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Хотя и нет тебя исповедальней,
Но разгадать тебя поди-попробуй –
Сроднившийся с российской наковальней
Народ корейской –
 самой прочной! – пробы.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смирение?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда нектати.

* * *

Вдоль по камушкам Кама бежала –
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала –
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто पहले – открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила –
Не роднилась бы с Волгой-рекой
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес.
И небес лучезарное око
Отразив, разливаясь окрест.

Но сестрица не вняла совету,
Восприяла совет за навет...
Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
Песня, волжская песня в ответ!

Николай АЛЕШКОВ (2016)

* * *

Молодость – белая птица.
Где ты, счастливая, где?
Солнце за Каму садится,
Тает в вечерней воде.

Мёдом повеет прохлада
В терпкой, густой тишине.
Господи, что ещё надо
В жизни стремительной мне?

Рано ещё про усталость
Сердцу сигналить в груди.
Господи, сколько осталось
Дней золотых впереди?

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой захватчицей клясть?
Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон от страха и злобы
Перепутав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаённой утробы
Вышла Кама и – с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица –
Вдохновенная Волга-река.

Что в этой жизни беспечной
Вспомнится, если она
Здесь, в тишине бесконечной
Лопнет, как будто струна.

Перед неведомой дверью
Мне б оглянуться назад.
Многое вспомнится – верю.
Птицы летят наугад

Кама торопится к Волге.
Звёзды мерцают во мгле.
Хочется всё-таки долго
Жить на родимой земле.

* * *

Вымучиваю полночь стихи.
Застопорилось дело. Рвутся строчки.
Уже видны в окошко лопухи.
Орут по всей деревне петухи.
И мне пора сворачивать листочки.

Поэту тоже надо отдохнуть.
Полынью пахнут бабушкины сенцы.
Но мне и тут, пожалуй, не уснуть,
Пока в стихах не завершится путь
От сердца к сердцу.

Вот каторга! А рядом жизнь села,
Меня совсем как будто не касаясь,
Разумное движенье обрела.
Не могут ждать крестьянские дела,
Пока в грехах я на бумаге каюсь.

Однако я с деревней заодно.
Строка как борозда. Сутулю плечи.
А майский день врывается в окно,
Чтоб и моё заветное зерно
Проклюнулось на ниве русской речи.

Виктор КИРЮШИН (2018)

* * *

Обернёшься — окно запотело.
Полутьма за стеклом, забытьё.
Жизнь меня переделать хотела,
Я хотел переделать её.

Как азартно мы лгали друг другу,
Отрицая взаимный недуг,
Где разумно хождение по кругу
И безумие — выйти за круг!

Деревя в поднебесье роптали,
Новый опыт рождался из мук,
Но изъян поселился в гортани,
Искажая таинственный звук.

ПИКНИК

Гонорар не всем дают.
А часы всё тикают.
Соловьи в лесу поют,
Воробьи чирикают.
Собрались поэты в круг
На лесной поляночке.
Гармонист, поэтам друг,
Шпарит на тальяночке.
Девки весело поют,
Затаив желания,
И поэтам раздают
Разных птиц названия.
От вороны до орла
Песня вышла длинная.
Всю скатёрку подмела
Стайка воробьиная.
А поэты пиво пьют
И на травку сикают...
Соловьи кругом поют,
Воробьи чирикают.

Век недолгий — горящая спичка,
Но до самой последней межи
Ты со мной, роковая привычка
Примеряться к обыденной лжи.

Так незрячая туча в дороге
Застилает божественный свет.
Потому и печальны итоги.
Вывод ясен.
А времени нет.

СТАРИК И ИНСТАГРАМ

Старик, с едва заметным шрамом
На лбу. Заслужен и учён.
Уже неделю инстаграмом
Невероятно увлечён.

Сидит под вылинявшим пледом,
Забыв предписанный режим,
Причастный радостям и бедам,
И несуразностям чужим.

А в мире ветер шалый свищет,
Сгущая каинову тьму...
Он счастлив. Он вот-вот отыщет
Всех тех, кто дорог был ему.

Игра загадочная длится
И расстояньям вопреки,
Всплывают даты, судьбы, лица
Простым касанием руки.

Из глубины, из невозврата,
Ему становится видна
Давно забытая утрата,
Давно изжитая вина.

Что деньги, почести и слава,
Когда зовёт иная рать?
О, эта детская забава –
Пытаться всё переиграть!

Переписать былую драму,
Переиначить, как в кино...
Увы, но даже инстаграму
Такое чудо не дано.

БОЛЕЗНЬ

Зажат со всех сторон
В узилище законном,
Сиди, считай ворон
В пространстве законном.

Как-будто жизнь саму,
Исследуй, занедужив,
На ветках бахрому
Заледеневших кружев.

Грехи, не без труда,
Припоминай, печалясь,
Из тех, что никогда
Тобой не замечались.

Сочувствие родни
Превозмогай, как участь.
Итожь труды и дни,
Их малостью измучась.

Но путь, который смог
Пройти над самой бездной,
Прими не как итог, –
Как промысел небесный.

ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА

ИНТЕРВЬЮ

*Не обман — страсть, и не вымысел!
И не лжёт — только не дли!
О, когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!*

Марина Цветаева

Билеты были в СВ. Не потому, что газета позаботилась и раскошелилась, а потому что, наоборот, — не позаботилась. Их спешно перед отъездом покупал муж на Грибоедова (теперь — Малый Харитоньевский). Вручил мне, сказав: «Поедешь хотя бы, как человек».

Я уезжала в Питер. В мой любимый Ленинград. Конечно, ночным экспрессом. В купе — никого. До отправления — семь минут. Я сняла плащ и присела к окну. Было ясно, что в вагоне пусто, да и на перроне не звучат слова, которые взахлёб говорят на прощанье и которых не слышат и с собой не увозят так, как те, которыми молчат на прощанье и которые слышат и увозят... Каникулы кончились, до праздников далеко, билеты дорогие и всё равно — не купить.

С кем поеду? Одна?

Дверь отворилась: спряталась вглубь стены как-то неожиданно легко, без звука усилия, будто ветром, который не распахнул, а втянул, забрал, прибрал преграду. Вошла женщина, я узнала её мгновенно, за ней — мужчина, который нёс дорожную сумку, и за ними, где-то высоко, будто на высокой, неясно различимой галёрке, показался юноша.

Догадаться было нетрудно — они провожают, а спутницей моей будет она — актриса, которую давно обожаю, знаю все её работы в кино, многое видела из того, что сделано ею в театре... Написала новое для меня слово «обожаю» вместо привычного «люблю».

Почему? Потому что уже призналась в любви к городу? На одну страницу два признания — много? Или потому, что любить известную актрису просто неоригинально? Нет, я давно про себя знаю, что в выборе любимого вовсе не оригинальна, да и не задумываюсь над этим — задумываюсь совсем не над этим... Я бы хотела рассказать о ней так, чтобы было понятно, что люблю, что больно и сладко — как сладко и больно! — мне говорить о ней.

Марина Д. Лучшая (не только на мой взгляд) из чтиц стихов Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Александра Блока. Какие разные поэты и как по-разному, словно разными существами, в ней живущими, она их читает! Но об этом написано много и ещё напишут — критики и искусствоведы.

А я, я тысячу лет мечтала об интервью с ней. Сколько раз после спектакля, фильма, любого её явления мысленно говорила с ней, писала письма (те самые — не отправленные, суть — ненаписанные на бумаге), задавала вопросы, хотя, может быть, и не по правилам моей профессии — журналистики.

И вот — целая ночь впереди. Разве я устала? А она?

— Добрый вечер, — тихо сказала-обронила Марина, глядя мимо меня.

Посторонилась. Муж (это, конечно, был он) почему-то убрал — вознёс сумку, а не спрятал её в рундук под постелью, спросив:

— Маша, тебе здесь ничего не нужно?

— Нет, пожалуй.

Он поцеловал её спокойно и неторопливо, хотя вошли они буквально за минуту до отправления. Она подставила щёку, изогнув шею, потянувшись к поцелую, будто дотягиваясь до него. Глаза — под веками. Юноша быстро чмокнул:

— Пока, ма.

Взгляд — из-под век — и руки ласково коснулись, погладили сына.

Муж — вежливо нам обеим:

— Лёгкой ночи.

Едва выходят — отплываем. Миг начала движения всегда ускользает — не удержать, как последний удар курантов в новогоднюю ночь. Не хватает времени насладиться и осознать — случилось!

Марина присела, не снимая плаща, только освободила узел шарфа. В окне — вскинутые руки, и побежали фонари — всё быстрее и быстрее, с каким-то нарастающим отчаянием осознания разлуки. С кем разлучаюсь я? Ведь меня сегодня никто не провожает. Да и командировка только на три дня. Может, просто — с этим вечером, точнее — с ночью, вокзалом, Москвой, здешним дождём, уезжая на встречу с вечным ленинградским?

Я не могла отвести от неё глаз. Но, думается, не мешала. Она, наверное, даже не ощущала (не то чтобы не замечала, а просто не ощущала) моего взгляда. Привыкла с детства жить во взглядах, под взглядами — это жизнь красивого ребёнка, красивой девочки, девушки, женщины, актрисы. Существа не просто красивого, а талантливого, даже в молчании значительного, притягивающего чем-то необъяснимым. Полеми? Может быть. Помню, как было с Высоцким: рядом — красавец: высокий бородатый Хмельницкий, и так легко от него отойти, а вступив в круг Высоцкого, никуда и никогда не вырваться.

Я молчала и глядела на неё. Она молчала и глядела в окно, в котором — я знала — послевокзальная тьма со вспышками огней.

Какая она? В отличие от многих актрис, красивая и в жизни, узнаваемая с первого взгляда, даже без грима. Просто другая и, пожалуй, моложе, потому что выглядела почти беззащитно. Усталая? Вроде не очень. Счастливая? Не читаемо, то есть неявно. Печальная? Нет... Нет-нет, просто грустная, по-особенному — видимой грустью, светящейся. Но какого цвета свечение, сказать нельзя, хотя в купе совсем не сумерки, а яркий белый свет, который разгорался по мере возрастания скорости.

Сама Марина тоже была как бы не цветной, хотя и совершенно не бесцветной — скорее, прозрачной — ощущение присутствия и отсутствия одновременно.

И ещё: и поза (прямая спина, сидит чуть напряжённо, на краешке), и наклон головы (чуть вперёд и набок), и подрагивающие пальцы, и то, что не сняла плаща... Во всём этом — вслушивание, будто ждёт, что кто-то окликнет, окликнет сейчас, и она немедленно поднимется — отзовется и шагнёт навстречу. Чему? Кому? Какая-то вечная, не засыпающая готовность. Ожидание зова. Больше, чем актёрская привычка ждать слов: «Ваш выход!» или «Д., на сцену!» Марина Цветаева сказала бы: «Вечная бессонница всего существа, даже во сне».

Времени прошло немного. Негромко постучав, заглянула проводница — молодая и, наверное, зная о том, кто едет в купе. Очень вежливо пожелала: «Спокойной ночи» и предложила: «Чай уже не разносим, но титан горячий — не хотите ли?»

Мы встретились глазами. Марина чуть с улыбкой и будто виновато сказала:

— Я так всегда любила пить чай в поезде... Вообще, люблю есть в поездах и самолётах. Но в самолётах кормить стали гораздо хуже, чем тогда, когда подавали икру, даже, кажется, на крутонах?

— Так давайте попьём чаю?

— Но я люблю только вкусный и ещё... из своей чашки.

—?

— У меня есть с собой в пакетиках и кружка своя, и даже пирожки — мама испекла.

— И у меня — мама... и кружка, и чай.

Мы засмеялись.

— А может, уже поздно, да и лень?

— Нет, нет! Давайте я схожу за кипятком?

— Тогда уж пойдём вместе — гуськом.

Достаточно неловко опускаем её сумку с багажной высоты, достаю свою из темноты ящика под постелью, шуршим пакетами, извлекаем кружки, пирожки и чай. Оказалось, что чай у нас, при большом сегодня выборе, одинаковый. Мы это весело обсуждаем, как и то, что ни она, ни я не пьём растворимый кофе. Перед дверью купе меня вдруг осеняет:

— В коридоре всегда кто-нибудь есть — вас узнают, как сразу же узнала я, придут объясняться в любви и спрашивать о творческих планах, а я хочу всё сама и не хочу делиться...

Марина вскидывает на меня впервые внимательно глядящие, будто пробуждённые глаза, улыбается:

— И о творческих планах — тоже?

— Может быть.

— Пожалуй.

Чай заварен, пирожки наших мам удивительно похожи, шоколадка и даже лимон — пир под музыку дороги в зеркале ночного окна — уют движущегося, как минимум в двух измерениях, маленького и только нашего мира купе! Я устала? Мечтала лежать и молчать? Забыто.

— Так значит, про меня вы всё знаете, а кто вы... по профессии? — вопрос, не поднимая глаз от ложечки в кружке, вопрос вежливый, вопрос скуки — щека на руке, её подпирающей, а в кружке — жёлтый круг лимона на беспокойной глади.

— Журналист.

Глаза обиженного, обманутого, почти испуганного ребёнка.

— Газета?

Называю.

Немного разочарования, но и успокоения одновременно — не самая скандальная, не самая современная, не самая эпатажная, совсем не гламурная.

Молчу.

Она... ждёт? Мы молчим обе, а я люблюсь. Она красива. Очень.

И вдруг — задорное, насмешливое, девчоночье:

— Хотите интервью?

Выдох мой:

— Очень!

— Эксклюзивное?

— Эксклюзивное.

— Нигде и никогда?

— Нигде и никогда, и никому — всё возьму только себе.

— Только после смерти. После смерти можно всё.

— Только после смерти... Чьей?

Мы смеемся совсем просто и весело — тысяча лет вместе позади, а впереди — ещё тысяча.

— Но, чур, — никаких «творческих планов»!

— Никаких!

— О чём же будет интервью?

Ответить мгновенно не получается. Пауза. Она ждёт, будто совсем не задумываясь над темой, не придумывая её — выжидает, доверяясь мне...

И вдруг с улыбкой — цветаевское:

— «Вы перечтёте мои записи..., когда Вы перечтёте их, чтоб найти там живую меня, наша встреча предстанет перед Вами в новом свете».

Наша встреча... Успеваю не столько понять, сколько запомнить сказанное.

— Интервью? — О том, о чём я ничего не знаю...

У Марины что-то вспыхивает в зрачках, как тьма за окном, — интерес, ещё более напрягшееся ожидание? — и я думаю: «Боже! Девчонка, просто любопытная девчонка».

— ...О любви.

Она — эхом, одновременно и удовлетворенно (всего-то!), и разочарованно (всего-то...):

— О любви!

Слегка отодвигает кружку, чтобы положить руки на край стола, как примерная ученица на парту, показывая, что вся — внимание и готовность. Мой репортёрский плеер покоится невостребованным в сумке. Я включаю магнитофон памяти, но, подыгрывая, словно разматываю шнур от микрофона, принимаю по-журналистски любезно-уверенный вид и вдруг замираю... Что же я спрошу? — Что такое любовь? И кто же это знает! А кто знает, разве возьмётся отвечать? И такое спрашивают или спрашивали только на школьных диспутах. Вы счастливы в любви? Будто можно быть в любви только счастливым или только несчастным (даже во взаимной или наоборот). Вас многие любили? Да как же её — такую! — можно не любить — пропустить — отпустить?! Вы много любили, сколько раз? И мы начнём загибать пальцы, боясь сбиться со счёта, или, может, примемся сортировать, классифицировать: это — влюблённость — не считается, а это, о, это — любовь — раз!..

— Вас бросали?

— Меня всегда бросают.

Я, кажется, застыла с открытым ртом, а не только глазами, вытянувшись навстречу спокойному ответу, который ей не понадобилось искать. Она сидела уже не в позе примерной ученицы, а где-то на облаке, за спиной — туча.

— Помните, Марина, у Марины... у Марины Цветаевой?

— Да, да, конечно.

Зачем спросила, я же знаю, что она наверняка, несомненно знает про Марину, мою Марину, всё. (Эх, прощай, «Юность»! Если бы это интервью было написано, то его опять бы в моём любимом с детства журнале не опубликовали — к Марине Цветаевой да на «ты», да по имени! Но по-другому-то — неправда! Знаю, что никто и ничто мне права такого обращения не даёт, даже любовь, но... так, вероятно, Она хочет). Пугаюсь — вдруг ничего не скажет больше? Но она, Марина, Марина Д. (сегодня у меня две Марины, и здесь, в этом купе, совершенно ясно, что нас трое, и так было с самого до-разговора) поднимает голову, смотрит спокойно, чуть насмешливо и чуть печально:

— Я — та вещь, а я совсем не оскорбляюсь и не унижаююсь этим словом, оно для меня ёмкое, как «вещь в себе», и хорошее. Ведь говорят «Это — вещь!» Вот я — та вещь, которую все (или многие) хотят... с первого взгляда, или со второго, который — первый...

Следует взгляд-вопрос — понимаю ли? Я понимаю, она это видит и продолжает:
— ...А потом не знают, что с ней, с этой вещью, то есть со мной, делать, зачем схватили и куда выбросить, словом, как избавиться, потому что жить-хранить обременительно до невозможности. Вещь бесполезна, тяжела, вообще не нужна — совсем и навсегда. Щедрые не жалеют затрат и оставляют тут же у прилавка, что называется «не отходя от кассы», как и пугливые или очень проворные... Скряги и слепые могут даже в дом принести, а потом мучаются, прозрев, — ни подарить, ни выбросить!

Тихонько — в подъезд, как котёнка, или... на свалку, как... как громоздкий граммофон, или... туда, где была, где должна быть... Дверь — на засов, телефон отключить, и чтобы не снилась! Но иногда случается вариант: «Дайте посмотреть!» И затем: «Спасибо, не надо». Этих больше всего... цену.

Молчу и слушаю. Она обращается не ко мне — мысли вслух. Я же скорее вижу, а не слышу произносимое — яркая, слепит сердце, череда образов в полной достоверности цвета, объёма и даже запаха. Не мешаю — она старается сказать точнее — большее себе — и перебирает варианты, чтобы ничего-ничего не упустить, не забыть, не исказить.

— А вещь-то говорит, плачет, просит, требует! И главное — совсем дурацкое — верит, что нужна, незаменима, красива, у-ди-ви-тель-на, словом, лучше всех, всех нужнее и желаннее... До берёзки и ещё за ней! И не выключить, и не выкрасить. А самое нестерпимое, что помнит всё то, на что и купилась... эта неправильная вещь.

Зачем схватил? Сам не знает — увидел — не думал, что, как, для чего — просто хочу и всё, а потом — не хочу и всё... Логика. Железная. Да, ещё. Вещь, я то есть, если её куда не ведут, не манят, сама тащит за собой! Куда-нибудь. Но чаще — в гору. А это значит, что совсем не на прогулку, а туда, куда умный не пойдёт, пойдёт влюблённый. Дышать нечем, холодно... и никому не нужно. Есть и другие места, где не хуже. И с кислородом без напряжёнки. Вот вещь с горы-то... Вот меня с горы-то и... отпускали чаще всего, а иногда там оставляли — живи, мол, раз тебе здесь так нравится, не буду мешать... Всё во благо — мёрзнуть-промерзнуть, чтобы не старела до бессмертного безобразия. А бывало и так: оглянусь ещё по дороге — ведь впереди иду — никого-то и нет, только приветы последние да поцелуи воздушные...

Это звучит уже совсем высоким, почти весёлым, нет — насмешливым голосом, в котором нет слёз, только ветер, а слёзы давным-давно вымерзли. И завершая сказанное и услышанное, мы — вместе:

— Как у Марины.

Я:

— Вы помните?

Я всё равно — с такой горы упала,
Что никогда мне жизни не собрать!

Её глаза — само внимание, жадное и жгучее. Какое-то хмельное внимание с первого глотка-строчки.

— Нет. Откуда это? А дальше?

— Из цикла стихов, посвящённого Н.Н.В., 20-й год.

— Кто он?

— Художник, Николай Николаевич Вышеславцев. Она ему — стайку стихов, он — её портрет и рисунок обложки к сборнику «Вёрсты»... Мне иногда кажется, что не все стихи цикла обращены к Вышеславцеву, но это другая тема, хотя и про любовь.

— А к кому?

— Иногда — к будущему герою. Чаще — к незнакомому. Песнь разминований.

— Прочтите, что помните оттуда.

Я выговариваю такое цветаевское из апреля 20-го:

Целому морю — нужно всё небо,
Целому сердцу — нужен весь Бог.

Она тянется к каждому слову, точно хочет взять в руки, приблизить к глазам, надышаться, молча просит, ждёт — ещё...

В мешок и в воду — подвиг доблестный!
Любить немножко — грех большой.
Ты, ласковый с малейшим волосом,
Неласковый с моей душой.

Червонным куполом прельщаются
И вороны, и голубки...

Вижу, что стихи знает, но не прерывает. Я читаю актрисе, не слыша своего сердца — даже оно затаилось.

— Ещё...

Не просьба, не приказ — бред, а в бреду — жалоба: «Пить».

Времени у нас часок.
Дальше — вечность друг без друга!
А в песочнице — песок —
Утечёт!

Что меня к тебе влечёт —
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щёк —
Отцветёт.

Ты на солнечных часах
Монастырских — вызнал время?
На небесных на весах —
Взвесил — час?

Для созвездий и для нас —
Тот же час — один — над всеми.
Не хочу, чтобы зачах —
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.
Только час — на...
Всю любовь.

Мой весь грех, моя — вся кара.
И обоих нас — укроет —
Песок.

Молча: «Дай!»
Молча: «Ваше!»

А вслух:

— Я почему-то это пропустила. В свой час не нашла... А ещё вспомните?

— «А впрочем, Вы ведь никогда не ходите мимо моего дому...», — строчки припоминаются сразу. Начинаю читать, кажется, подчиняясь ритму едва угадываемого стука колёс.

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничего.

А всё же с пути сбиваюсь,
(Особо весной!)
А всё же по людям маюсь,
Как пёс под луной.

Желанная всюду гостья!
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жёны:
Я — голос и взгляд.
И мне не один влюблённый
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за ночь —
Мосты и дворцы.

(А что говорю, не слушай!
Всё мелет — бабьё!)
Сама поутру разрушу
Творенье своё.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

- Это я знаю... Люблю... Но не читаю.
- Странно — я читаю Цветаеву вам, той, кто делает это лучше всех.
- Вы тоже хорошо читаете. Вас учили?
- Только она сама — дыханием... Может, чаю выпьем... с радости.
- Давайте... «Любить немножко — грех большой»... А помните?..
- А помните?..

И вместе:

Ты — каменный, а я пою,
Ты — памятник, а я летаю.

И дальше:

Твои глаза! — Все руки по иконам —
Твои! — О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их,
не помнить!..

И пятилетний, прожевав пшено:

– «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...

Так, оплётенная венком детей

Сквозь сон — слова: «Боюсь, под корень рубит —

Поляк... Ну что? — Ну как? — Нет новостей?»

– «Нет, — впрочем, есть: что он меня не любит!»

Мы переводим дух. Но, припав, как к горному ручью, — ни напиток, ни оторваться.

– Видимо, Маринины стихи иногда всё ещё хотят быть прочитанными в унисон, как когда-то, в начале... в начале века с Анастасией... Прочтите, пожалуйста, вы — я знаю: вы читаете — «Ты этого хотел...», это ведь из того же цикла.

Совсем незаметно меняется поза — сидит, как сидела, но уже не одна и не со мной, видит уже не меня и даже не зал — слова обращены к нему, и он их слышит через ночь, через сон, через век.

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.

Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,

Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:

– Моё дитя становится послушным!

Голос актрисы негромкий, но перед ним отступают все звуки. Он становится единственным голосом этой ночи.

Марина дочитала и без паузы — восхищённо и возмущённо:

– У кого интервью? У какой Марины? У Цветаевой?.. А Вы чувствуете? — заговорщицким, таинственным полусёпотом, — Она здесь!

– Мы её в себе принесли. Можно было бы чаем угостить, но он давно замёрз... Но всё-таки — к вопросу. Вы досказали? Мы не ушли от Марины к Марине?

– Кто из нас журналист? Кто ведёт беседу?

– Марина.

– Пожалуй. Так вот, чтобы поставить точку и покончить с иносказательностью: как только я позволяла себе поверить словам — вверялась человеку, или делала попытку любить, или разлюбивалась — разгоралась вовсю, меня и бросали. Пуга-а-лись... И бежать... Только пятки сверкали и спины парусили (от слова «парус»). И никто меня не любит, — это уже говорит ребёнок, любимый несомненно, капризный соответственно, ждущий мгновенного опровержения.

– Никто-никто?

– Ну, разве те, кого не люблю я.

–...? — мой молчаливый вопрос-недоумение.

– Конечно, кроме моих близких, кого люблю я, и кто терпит меня... по должности — это сказано как-то тише, осторожнее и чуть торопливее — тема, которой все не касаются, а мы же решили, хотя и не сговариваясь, — о серьёзном весело или почти весело, чтобы не получилось смешно.

Судорожно думаю, что спросить ещё, спросить так, чтобы ничего не сломать, не нарушить, не спугнуть. Где мой профессионализм, хватка, чутьё, интуиция... где всё?

Марина сама приходит на помощь — почувствовала моё замешательство? Мой страх, что сейчас всё кончится и настанет только ночь? А может, ей просто не хотелось спать:

— Вы были в Праге?

— Были попытки, и есть давнее желание, и даже сын с друзьями почти из-за меня там побывал, а я — нет.

— А я была. Город — сон, или — из сна. Где явь — сон, а сон — явь. Всё завязано каким-то волшебным узлом, как любовь — развязать невозможно... Удивительно... Рельеф, возносящий город и одновременно окружающий его, река, молчащая, принимающая тайны, как отражения, мосты... разъединяющие, дома-декорации — они так хороши, что кажутся невозможными для буден... Слова и шаги, деревья и фонари... И даже время года своё собственное, не из известных... И там случилась моя «Поэма Горы», нет — «Конца», потому что «Гора» не сбылась, а «Конец» — сразу после начала.

— Расскажите?

Минуту думает. Глядит, будто в воду — так готовятся к прыжку. Кивает головой решительно, отчаянно, даже с вызовом:

— Да! Эксклюзивная исповедь в эксклюзивном интервью! Постараюсь коротко.

Шли съёмки. Летом. В жару. Снимали в недалёком пригороде Праги. В основном — в павильоне. Купаться отпускали, водоём был недалеко, именно водоём — не бассейн, не озеро, а что-то, куда не то втекала, не то из чего-то вытекала маленькая с мохнатыми берегами речушка. Не очень хорошее дно, да и вода — не синяя, не зелёная — кофейная... Мне не нравилось. Все купались, а я лежала и в небо глядела...

Сценарий достойный. Современный... Но нежный — пастораль. Много действующих лиц — как бы из новелл единое целое, роль поэтому, хотя и одна из главных, но небольшая. Времени свободного оставалось много и для города, и для поспать-почитать. А отснять и уехать нельзя — некоторая завязка с последующими кусками и возвратность по отснятому. Я радовалась паузам — хотела по Марининым местам пройти. Я тогда программу по её стихам готовила, томик с собой возила.

На душе было не очень спокойно. Впрочем, когда спокойно-то было? Каждый раз по-разному и из-за разного — вечно душа из-за чего-то болит, о чём-то тоскует. Может, просто ждёт чего-то, беспрестанно чего-то ждёт... даже во сне?

Рассказчица всё больше уходила от меня, от перестука колёс, от запаха купе — всегда нового и в чём-то постоянного, как запах дома детства, как бы редко ты в него не возвращался. От этой ночи. Глядела в своё, ей загоревшее прошлое, говорила себе, а может быть, Марине — Марина Д. рассказывала Марине Цветаевой. Я была как бы приглашённой, допущенной, но не главной собеседницей.

— Сын влюбился в первый раз. Я совсем не ревновала. Сразу же полюбила девочку тоже. Девочка — чудо. Пастернака любит. Вслед за мной или даже чуть-чуть из-за меня — Марину... Но именно тогда впервые сказала себе: «Постой, малыш вырос, а значит, ты?.. — Со-ста-ри-лась». Это было даже весело — ведь никто подобного не говорил, я не чувствовала, муж продолжал твердить «девчонка сопливая», и роли не старели... Вот такой я приехала в Прагу... В свободный от съёмок день отправилась к реке. Лежала на лугу с книжкой, которую листал ветер. От жары луг был не больно-то зелёным — рыжим и колючим. По мне ползла божья коровка, щекотала, а мне не хотелось, чтобы она улетела на небо и принесла хлеба. И всё-таки она улетела. Я выпрямилась, чтобы поглядеть ей вслед... И встретила взгляд: так смотрят только ещё очень молодые и очень влюблённые мужские глаза — полный восторг без всякого прикрытия — например, иронии или усталости...

Он был одним из авторов сценария. Безумно хорош. Не заметить — нельзя. Впору самого снимать, и не в эпизоде. Я видела его ещё в Москве и знала с первого дня — случайно попались документы съёмочной группы, — что он почти вдвое моложе меня.

Марина пьёт холодный чай — сначала маленькими глотками и будто нехотя, а потом, словно распробовав, войдя во вкус или внезапно почувствовав жажду — уже не отрываясь. Выпивает холодную тёмную влагу до самого конца, кончиком языка проводит по губам, раздумывая, что делать с пустой кружкой-чашкой, ставит её на стол совсем далеко от себя и края — не нужна больше — и продолжает:

— Восторг, поклонение, обожание... Нескрываемые. И сразу же всеми замеченные. Он не отмахивался, не отшучивался. Глядел, казалось, всем существом. Словом, мне выпала любовь. И это «мне», а не «нам» не случайно сказано. Эта любовь выпала мне. Меня, выбрав, — может, с завязанными глазами — окликнула. И я на неё пошла, не раздумывая, с первого, ну со второго зова, сначала не позволив себе услышать все-рьёз — ведь мой сын... они были, если не одногодки, то почти... Самое смешное, я не чувствовала себя старше. Впрочем, как и с сыном...

Мы везде бывали вместе. В начале я пыталась иронизировать на тему возраста, но он говорил: «Перестань. Я люблю тебя. Ты лучше всех. Мне никто не нужен. Ты водишь меня в одно касание. Даже взглядом. Что ты комплексуешь? А ещё в Париже снималась! И потом — совсем незаметно». Я провоцировала: «Что незаметно?». Он: «Да то, что ты называешь разницей в возрасте. Это всего лишь разные весовые категории...»

Каждый день были розы. Розы и шампанское с мороженым. Я люблю шампанское. Я люблю мороженое. Но это сочетание теперь ненавижу... И в последний день — шампанское и мороженое. Мы оказались там же, где и в первый, где в первый раз он меня поцеловал в губы, вернее, нас качнуло друг к другу — губы коснулись губ в каком-то движении, на лету. Это был бар, место тусовки киношников. В тот первый раз бар мне показался уютным и чистым. А главное — пустым. Но тогда я, наверное, просто никого не видела — смотрела в его глаза, слушала рассказ о том, как он «влюбился с первого взгляда»... Что может быть слаще и... больнее? А ещё — слушала себя, в себе... Помните у Цветаевой: «Не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение — любовь?» И удивлялась, и не удивлялась.

Марина задумалась. И немного помолчав, повторила:

— Бросали, отставали, оставляли, отказывались... Предавали...

Говорю не о любви-страсти, то есть не о любовной любви. В этом смысле как раз наоборот: меня мало (по количеству раз) «бросали», только потому, что я сама мало — редко влюблялась. Если скажу, что после замужества — один раз, вы ведь не поверите? Мне не часто нравятся мужчины — совсем не оттого, что нравятся женщины. То просто скучно — язык замерзает — разговаривать, то ещё проще: дурак, — о чём говорить? То сноб, то бабник, а то — чужой запах или плохо выбрит, или руки... Словом, чужие все. Все родные — дома...

Голос опять тише и глуше, сказано как бы вскользь, но о важном и о запретном.

— ...Он был моим. И всё было прекрасно. Искушение молодостью... бездны на краю?

Миллион роз. Я, столько их получавшая, замирала над каждым цветком...

Тогда, в первое свидание — просто охалка — розы в мой рост. Так и проходила целый день, обнимаясь с ними и с ним — он обнимал меня и розы — розы с шипами сквозь тонкую пелену бумаги были между нами.

Мы целовались и целовались на виду у города... в розовом облаке... Я никогда ничего скрывать не умела. А ему вроде и надобно не было. В группе, конечно, говорили, но как-то не очень громко и неявно насмешливо, может, даже с некоторой завистью или удивлением, а удивить нашего брата... «У вас у обоих такие светлые лица».

Меняет тон и — иронично:

— Слава Богу, что на улице никто не спросил: «Это ваш сын?» или «Что это ты мамашку так целуешь?»

Отпускает глаза и отпускает насмешку. Нежная, грустная женщина смотрит в себя и видит в колодце памяти себя любимой и влюблённой. По лицу гуляют блики-сполохи. Отражение гаснет — вода успокаивается, засыпает.

— Меня вызвали в Москву на телевидение — договор был давний. Я уехала. В Москве засуетилась, показалось, что оторвалась. И вдруг... затосковала. Поняла, что хочу в Прагу. Поняла, что хочу к нему и больше ничего...

Если б только не холод крайний,
Замыкающий мне уста,
Я бы людям сказала тайну:
Середина любви — пуста.

...Вся наша поэма уложилась в полтора месяца, вместе с разлукой...

Он ждал, по его словам — «сексуально не разгружался», писал письма... маме, с которой очень дружен, о том, что любит меня, а она отвечала гениально: «Женитесь. Попадёте в Книгу рекордов Гиннеса, получите много денег».

После моего возвращения в Прагу у нас было только два свидания.

Первое — сплошной долгий, мучительный, тоскливый — из-за пережитой, а может, из-за предстоящей разлуки — волшебный поцелуй.

Я соскучилась и по нему, и по городу, поэтому встретились там, где уже встречались, и как бы по пути к моим делам.

Второе — «...ты сохранила себя семнадцатилетней. Таким и я был в семнадцать. Теперь я другой. Я — не мальчик». Это звучало, хотя и не как вызов, но почти гордо или зло...

Меня занесло, как на крутом повороте, я это понимала. Узнавала себя, уже прошедшую похожий путь и сломавшую себе на нём всё, не только шею, но опять на него сбивалась, остановиться не столько не могла, сколько почему-то не хотела. Я дышала каким-то колким ледяным воздухом от ужаса творимого.

Мне нужно было всё небо над его головой, и во вчера, и в завтра, мне мало было сегодняшнего неба, да ещё отражённого в воде. Мы стояли на мосту, на Маринином Карловом. Река — под нами, река — мимо нас. А мы — два камня в сомнительном покое, на краю. Я мучила его и страдала сама от себя. От невозможного и по невозможному. Понимала всё, не понимая ничего.

Я и теперь знаю: он ни в чём не виноват...

«Брось меня сейчас, пока ничего не случилось».

Он точно спотыкается об эти мои слова и останавливается среди движущейся толпы. Меня же несёт дальше. Одна. Оглядываюсь. Возвращаюсь. Прижимаюсь, отстраняюсь.

«Перестань. Что мы делаем?»

«Что мы делаем? Ссоримся или расстаёмся?»

«Я люблю тебя. Пока ты есть, другая женщина для меня немыслима. Это невозможно. Люблю тебя сегодня больше, чем вчера, но меньше, чем завтра. Ты сделала меня зависимым от себя — не могу без тебя...»

«Дай мне сто лет и один день, и один час... сто лет до твоего рождения и до моего рождения... сто лет после моего ухода и после твоего ухода. Дай мне сто лет любви, чтобы я смогла любить тебя миг, один только миг — сегодня».

«А ты меня так любишь?»

«Почему ты об этом спрашиваешь? Разве твой ответ может, должен зависеть от моего? Любовь в нас, если она есть, принадлежит другому, и её грех не отдать, невозможно не отдать — она тянет сердце, жилы, крушит не только плечи, но и судьбу...»

«Я не могу обещать тебе себя на всю жизнь, это было бы обманом, любя, я не хочу тебя обманывать...»

«Давай прыгнем».

Меня не удивляла речь Марины. Вот уж точно: «Все расстающиеся говорят, как пьяные, и любят торжественность...».

— Вода под мостом была аспидно-чёрной. Отражения огней то покачивались на ней, то вдруг замирали...

Так просто: раз — и все проблемы, и придуманные, и реальные, всю нестерпимую тоску, всё щемление неприкаянного сердца — всё и навсегда в воду, на дно, туда, где ил...

Или, наоборот, — в небо...

...Ах, как легко, скажи лишь слово,
Взмахнуть и взвиться в облака!..

И там, где медленно и пышно
Закатный день расплавил медь,
Поцеловать тебя неслышно,
И если надо, умереть...

Это Дон Аминадо. Марина Цветаева его любила.

Я слушала, и меня не оставляло ощущение присутствия в рассказе Цветаевой. Мост, река, Брунsvик, охраняющий реку и её тайны, расстающиеся люди, обречённые на разминование и, будто листья на воде, — отражения фонарей...

Марина совсем ушла в свой сон. Её лицо было лицом страдающего ребёнка, не плачущего, а страдающего от какой-то жестокой обиды, предательства, непонимания взрослых, таких неверных слову. Я едва сдерживалась, чтобы не обхватить ладонями это лицо, не пробудить, не прервать сон с открытыми глазами, — но не смела. Да ещё и потому, что поняла: слышен вовсе не перестук колёс — дорога тиха и легка, а моё собственное сердце, вспоминающее и узнающее своё.

Она пробуждается:

— Я, конечно, его напугала. Но вы, вы ведь понимаете?.. — И утверждая, и надеясь, и вопрошая. — ...Вы понимаете, что в миг, когда женщина чувствует, что любит, да ещё так не на равных, когда ей необходима уверенность, что она любима, а когда любима, то ведь всегда навсегда, никакого «после» — «после» не может быть! — и никакого «до» — «до» ничего не было! Ведь она же — единственная, она избранная, она любимая, а любимая им не может быть из ряда или не должна знать, что за ней будет другая, другие — это же невыносимо! И Бог с ней, с реальностью. А главное, если он любит, то сам должен верить в это и обещать невозможное. А коли у него холодная, то есть, ясная голова даже тогда — разве это Любовь? И можно это вынести?!

Я говорю непонятно? Вы успеваете? В запале я всегда говорю быстро — сама себя догоняю.

«Ты хочешь невозможного». Конечно, он прав. Но такой трезвый взгляд — лишь доказательство исключительного психического сверхздоровья, а не любви или хотя

бы безумной влюблённости. Было невыносимо больно. Я ничего не понимала. Мост не имел опор. Всё потеряло реальность — и место, и время. Я видела — он хочет уйти, но не понимала, как это может быть. Сама хотела уйти, но не могла. Я узнавала ощущение отчаяния, которое уже было в другой жизни, до смерти. И делала то, что делала когда-то, чтобы умереть.

Ещё в самом начале я сказала ему по телефону — не видела его глаз, не чувствовала рук и потому проговорила чётко, несбивчиво то, во что верила, верю и сейчас: во всём виновата женщина — и пусть женщины меня простят — мы можем многое, кроме одного — переделать себя.

Я сказала ему, что и в своей судьбе, в её горестях, бедах виню только себя, а всё в ней счастливое — дары. Мы все — дарители, дарами живущие.

И потому, что женщина, и потому, что старше, грех происходящего — только мой. Сознательный грех — смертный грех, но есть ещё смертельнее — убить любовь. Но про любовь я тогда не говорила, я о ней только слушала — не из-за боязни быть смешной, а от другого страха... Говорила примерно так:

«Ты желаешь победы? Она у тебя есть — я сдаюсь без всякой видимости неприступности или борьбы. Так сладко сдаться, так радостно быть побеждённой, слыть добычей! Бери! И никаких ухищрений — подкопов, подкупов. Это тебя огорчает? Но ты же — победитель, это видно издали, ты неотразим, ты божественно хорош, как молодой бог с Олимпа. Он: «Не говори мне этого» — Хочу. Я не хочу тратить силы на напрасную борьбу, я не хочу борьбы. Но, чтобы не задавался, для равновесия, вот: я сама со стены крепости выбрала тебя, чтобы сдаться, а выбрав, не намерена приотворяться, что недоступна...»

...Мы смеялись. Он признавался: «Не верю, что ты со мной». Рассказал, как однажды на экскурсии в какой-то крепости, когда предложили дотронуться до самого большого колокола и загадать желание, он дотронулся, загадав нашу близость. Я помнила этот колокол. И помнила своё желание: «Хочу, чтобы мальчик, идущий за мной следом по многовековой узкой лестнице, в меня влюбился». Говорил, что я «та-а-кая женщина», что со сверстницами ему скучно... и что, если бы я была не замужем, то мы бы жили вместе. Правда, это было сказано один раз. Я спросила: «Ты взял бы меня вместо мамы или домоправительницы?» — «Нет, мама у меня уже есть, тебя я бы взял в другом качестве».

Однажды я заявила, что меня выгонит из дому муж, и он вновь обронил: «Я возьму тебя себе». Я, конечно, подбирала каждое слово и хранила как золотой, которым бы никогда не воспользовалась, но голодать и знать, что ты богат — это уже не умереть с голоду нищим. Несомненно, если б меня и выгнал муж, нашла бы, где умереть, и никогда не обременила бы его, даже, если б это предложение оставалось в силе — ведь я прекрасно понимала, что и оно — смерть, только ещё более мучительная.

Марина долго молчит. Сидит, зябко обхватив себя руками.

Потом — резко и смешливо:

— Мальчик решил, что тётка не иначе как замуж за него собралась. Вот и бросился «не с моста в реку» от счастья, а прочь — спина, как парус... Наверняка позвонил в тот же вечер маме в Москву и услышал дельный совет — ретируйся, женщины бальзаковского возраста прекрасны, но и задушить могут, а она никуда не денется, если захочешь, видно — втюрилась, а чтобы не задавалась, возьми паузу и поддержи подольше, сынок.

Она говорила нарочито грубо, допуская слова из чужого словаря, как, вероятно, не говорила и та женщина — так легче. Но даже при этом Марина оставалась нежно незащищённой. Перейди она на ненормативный язык, это не было бы ни пошло, ни вульгарно. Она казалась ребёнком, который, стараясь быть «как взрослые», произносит

слова, не понимая их и как-то по-своему выговаривая. Обескураженные взрослые не могут рассердиться — разве только рассмеяться или испугаться, если они умны и добры.

— Да, к вопросу «задушить». В предпоследнюю встречу — первую после возвращения из Москвы, я рассказала «весёленький» случай из моего детства, который никогда не забуду. О нём знают все мои близкие, и частенько его припоминают. Это происшествие меня очень обнажает — ведь мы всё те же, что были детьми... Хотя нет — хуже, и не только лицом и фигурой.

Мне надо бы ему сказать: «Не бойся — я сто лет знаю, что мой Ромео умер... недоношенным и от тебя раскадровки сюжета на тему вечной любви совсем не жду — пиши сценарии с автомобильными катастрофами, а не с роковыми страстями. Что же касается девочки в даме «за сорок», то прекрасно понимаю, что это не только глупо, но, что страшнее — смешно... Поэтому за роль Джульетты никогда не возьмусь».

Я заметила, что у неё подрагивали губы. Несомненно, в лице было какое-то движение — беспокойство, как перед слезами, которые хотят сдержать. И может быть, чтобы сдержать их — слёзы обиды и памяти — она подняла руки и стала перезакалывать волосы. Они казались выгоревшими — с разномастными прядями, не очень длинные, но и не короткие, заколоты так, как делают старушки или совсем молодые женщины.

А какие у Марины глаза? Я несколько раз за ночь вспоминала, что хочу их разглядеть, но забывала об этом, едва она начинала говорить. В глазах воскресало расказываемое — завораживающе и многоцветно.

— А случай из детства?

Она оживает. Говорит легко. Сразу становится понятно — не впервые.

— Я поздний и единственный ребёнок со всеми вытекающими последствиями... Он ещё сказал, что поздние дети всегда красивы и это те дети, родителям которых за сорок. Моим сорока не было.

Итак, мы с папой приехали к бабушке — его маме. Она жила в Подмосковье. Отправились на рынок, я увидела крохотных козлят и — «Хочу!» Мне шёл пятый год, цвели одуванчики — начало лета, а родилась я осенью... А вы?

— В октябре.

— Весы! Как Марина и я... Вот и качаемся, вечно перемахивая через равновесие.

Прошу козочку, хотя Гюго ещё не читала. (Усмехается.) Впрочем, в школу я пошла в пять — шести не было, так случилось, уже прочитав «Овода» вместо букваря.

Но козочка — это желание, не навеянное литературой. Страсть. Даже до слёз не дошло — купили. И вот мой козлёнок, серенькая с белым Розочка: мокрые глаза, длинные ресницы (были, помню!), тоненькие дрожащие ножки, обещанье рожек, хвостик. Бантик на шею, плед на лужайку и — все прочь! — я её буду пасти, а главное, — любить. Взрослые ушли в дом. Я — целовать Розочку. А у неё головка всё в сторону смотрит — неудобно. Я целовала-целовала, она устала, легла спать, лежит, смотрит и молчит — ни словечка на своём козьем языке. Мне стало не по себе, как-то неудобно, но пока ещё не страшно. Я — в дом. Стою у порога. Взрослые: «Что же ты Розочку оставила? Она маленькая, беззащитная. Вдруг собака съест?»

«Она спит».

«Как спит?»

Мне объясняют, что Розочка умерла, что я её зацеловала, головку не так повернула. У меня — истерика.

«Купим другую», — говорят.

«Никогда. Только её хочу, только её люблю!» А потом уснула, я всегда в горе засыпаю. Где-то прочитала — защитная реакция слабого типа нервной системы... Обычно же почти постоянно — бессонница.

Возвращается ко мне.

— И вас испугала? Людоедка, да? Где ж юному мужчине не испугаться. Да и матёрый заробел бы или хотя бы озадачился — стоит ли?

Зачем ему рассказала? Чтоб правду знал о том, что я в жизни уже натворила, и подготовился к смерти от любви, — говорит, спрятав взгляд, не являя никаких чувств, кроме насмешливой отстранённости.

Но я видела — она всё больше устаёт, и, боясь недосказанности, возвратила её на мост, к тёмной воде:

— Неужели ушёл и не вернулся?

— Ушла я. Он остался. Но, думаю, недолго там простоял.

— Он не бросился за вами? Не окликнул?

— Нет. Даже не позвонил в номер. Я ждала всю ночь. И весь следующий день. Это была среда. Мой последний съёмочный день. Его на площадке не было. Я играла нормально, только вдруг там, где слёзы не предполагались, они накатили. Режиссёр обронил — «интересное прочтение». Просто я в тот миг внезапно поняла, что говорю его слова, им написанные в сценарии вовсе не для меня, мне случайно доставшиеся... Как и он сам.

Вернулась в гостиницу. Дежурная сказала, что кто-то звонил мне по телефону администратора и спросил по имени-отчеству. Меня мало кто величает, а он, когда звонил из официального места, то и обращался официально. Конечно, я не подумала ни о ком другом, бросилась в номер. Звоню ему. Он вроде обрадовано: «Слушаю тебя». Я: «Ты мне звонил сегодня утром?»

«Нет, сегодня утром... сегодня утром я тебе не звонил».

«Почему ты мне не звонишь?»

«Я не знаю, почему я тебе не звоню... — А на меня в эту секунду упал потолок, нет — я сама упала, с горы... — Я думал, что тебе неприятно меня слышать».

«Рада, что тебе хорошо живётся — не добавив, проглотив — “без меня”, — прости, что побеспокоила».

«Мне хорошо живётся?..»

Дальше, уже убрав трубку от уха, я только догадывалась — он что-то энергично и, может быть, возмущённо говорит, но я торопливо опустила трубку на рычаг. Разъединив нас, разорвала нить высочайшего напряжения... О, я была уверена, что он перезвонит сразу же — ведь не досказал, ведь я пришла сама, ведь ясно, как божий день, — умираю... «С ума схожу иль восхожу...»

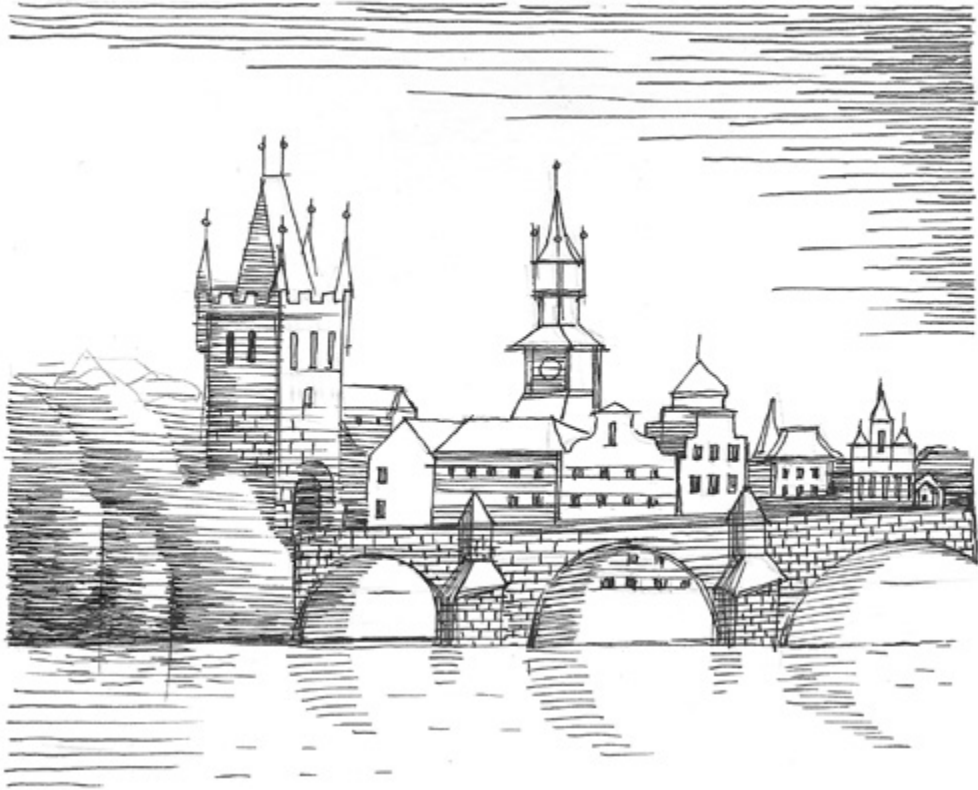
Опять усмешка отстранённости.

— Мгновенного ответного звонка не было. Наконец — звонок. Снимаю трубку без голоса — одно дыхание: я здесь и вся — ожидание. Ожидание спасения — твоих слов.

Звонила дама, которая знала о нас и к которой мы были приглашены в гости в четверг, как бы на прощальный ужин перед моим отъездом, нашим отъездом. Он заранее договорился с режиссёром — сценарий выверен, съёмки завершались — сценарист уже не нужен, как и я. В реальности уехала я, он остался.

Дама спросила, почему я не позвонила во вторник, как условились, чтобы уточнить, в котором часу мы подойдём завтра. И вообще, как мы? Отвечать было трудно. Думала только о том, что сейчас он, конечно, перезванивает, а у меня занято, вдруг решит, что я это сделала нарочно. Я сказала ей: «Мы, вероятно, уже никогда не придём вместе». Вымолвила, совсем не веря, не желая верить этим словам. Пролетела ещё, что я, если что (а что, собственно, «если что»? Если неправда, что он меня не любит, если правда, что любит?), то я перезвоню.

Она: «Ну, ладно, расскажешь потом».

Я: «А нечего рассказывать. Всё. Очарованный мальчик — раз-оча-рован. Со мной же невыносимо».

Кстати, к этой фразе можно бы ничего и не добавлять.

Он не звонил. Ни в четверг, ни в пятницу. А я ведь научилась просыпаться по его звонку — так сладко было принимать день из его рук. День начинался его голосом.

...А потом я уехала в Москву, постояв на Карловом мосту на прощанье.

У него осталась моя книга стихов Марины Цветаевой. У меня не осталось ничего. Ни его московского адреса, ни телефона. Только, разве, возможность столкнуться в местах, где мы оба бывали. Сначала я боялась, потом — желала, или наоборот, а теперь уже спокойно думаю: интересно бы на него поглядеть сейчас, жизнь спустя. Мы ни разу не виделись...

Вновь оживляется и насмешливо продолжает:

— Бриллиантовых заколок к галстуку я ему не дарила, да ради меня он галстук так и не надел ни разу — ходил в джинсовом... Маринин томик... Жаль, что не вернул — он её не полюбил и ей у него будет плохо... Книгу дала почитать перед моим первым отъездом в Москву... Чтобы не расставаться... Попросила: «Читай внимательно — здесь всё моё». А подарить собиралась после, если пойму, что она ему нужна.

Когда вернулась из Москвы, говорили обо всём, о том, как он жил без меня, а я без него. Речь зашла о книге или, вернее, о стихах отдельно, а о Марине Цветаевой как о человеке — отдельно. Я замерла. Уже это разделение для меня болезненно, оно для меня невозможно. «Что сделала со мной жизнь? Стихи?»

«Где же там ты? Я от неё как от человека не в восторге, а стихи — да, некоторые... — и добавил что-то вроде «удались».

Он явно кивал на её «способ существования» — полёт из любви в любовь, несомненно не понимая, не потратившись на то, чтобы понять где — явь, где — сон. Вынес одно ударное ощущение: её слишком много и слишком много любви, которой ей всё мало... Я слушала и замерзала: «Марину не полюбил — меня не полюбит». А вслух сказала: «Как же ты идёшь со мной рядом?» Он только улыбнулся, поцеловал, мы остановились посреди пути, вновь замкнувшись друг на друге. Стояли на дороге, и люди нас обтекали...

Может, Марина его не выбрала — она сама выбирает тех, кому позволяет себя любить. Об этом я ему тоже говорила, но его мужское начало упорствовало: мужчина в нём не соглашался быть выбранным женщиной, даже поэтом, ему подавай только его выбор и его победу... Видимо, не знает ещё, как сладко и больно, как больно и сладко быть побеждённым...

Он запальчиво рассуждал о самоубийстве Марины. Считал себя верующим и сознательно принял католицизм. Если честно, я подумала, что этот выбор — не без желания быть оригинальным, но слушала его рассказ очень бережно и спрашивала без тени иронии.

«Как она могла? Как могла? Для меня самое страшное — умереть без покаяния».

Я так отчётливо запомнила эти слова. Как-то тихо, даже робко сделала попытку не защитить — Марина Цветаева не нуждается, теперь не нуждается — а просто помочь ему понять. Он многого не знал даже из того, что знала я — материалов допросов Сергея Эфрона, версию о разговоре с Мариной, там, в Елабуге, «чёрных человеков», дневников и писем сына... Да всё это не главное, главное — судьбы не стало жить! Как этого не понять? Но он мужчина: эмоции — отдельно, поступки — отдельно, будто можно одно от другого отвязать... У меня почему-то не было желания ринуться в бой.

Он что-то сказал про измену в Берлине ещё до встречи с мужем после жуткой разлуки. Я остановилась опять-таки посреди дороги и попыталась прочесть «Пригвождена к позорному столбу», чтобы объяснить ему её же словами, её душой, но даже прочесть не смогла...

(Мне подумалось: «Она не смогла прочесть!»)

— ...не смогла прочесть уверенно, с жаром, с гордостью и обнажённостью, как написано — сбилась. Он смотрел, слушал, улыбался. Я сказала только: «Как жаль — значит, ты не сможешь влюбиться до смерти...» Но, наверное, уже тогда поняла — что-то не так... Хотя совсем не считаю, что он обязан был любить всё, что люблю я... А я уже любила всё его, мне было это нетрудно...

— Может, ещё позвонит — книгу вернуть?

Она усмехается:

— Разве что... Давайте спать?..

— Давайте. Спасибо.

Улыбается:

— И вам спасибо.

Мы уже лежим, но каждая знает, что другая не спит. Свет — только от окна, синий ночник не включили.

— Вы ведь не поверите — мы с ним так и не были близки, физически близки, не говоря уж о духовной близости. Раз он не смог, не захотел меня любить, значит, духовной близости не было и в помине. Если она есть, люди просто не могут потерять друг друга, эта связь навсегда, она из космоса, суть — неба...

— Но ведь он вас любил, по-своему...

Она даже словом не отмахивается, не достаивает и продолжает:

— ...А физическая близость была желанна. Ни он, ни я этого не скрывали. Да разве скроешь? «Легче лисёнка скрыть под одеждой»... Но почему, как это говорят, не спали, если хотели? А ещё — богема! Гостиница, близкие далеко. Наверное, потому что очень приятно длить начало — мучиться этой сладкой мукой, ничего не хотелось торопить... А может — не время и не место, хотя лучше Праги места сыскать трудно. Или это место было не нашим? Скорее всего — я трусила, немного всё-таки робела при всей уверенности в нём и собственной самоуверенности. Грустила, что не достанусь ему той, прежней, что «лучше, кажется, была». Не кажется — была. Всё повторяла ему: «Скажи своей маме, что ты для меня — гораздо большая опасность, чем я для тебя. Я тебя бо-юсь»...

Так похоже на сон. «Вся моя жизнь — сон о жизни, а не жизнь!..»

Он смеялся:

«Ты будешь моей. Ты — моя женщина. Ты не должна меня стесняться — а ты умеешь стесняться? — ты — моя — женщина!»

«А ты?»

«Я твой!..»

Обычные диалоги влюблённых.

Я знала, конечно, что это случится, хотела этого, отдавая. Думала о нём, о том, как было в его ласке, о том, как будет... Но всегда — о прелюдии, а не об основной части... Представляла, как свешивается со спинки кресла моё платье... Где? В его номере? В моём? Кстати, в его номере я ни разу не побывала...

Но ещё я знала, что вместе с близостью приходит конец. «Костёр всегда догорает». Конец любви или конец жизни, но неизбежно — конец. Начало всегда требует конца. Не объедешь... К тому же мой вариант без вариантов — не могу длить параллели.

Вероятно — это и было главным, из-за чего близости не случилось. Только сейчас поняла — не хотела конца, хотела, чтобы мы подольше (только подольше, милый!) не расставались.

Он не то чтобы очень настаивал, но просьба звучала. Были ситуации непереносимой накалённости. Тушила я, сама обгорая:

«Хочешь поставить точку? Считай, что уже случилось — ты ведь знаешь, что я этого хочу. Было — не было — всё равно, ведь и возжелать — грех».

«Я никого на свете не хочу, кроме тебя».

«Мне кажется, что я ни с кем так не целовалась. Может, это перед смертью? А ты не боишься, что ты возьмёшь меня, а я умру?»

«От этого ещё никто не умирал».

«А я умру. И от этого. И без этого...»

Близость — вершина отношений, если они есть. А мне же нужно дальше! Дальше — что? На небо или вниз... Мне всегда нестерпимо терять высоту. Значит — разлука или, по-другому, — смерть.

«Ненасытим мой голод / На грусть, на страсть, на смерть», — произносит она серьёзно. Делает паузу и почти весело: «Я жду того, кто первый / Поймёт меня, как надо — / И выстрелит в упор».

Я говорила ему:

«Для меня близость совсем не то, что для тебя. Для меня всё иначе».

«Я понимаю».

Что он понимал? Что это «иначе» — обычное дело между женщиной и женщиной?

Мне, чтобы войти в близость, надо умереть для прежней жизни, родиться для новой, чтобы опять умереть... Пережить конец ради начала, у которого неминуемо будет конец. И получается — концов больше, чем начал. Невнятица? Не вникайте.

Я понимаю, что многие — и мужчины, и женщины — становятся близки без отношений, то есть без чувства, кроме желания, которое тоже чувство... Блуждаю. Язык уже заплетается...

Не сужу, даже понимаю, но это не для меня.

Он рассказал, что у него было достаточно женщин, кстати, и из маминых приятельниц тоже, а в любви он объяснялся только дважды. Не мой вариант — вполне его вариант и, чтобы разрядить напряжённость, которая не могла не возникнуть в таком разговоре, слыхачила: «Но, кто знает, в жизни бывает всё, может, и я чему-то обучусь... к старости».

Пауза затянулась. Я ждала, прислушиваясь к дыханию Марины. Вдруг вот так рассказ и замрёт — моя визави просто уснёт. Но она заговорила вновь:

— А встреч было только семь. Я считала, он — нет. И не было близости. И я никогда не надела те платья, в которых загадывала быть с ним в тот день или ту ночь, когда мы не смогли бы расстаться.

Кстати, мы вместе купили, там, в Праге, два вечерних платья, оба чёрные, строгие. Одно длинное, другое маленькое, длинное — с обнажённой спиной, а короткое — с белым воротником и манжетами, такой гимназический наив. Искушённому купить в Праге что-то из одежды, на мой взгляд, трудно. Мне показалось, что там вообще люди одеваются даже не скромно, а как-то скучно. Не Париж. Может, не этим живут? А мои платья — случайность. Гуляя, мы забрели на улицу Парижскую, или Французскую — улицу маленьких дорогих магазинчиков, в которых я тоже ничего не находила. Платья отыскал он и предложил примерить.

...Я то придумывала, как он пытается найти пуговичку под белым воротником, а я — перед ним тихая, послушная, робкая, руки брошены вдоль тела; то представляла, как стою к нему спиной, он расстёгивает молнию, и с плеч падают узкие бретели платья, оно соскальзывает к ногам. Я — в чёрной шёлковой луже, он не решается ни переступить через неё, ни меня из неё извлечь...

Голос уже смётся, кажется почти счастливым, как будто она вспоминает действительно прожитое. Видимо, Марина могла быть счастлива и от небывшего. Это было, было — ведь так ясно, что живёт она реальнее реального в своих выдумках, в своих грёзах, снах наяву вместо снов для сна.

— Знаете, я заметила — всё, что я придумывала, то есть проживала мысленно, заранее что-то представляя, наяву уже не происходило. Сгла... Как это будет от глагола «сглазить» в прошедшем времени? Или так реален был вымысел, так рельефен, в цвете, запахе, дыхании, что реальность отступала, не случалась. Вот и этого не случилось...

Наше расставание — уход друг от друга навсегда — я не представляла, думать об этом не желала... а случилось... По не задуманному. Даже последнего поцелуя не помню — не было его последнего — прощального... А вот последний — долгий до обмирания — перед моим первым отъездом в Москву, помню. На улице. Машины гудели. Люди смотрели. Водители из окон машин выглядывали, сигналили. Дети кричали, бегали, сужая круги вокруг нас, а потом один смелый или любопытный подошёл совсем близко и спросил так, что было совершенно понятно даже на чешском: «Любовь?» Не отнимая своих губ от моих, он ответил громко: «Угу!»

...И платья эти не ношу — не могу.

Марина замолкает надолго. И, когда я подумала, что теперь уже всё, что больше уже ничего не вспомнит вслух — всё рассказала, что хотела, она заговорила каким-то утренним голосом, голосом бессонницы:

— Когда поняла, наконец-то, что это всё, меня бросили, мы рас-ста-лись, разошлись, разбежались, разлетелись, что это — конец, что больше я не услышу его: «Я так тебя люблю!» и уже никогда не будет этих длинных волшебных поцелуев, после которых открывала глаза и не понимала, где я и что вообще это — я... Эх, если б так можно было поцеловаться на экране! В зале бы у всех был инфаркт... от желания... И фильма не надо. Весь сюжет — в поцелуе...

Одним словом, было очень трудно жить. Всё потускнело, потеряло смысл... даже платья — зачем?! Тут-то и подступило: всё, пора стареть. Если бы не моя работа — моё кровопускание... Или уж совсем честно — я не верила, что *так* бросают. Много было схожего с моим единственным опытом — я узнавала себя, — но и не было похоже просто ни на что!

«Вчера ещё в глаза глядел / А нынче...» — она, вероятно, досказала лицом, которого я не видела.

— Последний поцелуй... Финал уложился в один день — признания, поцелуи, побывали на выставке, зашли в тот «наш» бар, а потом — моё безумие. Столкнула лавину, она начала движение — не остановить. Он убежал, спасаясь. Я осталась... осталась со своей лавиной один на один.

И сейчас чего-то всё-таки не понимаю. За то, что не развлекаюсь, а люблю — бросить? Неправильно люблю, нестерпимо. И конечно, конечно, — эгоистично: я же из дома уходить не собиралась, а ему — чтоб вчера не было и о завтра без меня не думай! Каково?!

Ну не подумал бы, пока со мной был... Так же ведь всё просто... — говорила она с горькой досадой не то женщины, не то ребёнка, с которым играют не по правилам, но ему они важнее жизни.

А в реальности, видимо, наоборот! Она играет не по правилам, ибо такая любовь — всегда вне правил, ему же комфортнее в привычных рамках.

— ...Я поклялась тогда: никогда ни к кому больше навстречу не шагну, никому на плечи руки не положу, никогда никто не услышит моего стога, целуя меня, никогда не позволю своим губам обжечься словами «я не могу без тебя», не позволю сердцу запылать от слов любви, поверив до такой степени, чтобы принять их всерьёз и ответить какой бы то ни было взаимностью. Никогда... никогда я не буду больше грешной... Как говорит моя подруга: «Тебе бы всё в глаза глядеть, а надо уж и о душе подумать». Вот и буду думать о душе и смотреть в глаза близких — у меня ведь всё есть. У меня всё есть.

Последние слова она произнесла как-то особенно, будто сама с собой проводя сеанс гипноза, давая установку: «Я счастлива. Я счастлива».

Вот такой счастливой она и попыталась уснуть, а я попыталась поверить, что она счастлива.

За окном сереет. Может — это перламутр осени: у неё не только рябиновые бусы, но и перламутровые браслеты есть, которые она снимает... по утрам.

Мы не спим. Я слышу дыхание Марины — тихое, невесомое, сдерживаемые вздохи — полна душа, осторожное ворочанье, чтобы не разбудить... Где-то уже под Петербургом мы обе засыпаем и просыпаемся, вздремнув минуточку, от голоса проводницы:

«Подъезжаем, товарищи, бельё, пожалуйста». Всё ещё товарищи. Господами рождаются. Резко врывается действительность утра, реальность такого непохожего на Москву города...

— Я не люблю умываться в поезде.

— Я тоже.

Она достаёт косметичку, протирает лицо лосьоном, наносит крем, чуть трогает ресницы кисточкой, быстро расчёсывается и смотрит в зеркало, как смотрит каждая женщина и как смотрит только актриса — с интересом узнавания и незнания: кто-то там сегодня?

— Я, как всегда, прекрасна.

— Подтверждаю.

Мы уже одеты. Обе даже зубы чистить не пошли — вода холодная. Приведу себя в порядок у давней подружки, у которой почти всегда останавливаюсь — она живёт одиноко и радуется моим приездам. Звонила ей из Москвы, она ждёт — на работу чуть опоздает. Для Марины же, наверняка, снят номер в гостинице. Интересно, в какой?

Она набрасывает шарф, как вчера, но не завязывает на узел. Сидит на моём месте, там, где я всю ночь просидела, слушая её. Мы те же, что и ночью, и другие — ведь утро. Наверно, мы похожи на людей, между которыми случилась близость одной ночи, утро разведёт — это реальность и неизбежность, заслоняющая нереальность и невозвратность происшедшего.

Пожалуй, никто из нас не жалеет ни о том, что произошло, ни о том, что надо расставаться. Может, чуть неловкости от доверенной и принятой исповеди и чуть грусти, как в каждой разлуке.

Марина кладёт на колени руки, ладонями вниз, поезд останавливается — перрон. По коридору, мимо распахнутой двери проходят немногие наши попутчики. Каждый заглядывает к нам — поглазеть на неё, а потом похвалиться: «Знаешь, я с Мариной Д. в Питер ехал. Почти в одном купе. Ничего, стильная».

— Вот и всё. Утро, — опускает глаза к рукам, на которые через миг обопрётся — оттолкнётся и начнёт жить в этом новорождённом дне. Говорит тихо, будто только себе, себя по-особенному слышащей:

— Как сладко и как больно жить.

«Как сладко и как больно жить» — этой фразой она попрощалась, и я очень хорошо запомнила, что слово «сладко» стояло первым.

Мы выходим из вагона вместе. Её кто-то встречал. Она была слегка бледна, круги бессонницы лежали под глазами, как тени на весенних сугробах, но, в общем, выглядела свежо и встречавшим, наверняка, показалась оживлённой.

Я сказала: «До свидания!» Она смотрела спокойно на меня, уходящую, как на человека, который с её позволения уносит часть багажа, и в то же время — чуть рассеянно и удивлённо, будто не понимая, что же всё-таки происходит.

Губами ответила: «Счастливо».

Глазами попросила: «Сохрани».

Поднятыми плечами, поднятым воротником, руками, упрятанными в карманы, сумкой на плече — всем видом деловитой надёжности я отвечала: «Не волнуйся. Сберегу».

Я шла на свидание с Ленинградом. С городом, очень важным в моей судьбе — именно здесь в первый и единственный раз почувствовала, что хочу стать женой мальчика, который рядом со мной теперь уже почти двадцать три года.

Примерно столько же лет замужем и Марина... Всё, о чём бы я ни думала, всё, на что бы ни глядела в эти дни, меня возвращало к ней, в её жизнь. Первый день своей командировки я начала, шепча её слова: «Как сладко, как сладко, как сладко... жить».

А в моём Ленинграде, конечно, шёл дождь. Он шёл мне навстречу...

Год промелькнул. Почти год. Был конец августа. Флоксы доцветали. Летние яблоки уже собирали, а антоновку — ещё нет. Первые листья, сожжённые жарким летом, а не осенним фатальным увяданием, летели под ноги.

Как и обещала, я нигде и никак об «эксклюзивном интервью» не обмолвилась, хранила его тщательно записанным в памяти. Это была память, волнующая и драгоценная. Видеться не случилось. Только, когда на экране телевизора появлялось её грустное, умное и красивое лицо, что для женщины почти чудо (так считают мужчины), или по радио звучал голос, перепутать который с другим невозможно, голос тревожный, со множеством оттенков интонаций — пауз, замираний, взлётов — собственно её дыхания, домашние кричали мне на кухню или в маленькую комнату, куда я забивалась с диктофоном и ручкой:

— Твоя Марина!

И, всё бросив, я летела ураганом навстречу...

В один из дней отступающего лета, когда многие уже вернулись из отпусков, но ещё не успели рассказать друг другу, что, где и как, я пила кофе в нашей редакционной столовке, ставшей кафе-баром. С кем-то постоянно здоровалась, кому-то кивала, общалась на прикосновения чьих-то рук к моим плечам, слушала рассеянно, думала одновременно о завтрашней и вчерашней полосах и ещё о чём-то, что тревожит всегда в конце августа перед любимым с детства первым сентября. В эту круговерть кто-то обронил: «Да, ты слышала, Марина Д. погибла».

Я не помню, я совсем не помню, кто принёс эту весть. Не помню — мужской или женский голос это сказал...

Вдруг стало совсем тихо — ни гула голосов, ни смеха, ни звяканья посуды, ни хлопанья дверей. Вспыхнуло и погасло её лицо, и одновременно очень ясно я увидела лицо мальчика с высокой галёрки, лицо сына над её плечами, как год назад в ночном экспрессе.

Вернувшись в отдел, спросила, не называя имени:

— Как это случилось? Когда? Где?

— Вроде где-то в ближнем зарубежье, в Латвии, кажется. На съёмках. Вчера в сумерках откуда-то возвращалась в гостиницу в машине с каким-то молодым — не то режиссёром, не то оператором. Лил дождь, на участке с ремонтными работами объезжали ограждение, оказались на встречной полосе. Короче — тяжёлый рефрижератор врезался. Она сидела рядом с водителем. Насмерть, сразу. Говорят, белые цветы, что держала в руках, да так и не выпустила, стали... не белыми. А парень — ещё в реанимации, в сознание не приходит, только несколько раз позвал её по имени...

Я вышла на улицу. Как выбрала путь — не знаю, очутилась на одном из запущенных, с облупившимися ступенями горбатым мосту через Язу. Он был сонным, казался архаизмом моста — никто на нём не целовался, не прощался и вообще не проходил. Стала смотреть на воду — она была «не синяя, не зелёная — кофейная» — мне не нравилась. Но я смотрела, не отрываясь, потому что оттуда, из этой лениво движущейся, кажущейся вязкой, темноты на меня глядело лицо Марины, покачиваясь, как в поезде.

О чём я думала? Что вспоминала? Не знаю. Ничего не помню из тех моих мыслей, помню только, что было больно, тихо и пусто. И ещё — в висках стучала та самая последняя фраза, сказанная в так много услышавшем купе: «Как больно и как сладко жить».

«Как больно» — на первом месте.

Я стояла на мосту и твердила: «Как больно, как больно, как больно жить...», а перед глазами через красные лужи прыгали летние яблоки...

Позже, прочитав некролог, как всегда, опоздавший, узнала, что спутником Марины Д. был молодой автор сценария фильма, на съёмки которого они приехали. Сценарий был написан специально для неё. Возвращались они с моря – искали место для съёмок, по дороге в каком-то местечке купили яблоки и охапку белых цветов – ромашек или уже хризантем.

И я подумала: он, наверно, её любил.

И я подумала: она, конечно, его любила.

И может быть, в утро последнего дня она сказала: «Как сладко и как больно жить...»

Хоронили Марину тихо и почти буднично, без суеты и без слов. Никто не говорил друг с другом, каждый был будто сам по себе, даже муж и сын.

Только возвращаясь, уже за кладбищенскими воротами, я услышала, как кто-то сказал, что муж положил ей в гроб те белые цветы – последние ромашки лета, которые перестали быть белыми.

Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!

Всё же в час, как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.

Марина Цветаева написала эти стихи 1 января 1917 года. Актриса погибла в конце августа 1994.

1994–2019

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

Марина Цветаева и её влияние на современную литературу

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первые десятилетия нового века.

Марина Ивановна называла себя «поэтом», отвергая литературно-природное определение «поэтесса». В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако ширина художественного космоса Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная прерогатива женщины — иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать по меньшей мере неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать её как поэта.

Современная женская лирика полна чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдано переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском сговоре: «Ну, ты же понимаешь, подруга...». Течение слов переводится в специальное русло, где литературная взыскательность теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нём можно найти и отголоски нелёгкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает своё женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично. Глубина собственного «Я», способность к тяжким решениям, широта взгляда на происходящее вокруг, тонкая сердечная отзывчивость на несправедливость и чужую боль выводят Марину Ивановну за пределы этого корпоративного круга, который в наши дни всё более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у неё внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтесс, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающие от поругания социальной средой самой личности

Цветаевой, редко прибегают к имитации стилевых особенностей её стихотворений. Они естественно сопрягают её творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы её лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются наглядно аффектированной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов – анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый, оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимную связку.

Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напитана авторским эго, настойчивым стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой – отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой «походки» серьёзно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного творческого цеха. Личность и её измерение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами – загнанные в житейский и интеллектуальный тупик физически конечные человеческие существа. И в том – кардинальное отличие опусов модернистских эпигонов Марины Цветаевой от её поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также – об открытости художника жестоким ветрам, продувающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утратило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматических обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта.

Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упражнения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомого автора подаётся порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу: «Стиль – это человек». Но сейчас важно понимать, что человек – это не только стиль, но и многое другое, что даёт нам основание говорить о личности, тем более – о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле – ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя её судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьёзно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева – трудный ребёнок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

Имя нижекамского поэта Евгения Морозова вошло в русскую поэзию в середине десятых, вошло с достоинством, взволнованно, густо — тремя книгами, вышедшими с перерывом в два-три года. Как выразился сам поэт, «смыслы стихов — это попытки дать имя бездне. Чем бы ты ни назвал её, в какие бы темы ни обратил — войну, любовь, гражданственность, философию, пейзаж — ты придаёшь ей очертания, ловишь гул настроений, а сама она то расширяется в тебе, то зовёт откуда-то сбоку, сверху, со стороны». Энергетику стихов Морозова замечают многие, после прочтения она остаётся в твоём небе, как реактивный след самолёта. Недаром критик Евгений Абдуллаев, говоря о творчестве поэта, употребил своеобразную «техническую» метафору: «Стих у Морозова сделан грубо и плотно и, что называется, хорошо разогрет и разогнан». «Виной» ли тому филологическое образование автора, стремящегося к чёткости формы и благородству слова, но каждая строка «приручена» им до последней буквы, запятой, точки. Но при этом исповедь поэта, нанизавшего себя на строки (практически распявшего себя на них), и прочтение, угадывание, сопереживание этой исповеди читателем происходят одновременно, в режиме онлайн. Поэт ведёт за собой читателя, ни на секунду не оставляя его, не боясь честно показать ему самые сокровенные уголки души...

Галина Булатова

ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ

ДОРОГА С ГУЛКИМ НЕБОМ

* * *

Длинный локон, упав ненароком с виска,
зачерпнёт наугад океан,
и покатится небо волны до песка —
до земли, до последних землян.

И ты выйдешь на берег, где чьи-то следы
смыты тысячи раз на веку,
и, одетая в стыд из прекрасной воды,
будешь просто идти по песку.

Если руки протянуты, пусть и не взять,
если свет да испуг впереди,
это солнце и ветер и небо истрать,
но по берегу-кругу иди,

чтобы даль простиралась, мощнела волна,
чтобы помнилось и донеслось,
как едва родилась ты из пены, из сна,
из опущенных в воду волос.

Начиная и прожитый воздух деля
на созвездья, ты знаешь ясней,
что несчастье — земля
да и счастье — земля,
и зачем всё кончается в ней,

что с тобою и я, как ни жди корабли,
соглашусь не в уме, так в судьбе —
будто нет ничего, кроме этой земли
и блестящей воды на тебе.

Я останусь последним из тех, кто бы мог
против этого, как ни мудри,
чтоб любить притяжение — почву для ног
и волнение — небо внутри.

* * *

Та дорога с гулким небом,
по какой спешил пешком
в магазин за чёрным хлебом
и за белым молоком,

в пору вести голубиной,
в эру детства и родства —
ты такой казалась длинной
и понятною едва.

И скучал, и уставал я
от тебя, терпя пока,
а когда подрос, то стала
уж не та, уж коротка.

За какие-то минуты
ностальгической ходьбы
прохожу тебя я, будто
вылетаю из трубы.

Вижу — стены и балконы,
лица, ветви, провода;
всё про то, что неуклонно
на глазах и навсегда...

Знаю: нет возврата в корни,
в край не начатых скорбей,
где трава всего зелёней
и на небе голубей.

Ты лишь здесь, где надо Бога,
где как вспомним — так рискнём,
где за хлебушком дорога
всё молочней с каждым днём.

* * *

Скатилась звезда на ладонь человеку,
и просто он ей говорит:
«Ты с неба, а небо похоже на реку,
что каждую ночь горит.

Ну разве мы в счастье своём виноваты,
что болен и свят твой огонь?
Горевшая в небе, сейчас у меня ты,
мою прожигая ладонь...»

Звезда ничего ему не говорила,
но он говорил и берёг,
и что-то такое знакомое было
в том, как без неё он не мог.

Он гладил её раскалённые грани,
он видел, он слеп от лучей,
он будто заранее помнил, что станет
лишь только её и ничей...

Когда он растаял, почуяв усталость
от света, от яви и сна,
оставшись на небе, она оказалась
в реке многозвёздной одна.

И самый ответ её, поздний по сути,
растаял в пространстве пустом;
ведь звёзды живут много дольше,
чем люди,
и голос их слышен потом.

Она отвечала «люблю», хоть от века
далёкой и странной была,
но помнила, помнила про человека,
с тех пор без него не могла...

* * *

В день, что стал тяжёл и так тревожит,
в час, когда никто помочь не может,
всё реально, жизнь одна — не две,
вспомни, что кузнечик ты в траве...

Ты глазами, что озёра сами,
смотришь в небеса, на свет с часами;
синь в зените, сыпась и слепя,
полдень бьёт специально для тебя.

А тебе нет горя: ты, как хочешь,
всё себе кузнечишь и стрекочешь,
ты куёшь на частом языке
музыку о свете, о цветке.

Ничего нет в мире больше, кроме
той травы, где ты — как будто в доме,
кроме ветра, из конца в конец,
ничего, проверенный кузнец.

В травяном лесу сквозь непролазы
зуборезы есть и вырвиглазы —
у существ зелёных на краю
затянул ты песенку свою.

Прыгая по яслям и сусекам,
насекомым зверем, человеком,
стрёкотом, безумьем на ходу —
просто кто-то должен петь в саду.

И когда звучишь ты, так отныне
в день тяжёлый лёгок на помине,
где и полуживы и мертвы —
изумрудный голос из травы.

* * *

Вот и в лице твоём — вереск потери,
в сказках-глазах — ни огня,
я ли губами тогда не проверю,
как они видят меня.

Как они любят, как они дрогнут,
вспыхнут как из пустоты,
и говорят, что горят, что всё могут,
если ты есть, если ты...

Вот ты и счастлив тогда, вот и звóнок,
вот и во взрослой груди
сердце — обиженный резкий ребёнок —
места не находи...

Чувствуя в эти минуты живучий
свет через самую тьму,
как ты негромко, но крепко прикручен
к сердцу другому, к нему.

И в этом свете улыбки-минуты,
свете лица одного —

не понимаю, но должен как будто
просто держаться его.

Просто как будто отдёрнули шторы
и отопили февраль,
и как вошла ты — во взгляде которой
самая близкая даль.

Солнце от женщины, ставшее ближе,
в самую ночь и в зарю
видишь меня ты, как я тебя вижу,
чувствую и говорю.

Женщина, что не жила, не любила,
если не ты с ней теперь,
женщина-стало, женщина-было,
женщина-просто-поверь...

* * *

Говорила гитара, как будто прося
у меня ли, у песни самой:
«Всё обман ненароком, а истина вся —
только в струнах моих, милый мой».

«Поспокойней, потише, поменьше труда» —
словно мнилось под струны её.
Так щипали, так голос подали тогда,
так поверил я: «Это моё».

Говорила со мной, говорила во мне,
говорила уже из меня
семижильная музыка — в древе, в струне,
сухожилье прожитого дня.

Шестизвонная тихая сила-волна,
как ты знаешь о сердце моём,
что проникла в него и настолько слышна,
что подумать — мы вместе поём.

Как легко от тебя и понятно без слов,
как ложишься на душу мою,
что сдаёшься на волю, что сразу готов,
что с протянутым слухом стою...

Музыкант напевал, и едва хрипотцой
отдавал его голос, звуча,
и в той песне не билось с последней слезой
ни любви, ни страстей сгоряча.

Было что-то о счастье — наивно, смешно,
невозможно, но раньше всего
так знакомо со мною совпало оно,
что я просто поверил в него.

* * *

Не за «р» с её рапсодией
прописной я всё снесу,
в обречённом слове «Родина»
заблудившись как в лесу,

не за зелень громогласную
и чумную белизну
буду что-то сметь напрасно я
и испытывать вину:

просто, даже если под руки
уведут и праздник — весь,
остаются люди всё-таки,
остаются прямо здесь.

Не смотри, что азиатчина
из земли, чья смерть добра,
воскресая в будни, вскладчину
продирается с утра —

закипит забота ранняя,
и, как ни были бы злы,
будут выстроены здания —
судьбы, стены и углы.

И средь спеха колыбельного,
о паях своих трубя,
позывное слово дельное
сберегут и для тебя,

а за слово это, станется,
ты развеешься вдали —
и вослед тебе потянется
пуповина из земли.

ЗВУК

Уходя из дома, где тесно зверю,
а в углу гитара да вещие сны,
я так страшно хлопнул входную дверью,
что оставил в воздухе звук струны.

И пока маячил, стесняясь выпасть
из обоймы, в будничном наяву,
этот звук держался, крутясь и слышась
по безлюдной комнате, на плаву.

Прописной покой наугад нарушив,
он недолго длился наедине,
он ослаб и, ставши всё глуше, глуше,
утонул в нахлынувшей тишине.

Но, наверно, было всё так недаром:
я вернулся, полон колючих чувств,
и заметил тотчас — молчит гитара,
остывают вещи, а воздух — пуст.

И, научен светом его распада,
ни межзвёздной ночью, ни местным днём
я не в курсе, кто он, что было надо,
но с тех пор в тревоге, узнав о нём.

* * *

При помощи глотки и нищей гармонии
средь свадебных дел и непрух
мужик-музыкант и бедняга в законе
ласкает общественный слух.

В горошек рубашка, меха нараспашку,
беззубо расклеенный рот,
и прямо к подножью в побитую чашку
прохожий ему подаёт.

И нет ничего в нём такого, как вроде,
поющем на тему одну,
но этим же самым в снующем народе
задевшем живую струну,

хоть знают,
по взглядам сочувственным судя,
о том, как он густ и непрост,
бездомные звери, бывалые люди
и птицы с насиженных гнёзд.

Про розы, весну и приморские скалы
он хрипло заводит тоску,
что тонет у берега чёлн запоздалый
и чьи-то следы по песку,

а в общем-то, остров судьбы, где хоть тресни
и спасшихся как ни зови,
но всё в одиночестве слушаешь песни
о времени и о любви.

Здесь нет ничего, что б роднило со смыслом,
и память о прошлом плоха,
а только лишь пальцы по клавишам быстрым
и рвущие душу меха.

ОРАНЖЕВЫЙ РАБОТНИК

Знал да стыл зимою этой
за окном через стекло
дворник-прожитое лето,
дворник-снега намело.

У него была лопата,
спецодежда и сугроб,
и от света до заката
он лопатой этой скрёб.

И как только им сметалось
всё добро, то злей всего
ничего не оставалось,
кроме снега, для него.

Был он маленького роста
и как будто бы горбат,
было здóрово и просто —
человек и снегопад.

И едва к нему с вопросом
подступали иногда —
мол, не там песка ты бросил,
убирался не туда —

не давал в ответ он спуску
и в какие гнал пути,
с тарабарского на русский
не могу перевести.

Не затем, что стыдно б вышло
или лексика не та,
просто плохо было слышно,
непонятно ничерта...

Но с утра, из сна поднятый
заценить кромешный вид,

видишь ты, как он с лопатой
выйдет весь и говорит,

и за ним в сиянье гладком
два оранжевых крыла,
и идёт своим порядком
отпускающая мгла...

* * *

Ты, народ, что всё пришлый кряжистый
сухожилистый продувной,
прикрывающий лица скважистой
загорелую желтизной,

нагрузи, кто в волненье пристальном
твой цветистый словарь порвёт
из шипящих с беззубым присвистом
и клубящихся вдаль широт.

Я люблю всё родней и спутанней,
как ты дышишь и тащишь впрок
и рысистой порою утренней
натираешь асфальт дорог,

бдишь на стрёме, живёшь с оглядкою,
терпишь смерть, а случись беда,
то с протянутой входишь шапкою
в подающие города.

Пусть из речи и почвы — тело нам,
ты, чей колос и хвост трубой,
что б ни сказано, что б ни сделано, —
уродящийся сам собой;

как бы ни были переполоты
голоса, а душа смурна,
только живы и только молоды
говорящие семена.

ЛЕС НА ВЫСОКОМ ХОЛМЕ

Что под круглой синью шершавый лес
у меня на глазах шумел,
рассыпался шорохом, тихо нёс
околесицу, спал и пел,

начинались листья как на духу
без задоринки из сучка,

а гнездовья дикие наверху
поживали исподтишка —

это знал я точно в жару и степь
городов, но не знал, к чему
эта хмарь дерев, эта глуть и крепь,
ровно по сердцу моему.

И когда сам лес тот над головой
шапкой зелени на холме
надрывает воздух, а ты живой
у подошвы, в своём уме,

то в кармане Камы рукав реки,
голос облака по воде —
не с тобой, конечно, и не с руки,
и ничто уже, и нигде.

Сторожá ход рыбы в гребной волне,
щёкот ястреба на лету,
ни о чём молчишь в наступающем дне,
закипая в честнóм цвету,

и из тени прошлого впереди,
из того, что ты здесь жилец,
из созревшей речи в своей груди —
появляешься наконец.

* * *

Дом построишь, посеешь древо,
человечка на свет родишь,
и глядишь — ни ствола, ни сева,
ни привета. Равнина лишь.

В день сгоревших кленовых листьев,
в месяц яблонь и год дождей
ум твой взорванный, зверь когтистый,
отрывается от людей.

Средь предсмертных предзимних красок
за шуршаньем ветров и строк
возвращается он из сказок,
понимает, что одинок.

Понимает про жизнь, про лето,
как едва заступи зима —
то ни родственников, ни света,
кроме собственного ума.

Понимает, что близких нету
одиночеству одному,
кроме дуба, что встретил где-то,
что навстречу молчит ему.

Кровь, смешавшаяся вначале,
после снега разделена:
все — чужие в своей печали,
потому что не всё весна.

Полюби тебя зверь когтистый,
приручи и к огню подвинь
не за то, что такой пушистый,
а за хмурь твою и за синь.

Не за то, чтобы было ровно,
но стояли в тепло и в снег
между нами бы крепко, кровно —
дом ли, дерево, человек...

* * *

Сорвала ты мне чертополоха,
протянула ветку: «На — возьми
и повесь у входа, если плохо,
если повелось так меж людьми,

и недоброй тёмной силы кроме,
от врагов, кто б зло подумать мог,
сохранит твой дом и всё, что в доме,
хрупкий ошетиленный цветок».

Прицепил его я над порогом,
чтобы подтвердить твои слова.
Много лет прошло, и было много
всякого, что помнится едва;

в бедах прописных, в бессонных мыслях,
в радостях простых, доступных мне,
тот цветок осунулся и высох,
но ещё кривился на стене.

Помогал ли он иной порою,
отвращал ли дьявольский порыв —
не скажу, но ты была со мною,
оберег колючий подарив,

и в надрывах буднего испуга
за счастливый взгляд да горький вздох,

как могли, любили мы друг друга
и хранили свой чертополох.

ВДАЛЬ УВОДЯЩИЕ ПРОВОДА

Часто видел я поезда
с уезжающими в окне,
отбывавшими не туда,
где привычно бы было мне,

а куда-то в тмутаракань
и за тридевять адресов,
где встречали земную рань
с расхождением в пять часов.

Но и в тихом своём доме
мне казалось, что я не смел,

что чего-то я не пойму,
раз однажды в вагон не сел,

что теперь уж не обессудь,
если в грохоте поездов –
нечто большее, чем сам путь
между точками городов,

нечто большее, чем звезда
в дребезжащем куске стекла,
та, которая навсегда
за собою тебя звала,

и мигала среди пустоты,
где дороги и неба смесь,
по которой блуждаешь ты,
оставаясь то там, то здесь.

Максима Некрасова трудно назвать дебютантом – его стихи публиковались в местном молодёжном журнале ещё пять лет назад, когда ему было семнадцать и уже тогда обратили на себя внимание читателя. Что подкупает в молодом поэте? Смелость, сметающая на своём пути все ограничения. Не отвергая традицию, он, тем не менее, не хочет вписываться ни в какие рамки, ограничивающие форму или содержание увиденного и переплавленного в стихи. Эти рамки он устанавливает сам для себя, вбирая из традиции самое лучшее и осовременивая её.

Галина Булатова

МАКСИМ НЕКРАСОВ

ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

* * *

не плацкартом по родине новой,
но по старой в СВ,
по костям цвета кости слоновой,
по янтарной листве,
по россии покатымся синей –
в смысле? да ни в каком –
мимо кладбищ, поросших осиною
и примятых катком,
мы с пригорка покатымся в память
на чужих тормозах,
чтобы слёзы застыли как камедь
в оловянных глазах.

ВОКЗАЛЬНОЕ

что говорить если жизнь уже всё сказала
ты прочтёшь эти губы оставшиеся от лица
неизвестно кого принесёт
на перрон вокзала
где последняя встреча не хочет себе конца

поезда поезда – дорогие сапсан и ласта,
чьи-то ноги – упавшие тело –
в проём босой

голоса докучая как среднего
признак пласта
чудом ещё не пропавшего в мезозой

что говорить раз листва зеленой не стала
во дворе дрова на траве
рассыпаются на руках
поздняя осень рвётся излучинами состава
пряча себя в туманно-гнилой рукав

ПАМЯТНИК

звезда метель витиеватые
следы в безлюдности
то мы несёмся как проклятые
по нашей юности

отказывают ноги ватные
благополучие –
и пушкин падает в голубоватые
снега колючие

ЭТЮД В МОСКОВСКИХ ТОНАХ

Вечереет на Воробьёвых,
скрадывая цвета;
бело-чёрная лень опустилась ниже;
не колышутся воды и с ними иже;
на панели высокая тень кота.

Разобшение павших листьев,
сложенное в костры;
безымянные стоны дворов направо.
Так и хочется крикнуть туда-то: «Браво!»,
где горячие вдохи ещё остры.

Но дыхание без ошибок
стягивает петля:
то ли шарф, то ли северный ветер, а то ли
пневмония, что лечится смертью, коли
умиление лечится словом ...ля.

И не спрячешь сердцебиенье
остовами пальто,
и разбитый клендарь не подскажет даты,
и никто не спросит тебя: куда ты?
И припомнит навряд ли тебя никто.

АНГЕЛ

чёрный ангел на чёрном снегу
полежал и пропал
я скучал — я горел по нему —
и сгорел как пропан
дети взяли мелки — ну и ну —
толкотня беготня
чёрный ангел на чёрном снегу
а обводят меня

МОМЕНТАЛЬНОЕ

обрывается ночь телефонная
театрально расставив слова
моментальная рифма — бессонная
у бессонного тоже стола

не фатальное — точно миндальное
только солнце на вашем пути
моментальное — это ментальное
для которого букв не хвати...

ПИСЬМО

Ленинградская полночь.
Фонари мельтешат, как созвездья.
В полутьмах не найти перекрёстка —
читай перекрестья.
Тени чёрных осин перерезали
горло дороги.

Ленинградская полночь.
Колыбель безмятежной тревоги.

Я стою над водой.
Я над гладью стою водяною.
Эта ночь, Боже мой!
Эта чёрная ночь надо мною.
Ничего не видать!
Ничего не увидеть за нею.
Так черно, что и сам я,
наверное, тоже чернею.

Воспалённые мысли
к виску прижимаю рукою.
То шептанье твоё
померещится мне над рекою,
то твоя бездыханная нежность,
то твоя черноокость.
Я стою и смотрю.
Но со мной лишь моя одинокость.

Не дано прикоснуться.
Не дано тебя слышать и видеть.
Не дано полюбить.
Не дано тебя возненавидеть.
Где-то там, далека бесконечно,
бесконечно пустынна,
ты, как чёрная птица,
взмахнула с нечётного тына.

Боже, как ты быстра!
Не погнать за тобой самолёта.
Так быстра, как фотоны,
твоё создававшие фото.
В этих новых слоях атмосферы,
где бесчинно и люто,
ты паришь высоко,
но на свете не снишься кому-то.

Боже мой! Боже мой!

В этот век, где вокруг только пластик,
отовсюду стираю тебя,

но стирается ластик.

Отовсюду сдираю эту память,

как пустую афишу.

Потому что не вижу тебя,

потому что не слышу.

РЕБРО

и любовь и любовь — никчemuшное слово
для того что сегодня в метро
запоролo своё лебединое соло
и окажется скоро мертво
фонари фонари до фотона потухли
для меня дурака на перo
ну не станет со мной размалёванной куклы —
я ещё поломаю ребро

ОСЕНЬ

загнила наша осень безумная
в гардеробе чужих голосов,
и свистящая песня беззубая
осыпает багряный засов.

кто-то властвует, зверствует, шефствует
порывается в камень залечь —
и всему непременно предшествует
колокольная звонкая речь.

и глаза раскрываются заspanно,
и топорщится взгляд мотыльком,
точно плечи, которые за спину
завели, размягчив молотком.

ПИТЕР

расстёгнутость жестов.
полипропиленовая чешуя неба.
вертикальные птицы
горизонтального асфальта
пытаются вползти в продуктовый.
кристаллические структуры сердца
под подошвой фундамента,
в хрустале люков.

что я здесь, Василиса?
обоюдоострый валенок уралмаша?
зачем я здесь без стиральной дороги?
чтобы созидать камни?

чтобы насиловать запахи

мягких школьниц

на винчестере твоей совести?

что я здесь, Василиса?

бумага, склёванная котельной?

я текст, воспевший

тускнеющие глаза твоего тела,

я текст, вернувший твой рассудок туда,

где взяли,

я сильнейшая боль,

на которую я способен.

НЕ АНГЕЛУ

Бессмысленные чёрные фигуры,
и шорохи, и быстрые шаги,
как тени городской архитектуры,
сошедшие на водные круги.

Быть может, через годы в отторженьи
на лоне увядающего дня
и ты в своём заметишь отраженьи
виденья, окружившие меня...

ПАМЯТЬ

У картонных ветвей,
на просторе железного сада,
у далёких ворот,
у немного, как прежде, фасада
воспалённых церковей,
прорезавших безвременно готик:
дорогая, прощай.
Ты не против. Надеюсь, не против.

Чужеродная тень
на холодном проспекте — косяя.
Может, ты?.. Не спросить,
не ворваться в дорогу, спасая,
не купить тебе жизнь,
со смертями своею торгуя.

Дорогая, прощай.
Подождать не могу. Не могу я.

Забывать не порок.
Потому я тебя забываю.
У твоих безымянных могил
тебя не запиваю.
Что я выслал тебе?
Что я сам себе, девочка, выслал?
Дорогая, прощай.
Может, слышишь залиvistый выстрел.

СИНИЦА
От кормленья к кормушке,
от вершины к верхушке
ты под облаком вьёшь петлю.
Мера жизни недлинной
тебе кажется глиной,
но ты снова кричишь: стерплю.

Как писал из Америк
мой учитель-холерик,
за стеною, чай, не Париж.
Так зачем же, зачем же
всё надрывней, всё реже,
всё бессмысленней ты паришь?

ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ

Стояла мокрая ранневесенняя погода. Дороги раскисли, деревья отсырели, и ветер, ветер — промозглый, пробирающий до костей, — самый нездоровый ветер. Пятнадцатилетний Фёдор сидел в санях, укутавшись, втянув голову в поднятый воротник, безучастно смотрел на глубокую колею дороги, убегавшую назад.

Отец велел похоронить себя в Гатчине. Сорок вёрст тащились из Питера сани с гробом. Встречные останавливались, снимали шапки.

Фёдор не любил отца. Жалкая, не по годам согбенная фигура не вызывала сыновнего чувства. И не проходила обида, что он, Фёдор, «незаконный» (родители обвенчались уже после его рождения).

За всю дорогу он не проронил ни слова, внутри все закаменело. И только когда гроб опустили в холодную, жутко зияющую яму, и первые комья глухо ударились о тесины, он вздрогнул и с отчаянием произнёс:

— Да что же это?!.. Почему?!.

Фёдор словно враз переменялся, повзрослел. И всё простил отцу.

Обратный путь был ещё более долгим. Шальной ветер пронизывал насквозь. Лик земли со всем её величием и потрясающей убогостью, щемил сердце. Как горько было маленьким людям, затерянным среди печальных просторов! Какими незащитными они чувствовали себя! Что принесёт завтрашний день?..

Фёдор продрог, озноб колотил всё тело. Только бы не заболеть! Слабые лёгкие — наследственное в их семье. Слабые лёгкие требовали хорошего питания, а где было взять, если отец, работая на почтамте, получал 25 рублей в месяц? Помогая отцу, Фёдор пел в церковном хоре, где немного платили, в каникулы подрабатывал — носил почтальону сумку за рубль в месяц. В тринадцать лет нанялся помощником писца в Адмиралтейство и получал три рубля.

В гимназии он учился за счёт благодетеля, ходил в шинели, перешитой с чужого плеча, носил истёртые до прозрачности брюки, и сверстники обзывали его то «перешитым гимназистом», то «ситцевыми штанами».

После смерти кормильца, семья осталась без средств. Как перебивались, одному Богу известно. «Мы живём на 8 рублей в месяц», — писала сестра Фёдора своему жениху Ивану Ивановичу Шишкину. (8 рублей было стипендией Фёдора в Рисовальной школе).

Шишкин помогал, чем мог: Фёдор должен закончить учёбу. Десятилетним мальчиком Фёдор сам пришёл в Рисовальную школу при Обществе поощрения художников. С истинно моцартовской лёгкостью решал он сложнейшие технические задачи, но главное, имел своё мнение и никому не подражал. Иван Николаевич Крамской, педагог и наставник Васильева, был просто влюблён в него. Ему даже казалось, что Васильев живёт во второй раз, что им уже все постигнуто, а сейчас он лишь вспоминает знакомое.

В 1867 году Васильев окончил учёбу, но обстоятельства не позволили ему быть хозяином своего труда и времени. Готовых денег не имел, напротив, имел семейство, которое надо было кормить. Фёдор взялся за заказы. Когда-то он верил, что существует время плохое и хорошее, однако оно упорно не желало меняться, и он, выполняя один заказ за другим, отложил надежду учиться в Академии.

ЗАРЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Жизненное положение Васильева было очень сложным. «Незаконнорождённый», он не имел права на получение паспорта. Принадлежа к мещанскому сословию, обязан был отбывать рекрутчину. Это стесняло не только его творческую деятельность, но и больно ранило.

Но талант его был огромен! Высокий, ошеломляющий талант! Он пробивал себе дорогу через все тернии. «Вот энергия, вот сила!..» — восхищался Крамской.

Во Франции в ту пору зарождалось новое направление в живописи — импрессионизм. Запечатлеть не столько сам предмет, сколько окутывающий его свет и атмосферу, сделать объект «дрожащим», каким именно и видит его человеческий глаз. И вот это направление... угадал Васильев.

Его юношеская картина «Заря в Петербурге», выполненная как случайно схваченный кусок действительности, была ещё не импрессионистской, но уже предвещала импрессионизм. Она вводила русское искусство в совершенно новую область — свободную от условностей шестидесятых-семидесятых годов. Васильев интуитивно шагнул на поколение вперёд.

ВИД НА ВОЛГЕ. БАРКИ

Летом 1870 года Васильев поехал с Репиным на Волгу, выхлопотав для этого помощь в Обществе поощрения художников. Илья Ефимович не мог надивиться на него: поёт, ходит на охоту — дорвался до вольной жизни. И вдруг — одна картина, другая, третья! Да такие, словно десятки эскизов были готовы к ним.

Картину «Вид на Волге. Барки», Васильев, казалось, не написал, а спел. Цветовая палитра, рисунок — все в единой гармонии. Безбрежна ширь могучей реки, зеркальны воды. На золотистом песке готовится к отдыху ватага бурлаков — та самая, с которой для своей картины «Бурлаки» списывал типы Илья Ефимович Репин. Полюбившийся Репину бурлак Канин (с повязкой на лбу) выведен Васильевым на переднем плане. Вечернее небо ещё в лучах солнца, но собираются облака, и может случиться гроза. Картина полна жизненных сил и поэтического очарования; двадцатилетний художник справился с тем, что не всегда удавалась даже опытным мастерам.

Фёдор Васильев был художник великих озарений, и это относилось не только к его собственной живописи. В Ялте однажды он совершенно отчётливо увидел картину Крамского «Христос в Пустыне», хотя Иван Николаевич жил в Петербурге и только начал писать её, причём своим замыслом не делился с Васильевым. Возможно, Крамской был не очень далёк от истины, предполагая, что Васильев проживает вторую жизнь. (Некоторые учёные называют такой феномен «путешествием во времени», связывая с космосом).

Фёдор верил, что искусство обладает силой воспитательного воздействия на общество. Верил, что даже преступники усовестятся своих деяний, когда увидят картину, полную торжества и чистоты природы. «Без любви к природе невозможно полное счастье. Долг пейзажиста — помочь людям обрести его», — высказывал он свою мысль.

ОТТЕПЕЛЬ

Весной 1871 года Васильев работал над «Оттепелью», хотя был серьёзно болен: обнаружили грозные признаки туберкулёза. Формат картины необычно вытянутый вширь, уже сам по себе рождал ощущение протяжённости дороги, по которой

бредут крестьянин и маленькая девочка. Близкая весна не несёт радости. Серо, сыро и грустно вокруг. Так же грустно, как было, когда хоронили отца Фёдора. Ох, сколько на этих дорогах перестрадало сердец! Сколько дум людских знают эти дороги! И так щемило сердце от этого родного, убогого, милого... Васильев довёл это ощущение до эпической силы.

1871 год стал для Фёдора Александровича особенным. Открылась в Петербурге Первая передвижная выставка, и на ней — самые яркие пейзажные полотна: «Грачи прилетели» Саврасова, «Сосновый лес» Шишкина и «Оттепель» Васильева.

«Оттепель» — такая горячая, сильная, дерзкая, с большим поэтическим содержанием и в то же время юная и молодая, пробудившаяся к жизни, требующая права гражданства между другими, и хотя решительно новая, но — имеющая корни где-то далеко...» — высказал своё впечатление Крамской. Он ещё ничего не знал о предстоящем русскому пейзажному жанру невиданном расцвете, однако предчувствовал его, угадывал его закономерность и неизбежность.

В конце зимы «Оттепель» была показана на конкурсе Общества поощрения живописи и получила первую премию. Картину прямо с выставки приобрёл Третьяков. Тогда же Васильев не более чем за месяц по заказу великого князя Александра Александровича (в будущем царя Александра III) выполнил повторение картины, находящееся ныне в Русском музее. Повторение «Оттепели» не было простой авторской копией. Это была как бы дальнейшая разработка мотива. Васильев создал два равноценных по художественному достоинству полотна. Комитет, производивший набор картин на Всемирную выставку в Лондоне, остановился на принадлежащем царской фамилии повторении. Оно и отправилось в Англию.

Всемирная выставка имела на этот раз особое значение для русской живописи и скульптуры. Она буквально открыла Европе высокие достоинства русского искусства. Произошло это благодаря правильному и объективному отбору экспонатов. Россия показала, что имеет своё, неповторимое лицо, создаёт произведения, стоящие вровень с лучшими мировыми достижениями. В лондонской прессе появились статьи, в которых авторы указывали на те замечательные черты русской живописи, коих лишены были произведения многих европейских мастеров.

МОКРЫЙ ЛУГ

Создав «Оттепель», Фёдор Васильев вошёл в число лучших художников России.

Совет Академии, в которой наконец начал обучаться Васильев, своим постановлением признал его классным художником I-й степени. Это давало право получить паспорт и быть освобождённым от воинской повинности. Но по уставу Академии надо было сдать экзамен «из наук». Этого Васильев сделать не мог: тяжело больной он, по рекомендации врачей, выехал в Ялту. Крамской хлопотал за него даже перед президентом Академии, но великий князь Владимир Александрович не пожелал сделать исключения.

И вот — снова унижительное положение человека «без вида на жительство», погибшая мечта о командировке в Италию для лечения и усовершенствования в искусстве.

Жизнь в Ялте была дорогой. Работа и лечение требовали дополнительных расходов. Ссуды от Общества поощрения — 100 рублей в месяц не хватало. К тому же на руках Васильева были мать и маленький брат. Чтобы свести концы с концами он брал частные заказы, которые отнимали драгоценное время и подтачивали силы. Сердце тянулось к родному северу, тосковало, тоска требовала выхода. С особенной ностальгией Васильев вспоминал о болотах Петербурга. «О, болото, болото! Как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Ф. А. ВАСИЛЬЕВА

*И. Н. Крамской. Портрет художника Ф. А. Васильева, 1871.
Государственный Русский музей.*

*В крымских горах, 1873
Государственная Третьяковская галерея*

Осенний лес, 1873. Государственная Третьяковская галерея

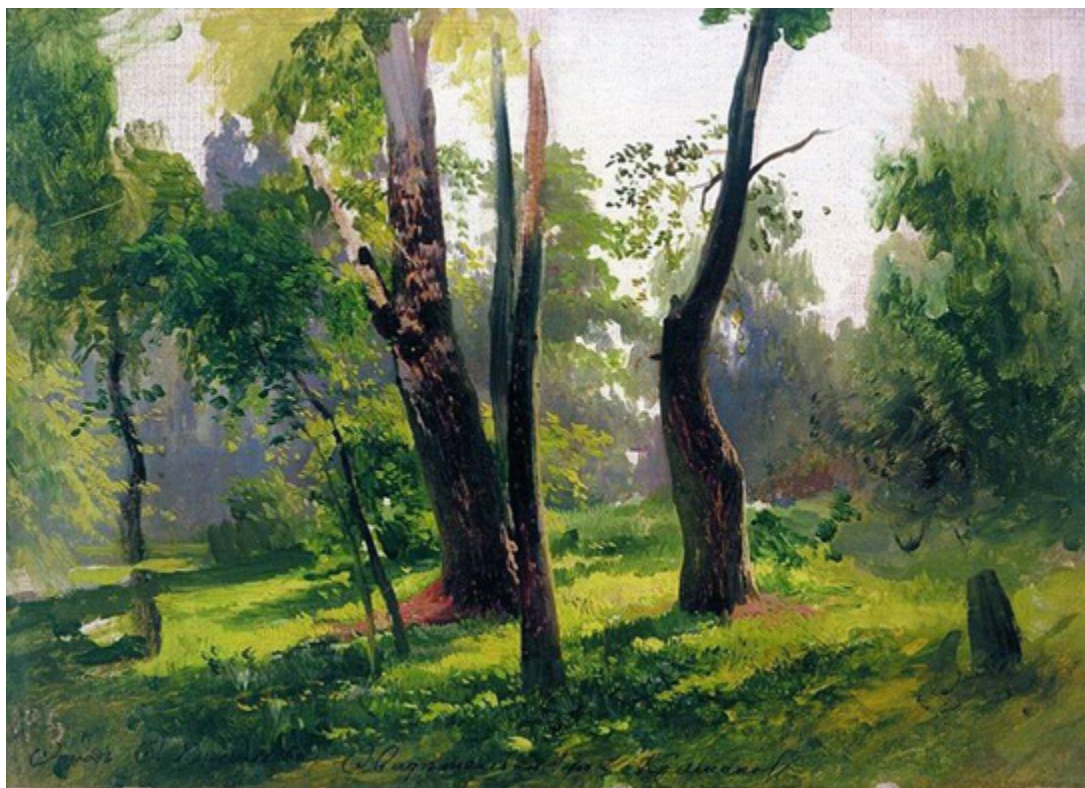

*Крымский пейзаж, 1871 - 1873
Государственная Третьяковская галерея*

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

В церковной ограде. Старое кладбище Валаамского монастыря, 1867. Государственный Русский музей

Деревья, 1869. Художественный музей в Харькове

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Ф. А. ВАСИЛЬЕВА

Бревна у дороги, 1867. Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева

Деревня, 1869.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Берег Волги после грозы, 1871.

Фонтан, Крым. 1872. Государственная Третьяковская галерея

На берегу моря, 1871-1873.

Вид на Волге. Барки, 1870. Государственный Русский музей

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Прибой, 1873.

Заря в Петербурге, 1870. Государственный Русский музей

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Ф. А. ВАСИЛЬЕВА

Мокрый луг, 1872. Государственная Третьяковская галерея

Зима в Крыму, 1873. Пермская художественная галерея

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Оттепель, 1871. Государственная Третьяковская галерея

Заброшенная мельница, 1871-1873. Государственный Русский музей

дышать этим привольем, этой живительной силой просыпающегося над дымящейся водой утра? Ведь у меня возьмут всё, всё, если возьмут это».

Шесть картин, посвящённых северной русской природе написал он в Крыму. Во всех изображена болотистая местность. Писал даже не по этюдам, по памяти, писал нервно, торопливо, постоянно жалуясь, что яркое южное солнце мешает ему работать. И рвался домой, в Петербург!

Одну из этих картин — «Мокрый луг» — Васильев прислал на конкурс Общества поощрения живописи. Картина-воспоминание. Небольшая по размеру, она вобрала в себя, казалось, целый мир, она дышала, жила в каком-то мгновенном озарении, и все в ней было свежо, чисто и глубоко.

«Эта картина рассказала мне больше Вашего дневника. Я не мог оторвать от неё глаз, — писал Васильеву Крамской. — Дождливое, местами тёмное полотно всё же полно света, жизни, движения. Ветерок, пробежавший по воде; деревца, ещё поливаемые последними каплями дождя; русло, начинающее уже зарастать... наконец, небо! — со всею массой воды. «Живое, мокрое, движущееся небо», как выразился Ге. Невозможная, варварская задача для художника!»

В те дни только и разговоров было в Петербурге, что о картине Шишкина «Сосновый бор», да о Васильевском «Мокром луге». Конкурсная комиссия долго не знала, кому отдать предпочтение. И хотя первую премию присудили Шишкину, никто бы не усомнился в правильности решения, если бы присудили её Васильеву. Крамской предлагал даже на сей раз учредить две первых премии, но совет решения не отменил.

Делая огромные шаги в духовном и творческом развитии, Фёдор Васильев трудно оказывал влияние и на других живописцев. Свет васильевских небес был дружно подхвачен, лучи его озарили кисти многих его собратьев. Фёдор Александрович стал одним из основоположников «пейзажа настроения», стал предтечей Куинджи и Левитана.

В КРЫМСКИХ ГОРАХ

Крым, который Васильев поначалу невзлюбил, постепенно начинал притягивать его к себе. Страна пустынных горных плато, подоблачных просторов, трудных каменистых дорог — Васильев открывал *свой* Крым, никем из художников до него таким не увиденный.

Фёдор Александрович начал картину «В крымских горах». Делился с Крамским: *«Глубок, глубок смысл природы. Даже если написать картину, состоящую из одного только голубого воздуха и гор, без единого облачка».*

«В крымских горах» было последним произведением, которое при жизни Васильева увидел Петербург. Сразу с выставки картину купил Третьяков.

«Настоящая картина ни на что уже не похожа, не имеет ни малейшего, даже отдалённого сходства ни с одним художником, ни с какой школой. Это что-то до такой степени самобытное, что я могу сказать только одно: это ещё не хорошо, т.е. не вполне хорошо, даже местами плохо, но это — гениально, — написал Васильеву Крамской. — Понимаете ли Вы теперь, как важно для Вас самих, какая страшная ответственность Вам предстоит только оттого, что Вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты. Кроме того, Ваша теперешняя картина меня раздавила окончательно. Я увидел, как *надо* писать. Как писать не надо — я давно знал... Замечаете ли вы, что я ни слова не говорю о Ваших красках. Это потому, что их нет в картине совсем, понимаете ли, совсем. Передо мной величественный вид природы, я вижу леса, деревья, вижу облака, вижу камни, да ещё не просто, а по ним ходит поэзия света, какая-то торжественная тишина, что-то глубоко задумчивое, таинственное, — ну, кто же из смертных может видеть какую-либо краску, какой-либо тон? При этих условиях?..»

ЗАБРОШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА

В апреле 1873 года Васильев уже не мог работать, туберкулёз прогрессирует с каждым днём. Русская школа теряет в нем гения. «У меня память до такой степени плоха, что я забываю имя моего покойного отца», — жаловался он в письме к Третьякову.

Павел Михайлович много сил приложил, чтобы облегчить участь художника. Помогали Васильеву и Крамской, и Шишкин, женатый на сестре Фёдора, Жене Васильевой. Но болезнь уже победила его.

— Два последние письма, которые я от него имел, такого беспорядочного тона и содержания... Такая горячка, лихорадочная разбросанность, такое страшное порывание куда-то уйти, что-то сделать и от чего-то освободиться, что теперь с ним нужно только осторожно обходить всякие вопросы и дожидаться, когда он закроет глаза, — с глубокой печалью сообщал Крамской Шишкину.

К осени Васильев уже едва мог сойти с трёх ступенек. Скончался он 29 сентября 1873 года.

От крымских лет у него остались не только картины, но более полутора сотен рисунков и несколько замечательных сепий. Достигнуто это было ценой настоящего жизненного подвига.

Когда мать привезла наследие сына в Петербург, оно поразило всех. «Милый мальчик, мы и не знали, что ты носил в себе! — был потрясён Крамской. — Сколько же сделано! Это же страх один!»

Было решено устроить посмертную выставку Фёдора Васильева.

Она состоялась в начале 1874 года и стала небывалым явлением в художественной жизни Петербурга. Всё, вплоть до последнего наброска, было распродано ещё до открытия выставки. Зрители увидели в работах художника не просто феноменальное явление искусства, а что-то глубоко всех затронувшее и самостоятельно выраженное. Павел Михайлович Третьяков купил сразу восемнадцать картин (а затем годами терпеливо ждал, чтобы откупить ещё что-нибудь у наследников Васильева). Два альбома приобрела императрица Мария Александровна, и ещё два — библиотека Академии художеств.

Среди произведений, исполненных Васильевым в Крыму, особняком стояла не до конца завершённая картина «Заброшенная мельница». Какая-то тайна окружала её, поскольку ни в одном из писем Фёдор Александрович не упомянул о её создании. А между тем подготовительный материал для картины был обширен. В нём оказался отражённым весьма необычный ход творческой мысли художника: что-то тревожное, словно вызванное памятью из «предыдущей жизни».

Эта картина — тончайшее движение природы, почти приближённое к человеческим чувствам — одно из самых высоких свершений Фёдора Александровича.

Всего 23 года жизни, всего 5 лет творчества отвела ему судьба. Лишь исключительная талантливость позволила в такой короткий срок создать выдающиеся произведения. Но сколько открытий, сколько не созданных шедевров потеряло со смертью Васильева русское искусство!

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

(Окончание. Начало в № 31)

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Внизу шатались и падали небоскрёбы, поднимая облака серой строительной пыли, вспучивались дороги, образуя пропасти для автомобилей, обрушивались мосты. И это на восточном, Атлантическом побережье, а что творилось на Тихоокеанском, страшно было представить. Неожиданно на Агидель и Руслана нацелился военный истребитель, намереваясь сбить их, но в тот же миг между ним и летящей парой возникла летающая тарелка. Истребитель клюнул носом, было такое впечатление, что у него заглох двигатель, и он отвернул от ребят, планируя в сторону океана.

Не помня себя, они оказались внутри летающей тарелки, которая набрала ужасающую скорость и в считанные минуты оказалась над космодромом на обратной стороне Луны. На огромном плато стояли в несколько рядов летающие тарелки, прилетевшая нашла место неподалёку от огромного звездолёта, прилунилась и открыла дверь. Пока они летели, роботы облачили их в космические костюмы, а потом повезли на открытом электромобиле к звездолёту.

По дороге к нему Руслан поблагодарил Агидель за спасение от американской тюрьмы. «Президент подумал, что ты Богородица и стал просить у тебя защиты».

«А вот и трёхметровый Атлант, встречает нас возле красавца-звездолёта».

«На нем нет защитного скафандра, значит, это его голограмма», — сказал Руслан.

Электромобиль остановился возле эскалатора,двигающегося внутрь космического корабля и они, несмотря на внушительные наряды, очень легко оказались на ступеньках движущейся лестницы. Атлант стоял на неподвижной площадке и приответственно махал им рукой.

Они оказались внутри звездолёта, люк за ними закрылся, и появившиеся роботы начали освобождать их от скафандров.

— Лететь будете в специальных кабинах-ложементах, изготовленных по вашим размерам. Без всякого анабиоза, поскольку мы будем двигаться по петле времени и пространства, и прибудем на экзопланету в девять утра по средневропейскому времени. За этот отрезок на Земле пройдёт сто два года. Роботы вас проводят и закроют ваши кабины, — проинструктировал Атлант и предоставил свободу действий роботам.

Когда их закрыли, через прозрачное стекло они видели, как Атлант взмыл вверх, должно быть, к пульту управления звездолётом, а потом засвистели двигатели, и звездолёт мягко, но стремительно и легко оторвался от поверхности Луны. Их тела вдавило в ложементы, и они под действием снотворной смеси воздуха безмятежно уснули.

Когда проснулись, их ложементы находились в вертикальном положении. Стояла тишина, ракетные двигатели работали бесшумно. Роботы открыли их персональные кабины и удалились. Перед ними возник Атлант.

— Состав атмосферы безвредный, замеры показывают, что он практически земной, — произнёс он по-русски. — Кислорода чуть больше, давление чуть выше земного. Температура за бортом плюс 25 градусов по Цельсию. Сила гравитации в несколько раз ниже, соответственно ходить надо осторожнее, чтобы нечаянно не прыгнуть и не разбиться. Так что, уважаемые боги, прошу на вашу планету без космических скафандров.

Люк открылся, теперь лента эскалатора двигалась вниз. Руслан взял Агидель за руку и без всяких опасений стал на эскалатор. Первое, что их поразило — два солнца, одно только появилось на горизонте и поэтому не избавилось от лиловости в лучах, а второе находилось почти в зените и ярко светило в безоблачном небе.

Звездолёт припланетился на небольшой опушке тропического леса. Вокруг стояли деревья, напоминающие земные кокосовые пальмы, увитые лианами с гроздьями, можно было предположить, винограда.

Роботы, вооружившись бензопилами, стали валить пальмы, освобождая место под модули и инфраструктуру базы. И вдруг лес заукал: «УууУ — УууУ — УууУ...», — волнами неслось отовсюду.

— Посмотрите, за деревьями появились какие-то существа! — с тревогой воскликнула Агидель.

Действительно, между деревьями показались низкорослые гомункулусы, которых легко было принять за детей. Но лысых, безбровых, с красноватой кожей. Между ними находились огромные змеи. И те, и другие укали и, судя по всему, плакали.

Потом из-под пальм выполз местный кентавр — руки и голова гомункулуса, а вместо торса и ног — тело огромной толстой змеи в яркой цветной раскраске. На нем был пышный головной убор с разноцветными перьями, точь-в-точь как у американских индейцев. Уканье прекратилось.

— Уважаемые гости, позвольте представиться — Тын Дын, местный вождь. Мы готовы предоставить вам сердечный мир, дать вам кров в своих хижинах, необходимую пищу и воду. Наш народ и змеи не сделают вам ничего плохого, но нам непонятно, зачем вы убиваете наши любимые деревья, дающие нам пищу и идущие на строительство наших хижин? — прокричал фальцетом вождь, и Руслан с Агиделью, не говоря уж об Атланте, понимали его язык.

— Уважаемый вождь Тын Дын, — обратился к нему Атлант на его языке. — Мы прилетели с далёкой планеты к вам в гости. Меня зовут Атлант, я командир звездолёта и верховный бог. Наша планета находится в Солнечной системе и называется Земля. Она очень похожа на вашу. Наш межзвёздный корабль совершил мягкую посадку, но при этом сжёг некоторые ваши любимые деревья, за что мы просим извинить и простить нас. Но при взлёте корабля погибнет гораздо больше ваших деревьев, поэтому не лучше ли будет, пустить их в дело, а не сжечь? Нам нужны различные подсобные помещения. Вы знаете, что такое электричество?

В ответ прозвучало многотысячное «УУУУ!»

— Значит, не знаете. Мы построим вам энергетическую установку и оставим её в дар вам. Как, впрочем, все прочие сооружения, возведённые нашими трудолюбивыми помощниками. Хочу обратить ваше внимание на то, что они — очень сложные и совершенные механизмы, называются они роботы, а не живые существа, действуют по так называемой программе. Большая просьба: обходитесь с ними уважительно, чтобы не была запущена программа обороны и самосохранения, которая приведёт к безусловному убийству обидчиков. Знайте, что уничтожить их на вашей планете

практически невозможно. Питаются они электрическим током, ваши кокосы и другие плоды не едят.

Словарь местного языка был не развит, поэтому Атлант использовал земные названия, объясняя, что такое электричество и роботы. Местные гомункулы и змеи находились на очень низком уровне развития. На таком низком, что знакомя их с Русланом и Агиделью в качестве их богов, сам попал в затруднительное положение. Чтобы продемонстрировать могущество инопланетных богов, он заставил их

подняться на несколько метров ввысь и зависнуть там. Для убедительности золотом засверкали нимбы вокруг их голов. Атлант чувствовал, что его не понимает Тын Дын, не понимают и гомункулусы, змеи и кентавры, осмелевшие и приблизившиеся к ним.

— Они могут управлять погодой, дождём, ветром, наконец, вашей судьбой. Главный бог Ру, продемонстрируй молнию! — крикнул он на местном наречии.

Руслан поднял правую руку, нацелил её в небо, оглушительный и ослепительный разряд энергии заставил пасть ниц местное население.

— Богиня воды Аги, теперь дождь!

С неба пошёл настолько мощный ливень, словно низвергались вниз потоки воды.

— Уважаемый Атлант, вы нас убедили в могуществе богов, — сказал Тын Дын, поклонился в сторону Руслана и Агидели. — Но у нас и без них сверкают молнии, идут дожди, светят два солнца, и мы не понимаем, зачем нам нужны ваши боги? Мы довольны нашей жизнью, у нас хватает пищи, у нас тепло и влажно, наши растения дают нам всё необходимое. Мы боимся, что ваши боги нарушат нашу спокойную и счастливую жизнь.

— Но у вас бывают несчастья, жители заболевают, и тут требуются не только врачи, но и чудо исцеления. А его по просьбе могут дать только боги.

— У нас не бывает несчастий и греха, — упорствовал Тын Дын.

— А души у вас есть? — всё ещё не терял терпения Атлант.

— А что это такое — души? — спросил местный вождь, и в поддержку ему прозвучало мощное «УУУУ».

Переговоры закончились обязательствами обеих сторон жить в дружбе и сотрудничестве друг с другом, не причинять никому зла, хотя туземцы не знали, что такое зло. Договорились также помогать друг другу, а если возникнут какие-то конфликты, то решать их путём переговоров. Но аборигены также не понимали, что такое конфликты.

После переговоров Атлант пригласил Руслана и Агидель в свой командирский кубрик. Конечно, помещение поражало их воображение своими размерами — пятиметровые потолки, более чем трёхметровый диван-ложемент...

— Прошу прощения, в штабном модуле будут учтены не только мои, но и ваши размеры, — начал Атлант с извинений. — Честно говоря, я впервые сталкиваюсь с подобной, если можно так можно выразиться, цивилизацией. Они ничего не знают и им ничего, кроме подножного корма, не надо. Они счастливы, и осознают своё счастье. Но что будет с ними, если на планете появятся конкистадоры из четвёртой человеческой расы? Трудно даже представить... Поэтому я прошу крайне деликатно относиться к аборигенам. Такую же задачу поставлю перед роботами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда роботы отстроили все сооружения базы, возвели башню под электрогенератор с огромными лопастями, туземцы потребовали познакомиться их с электричеством. Руслан поручил роботам сделать один модуль проходным, повесить люстру с разноцветными лампочками, поскольку гомункулусы не были дальтониками, и в метре от пола прикрепить сенсорный выключатель. Первым с электричеством знакомился Тын Дын. Руслан показал ему, что надо один раз, хотя он и не был уверен, что туземцы знакомы с арифметическим счётом, притронуться к сенсорному выключателю, и после этого лампочки люстры вспыхивают. Потом следует ещё один раз притронуться к сенсорному теперь уже выключателю, и люстра погаснет.

Тын Дын подполз к выключателю, с опаской поднял свою ручонку вверх, оттопырил указательный пальчик на шестипалой руке и робко ткнул им в прибор. Люстра

вспыхнула разноцветными огнями, Тын Дын торжествующе воскликнул: «У!» Затем Руслан подсказал жестом, что надо дотронуться до прибора ещё один раз. Тын Дын смелее ткнул пальцем в сенсор, и люстра погасла. «У» прозвучало не без разочарования.

Знакомство растянулось на несколько дней. Вместо себя Руслан оставил робота, и гомункулусы подползали к сенсору, торжествующе восклицали своё знаменитое «У!» и говорили с разочарованием «У» после знакомства.

Агидель работала с женским населением. Оказалось, что самочки гомункулусов были двуногими, с руками и ступнями по шесть пальцев. Самцы были кентаврами, обладали змеиными телами. Были и змеи, по размерам огромные земные анаконды, но беззлобные и даже ласковые. Почему-то им хотелось проползти рядом с Агиделью, потереться телом о её ноги. И при этом змеи, как казалось, заглядывали ей в глаза и улыбались, показывая беззубые дёсны. Она почти теряла сознание от брезгливости и ужаса, но терпела эти странные ласки. А потом привыкла к ним.

Самочки повели её в деревню, стоящую из множества одинаковых хижин. Стены хижин состояли из жердей, напоминающие бамбуковые, крыши — из листьев пальм. Полов никаких не было, посреди хижины разводили огонь, который по очереди поддерживали в деревне. Топливом служили сухие листья пальм и отмерший валежник, который приносили самочки из леса. Вместо топоров были острые кремни, привязанные кожурой лиан к палкам, которые трудно было назвать топориками.

Агидель подружилась с самочкой по имени Уль Тык. Туземка пригласила её в свою хижину, где на помосте высиживал потомство её муж Бок Тык. Дело в том, что местное население не было млекопитающими, а размножалось с помощью яиц. Самочки откладывали яйца на специальный помост в углу хижины, а самцы, окружив кольцами своих тел кладку, восседали на них, пока не вылуплялись маленькие гомункулусы. Выкармливали их кокосовым молоком, которое добывали самцы, с лёгкостью взбираясь на пальмы с помощью своих длинных змееподобных тел.

На планете все были вегетарианцами. Поразительно, даже змеи питались лесными плодами, в том числе многочисленными грибами, которых в лесах было великое множество. Причём были только съедобные грибы. Уль Тык принесла Агиделе в подарок плетёную корзину грибов вроде трюфелей, и той пришлось показывать, как их можно приготовить на современной земной кухне. Агидель их тщательно очистила, помыла, нарезала и поджарила на сливочном масле. Такой вкусноты Уль Тык никогда не пробовала и с торжествующим воплем «УУУ!» побежала рассказывать подружкам о чудесном блюде, приготовленном богиней воды.

По причине всеобщего вегетарианства на планете не было конфликтов, никто не проявлял агрессию, а уж тем более не пожирал ближнего своего. Атлант неожиданно на утреннем обмене наблюдениями неожиданно сказал, что кто-то использовал методику доктора Орлова и отредактировал гены местных обитателей.

— Учитель, что ты имеешь в виду? — спросил Руслан.

— Извини, я забыл сообщить, что твоя методика редактирования генов получила Нобелевскую премию и сейчас широко применяется для устранения агрессивности землян. Прими мои поздравления!

— Но Учитель, я не разрабатывал такую методику!

— Ошибаешься. Твой клон, как и клон Агидели, остались на Земле и жили нормальной жизнью землян. С момента нашего отлёта с Земли прошёл целый век, у вас четверо детей, двадцать внуков, девяносто правнуков и праправнуков. Ваших клонов, увы, нет в живых, но ваши заслуги, особенно твои, Руслан, высоко оценены человечеством.

На Руслана и Агидель сообщение Атланта произвело сильное впечатление. Особенно переживала Агидель за своих родителей, которые не дождались возвращения внезапно

пропавшей дочери. Чтобы не думать о земных делах, она стремилась скрасить свои будни на экзопланете усиленной работой.

Природа наградила самочек редкими, но достаточно длинными красными волосами. Но пользоваться ими они совсем не умели. И тогда Агидель заплела волосы Уль Тык в косичку, вместо ленточки, которой не оказалось под рукой, вплела местный цветочек, напоминающий земной василёк. Радости туземки не было предела, и на следующий день все самочки ходили с косичками и с вплетёнными в них васильками. Гомункулусы оказались легко обучаемыми.

Роботы собрали планетолёт, испытали его на деле, вызвав неопиcуемый ажиотаж местного населения. Все желали попасть на летательный аппарат и подняться в воздух, однако верховный бог Атлант в летающую тарелку, кроме главного бога Ру и богини Аги, пригласил лишь вождя Тын Дына и подружку богини воды Уль Тык.

За пультом управления сидел робот, получивший задание облететь несколько раз планету, чтобы заснять на видеокамеры не только экваториальные районы, где они находились, но и северный и южный полюсы. Руслан осмотрелся в планетолёте и с удовлетворением отметил, что корпус его отлит из фиолетового сплава, который так озадачил Ивана Ивановича и его друзей-металлургов.

Планетолёт с лёгкостью вышел на орбиту искусственного спутника без особых перегрузок — сказывалось небольшое притяжение экзопланеты. Перед экипажем возник огромный экран, на котором в мельчайших подробностях показывались леса, горы, реки, озера и огромные поля.

На экране появился океан. Атлант попросил приблизить изображение, чтобы лучше рассмотреть поверхность воды. На ней плавали лодки, похожие на индейские каноэ, но долблённые из стволов деревьев, с противовесами на длинных шестах для устойчивости. На концах шестов были прикреплены огромные тюки коры пробкового дерева.

- Это кчужи, они любят есть водоросли, которые добывают в океане.
- А рыбу они едят? — спросил Атлант.
- Что вы, верховный вождь Атлант! Разве можно есть живые существа?
- Но ведь растения тоже живые! — воскликнула Агидель. — Они тоже чувствуют!
- Мы не понимаем, уважаемая богиня воды, что такое чувствуют!
- Вам бывает больно, уважаемый вождь Тын Дын? — вмешался в разговор и Руслан.
- Нам не бывает больно, уважаемые боги. Мы не понимаем, что такое больно.

Над северным полюсом висела низкая облачность, было такое впечатление, что самое холодное место небесного тела притягивает влагу атмосферы. Внизу была ледяная и снеговая шапка, по которой ползали какие-то животные, напоминающие не столько моржей, сколько гомункулусов-самцов — крупные головы, лапы вместо рук и гибкие змеиные тела.

Совершенно неожиданно в километрах пятистах от полюса среди белого пейзажа возникла величественная пирамида из темно-красного камня. Атлант велел роботу максимально спуститься вниз, чтобы лучше рассмотреть пирамиду.

— Уважаемый верховный бог Атлант, туда нельзя, там живёт смерть! — закричал вождь, а Уль Тык прикрыла ладошками глаза. — Всех, кто сюда приближается, смерть вначале ослепляет, а потом умертвляет. Так говорят старики, передавая это предупреждение от поколения к поколению!

Видя, что верховный бог его не слушает, и планетолёт спускается всё ниже и ниже, вождь упал на пол и закрыл ладонями глаза. Уль Тык последовала его примеру. Внутри планетолёта замигал мощный ярко-красный свет, зазвучали звуки тревоги.

— Вот и первый памятник, — показал Атлант на оплавленную, словно палочка сургуча, гранитную вершину пирамиды. — Как обстановка с радиацией?

— Пирамида излучает радиацию мощностью от 6 до 10 звертов в час. Вам опасно находиться в этой зоне. И я тоже могу придти в полную негодность, — доложил робот.

Приближаться больше к фонирующей мощной радиацией пирамиде было опасно.

— Возвращаемся на базу. Завтра ты обследуешь всю планету, составишь её подробную карту и укажешь на ней остатки пирамид. Используй для видеосъёмки пирамид беспилотники. Не бойся потерять один-два аппарата, но кинофильм о пирамидах привези, — приказал Атлант роботу.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Руслан и Агидель после возвращения с орбиты искусственного спутника, казалось бы, проголодались и готовы были основательно подкрепиться. Тем более, что робот-повар приготовил им великолепный земной ужин. Но они лишь попросили по стакану чая.

— Я только сегодня осознала, что нет в живых ни моей мамы, ни моего папы... — у Агидель после этих слов голос сорвался. — Ты понимаешь, что для нас не только Земля, но и эта странная экзопланета, вся Галактика, весь мир — пустыня?! Ведь и своих детей мы на Земле не оставим. Вот рожу тебе настоящего сыночка или доченьку, — после этих слов она повеселела. — Я серьёзно говорю, не шучу...

В прихожей кто-то постучал в дверь. Модуль был оборудован электрическим звонком, но им ни Атлант, ни роботы ни разу не воспользовались — иначе туземцы звонили бы и днём, и ночью.

— Что же это такое — у богини воды глаза на мокром месте? — заметил Атлант, присаживаясь в гостиной.

— Ну, надо же кому-нибудь на экзопланете всплакнуть, — попыталась она отшутиться.

— Разве что так, — согласился Атлант, помолчал, собираясь с мыслями, а затем спросил: — Знаете ли вы, что мы находимся на той самой планете Арс, с которой прилетали инопланетяне, помогавшие около восьмисот тысяч лет тому назад обустроить землянам свою планету? Они делились своими знаниями с гиперборейцами, атлантами, шумерами, древними египтянами, индусами, инками... Находились они на более высокой стадии развития, чем нынешнее человечество. Разница между ними и нами была ещё более разительной, чем сегодня между человечеством и туземцами нынешней Арс. Произошла термоядерная война между нашими учителями, древними орионцами, и агрессивными соседями по космосу. Оплавленная гранитная пирамида тут не одна — это величественные памятники не столько разуму, сколько неразумию. Война перекинулась и на Землю, что привело к уничтожению не только цивилизации, но и целых континентов от цунами, высотой в километры. На Земле цивилизация началась с пастухов, спасшихся в горах со своими стадами, а на экзопланете жизнь сохранила лишь предков наших гомункулусов. Арсиане с помощью своих генных архитекторов создали счастливых существ. Но на Земле не стали применять этот опыт, а попытались создать как бы копию своей цивилизации.

— Зачем землянам переселяться на Арс? Солнце будет нашим светилом минимум ещё пять миллиардов лет. Здесь наладилась своя жизнь, гомункулусы довольны и счастливы. Почему мы должны порушить их жизнь, торопиться с переселением? — не успокаивался Руслан.

— Раскрою вам секрет. Мировой Разум решил восстановить на Арсе утраченную цивилизацию. С помощью населения Земли — потомков древних арсиан. С этой целью Институт имени Руслана Руслановича Орлова сейчас всё-таки отбирает кандидатов для первого эшелона из числа тех, у кого чётко выражены арсианские гены. Они есть у всех нас, но значительно мутировавшие. А есть чётко выраженные, которые позволяют

пользоваться телепатией на значительных расстояниях, телепортацией, осваивать огромные массивы информации дистанционно, без посещения учебных заведений.

— Учитель, но это же пахнет фашизмом! — воскликнула Агидель.

— А экономика, созданная исключительно ради прибыли? Планета, доведённая до крайней степени экологического бедствия? Исчезнувшие виды растений и животных? Человечеству угрожает инволюция — со времён Древнего Египта мозг у людей уменьшился на 250 кубических сантиметров! Мировой Разум как раз и задумал этот проект не только для восстановления арс-цивилизации, но и, главным образом, для спасения четвёртой человеческой цивилизации на Земле. Институт Орлова успешно редактирует геном человека на стадии оплодотворённой яйцеклетки, освобождая её от агрессивных генов, фактически уже создаёт новую расу.

— Учитель, я ни сном, ни духом не представляю, что творится в институте, названном моим именем. Мне отведена роль типа доктора Менгеле? — Руслан от волнения встал, заходил, расстроенный, по модулю.

— Ты хочешь, чтобы цивилизация погибла в междоусобной термоядерной войне или под Монбланами собственных отходов, от отравленных рек, озёр и морей? Надо выбирать из многих зол самое безобидное.

— И для этого создать расу каких-то евнухов или нынешних арсиан? Упразднить естественный отбор?

— Никто естественный отбор упразднять не собирается. Олени как бодались за право обладать самкой, так и будут бодаться. Но будет изгнана из человеческого обихода бесчеловечная конкуренция и заменена на гуманное соревнование, когда преимущества получает лучшее, полезное для общества и перспективное. Применительно к людям — кто талантливее, интеллектуальнее, духовнее, добрее, физически совершеннее... Все эти цели, между прочим, поставлены ещё в твоей докторской диссертации. И вот настало время для их реализации. Всё, спокойной ночи, набирайтесь сил, нам пора готовиться к возвращению на Землю.

— Наконец-то! — обрадовалась Агидель. Атлант поднялся, согнувшись, как говорят, в три погибели, и, глядя на неё, укоризненно покачал головой и покинул их.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Утром прибежала Уль Тык. Взволнованная, с огромной серой кошкой на руках. Объяснила, что по легенде кошек привезли с какой-то планеты, они расплодились, жили в лесу вблизи водоёмов, в которых ловили рыбу. Это были единственные животные, которые убивали на Арсе других существ, чтобы жить. Уль Тык ещё рассказала, что с другой планеты привезли и лошадей, они тоже расплодились, но живут, где климат прохладнее и есть бескрайние степи.

— Мрряя дружит с нами, я тебе её дарю, — сказала Уль Тык, вручая Агидель подарок.

— Я не могу принять такой подарок, — решительно заявила Агидель, представив, сколько будет хлопот с санитарно-эпидемиологическими службами Земли. — А я приготовила тебе свой подарок. Возьми сумку, в ней воздушная кукуруза...

— Нет, я ничего у тебя не возьму. В деревнях у наших людей начинается жар, и они умирают. Вождь Тын Дын объяснил, что умирают те, кто принял от гостей какие-либо подарки. Поэтому он велел собрать все ваши подарки и сжечь. Мы все очень расстроены, что так получилось, — сказала Уль Тык и убежала.

Руслан, наблюдавший эту сцену, заметил:

— Несмотря на предосторожности, мы, наверно, чем-то заразили аборигенов. Пока они расстроены, а потом придут убивать нас.

- Но у них нет генов агрессивности.
- Зато есть инстинкт самосохранения. Пойду-ка я к Учителю...

Лабораторные роботы были в распоряжении Руслана, они исследовали состав слизи туземца и нашли в ней вирус гонконгского гриппа H3N2. Это была катастрофа для местного населения, и виновником был он, Руслан, подцепивший вирус в американской тюрьме, но не заболевший им, так как был привит от всех вирусов.

Над лесами вокруг базы поднимались думы бесчисленных погребальных костров. Как и в первый день их окружили туземцы, не особо скрывались за пальмами и укали: «У! У! У!»... Это был явный признак возрождения агрессии.

Достаточного запаса противовирусных лекарств не было. Химических компонентов для их приготовления тоже. Нашлось лишь несколько ящиков лечебных леденцов. Их Адель предложила давать детишкам.

— Пока у местных не выработается иммунитет против гриппа, мы не улетим, — решил Атлант. — Мы должны оставить о себе память спасителей от беды.

Он велел роботам вынести из звездолёта все противовирусные и антиинфекционные препараты, поскольку местные жители умирали, как и люди, от осложнений, вызванных гриппом. Попросил Агидель привлечь к раздаче препаратов Уль Тык, поскольку из её рук туземцы будут их брать. Для начала Агидель вручила ей несколько пачек леденцов, при этом сама взяла в рот леденец, показывая, что это безопасно. Леденец Уль Тык очень понравился, и она отправилась в свою деревню раздавать их больным детишкам. Вскоре она вернулась назад и потребовала леденцов ещё. Тогда Агидель сказала ей, чтобы она привлекла к раздаче своих подруг из других деревень. Она так и сделала, и в течение часа все леденцы были израсходованы.

В это время Атлант и Руслан вели переговоры с вождём Тын Дыном, который винил их в том, что они на его племя наслали порчу. Руслан повёл вождя в лабораторный модуль и попросил его взглянуть через микроскоп на свою слюну. Тот долго не соглашался, тогда Руслан положил под микроскоп каплю своей слюны. Зрелище множества бактерий поразило вождя, и он пожелал посмотреть на свою слюну.

— Мы окружены множеством невидимых глазом существ, которые называются бактериями и вирусами, — пытался втолковать туземцу Руслан. — Бактерии есть полезные, например, они помогают переваривать пищу в наших желудках, а вирусы, как правило, наши враги. Они даже есть в космосе, то есть на Небе. Попадают на планеты и вызывают болезни.

— Ваш корабль сделал дыру в небе, оттуда и посыпались ваши вирусы. А что такое переваривать пищу в наших желудках? Они что, разводят внутри нас огонь? — с недоверием спросил вождь.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Через две недели эпидемия гриппа пошла на спад, выкосив больше половины туземцев. Надо признать, что оставшиеся в живых не очень переживали по этому поводу. Они привыкли к тому, что множество вылупившихся из яиц маленьких гомункулусов не выживает — кокосовое молоко не материнское, как у млекопитающихся, оно грубое, пучит живот и приводит к диарее. Добавки из варёного местного батата также не заменяют материнское молоко. В результате в первые дни погибает девять из десяти новорождённых.

На Арсе оставалась целая армия роботов, подготовленных по разным специальностям. Были среди них геологи и ботаники, строители и инженеры, энергетики, дорожники и агрономы, зоотехники и инженеры по ремонту роботов. Первый звездолёт доставил на экзопланету горы строительных материалов, в разобранном виде гидроэлектростанцию,

бульдозеры и кары на электротяге, планетолёты и массу всевозможного лабораторного оборудования. Роботам предстояло построить жилой массив, в котором должно быть не менее пятисот квартир, мебельную фабрику, гидроэлектростанцию, дороги, разведав для этих целей залежи мергеля, чтобы превратить его в электропечех в цемент, а затем в железобетон. Нужно было разведать поблизости залежи песка — не возить же стекло с Земли, ведь оно в этом случае обойдётся дороже золота. Доступными должны были стать и масличные культуры, а если повезёт, то и нефть. Короче говоря, роботы должны были подготовить нормальные условия для жизни первых переселенцев.

Агидель получила от Атланта задание написать отчёт с женской точки зрения, обратив особое внимание на питание переселенцев, их бытовые условия, медицину и образование, имея в виду предупредительную систему здравоохранения, детские учреждения и учебные заведения. Просил писать с точки зрения идеального состояния всех этих направлений, не жалеть средств и не мелочиться.

— Люди прилетят сюда навсегда, они должны жить тут нормально и даже обрести счастье, — предупредил Учитель.

А Руслану достался расчёт орбиты огромного астероида массой в несколько десятков тысяч тонн, который, по сведениям Галактической службы астероидной безопасности, через несколько месяцев должен врезаться в планету Земля в южной части Тихого океана.

— Поскольку ты математический гений, вот и спаси родную планету, — подчеркнул Атлант.

Речь шла о том, успеют ли они вывезти хотя бы первых переселенцев, или же прилетят на мёртвую планету. Атлант предоставил ему все секретные допуски, необходимые для работы.

Боевой звездолёт службы безопасности уж взял курс на точку встречи с астероидом. В его распоряжении супертермоядерные заряды, которыми он готов бомбардировать астероид, чтобы расчленить его на тысячи мелких осколков. При этом многие из них достигнут поверхности Земли, вызовут множество пожаров и цунами при попадании в океаны. Руслан сразу отмёл такое спасение планеты.

Если бы астероид не кувыркался в космосе, то была бы возможность доставить на него мощные ракеты и попытаться с их помощью изменить орбиту. Но эта работа могла занять до полугода, но астероид может врезаться в Землю уже через месяц. Остаётся только успеть эвакуировать первую партию переселенцев, при условии, что на Земле всё подготовлено к этому. Звездолёт с помощью нуль-пространства через полмесяца может долететь до неё.

Можно было надеяться и на то, что близлежащие космические объекты, особенно чёрные дыры, изменят орбиту астероида. Руслан просчитал предыдущее поведение грозного гостя — его орбита изменялась не раз. Не намного, на несколько градусов, но при громадных космических расстояниях это имело огромное значение. Землю могло спасти отклонение орбиты всего на несколько десятых градуса.

Руслан дни и ночи высчитывал массы близлежащих к астероиду небесных тел, моделировал мощность гравитационных полей, точное расстояние от него до объектов, возможные отклонения орбиты. Это была гигантская работа, компьютер перегревался, едва справляясь с заданиями, и тогда Руслан отключал его, чтобы тот остыл, а сам клал голову на стол, чтобы десяток-другой минут уснуть.

Всё свободное время Агидель проводила возле него — ходила за бутербродами или приносила горячие блюда, варила кофе, если видела, что глаза от бессонницы и перенапряжения, что называется, у него соловели. Аккуратно складывала бумажные ленты расчётов, которые печатал и печатал принтер. Они постоянно требовались Руслану, поскольку он проверял их множество раз. Одна-единственная ошибка могла стать причиной гибели целой планеты.

Когда всё было готово, Руслан появился в модуле Атланта с огромным ворохом бумажных лент.

- Чем порадуешь, математик?
- Астероид пролетит в семистах тысячах километров от Земли, не меньше.
- Так и докладывать Галактической службе безопасности?
- Так и докладывай, Учитель...

Атлант связывался со службой астероидной безопасности, и доложил, что астероид пролетит мимо Земли. Руслан уснул.

- Кто осуществлял расчёты? – поинтересовалась служба.
- Доктор Орлов.

Услышав свою фамилию, Руслан очнулся.

- Он берёт на себя ответственность за последствия?
- Берёт, – прошептал Руслан.
- Берёт, – повторил Атлант и, обернувшись, увидел, что волосы на голове Руслана стали седыми.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Когда звездолёт появился в Солнечной системе, Атлант связался с российской системой космической безопасности и запросил разрешение на посадку в районе Москвы. Дежурный офицер сначала принял звездолёт за астероид, который так напугал всех на Земле, и обрадовался, когда Атлант объяснил, что они возвращаются с планеты Арс в созвездии Ориона. Туда они стартовали с обратной стороны Луны в 2056 году. А астероид по их расчётам пролетит мимо Земли в семистах тысячах километров. Звездолёту требуется площадка с каменистым основанием или песчаная, которую придётся расплавить плазмой двигателей на глубину в несколько метров и охладить её, чтобы она выдержала космический аппарат массой в несколько тысяч тонн.

Сошлись на площадке в выработанном песчаном карьере. Атлант определил его координаты и когда подлетели к нему, то космонавтов поразило количество пожарной техники и мобильных ракетных установок.

Звездолёт завис над карьером, прозондировал состав грунта и пошёл на снижение двигателями вперёд. На высоте несколько десятков метров включилась система обеспечения безопасной посадки.

В иллюминаторы виднелся зелёный луг, далёкий лес, белые многоэтажки за ним, и Агидель не справилась с чувствами, глаза у неё наполнились слезами. Руслан успокаивал любимую, прижав её к себе и поглаживая плечо. «Никуда больше я не уеду отсюда. Ты слышишь – никуда?!» – крикнула ему по телепатической связи.

«А ты погляди на лес! Это пальмы, пальмы, понимаешь, а не берёзки с ёлочками!» – крикнул в ответ Руслан.

– В соответствии с правилами космической безопасности ваш звездолёт 21 день будет находиться в карантине. В это время вас посетят бригады санэпиднадзора, просим предоставить им нормальные условия работы и выполнять все их требования. Если выяснится, что звездолёт представляет биологическую или иную опасность для населения Земли, он будет уничтожен, – прозвучал бесстрастный голос какого-то землянина.

– Просим обеспечить нас связью с организаторами переселения жителей Земли на планету Арс. Мы прилетели за первой партией переселенцев, – сообщил землянину Атлант.

– Ваша заявка принята. В ближайшее время свяжутся с вами, – ответил всё тот же бесстрастный голос, по-видимому, дежурного робота.

— Да-а, родная Отчизна не очень гостеприимно встречает своих блудных детей, — произнесла с горечью в голосе Агидель.

— Таковы общие требования. Но скучать нам не придётся. Нам надо плотно поработать с организаторами переселения, помочь им взять с собой всё, что потребуется. Кроме того, в нашем распоряжении сотни каналов телевидения, электронные базы хранилища информации. Не забывайте: на Земле идёт 2261 год от Рождества Христова — нам надо получить информацию о том, что произошло на планете за два столетия, проанализировать её и подготовиться к общению с новыми землянами. Руслан, нам придётся с тобой дежурить на пункте связи по двенадцать часов. Агидель возьмёт на себя функции нашего пресс-секретаря. Приступайте, а я лягу спать... — сказал Атлант и ушёл в командирский кубрик.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ

Первая прямая телепередача, превратившаяся в пресс-конференцию и диалог с населением Земли, длилась несколько часов. За это время Орловы узнали, какую страшную трагедию пережила планета. Слушая рассказы прорвавшихся в эфир женщин и мужчин, Агидель не стеснялась слёз. Руслан не плакал, хотя глаза не раз наполнялись влагой.

Слушатели обвиняли правительства практически всех существовавших стран в том, что они подготовили своей преступной политикой трагедию Земли. Особенно доставалось крупным государствам.

Погоня за прибылью привела к хищническому разграблению сырьевых богатств, вырубке лесов, к войнам не только за нефть, но и за пресную воду. Планета не могла больше справляться с экологическим давлением людей на природу. Истинно человеческие качества, такие как благородство, честь, достоинство, дружелюбие, сочувствие и участие, были осмеяны хозяевами планеты, захватившими власть на Земле.

Ноосфера не могла больше справляться с негативом, отрицательными эмоциями и мыслями существ, гордо называющими себя гомо сапиенс. И разразилась катастрофа. Она была необходимой, как утверждали многие, очищающей и предупредившей термоядерную войну, к которой неуклонно вели дело правители. Катастрофа привела к колоссальным искупительным жертвам, но в итоге спасла человечество. Вот уже полтора столетия как нормализуется температура на планете, нет признаков тепличного эффекта, на полюсах образуются ледяные шапки, а в горах — мощные ледники. В результате уровень в мировом океане снижается, от воды освобождаются огромные площади бывшей суши.

— Мы прилетели на другую Землю, — сказал Руслан, когда они вышли из эфира. — Той, нашей Земли, больше нет и не будет.

— Ты грустишь по прежней Земле? — спросила Агидель, ещё не отошедшая от напряжения прямого эфира.

— И да, и нет.

— А мне нравится обновлённая Земля. Чувствуется, что люди по-настоящему удовлетворены жизнью. Ру, это новое человечество, говорящее от души, а не для ушей начальства, которое может выбросить тебя на улицу за неосторожное слово. По большому счёту иметь собственное мнение позволялось немногим. Так называемые социологические исследования и выборы, привели к бесконтрольной и безграничной власти чиновничества и ни к чему больше. Ты забыл чудовищное материальное неравенство, когда несколькими десяткам семей принадлежали почти все богатства России?

— У них нет чиновничества, которое всё же необходимо, нет неравенства, что в принципе невозможно? Так что же у них, коммунизм на отдельно взятой планете, что ли?

— Не знаю, как они называют свой строй, но мне нравятся новые люди, — решительно заявила она и добавила: — Между прочим, это наши люди. Других нет.

— Они обвиняют наших современников во всех смертных грехах.

— Ты расслышал хоть одно критическое замечание в свой адрес или в мой?

— Мы им интересны, как были бы нам интересны, скажем, люди эпохи Петра Первого. Мы вдобавок свалились им на голову из космоса. Если немного преувеличить, то они к нам будут относиться как к мамонтам.

— Откуда такой пессимизм? Тебе явно надо хорошенько выспаться. Иди спать, а я тебя заменю, — она подошла к нему вплотную.

Он освободил кресло, но уснуть в жилом кубрике не смог. Его потрясли рассказы о катастрофе на Земле. Он предвидел это в более мягком варианте, когда делал доклад на конференции в Лондоне. Приукрашивал действительность? Разве не были в его распоряжении сведения о грозящей катастрофе? Но кто бы ему поверил, что больше половины населения погибнет? Да его бы растерзали за такое предсказание! Ты же конкретно говорил американцам о небывалом землетрясении, а они? Упивались исключительностью своей нации и страны. А ведь могли эвакуировать население южных штатов, могли ускорить строительство системы закачки воды прямо в недра Йеллоустона и создать кучу тепловых электростанций, работающих на паре из недр вулкана.

Поразила его и Агидель своим приятием изменений, произошедших на планете. Женщины чувствительнее и практичнее мужчин, вот и она вспомнила свои земные впечатления, и они совпали с оценкой нынешнего населения. Её взгляды оказались куда реалистичнее и правдивей.

Он не заметил перехода своего сознания из яви в сон. Перед ним стояла женщина в свободном ниспадающем платье из тончайшего материала. Руслан посмотрел ей в лицо. Это была его мать.

— Здравствуй, мама! — воскликнул он.

— Это моя душа, сынок, и перед тобой голограмма. Поэтому у нас невозможны обнимашки. Как я понимаю, с тобой твоя Агидель. Как я жалею о том, что лишена счастья любить твою жену как свою родную дочь. Не смогу вашему первенцу рассказывать на ночь прекрасные сказки. Как могла, я помогала твоему клону, оставшемуся на Земле. Любила его как родного, но самый родной это ты, сынок. Переживала за тебя, когда ты попал в американскую тюрьму, помогла тебе бежать оттуда. Ведь здание ФБР было разрушено, погиб даже директор бюро. Мог и ты остаться под обломками, тогда Атлант и я послали тебе на выручку Агидель — внушили ей мысль о том, что она должна спасти тебя. Спасибо ей за это.

— Береги её, сынок, — говорила мать, стоя перед его постелью. — Вы на всём белом свете одни такие. Жить вам долго и счастливо. Твой Учитель отчитался перед иерархами Мирового Разума, проделанная работа одобрена ими. Атлант не вернётся на Землю, его направили в качестве командующего отрядом звездолётов в созвездие Гончих Псов прекратить войну между двумя мирами. Теперь ты будешь сам Учителем — жди вызова иерархов. Твоя работа по расчётам орбиты астероида понравилась им. Я буду по-прежнему невидимо помогать тебе и твоей жене.

Дверь кубрика открылась, голограмма мгновенно исчезла.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Вошла Агидель, спросила тихо:

— Ты спишь?

— Нет.

— Пожалуйста, подойди к центральному пульту, там руководитель переселенцев просит поговорить с тобой.

На экране визора было молодое лицо с мудрыми голубыми глазами мужчины лет сорока. Не успел Руслан сесть на командирское кресло, как прозвучало приветствие:

— Уважаемый Руслан Русланович, здравствуйте! С вами на связи Александр Гаврилович Гавриленко, руководитель экспедиции переселенцев. Мы рады приветствовать вас на родной Земле...

Пока Гавриленко говорил положенные в такой ситуации слова, Руслан побывал в информационной системе Галактики, и узнал основные моменты его биографии: доктор биологических и математических наук, заведующий отделом переселения землян на другие планеты института имени Орлова, лауреат Союза народов Земли. Жена — доктор космологии, двое детей: сын выпускник биологического факультета Московского государственного университета, дочь учится на филфаке.

— Очень жаль, Руслан Русланович, что звездолёт на карантине, но мы надеемся, что карантин пройдёт быстро и не помешает нашему общению с вами. Ведь мы практически ничего не знаем о планете Арс.

— Это поправимо. У нас есть несколько фильмов с подробными деталями, мы их выложим на своём сайте, где вы их и можете найти. Очень важно всем переселенцам, не считая маленьких детей, посмотреть их. Потом мы с Агиделью Николаевной проведём встречу с переселенцами и ответим на все их вопросы. У вас нет возражений?

— Какие могут быть возражения, Руслан Русланович!

— А теперь разрешите мне задать вам, извините, целую кучу вопросов. Ведь мы не были на Земле двести лет, сведения общего порядка почерпнём из архивов и СМИ. Но нам хотелось бы узнать побольше о том, например, какое вы общество намерены создать на Арсе? Расскажите, пожалуйста, подробно.

— Мы решили использовать опыт общественного устройства на Земле. В перспективе создадим Союз народов Арса, но для этого придётся населить планету этими народами. За основу возьмём Конституцию Земли. Наша цель — создать на планете гармоничное общество. На Земле оно практически построено. Мы хорошо усвоили уроки катастрофы, не стали ни создавать, ни возрождать государства, а создали единый Союз народов. У нас даже были войны против Союза — так глубоко, чуть ли не с племенных времён, вьелось понятие о суверенитете. У нас нет границ, есть полиция, но у неё нет оружия. А на Арсе и полиции не будет. На Земле есть союзная гвардия, она вооружена, но за все годы существования Союза не было ни одного случая применения оружия. На Арсе и гвардии не будет. На Земле есть войска космической обороны, мы на всякий случай захватим с собой несколько ракет с ядерными боеголовками и системы противовоздушной обороны.

— Думаю, что это лишнее. Арс защищает Галактическая система космической безопасности — у звездолёта есть прекрасная связь с ними. Надо поддерживать регулярные контакты с системой, и этого будет достаточно. Нападения из космоса на вас она не допустит.

— Спасибо за совет. Вы знаете, что в первую экспедицию полетят те, у кого ярко выражены орионские гены. Замысел состоит в том, что планируется обустроить не только запасную планету для землян, но и возродить на ней орионскую цивилизацию. Ведь первые орионцы, как вы писали в одной из своих работ, прибыли на Землю около восьмисот тысяч лет назад, передавали свои знания и технологии гиперборейцам, атлантам, народам, которые жили на территории Индии. Эти цивилизации погибли при падении астероида на планету. Потом вторая волна орионцев застала около двухсот тысяч лет назад человекообразные существа в ужасном состоянии. Орионцы активно занялись генной инженерией, редактированием генов, формируя из пралюдей рабов,

способных работать на шахтах, добывая редкоземельные элементы, необходимые при постройке звездолётов и изготовлении ядерного вооружения. Орионская цивилизация на Арсе погибла в термоядерной войне с соседями. Четвёртая по счёту, человеческая цивилизация возникла после так называемого всемирного потопа примерно шестьдесят тысяч лет тому назад. Извините, Руслан Русланович, за прописные истины, но я вкратце изложил историю нашей планеты, которой придерживается большинство наших учёных.

— Спасибо за лекцию, Александр Гаврилович, но какой идеологии вы будете придерживаться? Учите, местное население не обладает религией и не понимает, зачем ему нужны боги. Нам и без них хорошо, говорят они.

— О, это не простой вопрос! Нам пришлось по вашему методу осуществить редактирование генов, устранить на стадии оплодотворённой яйцеклетки практически все наклонности, которые приводят человека к восьми смертным грехам.

— Вы создали цивилизацию евнухов?! — закричал Руслан, перепугав своим криком Агидель, которая просматривала прессу времён их отлёта с Земли. — Из людей создали овощи! На Арсе тоже есть цивилизация не чувствующих ничего и не испытывающих даже боли рептилоидов! Вы, Александр Гаврилович, из модернизированных гомо или из гомо, созданных Богом по образу и подобию своему?

— Из модернизированных. Напрасно вы расстраиваетесь, уважаемый Руслан Русланович. Когда после катастрофы стали возрождать жизнь на развалинах планеты, то пришли к выводу, что гомо сапиенс отнюдь не человек разумный. Решили изъять из генома человека все цепочки, доставшиеся нам в качестве подарка эволюции или космических генных инженеров, которые для вынашивания яйцеклеток использовали тела крупных млекопитающихся. Нам пришлось дотягивать человеческих детёнышей до уровня человека разумного. Таким образом, мы создали пятую человеческую цивилизацию. У нас иное мировоззрение и мироощущение. Мы создали общество людей, рядом с которыми хорошо жить. Взяли всё лучшее, что было в четвёртой цивилизации.

Мои дети — четвёртое поколение, как вы называете, модернизированных гомо. Они абсолютно нормальны, правда, сын не играл в детстве в войну. С эмоциями полный порядок, влюбился в девушку, настоял, чтобы её взяли в первую экспедицию. Дочь тоже нормальна. Когда вы придёте в Институт Орлова, то мы вам покажем искусственно выращенные цепочки генов, которыми можно чинить просчёты природы.

— Но я ничего не услышал об идеологии. Или у вас нет её?

— Почему же? У нас развился целый букет философских систем, разрабатывающих различные аспекты гармонии. Мы отказались от диалектики, она порождает кризисы, а у нас бескризисное общество. Популярны работы вашего знакомого академика Немькина по асимметрии. Развита математика гармонии, наши компьютеры работают на основе чисел Фибоначчи, поэтому у нас нет компьютерных вирусов. Наши учебные заведения не преподают дисциплины в вашем понимании. Семилетнему малышу закладывают курс арифметики, и он на уроках учится её применять. Главное внимание уделяется воспитанию гармоничной нравственности. Потом малыш осваивает алгебру, геометрию, тригонометрию и высшую математику — примерно к десяти годам. Попутно получает сведения из естественных наук и в двенадцать лет переходит учиться в высшее учебное заведение. По окончании вуза — два года производственной практики или аспирантуры, и общество получает полноценного работника и специалиста.

— А как у вас, точнее сказать, у нас, работает народное хозяйство? Я не употребляю термин экономика, потому что в переводе с греческого это означает управление хозяйством. Поэтому народное хозяйство и экономика не тождественные понятия.

— И мы такого же мнения. По конституции наше общество социальное. Создание предприятий ради прибыли запрещено законом...

В этом месте Агидель встала и приветствовала слова Гавриленко аплодисментами.

— Спасибо, Агидель Николаевна, — сказал Гавриленко, поклонился ей и продолжил свой рассказ. — У нас различные формы собственности, от частной до казённой. Все предприятия работают ради пользы общества и эффективности производства. Нет богатых и нет бедных. В соответствии с так называемым китайским законом владелец частного бизнеса не может быть богаче самого бедного своего работника. Менеджеры высшего уровня казённых предприятий и объединений могут получать зарплату только в три раза большую, чем самый низкооплачиваемый их работник. Вся прибыль от хозяйственной деятельности поступает в казну, за счёт которой содержится строительство домов и общественных зданий, дорог и новых предприятий, детские учреждения, образование, медицина, санатории и лечебницы, физкультура, а также пенсионеры. Мы не говорим, что работающие кормят пенсионеров. Размер пенсии семьдесят пять процентов от средней зарплаты по региону. У нас очень развит общественный контроль, в нём огромную роль играют пенсионеры.

Особое внимание — талантливым учёным и деятелям искусства, управленцам и деятелям союзного уровня. Нет шоу ради шоу, нет так называемых звёзд, которые бы отвлекали внимание населения от злободневных проблем жизни. Пропаганда уголовной жизни запрещена законом. Талантливый организатор производства или учёный может получить десятую часть сверхдохода от внедрения его идеи. Талантливый автор произведений литературы или искусства также может разбогатеть за счёт реализации своих творений. Кроме того, существуют союзные и региональные премии, которыми награждаются выдающиеся люди.

После катастрофы чиновничество пыталось захватить всю власть на планете. Но произошла антибюрократическая революция, поставившая чиновников на службу народам и максимально сократившая их число. Основную нагрузку по управлению всеми делами по городу или сельским поселением несут общественники, а не чиновники, у которых разрешительных функций вообще нет. Общественники отчитываются перед населением и переизбираются ими. Судьи у нас также избираются, а не назначаются. Нас можно назвать парламентской планетой, поскольку существуют муниципальный уровень парламентаризма, региональный и союзный. Голосование прямое и тайное, обязательное для всех, неучастие в выборах порицается и наказывается лишением части гражданских прав на определённый срок.

На союзном уровне существуют отраслевые и проблемные комиссии, возглавляемые комиссарами, которые утверждаются союзным парламентом. Президента или, как говорил поэт, председателя земного шара, нет. Зато есть общественные комиссии, зорко следящие за деятельностью парламентов, отраслевых и проблемных комиссий.

— Я знаком с составом вашей экспедиции. Около пятисот мужчин и женщин и дети. Мне трудно представить, как вы сможете сделать слепок земной цивилизации на Арсе. То, что вы рассказали, впечатляет, но как всё это перенести на Арс, не понимаю. Мне кажется, что вы чиновную, профессиональную бюрократию заменили бюрократией общественной, непрофессиональной. Вам не хватит людей для занятия должностей общественников, комиссаров, членов комиссий, депутатов и так далее. С прибытием каждого звездолёта вам придётся перетряхивать весь кадровый состав. А работать когда?

— Руслан Русланович, когда вы придёте к нам в гости, познакомитесь с переселенцами, у вас неясностей станет гораздо меньше. Мы возьмём с собой тысячу роботов последних моделей. Приглашаем вас и Агидель Николаевну к нам, вы станете для нас с самыми дорогими и желанными гостями.

— Спасибо огромное, мы сами ждём — не дождёмся того момента, когда встретимся с вами. Конец связи.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Руслан и Агидель всё свободное время посвящали обсуждению новых порядков на Земле. Руслан считал, что они прилетели на совершенно новую планету, и пребывал постоянно, что называется, не в духе. Агидель считала реформы на родной планете правильными, поскольку она по своему опыту знала, что собой представляла так называемая элита. Эта элита ввергла страну в многолетний застой, а выдавала микроэкономические достижения, которые были меньше допустимой статистической ошибки, за огромный прорыв.

— Ты не видел и не знал жизни, — говорила она. — Находился в коконе сугубо научных проблем. Тебя ценили и уважали, не создавали проблем на ровном месте, на что были очень способны чиновники. При Ельцине состоялась не демократическая, а бюрократическая революция. Чиновничество чем управляло, то и приватизировало, поделилось лишь с уголовниками, которые навязали стране жизнь по воровским понятиям. Так что катастрофа оказалась на практике очистительной.

— Пойми: только ты да я, да ещё наш ребёнок будут обладать неотредактированным геномом. Мы для них, всё равно, повторяю, что для нас мамонты. Мы не сможем привыкнуть к их порядкам, будем чувствовать себя чужаками, — с грустью отмечал он.

— Почему не сможем привыкнуть? Человек такое существо, которое привыкает ко всему.

— Особенно женщины. У вас повышенная адаптивность. На протяжении многих веков родители отдавали дочерей в другие семьи, и они привыкали к новым условиям. Стоило переставить мебель в квартире, и вы радовались так, словно приобрели новый гарнитур. Желание новизны — это также свойство адаптивности.

— А я с удовольствием буду привыкать к реалиям пятого человечества. И помнить буду, что это ты в своих работах предсказал его особенности. Автор ужаснулся при виде результатов своих предвидений? — Агидель не щадила самолюбие Руслана.

— Поневоле приходит мысль: а не вернуться ли на Арс? Этим же звездолётом?

— В общество роботов, которые представляют собой пятую цивилизацию? Гавриленко со своими переселенцами всё равно перепрограммируют их. Да и создаст общество, которое будет копировать земное. Разве что тебе улететь на какую-нибудь тёмную планету...

— Дель, я не знал, что ты приверженица социализма.

— Не социализма, дорогой Ру, а социальной справедливости. Когда я училась, в МГУ среди студентов не котировался либерализм. Мы на лекции профессоров либерального толка даже не ходили, особенно профессоров из Высшей школы экономики. И я рада, что наши мечтания реализовали наши потомки.

— Мечтать не вредно. Тебе, как филологу, надо составить словарь арского языка. Скажем, арско-русский, арско-английский, арско-испанский... Снимем информацию с твоего серого вещества информкопиром, передадим Гавриленко, пусть он размножает, устраивает курсы.

— А копир мне причёску не испортит?

— Если боишься, то давай задействуем моё серое вещество.

— Согласна. Может, и минорное настроение у тебя пропадёт.

Они пошли к пульта суперкомпьютера. Руслан надел на голову шлем, лёг в специальное кресло и сказал жене:

— Записывай.

Агидель села за пульт, вошла в сознание Руслана и скопировала все файлы с арским языком. Не успел он снять шлем как поступил вызов с планеты Рай.

— Вам надлежит немедленно прибыть на заседание иерархов Высшего Галактического Разума. Планетолёт находится на высоте пяти километров в вашем районе, он доставит вас на маршевый звездолёт. На космодроме вас встретят, — прозвучал незнакомый, безапелляционный голос.

«Началось», — подумал он, попрошался с женой и через один из аварийных люков взмыл в воздух. Он ещё снизу увидел висящую над звездолётом летающую тарелку и подлетел к ней. Нашёл открытый люк и влетел в планетолёт. Один из роботов в качестве приветствия поднял руку, и планетолёт взял курс на звездолёт, похожий с дальнего расстояния на яркую дневную звезду.

На космодроме его встретил молодой человек. Руслан не успел понять, он живой или это робот, как его усадили в капсулу с прозрачным верхом, и привезли в открытое здание, напоминающее чем-то римский Колизей. Внизу, на арене полукругом сидели в серебристых одеяниях десятки иерархов Галактики. Большинство из них было антропологического типа, но встречались и лица, напоминающие героев приключенческих кинофильмов. Были здесь и представители рептилоидных рас.

Один из иерархов выехал из полукруга коллег и провозгласил:

— Руслан Русланович Орлов с планеты Земля представляется на присвоение ему звания Учитель. Если есть вопросы у иерархов Галактики, прошу задавать их. Нет вопросов? Отныне вы космический Учитель с чрезвычайными полномочиями. Вам от имени Мирового Разума поручается организовать переселение землян на планету Арс. К сожалению, к звезде Солнце приближается огромная чёрная дыра, и вы должны в течение нескольких десятилетий покинуть Землю вместе с населением, переправив на Арс образцы растений и животных. Вам надлежит стать современным Ноем. Конкретные задачи вам будут поставлены исполнительным комитетом Мирового Разума. Поздравляем вас и желаем успеха!

Иерарх, лица которого Руслан запомнить не смог, вернулся в круг коллег. Руслана взял под руку молодой человек, и они полетели над райскими садами к хрустальному небоскрёбу, в котором, как он догадался, находился исполнительный комитет.

Там Руслану вставили в кисть специальный чип, затем уложили в ложемент, и началась закачка новой информации. Ложемент как челнок сновал по этажам, оставившаяся на минуту-другую перед мощными суперкомпьютерами. Каждый из них был снабжён надписями, в том числе на земных языках: «Если у вас заболела голова, нажмите на ложементе красную кнопку «Stop!». Руслан решил: пусть у меня голова взорвётся от информации, но нажимать кнопку не стану. Он добрался до самого верха, выбрался из ложемента и пошёл искать лифт. Впечатление было такое, что он уже здесь раньше бывал — вероятно, полученная информация давала о себе знать. Спустился вниз, перед крыльцом стояла знакомая капсула. Он сел в неё и полетел на космодром к звездолёту.

В звездолёте Руслан попытался разобраться с полученной информацией. Это были планы эвакуации землян, чертежи гигантских звездолётов вместимостью до ста тысяч переселенцев каждый, справочные адреса кураторов переселения и огромное количество всевозможной информации. «Они даже не спросили, согласен ли я становиться космическим Учителем!» — возмутился Руслан, когда окончательно пришёл в себя.

Агидель потрясли слова Руслана о предстоящей гибели Солнечной системы. Она не была в сознании вечной, но превращение Солнца в красного гиганта планировалось через миллиарды лет, а до поглощения его чёрной дырой остались жалкие десятки лет. И человечество ждёт судьба космического скитальца. На Арсе оно вряд ли останется, будет осваивать близлежащие подходящие планеты. И Агидель с Русланом станут вечными космическими бродягами.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Им предстояла встреча с руководителем союзного парламента Чжан Сянь-чжун и главой планетарного правительства Джоном Кирбли. Руслан должен был представиться в качестве представителя Галактического совета иерархов с особыми полномочиями, на которого была возложена ответственность за обеспечение эвакуации землян.

Руслан связался с кураторами, получил разрешение на разглашение тайны будущего. Попросил в качестве образца прислать звездолёт вместимостью хотя бы на пятьдесят тысяч человек — ведь на Земле нет специалистов по строительству таких гигантов, а готовить кадры лучше всего на примере конкретного изделия. И прислать несколько комплексных бригад роботов, работающих над изготовлением таких звездолётов. Кураторы обещали довести до сведения просьбу Земли до Галактического совета.

Штаб-квартира планетарного парламента находилась в Альпах. Руслан и Агидель могли самостоятельно туда телепортироваться, но по этикету требовалось воспользоваться планетолётом. Они отменили торжественную встречу, сославшись на то, что их визит носит сугубо деловой характер.

Но принимающая сторона перед входом в громаду здания парламента организовала старинный духовой оркестр, который начал встречным маршем, а затем полностью исполнил гимн России. Руслан и Агидель при звуках гимна остановились, прижали ладони к груди там, где сердце, и население планеты увидело, как глаза их повлажнели.

Их повели по мраморной лестнице с красной ковровой дорожкой, напомнившей им дополётные времена, на второй этаж, где располагался круглый зал для приёма особо почётных гостей. В центре зала стоял круглый стол, а на стенах в два ряда висели портреты этих гостей.

Зал был забит телерепортёрами, которые вели прямые передачи на экраны своих телекомпаний.

— Мы рады приветствовать от имени народов планеты Земля наших дорогих земляков, вернувшихся на Родину с длительного и очень важного для нас космического путешествия, — начал говорить Чжан Сянь-чжун, небольшого роста китаец с огромным лбом и добрыми, приветливыми глазами. — Двести с лишним лет тому назад Руслан Русланович Орлов и Агидель Николаевна Орлова отправились на неизведанную экзопланету Арс в созвездии Ориона, о которой мы сегодня знаем много из их кинофильмов. И вернулись домой такими же молодыми и красивыми! Союзный парламента решил наградить наших путешественников званием Героя союза народов Земли. Награды вручает премьер союзного правительства Джон Кирбли.

Первой, как и положено даме, большую бриллиантовую звезду на голубой муаровой ленте Джон вручил Агидели.

— Мы много слышали о вашей красоте. Но то, что видим сегодня... Нас потрясает ваше совершенство, — негромко произнёс премьер, надевая ленту со звездой и вручая огромный букет орхидей.

— Спасибо, мистер Кирбли, за награду и комплимент, — ответила Агидель с ослепительной улыбкой, а Руслану передала телепатически: — «Орхидеи с острова Таджа! Хочу побывать на его острове!»

— «Обязательно посетим остров!» — ответил ей Руслан, принимая награду. Затем он обратился к собравшимся:

— Разрешите представиться вам в качестве необычайного представителя Галактического совета иерархов Высшего Разума. К несчастью, я должен сообщить, что через восемьдесят лет Солнце будет поглощено движущейся к нему чёрной дырой. Соответственно исчезнет Солнечная система, в том числе, Земля.

— Извините, товарищ Орлов, но какие доказательства существуют, что исчезнет Солнечная система? Нас недавно пугали астероидом, но он пролетел мимо. Не случится ли так, что и чёрная дыра тоже пролетит мимо? — спросил спикер.

— Астероид Галактическая система космической безопасности намеревалась взорвать термоядом. В этом случае на Землю посыпались бы миллионы мелких астероидов. Какие-то сгорели бы в атмосфере, связывая кислород планеты, но многие столкнулись бы с планетой, вызывая на ней пожары и огромные цунами. Руслан Русланович несколько недель высчитывал на суперкомпьютере звездолёта точную орбиту астероида и взял на себя ответственность за то, что тот пролетит мимо Земли, — сказала Агидель дрожащим голосом, подошла к мужу и поцеловала его седую шевелюру.

— Мы знаем об этом, — сказал премьер, встал и низко поклонился Руслану со словами благодарности.

— А доказательства вот здесь. В наши времена такие накопители назывались флешками, — сказал Руслан и положил на стол солидный кейс. — Здесь триллионы петабайт информации. Начиная от расчётов орбиты чёрной дыры до отправления последнего звездолёта с Земли. Включая проекты организационных документов органов управления планеты, графики постройки звездолётов огромной вместимости — до ста тысяч человек, чертежи и технологии их изготовления. Предстоит гигантская работа по эвакуации предприятий и научных учреждений, современной техники, флоры и фауны планеты.

— Это рекомендация Мирового Разума? — спросил спикер.

— Да, это разработки его исполнительного органа. Мы передаём его вам, — Руслан подвинул кейс на середину стола. — Надеюсь, у вас есть суперкомпьютеры, способные извлекать отсюда информацию? У меня в голове есть файловые адреса. Вообще нам для работы надо иметь доступ к самому мощному суперкомпьютеру, поскольку наш звездолёт в ближайшее время покинет Землю.

— Извините, а насколько процентов задействован ваш мозг? — не стесняясь, задал вопрос премьер. — Мы помним ваши работы по разблокировке человеческого мозга.

— Простите, мистер Кирбли, но я не знаю. Может, процентов на восемьдесят, а может, и на все сто процентов. Я давно не занимаюсь этой проблемой. Наша главная задача — помогать землянам успешно справиться с подготовкой к переселению. Я попросил Галактический совет выделить нам для наглядного пособия звездолёт хотя бы на пятьдесят тысяч человек и прислать нам несколько комплексных бригад роботостроителей звездолётов. А для контроля нам нужно помещение с пультом выхода на суперкомпьютер с нашей флешкой, который должен быть постоянно включённым. Просим не забывать, что в космосе у нас есть враги и хакеры. Поэтому следует обеспечивать соответствующий уровень секретности.

— Вместо меня на планету должен был прибыть Космический Учитель с позывным Атлант — он на самом деле выходец из Атлантиды, но его направили во главе эскадры боевых звездолётов прекратить межпланетную войну в созвездии Гончих Псов, — сообщил далее Руслан.

— Мы выделили вам дворец в родном для вас Подмосковье. Отсюда вы отправитесь прямо туда. Если будут какие-то пожелания, дайте знать товарищу Кирбли, — сказал спикер.

— Беспокоит реакция населения на нашу информацию. Стоит ли сейчас объявлять о грядущей катастрофе или нужно делать это постепенно, чтобы не вызвать паники? Одно ясно: надо сейчас же приступить к подготовке. Например, прекратить строительство нового жилья. Зачем его строить, если оно погибнет? Нужно перепрофилировать мощности для возведения инфраструктуры гигантских космодромов и заводов по изготовлению звездолётов. Извлекайте проекты из флешки и стройте. Насколько

я помню, заводы надо построить в Китае, Индии, России, Африке, Европе, на Ближнем Востоке, в обеих Америках, Австралии и Антарктиде.

— Мы только-только устранили последствия катастрофы, мы же потеряли более четырёх миллиардов человек! Стали жить нормально, и вот новая беда, как говорят русские, стучится в ворота. Сейчас увеличиваются ледяные шапки на северном и южном полюсах, зарождаются ледники в горах и океан постепенно отступает, освобождая сушу. Мы нашли применение стеклянным шарикам в Америке, строим дома из стеклобетона, освобождаем тем самым жизненное пространство. Может, всё-таки ошибка в расчётах, и Галактический совет перестраховывается? — с горечью и надеждой спросил Чжан Сянь-чжун.

— Дорогой товарищ Чжан, нам тоже больно от чудовищных потерь и очень хотелось бы, чтобы на родной планете жили счастливые люди в полной гармонии с самими собой и окружающим миром. Единственное, что я могу обещать — это тщательнейшим образом следить за орбитой чёрной дыры. Для этого я попрошу исполком Галактического совета дать поручение соответствующим службам и информировать меня о результатах всех наблюдений. Но на Бога надейся, а сам не плошай!

Они ещё долго обсуждали проблемы срочной эвакуации всей жизни с Земли. Гости рассказывали о планете Арс, сожалея о том, что земляне вытеснят арсиан и что арсианская цивилизация не выдержит конкуренции с пятой человеческой цивилизацией. По всей вероятности, арсиан придётся спасать в резервациях.

— Мы вручаем вам ключи от мраморного дворца, который принадлежал члену так называемой семьи президента страны во времена разграбления России. Это резиденция нашего правительства, оснащённая всеми видами связи, в том числе пультом выхода на главный суперкомпьютер. К вашим услугам команда помощников-роботов, которые способны справиться практически с любым вашим поручением. Разумеется, вам положен отпуск и заработная плата, а также командировочные за двести с лишним лет. Из отпуска, который может продлиться около пятнадцати лет, извините, мы вас отзываем, а заработную плату просим принять, — премьер вручил Руслану и Агиделе по магнитной карточке от дверей дворца и по золотой кредитной карточке.

— Имейте в виду, что у нас не доллары, юани или рубли. Денежная единица — кредит, а сотая доля называется мини-кредит. Наша валюта самая стабильная в мире, так как других валют у нас нет, — сказал не без юмора спикер на прощанье.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Планетолёт бесшумно опустился на мраморный пятачок в окружении пальм. Гостей встречал высокий стройный мужчина в смокинге и с бабочкой и несколько девушек в национальных нарядах с хлебом-солью. Агидель первой отщипнула кусочек от пышного каравая и макнула его в солонку. Руслан последовал её примеру и вопросительно посмотрел на мужчину.

— Мы приветствуем вас на родной российской земле, дорогие и уважаемые наши земляки Агидель Николаевна и Руслан Русланович. Просим пройти к дому, который отныне ваш.

Оркестра не было, зато два стройных робота в вычурной старинной форме с киверами и шашками наголо стали рубить строевой шаг по красной дорожке к дворцу.

Помпезный дворец из мрамора стоял на крутом берегу роскошного озера. Он имел крышу в виде синего купола со скульптурой греческого бога торговли Гермеса и четырёх резных башенок по углам. Перед домом был разбит огромный цветник

с позолоченной чашей фонтана. Подсветка струй была устроена так, что в воздухе они окрашивались во все цвета радуги.

Непосредственно перед гигантской резной входной дверью стоял почётный караул. Начальник караула начал доклад, но Руслан резко оборвал его:

— Требую, чтобы подобное представление мы видели в последний раз. Снимите кивера и аксельбанты, переоденьте часовых в обыкновенную и удобную полевую форму.

И прошёл с Агиделью к двери. Они оставались запертыми, поскольку встречавший мужчина растерялся, когда Руслан сделал выговор начальнику караула. Исправляя свою ошибку, он подбежал к гостям, попросил их поочерёдно поднести раскрытые ладони к золотой пластине, сделал какую-то манипуляцию с другой металлической пластиной, и двери медленно отворились.

— Теперь, чтобы двери срабатывали, вам надлежит прикладывать правую ладонь к золотой пластине, — объяснил мужчина.

— Кто вы? Будьте добры, представьтесь, пожалуйста, — потребовал Руслан.

— Разрешите представиться: управляющий дворцом Тит Титыч, — отчеканил мужчина.

По голосу и форме представления они поняли, что перед ними робот.

— Ведите и показывайте хозяйство, — Руслан был раздражён неуместным торжественным приёмом и поэтому был краток.

— Мы на первом этаже дворца, — докладывал Тит Титыч. — Слева белая лестница эскалатора и справа. Эскалаторы автоматические, начинают поднимать вверх, если стать на ленту внизу, и вниз, если стать наверху. Пол первого этажа выложен очень дорогим паркетом. По решению российского парламента слева перед эскалатором выложен цветным паркетом портрет первого владельца дворца, члена так называемой президентской семьи времён разграбления России. Справа — портрет друга другого президента, который приобрёл дворец и прославился тем, что имел самую большую зарплату чиновника — два с половиной миллиона рублей в день тогда, когда средняя пенсия была пятнадцать тысяч рублей в месяц.

— Тем самым, проходя к эскалаторам, мы вытираем о дельцов ноги? — спросила Агидель, которая знала второго персонажа лично.

— Совершенно верно, — согласился управляющий. — На первом этаже располагаются столовая, кабинеты ваших помощников, караульное помещение, различные подсобки. Эскалаторы ведут на балюстраду второго этажа, где находятся ваши покои, рабочие кабинеты и гостинные помещения. Как видите, балюстраду окружают статуи двенадцати основных греческих богов. Над нами купол из специального синего стекла, который днём пропускает солнечный свет, а ночью имитирует в любую погоду точную копию звёздного неба. Думается, что вам, знаменитым космонавтам, это придётся по душе.

На стенах первого и второго этажей собрание живописи знаменитых мастеров. Большая просьба: не притрагиваться к ним, поскольку они находятся под охраной. Нечаянно коснётесь рамы — и прозвучит тревога. Поднимемся, пожалуйста, на второй этаж...

Агидель в восхищение пришла от спальни — огромное помещение с зеркалами, шкапами, украшенные разными безделушками, плазменным экраном на всю стену. А главное — с огромной королевской кроватью, на которую бы она, не будь здесь Тит Титыча, бросилась бы сразу и прыгала на ней, как девчонка, на батуте.

Перешли в столовую. С огромным овальным столом человек на двадцать, с красивыми цветами в деревянных кадках и баром, с заполненными напитками шкафами, огромным холодильником. Бар, как объяснил Тит Титыч, подарил союзное правительство.

— Бутылок столько, что и спиться можно, — проворчал Руслан.

— Скажите, Титыч, а как заказывать блюда, как рассчитываться? — Агидель называла управляющего уже по-свойски по отчеству и задала вопросы сугубо практические.

— Персональные блюда можно заказывать на следующий день. Кроме того, есть общее меню, оно всегда на столе, — Тит Титыч показал на несколько золочёных папок, сложенных стопкой. — А рассчитываться кредитными карточками. Их вам выдали?

— Есть такие, спасибо. А нельзя ли сейчас перекусить? Мы с дороги, проголодались... — Агидель входила в роль хозяйки.

— Почему же нельзя? Нажимаем эту кнопку официантке и ждём, — объяснил Тит Титыч.

Через минуту появилась официантка, одна из тех девушек, которые вручали хлеб-соль, представилась Катей и спросила, что они желают.

— Знаете, что, — начал Руслан мечтательно, — я бы съел? Нашу селёдочку да с картошечкой, можно даже в мундире, сам очишу. И борщ с московским чёрным хлебом. А на второе какой-нибудь кусок мяса.

— А вы? — обратилась официантка к Агидель.

— Катюша, а мне овощной салат, но обязательно с солёным огурчиком. Борщ тоже с чёрным хлебом и сырники со сметаной.

— Если не возражаете, я принесу фрукты, а сейчас открою бутылку столовой минеральной воды, — Катя подошла к холодильнику, достала две бутылки минеральной воды, вытерла их салфеткой, взяла в баре два бокала и поставила всё это на стол. — А пить что будете? Компот, кофе, чай, цикорий с молоком? Сегодня должны были подвезти кумыс...

— Катенька! — воскликнул Руслан. — А сто граммов водки к селёдочке? Я же её не пил ровно двести четыре года, поэтому и забыл!

— Сто или двести? — уточнила она, улыбаясь, у Агидели.

— Сто. Мне нельзя. Разве что в честь приезда бокал сухого-пресухого вина. И по чаю. Мы любим чаёвничать...

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

После обеда Агидель предложила прогуляться по парку, но Руслан сказал, что ему срочно надо связаться с исполкомом Галактического совета и доложить о результатах переговоров с руководителями землян. Прогулку отложили на вечер, и Руслан пошёл осваивать свой кабинет. Поражали его размеры, картины на стенах, гигантский письменный стол с пультом управления суперкомпьютером, рядом с кабинетом была библиотека с десятками тысяч томов на различных языках, с фонотекой, хранилищем информации на электронных носителях. Была и комната отдыха с баром и обеденным столом на восемь человек.

Руслан сел за рабочее кресло, оно немного пожужжало и приняло форму его тела. «Автоматический ложемент, такого ещё нет и на звездолётах», — отметил он.

Сконцентрировавшись, он стал вызывать в Галактическом совете куратора планеты Земля.

— Вас слушают, космический Учитель Ру, — наконец отозвался исполком.

— Состоялась встреча с руководителями союзного парламента и правительства. Наложены контакты. Впечатление от встречи благоприятное. Конечно, их встревожило наше сообщение о приближающейся к Солнечной системе чёрной дыре. Руководители настроены осуществить программу эвакуации на планету Арс в созвездии Ориона. Но им требуется помощь.

— Ваша заявка на звездолёт вместимостью пятьдесят тысяч человек рассмотрена Галактическим советом и удовлетворена. Как и заявка на десять комплексных бригад роботов-строителей звездолётов. Они прибудут на звездолёте через два месяца. Срочно определите площадку для сооружения космодрома и введите его в строй через

два месяца. С этого космодрома стартует вторая партия переселенцев численностью в пятьдесят тысяч человек и потом 3500 звездолётов-стотысячников. Необходимые чертежи и технологические требования в вашем накопителе информации.

— Спасибо за оперативное оказание помощи.

— Информировать нас регулярно о состоянии дел. Конец связи.

Куратор наверняка был роботом. Никаких эмоций, никаких неточностей — одна сухая информация. Равнодушно робот назвал цифру 3500 звездолётов-стотысячников. Не добавил, что с каждого земного космодрома должно отправиться столько же космических кораблей. Колоссальная цифра потрясла воображение Руслана. Поневоле ему вспомнился Атлант, с ним отношения были дружеские и человеческие, не то, что с роботом.

На пульте управления он нашёл кнопки связи со спикером и премьером. И тот, и другой были на рабочих местах — это показывали телеэкраны.

— Здравствуйте, уважаемые товарищи Чжан Сянь-чжун и Джон Кирбли, — приветствовал их Руслан. — У меня важное сообщение.

— А у вас бывают не важные сообщения, Руслан Русланович? — пошутил спикер.

— Если мы способны шутить, тогда все дела пойдут у нас нормально. А суть сообщения в том, что Галактический совет выделил нам звездолёт-пятидесятитысячник, который прибудет через два месяца на космодром, который необходимо построить за это время. Выделили также десять бригад роботов-строителей звездолётов. Ваши соображения?

— У нас лучшие кадры в России и Китае. Предлагаю построить космодром недалеко от Москвы, — высказал своё мнение Кирбли.

— Возражения есть? Нет. Принимается. Вся документация в накопителе информации, в так называемой флешке. Срочно организуйте работу и информируйте меня о состоянии дел. Каждый космодром должен быть рассчитан на отправку 3500 звездолётов-стотысячников. Видимо, придётся принимать закон о чрезвычайном положении в связи с эвакуацией и запретить рожать детей, иначе придётся строить все 35000 звездолётов-стотысячников. Я не знаю, сможет ли планета дать столько металла и других материалов. Подсчитайте потребности, не приbedняясь, и сообщите мне, чтобы можно было обратиться в Галактический совет с просьбой выделить нам свободные звездолёты.

— Разрешите проинформировать, Руслан Русланович, о реакции на ваше сообщение о чёрной дыре. Не все поверили, в ряде регионов состоялись или идут митинги, на которых обсуждается наше сообщение. Многие считают, что это проделки инопланетян, вздумавших захватить нашу планету, — сообщил спикер.

— Этого следовало ожидать. Я свяжусь с Галактической системой космической безопасности, оттуда предупреждение о чёрной дыре, посоветуюсь, что можно сделать.

Дела приобретали скверный оборот. Если население не поверит, то это сорвёт программу переселения и тогда значительная часть земель погибнет. Парламенту всё же придётся принимать закон о введении чрезвычайного положения, чтобы вне закона были объявлены паникёры и противники эвакуации. Недовольство будет загнано вглубь, там оно будет тлеть, и какая-нибудь ошибка или неудача могут привести к взрыву. Сложность ещё в том, что активизируются националистические силы, а это грозит потерей управляемости Союзом или даже его распадом. А если это проделки тёмных космических миров, которым не нравится переселение земель на Арс? Могут же быть их агенты среди населения Земли? Здесь таится опасность, что первыми, кого объявят тёмными инопланетянами — это он и Агидель. Тех не найдут, а эти вот они, привезли пакостную новость.

За много-много лет Руслан не знал, что делать.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

На пульте загорелся зелёный огонёк и зазвучал красивый девичий голос:

— Здравствуйте, Руслан Русланович! С вами говорит ваша секретарь Галя. Извините, что я раньше не представилась. Ваша приёмная на первом этаже. Если хотите меня вызвать, нажмите зелёную кнопку. Отключить связь со мной можно той же кнопкой. Вам звонит Александр Гаврилович Гавриленко, просит принять его и двух космонавтов.

— Когда они могут прибыть сюда? Сегодня или завтра?

— Сегодня. Они могут прилететь через час.

— Приглашайте. У меня есть для вас и Тита Титыча поручение. Надо срочно в одном из помещений создать телестудию, чтобы мы могли информировать население и поддерживать с ним контакты. И не стесняйтесь, смело входите в кабинет, мы с Агиделью Николаевной не кусаемся.

— Спасибо. А с Агиделью Николаевной я уже познакомилась.

«Не везёт мне с секретаршами. В лаборатории никогда секретарь не сидела в приёмной, а эта вообще на другом этаже, — подумал он. — А Агидель молодец, завязывает связи с обслуживающим персоналом. Завтра надо выбраться в Москву. Погулять по городу, поехать в Ясенево — что там сейчас? В институте встречу организует Гавриленко. А мне переодеться не во что, не стану же я разгуливать в форме звездолётчика!»

«Дель, я тебя потерял. Ты на первом этаже?» — спросил он по телепатии.

«Да, на первом. Здесь так интересно! Потом расскажу», — ответила она.

«Узнай, пожалуйста, где мы можем купить одежду. Нам же в город выйти не в чем».

«А на первом этаже у нас целая гардеробная с модной одеждой. Выбирай, какую хочешь. Спустись вниз, приоденемся. Так что Гавриленко мы встретим по всей моде».

Руслан спустился по эскалатору вниз, пошёл в левое крыло. Там его ожидала Галя — как он и предполагал, одна из девушек с хлебом-солью. Завела в одно из помещений, где находилась Агидель в шикарном голубом костюме. «Тебе нравится?» — она крутанулась на месте. «Нет слов, одно восхищение!» — похвалил он.

Галя подвела его к монитору в полный рост, и, ткнув пальцем в сенсорную панель, сказала:

— Выбирайте классический мужской костюм, Руслан Русланович.

Перед ним поплыли костюмы всевозможных цветов и оттенков.

— Мне вот этот, тёмно-серый, с однобортным пиджаком, — сказал он.

— Вот, — девушка подала костюм на вешалке. — Пойдёмте, пожалуйста, в примерочную. В кабине вы надеваете костюм, нажимаете пластину с надписью «Подгонка» и стоите по стойке «смирно» секунд тридцать, пока не загорится на пластине надпись «Готово! Спасибо за покупку!» Покидаете кабинку, даёте мне свою кредитную карту, и костюм ваш.

Руслан так и сделал. Костюм был из неизвестного материала, который реагировал на какое-то излучение. Примерка заняла несколько секунд, он вышел и привёл в восхищение своим видом Агидель. Она стояла с рубашкой и галстуком.

— Надевай рубашку и галстук и иди встречать гостей. Они уже прилетели, Галя пошла к ним.

Гости уже сидели в кабинете за овальным столом и угощались чаем. Когда появился Руслан, они дружно встали, и он по очереди пожал им руки. По привычке запросил сведения о них.

Александр Гавриленко оказался ниже ростом, чем казался во время телеконтакта. Но симпатичнее, с правильными чертами лица, с быстрыми серыми глазами. Он был

вице-премьером российского правительства, в этой должности находился и сейчас. Раньше служил спичрайтером у крупного чиновника, который нещадно эксплуатировал его. Премьер российского правительства узнал о том, что все идеи, которые озвучивал вице-премьер, принадлежали Гавриленко, назначил спичрайтера на место незадачливого чиновника со словами: «У нас не будет так, как в России в двадцать первом веке, после великой бюрократической революции: одни думают, а другие руководят. Нет, у нас руководят и будут руководить те, кто думает».

В качестве первого пилота представился Михаил Звонарёв, широкоплечий крепыш, кареглазый и остриженный наголо.

— Я потомок Михаила Звонарёва и Лидии Басаргиной, которые в своё время принесли вам немало неприятностей, — сказал он.

— И упрятали меня в американскую тюрьму, — добавил Руслан.

— От их имени я приношу извинения и прошу перевернуть эту страницу в отношениях с нашей фамилией, — первый пилот встал и склонил покаянную голову.

— Михаил Звонарёв сегодня у нас самый подготовленный и опытный космонавт, имеющий опыт межпланетных полётов. Я не сомневаюсь не только в его профессиональных, но и в высоких нравственных качествах, — сказал Гавриленко.

Руслан взгляделся в его быстрые и откровенные глаза, и сказал:

— Разве я против? Я не против. Садитесь, пожалуйста, — обратился он к Звонареву.

Третьим гостем был второй пилот Джек Манчестер, американец, совершивший несколько полётов в качестве командора на Луну и Марс. Сведения о нём были сплошь положительными и потому неинтересными.

— Руслан Русланович, нас очень встревожила ваша информация о чёрной дыре, — сказал Гавриленко. — Извините, но неужели Земля перестанет существовать?

— Не только Земля, но и вся Солнечная система, — он поправил гостя. — Но это прогноз. А у прогнозов есть удивительное свойство не сбываться. Хотя плохие прогнозы чаще благоприятных сбываются. Галактическая система космической безопасности будет тщательно следить за чёрной дырой, сообщать результаты мне. Я тоже со своей стороны буду обсчитывать её поведение, потому что мне очень жаль нашу прекрасную планету. Жизнь на ней — гениальнейшее творение Мирового Разума или Бога, считайте так, как вам нравится. К жизни на Земле приложили свои руки и знания древние орианцы, в том числе с планеты Арс. Мы видели на ней оплавленные гранитные древние пирамиды. Результат войны с тёмными силами космоса. Пришло время возвращать наш долг сторицей этой планете.

— Скажите, а нынешние арсиане — люди или высокоорганизованные животные? Из ваших фильмов трудно сделать вывод, кто они. У них есть язык, стало быть, в наличии разум, но они остановились в своём развитии в каменном веке. Не являются ли они результатом победы демонических сил в войне с высокоразвитыми арсианами? — спросил Джек Манчестер.

— Можно я отвечу, Руслан Русланович? — спросила вошедшая Агидель, которая слышала вопрос, и, получив разрешение, стала рассказывать о своих впечатлениях. — Они очень равнодушны. Даже к своей жизни или смерти. Если это проект демонических сил, то надо признать его неудачным. Когда они стали умирать от гриппа, то всё же стали проявлять беспокойство и с большим желанием исполняли наши рекомендации. Мне кажется, они полностью лишены творческого начала и духовной жизни. Они очень добрые и беззащитные, заслуживают спасения. Видимо, придётся создать для них резервации — планета почти в два раза больше Земли, и места на ней много.

— Я почему спросил, — продолжал Джек Манчестер. — В развалинах американского ФБР были найдены документы о контактах властей США с демоническими пришельцами, которые помогли моим соотечественникам завоевать мировое господство

на Земле. Это стремление американских заправил было осуждено Триполийским международным военным трибуналом. Может, нынешние несчастные арсиане — это результат достижения такого господства?

— Но они-то считают себя счастливыми! — возразила Агидель.

— Странно, — задумчиво сказал Манчестер и больше не проронил ни слова.

Руслану нравилась эта троица — вполне состоявшиеся и морально подготовленные к своей миссии специалисты. Они улетят с Земли навсегда в новый мир со многими загадками. На Земле умрут их современники ещё до того, как звездолёт долетит до Арса. Теперь же примерно за двадцать световых лет до новой планеты они будут знать, что Земли больше не существует, как и всей Солнечной системы, и что они бездомные, космические бродяги. Отчаянье их может быть столь велико, что не выдержит психика, и эвакуации будет нанесён сильнейший удар. Если они не подготовят условия до прилёта пятидесятитысячника, а тем, в свою очередь, трудно будет обеспечивать приём сотысячников. Поэтому Руслан запланировал подготовку дублирующего экипажа из роботов в дополнение к тому, что уже подготовлен ещё один экипаж из людей.

— Вот что, друзья мои, — сказал, подытоживая встречу, Руслан. — Мы дадим вам подробнейшие инструкции с описанием самых вероятных и невероятных ситуаций, с которыми вы можете встретиться. Вы их изучите, составите вопросник, и на следующей встрече получите ответ. Нет возражений? Если нет, то принимается. Спасибо за визит.

Руслан встал, давая тем самым знать, что встреча закончилась. Когда он пожимал руку Звонарёву, тот спросил:

— Скажите, Руслан Русланович, вы и Агидель Николаевна роботы или инопланетяне? Ведь вы улетели молодыми и через двести лет вернулись такими же молодыми. Только честно ответьте, нас всех это волнует...

— Ни то, и ни другое. Мы все инопланетяне. В разной степени. На Землю жизнь была занесена из космоса, в космос жизнь с Земли и улетит. Что касается меня и Агидель Николаевны, то мы родились в Москве...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Наконец-то они смогли прогуляться по парку, примыкающему к дворцу. Было уже поздно, солнце давно зашло, и парк освещали невидимые фонари. Настолько невидимые, что на небе видны были звезды.

Они неторопливо шли по пальмовой аллее, вглядывались вглубь парка, где боролись за своё существование субтропические лианы и деревья. За ними, как тень, шёл охранник.

— Вот жизнь настала — круглые сутки перед видеокамерами, от которых не скрыться. И прогуляться вечером без надзора не положено — за нами следует охранник. Наверное, робот... — недовольно произнёс Руслан.

— Не обращай внимание. Нам скрывать нечего и бояться нападения тоже. Здесь всё охраняется. Впереди, кажется, беседка на берегу пруда, пойдём туда? — она взяла его за руку.

В беседке был полумрак.

— Тебе понравилась команда Гавриленко? — спросил он, рассчитывая на женскую интуицию.

— Нормальные, достойные мужики, — ответила она и с убеждённостью добавила: — Они не подведут.

— У них билет в один конец, как бы психика не подвела.

— У всех у нас такой билет. Жутко представить, что вся земная красота будет поглощена ненасытным чудовищем. У меня мурашки по коже бегают, когда моё воображение рисует картину гибели Земли. Какая несправедливость!

— Во Вселенной нет ничего вечного, — сказал Руслан.
— Кроме супругов Орловых и им подобных? — напомнила Агидель.
— И у нас будет свой конец, — ответил он убеждённо.
— Нас расстреляют, повесят или сожгут? Поинтересуйся у Галактического совета, чем мы кончим свою жизнь!

— Всею своё время, — он уклонился от идеи Агидели.

В это время в пруду вскинулась какая-то рыба, мощно ударила хвостом по воде.

— Здесь нет крокодилов? — спросила Агидель, инстинктивно прижавшись к мужу.

— В субтропиках всё возможно, — сказал он.

— Не знаю почему, но мне хочется побывать на острове Таджа. Понимаю, мы ещё не были в Москве, не посетили могилы родных и близких, а хочется на этот остров!

— Дель, но Мальдивы — это Крайний Юг, суровый климат. Да и от островов ничего не осталось, почти все они под водой.

— А давай слетаем туда! Там уже рассвет? — загорелась она желанием осуществить свою мечту немедленно.

— Мы можем прямо отсюда задействовать спутник Галактической системы космической безопасности и посмотреть, что там сегодня делается. Поехали?

Спутник рыскал по акватории Индийского океана, показывая льдины, плывущие по новым течениям, пока Руслан не нашёл в своём хранилище информации точные координаты острова и попросил показать его в виде голограммы. Перед ними возник крошечный островок с чёрным пнём на самой вершине. Пень обмёрз ледышками, и они сверкали на солнце, когда волны откатывались от них. Вода, некогда бирюзовая и прозрачная, теперь была тёмно-синей, холодной на вид.

Они осмотрели окрестности острова, надеясь найти следы прежней жизни, и вдруг поближе к вершине увидели в воде белый камень, обращённый лицевой стороной на восток, и с надписью на арабском языке «نرسح لرس لاجات», на русском означающей «Тадж эль-Сир эль-Хасан».

— Очень жаль, что мы не можем возложить цветы на его могилу, — сказала Агидель.

— Так проходит мирская слава, — с грустью произнёс он, и, наверное, для убедительности повторил на латыни: — *Sic transit gloria mundi*.

Это выражение приходило ему на ум, когда на следующий день, изменив внешность и одевшись поскромнее, они разыскивали могилы родителей. Бродили по кладбищам, перенаселённым памятниками, подчас безвкусными и вычурными, и не находили места упокоения своих родных. За ними никто не ухаживал, время сровняло могилы с землёй, и кладбищенские власти разрешали, должно быть, использовать их для повторного захоронения. С немалым трудом Руслан разыскал могилу генерал-полковника Ивана Ивановича со скромной гранитной пирамидкой с красной, тоже гранитной, звездой и возложил на неё цветы. Неподальёку нашлась и могила Немыкина Константина Степановича — тёмно-серая гранитная плита с профилем и датами жизни учёного. На плите лежали давно засохшие цветы, стало быть, кто-то её посещает, наверное, поклонники асимметрики.

С немалым трудом в Ясенево они определили места, где стояли их дома. Микро-район был застроен небоскрёбами, между которыми были посажены деревья и цветники. Битцевский лесопарк перестал существовать, должно быть тогда, когда Москва оказалась в субтропиках.

Чтобы не выдавать себя, они наняли планетолёт-такси и облетели практически весь город — нескончаемый лес небоскрёбов, среди которых, к их счастью, затерялась скромная высотка Московского университета, и Кремль был на месте, и даже здание Большого театра. «Боже мой, зачем столько небоскрёбов, свободной земли ведь предостаточно. Или власти всё-таки добились, чтобы вся страна переехала

в Москву?» — горестно подумал Руслан. И тут же вспомнил, что огромные участки российской суши оказались под водой, и население переселилось в большие города, в том числе и в Москву.

Агидель попросила доставить их в самый популярный гастроном, и они вскоре приземлились на крыше огромного супермаркета. По эскалатору спустились на этаж, где продавались овощи и фрукты. Такого изобилия они давно не видели. Агидель попросила Руслана выбрать арбуз, полагая, что это мужское занятие. Но он никогда в жизни не выбирал арбуз, поэтому позвал на помощь робота, чтобы не опростоволоситься. Тот выбрал огромный якутский арбуз.

Агидель набрала кучу ягод — малину, клубнику, вишню, ежевику, Руслан только успевал укладывать покупки в просторную самоходную корзину. Из экзотических фруктов, растущих теперь и в России, ей приглянулись бананы и ананасы. Захотелось отведать яблок и слив с Новой Земли. Руслан попытался остановить её, заявив, что они не съедят такое количество фруктов.

— Обслуживающий персонал поможет, — беззаботно ответила она и тут же аппетитно облизала губы. — Хочу редисочки, молодой и вкусной. Чтобы с зелёным лучком, под ароматным подсолнечным маслом...

Когда они привезли всё приобретённое богатство на свою дачу, как теперь называли дворец, шеф-повар, краснощёкий усатый дядька, не пришёл в восхищение от покупок. Более того, он что-то ворчал в пышные усы.

Но редиску с лучком и ароматным подсолнечным маслом на обед они получили. А с ягодами возникла целая проблема — ни одна упаковка не соответствовала требованиям, которые предъявлялись на кухне.

— Катюша, милая, — с мольбой обратилась Агидель к официантке, — а можно хотя бы несколько ягод клубники? Ведь мы двести лет никаких земных ягод не ели...

— Нельзя, Агидель Николаевна. Шеф-повар проверяет своими приборами продукты на множество показателей, и если хоть по одному из них превышение, то всё сразу утилизируется, — объяснила официантка и пообещала заказать на правительственной базе нормальные ягоды.

Когда она ушла, то Руслан дал волю негодованию:

— При любом строе, даже при другой, уже пятой цивилизации для начальства отличные ягоды, а для народа любые сойдут. Ну, господа, на Арсе я вам покажу, что такое справедливость...

— Ничего ты не покажешь, — возразила ему Агидель. — Это российская традиция, где пеший конному был всегда не товарищ. Где принято было выпендриваться должностью, знатностью, дорогим автомобилем, сногшибательным нарядом, раскрасавицей-любовницей... Это в крови.

— Значит, генотип поправим.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Ни Руслан, ни Агидель не представляли, что институт Орлова — не холдинг, а целый город науки, располагавшийся в Центральном федеральном округе России и носивший имя Орлов. Вначале планировались две встречи — с коллективом института и первым составом переселенцев. Но поскольку 500 эмигрантов готовились к путешествию в Орлове, то Руслан предложил обе встречи объединить в одну.

Их летающая тарелка приземлилась на крышу основного административного здания наукограда. Практически на всех крышах домов были разбиты клумбы или

росли плодовые деревья, в основном цитрусовые. На остальных крышах располагались кафешки под разноцветными зонтиками. Сами дома представляли собой восьми или десятиэтажные кубы из металла и стекла под разноцветный металлик — золотистый, фиолетовый, тёмно-коричневый, зелёный, розовый...

Они попросили не организовывать никаких торжественных встреч, поэтому на площадке гостей поджидали Гавриленко, научный руководитель города Орлова Карлос Игнатьевич Висенте, напоминая Дон Кихота то ли ростом и худобой, то ли седой бородой клинышком. Его прапрабабушка попала в Советский Союз в конце тридцатых годов XX столетия, стала известной переводчицей русской литературы на испанский язык, вернулась в Испанию после смерти Франко, и с тех пор в их семье отношение к России было как ко второй Родине. Карлос родился в Испании, но приехал в Россию, обрусел, стал известным учёным. Встречал их ещё мэр наукограда, кругленький и низенький мужчина средних лет с цепким взглядом настоящего хозяйственника.

Александр Гаврилович на правах представителя российского правительства взял бразды правления в свои руки, пригласил их в открытый электромобиль. Поехали по широким проспектам, середину которых занимали бульвары из пальм. Бросалось в глаза обилие мамаш, которые гуляли на бульварах с детскими колясками.

— У вас не хватает детских садов? Почему на бульварах так много мамаш? — спросила Агидель у мэра.

— Сегодня воскресенье, выходной день, и многие детские учреждения не работают, — объяснил городской голова. — У нас город молодёжный, средний возраст жителей около сорока лет, поэтому и детей много.

— А вообще у вас город красивый. Просторный, зелёный, ухоженный, — сказала она.

— Сейчас мы посмотрим на мамонтов, — объявил Карлос Висенте.

— Извините, но какое отношение имеют мамонты к проблематике института? — удивился Руслан.

— Самое непосредственное. По традиции, ещё заложенной вами, Руслан Русланович, мы много внимания уделяем экологии. В частности, истории экологии. Нас заинтересовала история гибели мамонтов, и нам удалось воскресить несколько мамонтьят. А вот и их ферма. Нам придётся пройти немного пешком, — когда электромобиль остановился, то Карлос, невзирая на свой почтенный возраст, ловко предложил руку гостье.

Они находились явно на окраине города. Пошли по пальмовой аллее и уткнулись в мощную металлическую ограду, окрашенную в зелёный цвет. Она ограждала луг с густой травой, которую буквально выкашивали хоботами несколько мамонтьят. Размером они были уже со слонов. С круто загнутыми бивнями и с чёрной, даже жёсткой на вид шерстью, свисавшей с кожи.

— А вот их «мама», — сказал Карлос и представил пожилую женщину в синем рабочем халате. — Светлана Юрьевна Гордеева, доктор наук, лауреат союзной научной премии.

— Мы вас не будем мучить расспросами, Светлана Юрьевна. Вам, наверное, и без того надоела роль экскурсовода. Желаем вам новых научных подвигов. У нас только один вопрос: вы своих питомцев будете переселять на Арс? — спросил Руслан.

— Разумеется, хотелось бы, — устало улыбнулась Светлана Юрьевна. — Они хорошие, ласковые — травоядные. Это же не саблезубые тигры, которые всему живому житья не дадут. Они надеются, Руслан Русланович, что им найдётся местечко на звездолёте.

— Арс — планета просторная, травы всем хватит. Только надо отправить их в числе первых, пока они не превратились в гигантов. И о китообразных не забыть... Вообще нам надо озаботиться тем, чтобы вывезти с Земли как можно больше образцов, так сказать, археологической генетики. Человечество уничтожило огромное количество видов животных. Нам предстоит исправить, если можно, эти ошибки, — сказал Руслан.

— Спасибо, Руслан Русланович. Мамонты не подведут, — пообещала на прощанье Светлана Юрьевна.

По пути Карлос Игнатьевич стал говорить о том, что им удалось доказать наличие в истории планеты инволюции. На Земле шли как бы исключаящие друг друга процессы эволюции и инволюции. Они протекали параллельно, не пересекаясь друг с другом.

В течение последних десятилетий удалось повернуть вспять процесс инволюции некоторых человекообразных обезьян, прежде всего горилл.

Следующим пунктом программы было посещение истории института. Под него отвели два этажа административного здания — на первом этаже история до конца XXII века, на втором — современные достижения института с начала XXIII века. На пороге музея их ожидала девушка, удивительно похожая на Агидель да ещё в алой форме стюардессы XXI века.

— Меня зовут Римма, я ваш земной потомок. Сегодня я ваш гид-стюардесса по истории института, — бойко представилась девушка и удостоилась от Агидель дружеского объятия и поцелуя.

— Наша? — спросила она у мужа.

— Наша! — ответил он.

Экспозиция первого зала начиналась с биографии Руслана. Потом пошли материалы первых лет лаборатории. Конечно, музейщики представили портреты академика Ивана Ивановича Иванова и научного руководителя лаборатории Константина Степановича Немыкина. Начиналась эта экспозиция с диссертации Руслана, совершенно секретных отзывов его оппонентов.

— Здесь столько фотографий и видеоматериалов, что вы можете быть самым лучшим экскурсоводом по этому разделу. Может, вы напишите мемуары? — смелости Римме было не занимать.

— Переберёмся на Арс и вернёмся к этой проблеме, — пообещал Руслан.

Дальше шли публикации в научных журналах, монографии, видеоматериал о выступлении на экологическом форуме в Лондоне, отзывы в газетах и журналах.

— Не ожидала, что моей скромной персоне музей уделит столько внимания! — воскликнула Агидель, увидев целый раздел, посвящённый ей.

Она с грустью и любовью рассматривала свои детские и подростковые фотографии, коллективные снимки вместе с подругами-стюардессами, видеорепортаж о свадьбе с Русланом. А истории спасения его из американской тюрьмы была посвящена целая картина в солидной багетной раме.

Дальше шли материалы о вселенской катастрофе и о роли двойника Орлова в ликвидации её последствий. Вначале он был членом комиссии ООН, потом стал её председателем, проделал огромную работу по сплочению человечества и его разоружению, созданию единого государства на планете, и возглавил его в качестве премьера союзного правительства. Параллельно он руководил институтом, разработал технологию редактирования генома, фактически создания нового, пятого человечества. За эту работу ему была присуждена Нобелевская премия. И он стал создавать вначале сотни, а потом тысячи лабораторий по всему белому свету по редактированию человеческого генома на стадии оплодотворённой яйцеклетки.

Руслан был поражён работоспособностью и удачливостью своего земного двойника, подозревая при этом, что Галактический совет иерархов всемерно помогал ему. Загадкой было, почему двойник не стал богочеловеком, а жил как обыкновенный человек, болел и старел, предельно износил свой организм и умер в окружении своих детей, внуков и правнуков в восемьдесят три года.

«Эта судьба — моя или не моя? — размышлял Руслан. — Да, я мог прожить такую жизнь, но зачем надо было разделять личность на две сущности и две судьбы? Атлант,

видимо, знал, что я продолжаю жить на Земле, иначе не сказал бы как-то вскользь о присуждении мне Нобелевской премии. Но премия — моя или не моя? Если раздвоение личности произошло однажды, то оно может произойти снова и снова? Или это одно из качеств богочеловека?»

Под стать земному Орлову была супруга Агидель Николаевна. Деятельница женского движения, затем бессменный союзный министр по делам семьи и детей пятой цивилизации — расставание с четвёртой цивилизацией шло непросто, люди боялись, что их превратят в киборгов. Потребовались десятилетия, чтобы они убедились: новые люди, освобождённые от звериных инстинктов и склонностей к восьми смертным грехам, гораздо человечнее, душевнее, лучше, чем их родители.

«Я им завидую. И горжусь ими. Достойная и выдающаяся жизнь, замечательные дела, счастливая семейная жизнь в окружении родных людей, добрая память — ну что ещё нужно нормальным людям?» — произнесла Агидель по телепатическому каналу.

«Дело переселения на планету Арс только начинается, — ответил Руслан. — Представляешь, какие титанические усилия потребуются, чтобы переселить не только людей, но флору и фауну, все объекты прошлых эпох, содержащие гены?»

«Всё это не умаляет свершений наших земных дублёров, если так можно выразиться», — стояла на своём Агидель.

На втором этаже Карлос Игнатъевич повёл экскурсию сам. Прежде всего, обратил внимание на длинное сооружение с многочисленными экранами и рабочими местами, назвал его прокатным станом пятого человечества.

— После Американской катастрофы, благодаря Орлову, был принят планетарный закон о мерах по созданию пятого человечества. К этому времени учёными мира был создан атлас нежелательных генетических мутаций, проще говоря, генетических заболеваний. Институт разработал технологию редактирования генома, создал банк нормальных генов и приступил к исправлению мутаций на стадии яйцеклетки. Да, пришлось каждой женщине отдавать на экспертизу своё оплодотворённое яйцо, это вызвало колоссальное недовольство, но когда стали рождаться здоровые, не болеющие ничем малыши, то недовольство пошло на спад. Геном редактировался один раз не только для конкретного малыша, но и для его последующих поколений. Вот и был разработан «прокатный стан», изготовлены тысячи его копий, на которых генные инженеры облагораживали, если так можно выразиться, человечество. Достаточно сказать, что такой распространённый недуг, как синдром Дауна, был побеждён ещё сто лет тому назад, и не проявился за прошедший век ни разу.

— Извините, Карлос Игнатъевич, но как я понял, облагораживание человечества проводилось насильственно? — перебил Руслан директора института. — Всегда считалось, что хороших людей гораздо больше, чем плохих. И по отношению к потомкам именно хороших людей проявлялась несправедливость, которую можно назвать геноцидом.

— Известно, что у хороших и порядочных родителей нередко рождались плохие дети, которые становились преступниками. Поэтому была использована методика, которая применяется законодателями при разработке законов по уголовной тематике: чтобы любое ухищрение преступников было отражено в соответствующей статье уголовного кодекса, — объяснил директор института.

— И всё равно без принуждения создание новой человеческой расы не обошлось, — остался при своём мнении Руслан.

— Да, не обошлось, — согласился Карлос Игнатъевич. — Если бы мы прибегли к добровольному редактированию генома, то мы не достигли бы нынешних результатов. Представители пятого человечества по сей день были бы меньшинством. Мы обрекли бы на гибель большинство человечества, поскольку четвёртой расе запрещено

Галактическим советом расселение в космосе. Поэтому насильственное облагораживание оказалось мудрым шагом.

— Иными словами, пятое человечество во многом искусственного происхождения? — включилась в дискуссию Агидель.

— Именно так, уважаемая Агидель Николаевна. Благодаря этому удалось победить СПИД, рак, диабет, алкоголизм, многие синдромы, в том числе Альцгеймера и Паркинсона. Иммунная система стала такой устойчивой, что оказалась не по зубам палочке Коха, многим инфекционным заболеваниям. В итоге значительно уменьшились расходы на медицину. У нас попросту поликлиники и больницы стали пустовать или превращаться в спортивные заведения, а первые модифицированные граждане в возрасте 150 лет продолжают вести активную жизнь. Средний возраст возрос более чем в два раза, — убедительно объяснил Карлос Игнатьевич.

— Институт, насколько я помню, точнее лаборатория, была создана с целью снять с мозга человека ограничения, наложенные Создателем. Я вижу летательные аппараты, созданные институтом, в том числе летающие тарелки и планетолёты, а как продвинулось дело с овладением телепортацией? — задал следующий вопрос Руслан.

— В своей работе «Феномен Михаила Звонарёва» вы предостерегали научное сообщество от нежелательного наделения сверхспособностями морально ущербных людей...

— Но сейчас человечество обладает высокими нравственными качествами, нет мошенничества, воровства, многих видов преступлений.

— Как оказалось, телепортация принадлежит не к свойствам человека, а вероятнее всего, к сверхъестественным (божественным и дьявольским) способностям. И в наши дни мы наблюдаем феномен Михаила Звонарёва в части телепортации у сорока с лишним человек. Мы их изучаем...

— Вы также имеете в виду магическую силу вриль? — спросил Руслан. — Как вы знаете, было множество обществ, особенно в фашистской Германии, верящим в эту силу. Между прочим, среди них было немало поклонников чёрного солнца, которое оказалось чёрной дырой, угрожающей теперь Солнечной системе.

— Руслан Русланович, мы были бы Вам очень признательны, если бы Вы ознакомились с материалами исследования феномена и высказали своё мнение, — воспользовался ситуацией директор института.

— С удовольствием ознакомлюсь, — пообещал Руслан и спросил, на сколько процентов удалось институту разблокировать человеческий мозг.

— Средний современный человек использует примерно двадцать процентов своего мозгового потенциала. Гении, возможно, двадцать пять- тридцать процентов...

— Откуда у вас гении могут взяться, если генотип стандартизировали на «прокатном стане»? — воскликнул Руслан.

— Тем не менее, наблюдается постоянный рост одарённых людей, как в сфере художественного, так и научно-технологического творчества. Мы объясняем это высоким уровнем эстетического и интеллектуального образования всего человечества, полученного в процессе закачки огромного объёма знаний непосредственно в мозг.

— Но это ошибка или достижение ваших генных инженеров? — добивался своего Руслан.

— Полагаю, что не ошибка. Одарённость — это сочетание многих факторов. Способность эта сохранилась...

— Способность к мутациям? Не признак ли это той опасности, что мозг в своём развитии вернётся к показателям четвёртого человечества? И вам, а теперь уже и нам, придётся периодически прокатывать на вашем стане генотип оплодотворённой человеческой яйцеклетки?

— Процессы инволюции и эволюции нельзя исключать, — согласился Карлос Игнатьевич, и на этом дискуссия в музее института пошла на спад.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

В музее Русланом овладело чувство неудовлетворённости от деятельности института. Конечно, проделана гигантская работа по формированию новой человеческой расы в условиях мира. Институт был ведущим в этой работе, но здесь налицо заслуги сотни научных учреждений всей планеты. Но до разблокирования человеческого мозга было почти также далеко, как и двести лет тому назад. Учёные не овладели телепатией, правда, по моральным соображениям был принят закон о недопустимости чтения чужих мыслей. Руслан не раз сам испытывал угрызения совести, когда читал чужие мысли, но им двигала необходимость, а не постыдное любопытство. Технология должна быть отработана и узаконены исключения, например, для космонавтов, работающих на планете, где никакие другие виды связи, кроме телепатии, невозможны.

Но Агидель осталась в восхищении от музея. Конечно, она не знала изнутри многое о работе института, поэтому победные планшеты и видеоролики производили на неё иное впечатление.

Коллектив первой экспедиции собрался в зале местного театра. Пришли все пятьсот человек, включая и детей. Руслана и Агидель встретил шквал аплодисментов. Овация длилась так долго, что Руслан взял у Гавриленко микрофон и крикнул в зал:

— Вы надеетесь, что мы в театре и выйдем ещё раз на аплодисменты? — овация после этого прекратилась. — Наш второй выход произойдёт через полтора земных века на планете Арс. Поэтому, пожалуйста, обойдёмся от взаимных приветствий и сразу приступим к делу. Первое, что я пожелал бы вам: не повторите историю строительства Вавилонской башни, не позволяйте смешать языки и обрежь себя на взаимное непонимание. Ваша главная задача: справедливо разделить территорию планеты Арс с учётом расположения регионов на Земле. Следующий звездолёт, пятидесятитысячник, прилетит к вам через пять земных лет, и к этому времени распределение территории должно быть осуществлено. Лет через пять-восемь ежегодно придётся принимать десятки, а то и сотни, звездолётов-стотысячников. За земных полвека переселение на Арс будет завершено. А теперь, те кто готов, можете задавать свои вопросы.

Поднялся лес рук. Хотя здесь находились представители многих народов, они понимали сказанное — десятки переводчиков-синхронщиков из числа первых переселенцев, которых разместили где-то внутри, показали своё искусство.

— Пожалуйста, женщина с ребёнком на руках из второго ряда задавайте свой вопрос, — сказал Руслан.

— У меня вопросы к синьоре Орловой. Я из Бразилии, по специальности врач. И муж мой врач. Мы летим работать, лечить людей. Но есть ли на Арсе поликлиника, больничный стационар? Ещё один вопрос: как нам будут платить заработную плату, может, нам стоит взять с собой земные кредитки? И последний вопрос: там есть детские учреждения или мне придётся сидеть с ребёнком дома? — женщина, задав свои вопросы, села на место и стала успокаивать проснувшегося от голоса матери малыша.

Агидель, словно впервые выступая перед многочисленной аудиторией, зарделась, подошла к краю сцены и стала, почему-то волнуясь, отвечать.

— Здания поликлиник и больниц должны построить роботы. За сто земных лет они могут построить многое. Плюс ещё сто лет будет длиться ваш полет. Если здания сейчас уже возведены, то они будут законсервированы. Настоящие поликлиники и больницы придётся организовывать вам. На Арс вы привезёте новейшее медицинское

оборудование. Но лечить вам придётся немногих — атмосфера Арса целебна, мы там не болели.

— Так вы же инопланетяне, а мы люди! — кто-то выкрикнул из зала.

— Извините, но мы не инопланетяне. Мы люди, родились на Земле, но наделены многими божественными качествами, — объяснила Агидель улыбаясь.

— А почему вы не стареете? — опять анонимный вопрос из зала.

— А потому и не стареем. Мы должны были побывать на Арсе и вернуться, для этого потребовалось бы двести лет. И встречались бы с вами не мы, и рассказывали об Арсе, в лучшем случае, наши внуки, а вероятнее всего, правнуки и праправнуки. Но остались без ответа другие вопросы синьоры из Бразилии. На Арсе нет никаких детских учреждений, их тоже должны создать вы. По поводу заработной платы, везти туда земные кредитки или не везти, лучше меня ответит ваш руководитель Александр Гаврилович Гавриленко, — сказала в заключение Агидель.

— Мы обсуждали не раз этот вопрос, — начал отвечать руководитель экспедиции не без скрытой досады. — Каждый труд должен как-то оплачиваться. Мы везём с собой достаточно продуктов, которых нам хватит на год бесппроблемной и безденежной жизни. Но нам надо организовать денежное обращение, открыть предприятия торговли не на пустом месте, а на базе созданной нами производственной базы. Не является секретом и то, что мы везём с собой запас кредиток, бумагу, краски и технику для их изготовления. Таким образом, земные кредитки будут иметь хождение на Арсе. Так что везите туда свои деньги, но они не сразу пригодятся.

— Скажите, а что ждёт аборигенное рептилоидное население? — задал вопрос юноша в старомодных очках.

— Вопрос сложный, — взял микрофон Руслан. — Конечно, им желательно жить в резервациях. Есть серьёзная опасность, что ваша экспедиция станет источником каких-нибудь инфекционных заболеваний. Вы можете не болеть, но в то же время быть носителем инфекции. Так было со мной. Меня инфицировали гриппом в американской тюрьме, и я заразил аборигенов. Инфекция унесла множество арсиан. Хорошо, что они очень дружелюбны, настроены исключительно на добро, не чувствуют ничего, в том числе и боли, поэтому между нами не было никаких эксцессов. Но с аборигенами необходимо как можно меньше иметь контактов. Надеюсь, что они не совсем лишены инстинкта самосохранения и за двести лет откочевали на значительное расстояние от нашей базы.

— Как вы считаете, — юноша в очках обладал повышенной любознательностью, — они результат эволюции или инволюции? Если инволюции, то её можно обратить вспять и с помощью генетической памяти получить ценные сведения об уровне развития древних арсиан?

Руслан запросил информацию о настойчивом юноше, им оказался Арсен Симонян, кандидат наук, сотрудник орловского института, включённый в состав первой экспедиции.

— Уважаемый Арсен, я не занимался этим вопросом. Надеюсь, что вы будете одним из тех учёных, кто заложит первые камни в создание нового нашего института на Арсе. А когда созреют условия, займётесь проблемой инволюции или эволюции нынешних арсиан.

— А если Солнечная система уцелеет, мы сможем вернуться на Землю? — задал вопрос темнокожий африканец.

— Надежд очень мало. У всех землян билет в один конец. Как это ни прискорбно, но когда вы будете подлетать к Арсу, Солнечной системы в телескоп звездолёта не обнаружите, — отвечал снова Руслан. — Мы просим вас с помощью тысячи роботов

уделить особое внимание строительству фантастических по размерам космодромов на три с половиной тысячи звездолётов. И таких космодромов должно быть десять. Именно столько их потребуется для эвакуации примерно трёх с половиной миллиардов землян. Они ещё не построены, но мы ставим перед вами задачу сохранить каждый межзвёздный корабль, законсервировать его. Звездолёты могут понадобиться для дальнейшего расселения землян по Галактике. А если все ошибаются и Земля сохранится, то для возвращения на родную планету тоже ведь будут нужны корабли.

Последние слова присутствующие встретили бурными аплодисментами.

— Руслан Русланович, есть мнение, что мы пришельцы с Марса, поэтому у нас болят ноги — на Земле оказалось более сильное притяжение. Я знакома с вашим заявлением, что притяжение на Арсе примерно в шесть раз меньше земного, — задавала вопрос девушка явно монголоидной наружности. — А что это значит для нас, землян?

— Александр Гаврилович говорил мне, что вы везёте с собой специальные тренажёры для увеличения нагрузки на позвоночник и ноги, — микрофон опять был в руках Руслана. — Арс в два раза больше Земли, а вот с притяжением проблема. Придётся постепенно отвыкать от нагрузок и быть очень осторожными при ходьбе. Там так и хочется идти вприпрыжку, использовать технику нашего тройного прыжка, а это очень опасно, особенно для мальчишек и девчонок. К примеру, для девочек, играющих в классики...

В разных концах зала зашумели — видимо, среагировали мальчишки и девчонки, присутствующие здесь вместе с родителями.

На прощанье Руслан пообещал быть с Агиделью Николаевной на старте их звездолёта, пожелал успешного полёта и успехов на новой планете. После официальной встречи, их окружили переселенцы, задавали свои вопросы, фотографировались и снимали видеосюжеты, получали автографы. Переселенцы знали, что далеко не все из них дождутся возвращения Руслана и Агидели на Арс.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТАЯ

Прошли годы напряжённейшего труда не только Руслана и Агидели, но и всего населения Земли. На десяти гигантских заводах строились циклопических размеров звездолёты — до нескольких километров в длину, диаметром в сотни метров и отправлялись к планете Арс, увозя с собой, как правило, сто тысяч землян, образцы флоры и фауны, от индийских или африканских слонов, детёнышей китов до простейшей инфузории-туфельки.

Руслан, как и обещал, постоянно следил совместно с Галактической системой космической безопасности за прожорливой чёрной дырой, приближающейся к Солнцу. Она не изменяла свою орбиту, и было окончательно ясно, что Солнечная система приговорена.

Утешением Руслана и Агидели было то, что жизнь с планеты Земли спасена и на звездолётах отправлена на Арс. Конструкция звездолётов настолько была совершенной, что ни с одним из них не возникло никаких проблем при взлёте и на начальном этапе полёта. Удалось сэкономить количество кораблей за счёт запрета рожать детей тем, у кого уже были дети. «Одна семья — один ребёнок» — этому правилу, как некогда в Китае, следовали все народы Земли в течение полувека. Не были исключением и Агидель с Русланом — у них родился сын Николай, названный в честь предка по материнской линии, и ставший за эти годы опытным звездолётчиком и руководившим эвакуацией баз землян с Луны и Марса. У Николая родился сын, но уже модифицированный, и названный в честь деда Русланом...

Николай был назначен ещё союзным правительством пилотом последнего, 2868-го российского звездолёта, на котором должны были покинуть Землю последние работники завода, строившие корабль, и штаб Руслана Орлова, руководивший всей эвакуацией.

Работники штаба столкнулись с неожиданной ситуацией: многие старики отказывались лететь на Арс. Как правило, они говорили, что лучше умирать дома, зачем улетать за сотню световых лет, если ясно же, что туда не долетишь? И выкинут тебя по пути, и станешь ты космическим мусором... Не лучше ли умереть на родной Земле, дома, а прилетит чёрная дыра — ну что ж, они отжили своё...

Слова о том, что лететь они будут через ноль-пространство, и дорога займёт всего несколько недель, не убеждали стариков. Нечто подобное было в зоне отчуждения после катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Там тоже старики не соглашались никуда уезжать, жили в своих деревнях в условиях повышенной радиации. И не умирали так скоро, как им предсказывали.

Руслан мотался на своей летающей тарелке между заводами и космодромами, потому что без его разрешения ни один корабль не мог подняться в воздух. И однажды в бывшей тундре, в зоне вечной мерзлоты, сверху увидел комбайн, косивший пшеничное поле. Он велел сесть на краю поля, и пошёл к комбайну. Тот остановился у полевого вагончика.

Комбайнёром оказался дед лет семидесяти пяти, а то и старше, с окладистой бородой, с руками труженика, которыми он снаряжал табаком курительную трубку. Он сидел на крыльце вагончика и встретил гостя настороженным взглядом из-под кустистых седых бровей.

— Здравствуй, дед! — поприветствовал Руслан старика.

— Здравствуй и ты, если не шутишь, — ответил тот, разжигая трубку.

— А почему ты не улетел со своими?

— Мне и тут хорошо. В Крыму стали тропики, так я перебрался сюда. А здесь целена, здесь тысячи лет никто ничего не сеял, кроме Господа Бога. Посмотри, какая пшеница уродилась!

— Но ты же должен был улететь! На Арсе тоже тысячи лет никто не сеял.

— Не нужен мне Арс, и Африка мне не нужна. Я здесь двадцать лет крестьянствую, у меня есть корова Зорька, умница, сама себе корм находит, а вечером — в сарай, доиться хочет. И два поросёнка есть, и куры, и кот Васька, и пёс Кабысдох... Я здесь не один, в тундре и быка для Зорьки не проблема найти, и поросят молочных за пшеницу выменять...

— Вы же все погибнете от чёрной дыры...

— А ты нас не страшай. Мы своё пожил, не то, что ты, Кощей Бессмертный...

— Кощей Бессмертный? Так меня ещё никто не называл, — смеясь, сказал Руслан и поинтересовался, как зовут его собеседника.

— Дедом Сашкой кличут.

— Кончится горючка, что делать будешь?

— У меня три цистерны по десять тонн. Когда сворачивались на нефтебазе, мне бесплатно налили. Нынешнего урожая мне лет на двадцать хватит. Посмотри, какая красавица стоит, — он с любовью показал рукой на тучную ниву с тяжёлыми, созревшими колосьями.

— А дай-ка мне, дед Сашка, с килограмм твоей пшеницы, посадим её на Арсе. И всем буду говорить, что это пшеница деда Сашки.

— Бери хоть мешок. Урожай добрый, не жалко... А семена табака сорта вергун не возьмёшь? Очень забористый табак, его англичане так полюбили, что с Крымской войны в Англию семена увезли. Один в Америке на нашем табаке разбогател, фирму такую основал — Филип Моррис слышал?

— Возьму и семена табака, дед Сашка. Не курить, а в коллекцию земных растений. И этикетку напишу «Табак вергун деда Сашки», — сказал Руслан и подозвал одного из пилотов, чтобы отнести на борт подарки старика.

— Не поминай нас лихом, дед Сашка, в том числе, и меня, Кошечка Бессмертного, — Руслан на прощанье обнял старика и быстро-быстро пошёл к летающей тарелке, сдерживая душившие слезы.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

И наступил день старта последнего звездолёта.

Руслан заслушивал доклады служб корабля и завода-изготовителя, утверждал необходимые документы. Наконец, первый пилот доложил, что все системы к полёту готовы.

— Хорошо, сынок, — сказал он Николаю и спустился на лифте вниз, чтобы вместе с женой и сыном попрощаться с родной планетой.

Космодром располагался в Подмоскowie, неподалёку от их «дачи». Стояла солнечная летняя погода. В воздухе летали, щебеча, беззаботные птицы. «Простите нас, родные», — попросил Руслан у них прощения и набрал мешочек земли. У каждого улетающего был такой мешочек, который предполагалось высыпать на курган памяти планеты Земля. Его примеру последовали жена и сын. Когда они заполнили мешочки, Руслан крепко обнял их. Агидель не сдержалась, заплакала.

— Любимая, пожалуйста, сдержи слезы и не вздумай всплакнуть на борту. И без тебя женщины разревутся, — попросил он.

Когда поднялись на самый верх, к пульту управления, последовала команда занять ложементы. К Руслану подошёл Николай и обратился к нему официально:

— Товарищ председатель союзной государственной комиссии, разрешите взлёт.

— Счастливого пути, сынок. Разрешаю, — и лёг в свой ложемент.

Николай опустил в свой, включил зажигание, и рокот двигателей передал дрожь по всему звездолёту. Чувствовалось, что корабль оторвался от Земли и набирал скорость. Руслана всё сильнее и сильнее вдавливало в ложемент, и он включил систему анабиоза.

После того, как корабль покинул нуль-пространство, Николай принудительно отключил систему анабиоза у отца. Руслан проснулся.

— Товарищ председатель... — начал доклад Николай.

— Не надо официоза. Что случилось?

— Попутным курсом летит неизвестный звездолёт и просит нас принять пассажира.

— Чей звездолёт?

— Галактической системы космической безопасности.

— Так в чём дело? Принимай.

Николай связался с попутчиком и тут же в кабине звездолётчиков возник командор Галактической системы.

— Атлант?! — всмотревшись в лицо трёхметрового гостя, воскликнул Руслан. — Здравствуй, дорогой Учитель!

И кинулся его обнимать.

— А где Агидель? — спросил Атлант.

— Отдыхает. Надо вывести её из анабиоза, — он подошёл к ложементу жены и отключил систему. — Дель, ты не представляешь, кто к нам пожаловал!

Когда радость от встречи немного улеглась, Атлант рассказал им о войне с тёмным миром в созвездии Гончих Псов. Война была термоядерная, уничтожено несколько враждебных планет, но и Галактическая система безопасности потеряла три боевых

звездолёта. В окрестностях планеты Арс появился неизвестный корабль, поэтому было решено сопровождать земной звездолёт.

— А Солнечной системы, друзья мои, уже нет, — сообщил он просто, словно речь шла о каком-то пустяке.

— Ты перепроверял? — спросил с надеждой Руслан.

— Ни один наш телескоп не видит Солнце, — сказал Атлант со вздохом.

— Будем обживать, как родную, планету Арс, — сказала Агидель и закусила губы, не давая воли нахлынувшим чувствам.

— Прямо по курсу планета Арс созвездия Ориона, — женским голосом, словно вторя словам Агидели, сообщил бортовой информатор.

И действительно, перед ними медленно увеличивался шар планеты. Были видны уже коричневые пятна гор и зелёные — лесов, а также темно-синие разливы океанов. И окутан был шар голубым свечением, как и планета Земля.

«Спит Земля в сиянье голубом», — вспомнил Руслан строку Лермонтова.

Ясенево, 2018–2019

* * *

Р.С. Из отзывов на публикацию, начатую в № 31

Уважаемый Александр Андреевич!

Прочитал начало Вашего романа «Инопланетяне» в журнале «Аргмак». Получил большое удовольствие. Удивляет, как можно в таком, в общем-то малом по объёму, художественном произведении представить и обсудить такой комплекс актуальных проблем, стоящих сейчас перед человечеством. Поражает Ваша эрудиция и компетентность во многих научных вопросах. Для меня это знакомая тематика, это сфера моей профессиональной деятельности. Как говорят в Одессе, «я имею, что сказать по этому поводу». Для всех образованных людей очевидно, что всё, о чём Вы пишете, это действительно «актуальная фантастика», это ближайшее наше будущее, а, может быть, и настоящее...

По таким произведениям нужно устраивать «круглые столы» с участием творческой интеллигенции всех направлений. Это звон колоколов о будущем земной человеческой цивилизации. По сути поднимаются важные и первостепенные вопросы, связанные с проблемой двух культур, с отсутствием каких-либо моделей развития нашего социума, с экологией, с ответственностью учёных и политиков. Проблема с коронавирусом из той же серии. Эти проблемы должны обсуждаться на уровне ООН и римского клуба. Как говорил Д. Лихачёв, XXI-й век должен быть веком гуманитарным, иначе другого не будет никогда...

Спасибо за Ваш труд! Хорошо, что у нас есть писатели такого уровня! Пользуясь случаем, поздравляю Вас с прошедшим Юбилеем!!! Здоровья Вам и творческих успехов!!!

С уважением, Милованов В.Н.

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НАТАЛИЯ МЕТС

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ — АРВО МЕТС

Опыт сравнительного анализа

* * *

Правомерно ли говорить о таких разных поэтах, объединять их не только на бумаге, но и в мыслях. Георгий Иванов — всемирно известный поэт первой половины 20 века, пишущий в рифмованной традиции.

И Арво Метс — поэт второй половины 20 века, пишущий свободным стихом. Правда и его стихи прошли испытание временем, уже почти 25 лет минуло, как он ушёл из этого мира, но стихи его продолжают читать и переводить на шведский, испанский, сербский, хорватский, немецкий, английский, болгарский, польский, грузинский, украинский, хинди и другие языки...

Стихотворение самого Георгия Иванова рассеяло мои сомнения.

*Слепой Гомер и нынешний поэт
Безвестный, обездоленный изгнанник,
Хранят один — неугасимый! — свет,
Владеют тем же драгоценным знаньем.*

Когда читаю стихи Георгия Иванова, поражаюсь, насколько близки по каким-то главным основополагающим темам и чувствам стихи Арво Метса к стихам Георгия Иванова. Какая-то внутренняя переключка.

По-настоящему со стихами Георгия Иванова мы познакомились только в конце 80-х, раньше в России его не печатали. В основном, все стихи Арво к этому времени были уже написаны.

Судьба Георгия Иванова всем известна. Эмигрант, в последние годы бедствующий, страдающий, продолжающий любить Россию. Его «Посмертный дневник» — это крик вопиющего в пустыне. Как написал поэт Виктор Верстаков в стихотворении о Георгии Иванове: «Не умирают поэты, а погибают они».

Это относится и к Арво Метсу. Последние годы жизни Арво были очень трудными. Эти страшные годы нашей страны, названные перестройкой. Когда все внутри страны стали воевать со всеми. Распался Союз Писателей, почти прекратил существование журнал «Новый мир», в котором Арво проработал 16 лет, умирали театры, шла настоящая гражданская война, вплоть до обстрела Белого Дома. Распался СССР, отделилась Эстония. Заболела мама Арво, умерла. «А могила за крепким замком границы».

Почему-то в нашей стране во все времена хорошие поэты страдают, погибают. Силы зла буквально набрасываются на талантливого поэта.

Арво на себе все это испытал:

*Я и сам не знаю,
как меня,
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта...*

*Со всеми
вытекающими последствиями.*

Арво думал о судьбах русских поэтов. После ухода Арво из жизни, я собрала его стихи. Возникла подборка из 20 стихотворений «Судьба русского поэта», включающая в себя стихотворения, посвящённые Пушкину (5 стихотворений), а также Дельвигу, Языкову, Тютчеву...

Мне, читая стихи Г. Иванова, по прошествии 20 лет после ухода Арво из жизни, захотелось произвести некоторый сравнительный анализ. И оказалось: то, что важно было для Арво, было важно и для Г. Иванова. Это

Небо, звезды; Свет, сияние; «Ожидание чуда» А.М. «обещанного мне» Г.И.; **Музыка**, внутренняя «смутная, чудная», слышимая только поэтом; **Пушкин** родной и для Георгия Иванова, и для Арво Метса; **Россия** — очень сложные взаимоотношения и глубокая связь; **Ощущение дара своего как Божьго дара.**

Самое удивительное — даже детали, создающие настроение стихотворения, часто совпадают. Вот одно из ранних стихотворений **Арво Метса**:

*В голубой коляске
лежит он
с соской.
В тихих глазах отражаются небо
и птицы,
плывущие высоко.
Наклонившись,
я вдруг увидел
самого себя —
в стареньком пальто.*

Обратите внимание: «в стареньком пальто» и «небо»...
А теперь прочтите следующее стихотворение.

Георгий Иванов:

*С бесчеловечною судьбой
Какой же спор? Какой же бой?
Всё это наважденье.
Но этот вечер голубой
Ещё моё владенье.*

*И небо. Красно меж ветвей,
А по краям жемчужно...
Свистит в сирени соловей,
Ползёт по травке муравей –
Кому-то это нужно.*

*Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух,
Что старое моё пальто
Закатом слева залито,
А справа тонет в звёздах.*

И небо, и пальто, и муравей, и звёзды

Арво Метс:

*Люблю прижаться
к шершавой земле.
Травинки шумят, как дремучие леса.
Бродят путешественники-муравьи.
Давно улетела в небо
последняя капля росы
Учусь смотреть
глазами земли.*

Маленькие муравьи в траве и высокое небо создают глубину и ощущение бесконечности...

Удивительно, но в стихотворении В. Н. Попова «Жил на свете Арво Метс, Арво Метс...», написанном в год ухода Арво (1997), эти муравьишки продолжают дело Арво — оберегают людей от укулов жизни.

Владимир Попов

*Жил на свете Арво Метс.
Арво Метс.
Он стихи писал по-русски
и немного по-земному.
А в стихах светило солнце.
А в стихах шумело море.
Звонко девушки смеялись.
И еловые иголки
подбирал он у дороги,
чтобы сердце не кололо.
А в конце восьмидесятых*

в опустевшем «Новом мире»
 он бродил по коридорам,
 как дневное привиденье.
 На пиджак его потёртый
 осыпалась штукатурка,
 как былая позолота
 от несбывшихся времён.
 — Вы ко мне? — спросил он тихо.
 — Я не к вам! — сказал я тихо.
 Виновато улыбнулся
 одинокий Арво Метс.

Он когда-то был счастливым.
 Ну конечно, был счастливым...
 Ах, каким же был счастливым
 бесподобный Арво Метс!
 И в стихах светило солнце.
 И в стихах шумело море.
 Звонко девушки смеялись.
 И еловые иголки
 подбирали он у дороги,
 чтобы сердце не кололо.

А потом его не стало...
 И еловые иголки
 деловые муравьишки
 подбирают у дороги,
 чтобы сердце не кололо.

Арво Метс:
 Синий и белый февраль...
 Я не знаю сам,
 Почему иду к берёзе
 И смотрю вверх,
 В небо.
 Стою и стою.

Арво всегда видел небо. Когда он болел, просил не загораживать небо. Помню. Прилетел белый голубь и кружил на небе перед окном, освещённый солнцем, несколько дней, пока Арво не выздоровел. Наверное, это было чудо.

Арво Метс:
 Какие крупные здесь звезды,
 И какие они живые...
 Таинственный неба чертёж
 Начинает с тобой говорить...
 Но язык его, увы,
 племя человеческое забыло.

*Вешая пелёнки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломлённый мирозданием,*

*У кончиков пальцев
мерцает звезда.*

Звезды не как пейзаж, а как живые, свои, родные, с ними личная связь...

Георгий Иванов:

*От синих звёзд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звёзд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.*

*И сердце беспокоится. И в нём —
О, никому на свете не заметный —
Вдруг чудным загорается огнём
Навстречу звёздному лучу — ответный.*

*И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира.*

Стихи и звёзды остаются
А остальное — всё равно, — говорит Георгий Иванов.

Чудо. Ожидание чуда. Обещание чуда. Осуществление обещания.

Арво Метс:

*Каждая клетка жива
Ожиданием чуда.*

*И как грустно,
если к вечеру
не случится оно.*

Георгий Иванов:

*А небо было в розах и в огне
Таких, что сердце начинало биться...
Как будто всё обещанное мне
Сейчас должно осуществиться.*

Арво Метс:

Я не знаю,
кто ты...
Случай или подарок?
Или плата за ожидание?
Есть ли в мире такая плата?
Я ничего не знаю.

Струна ожидания
Так натянута,
Что басок шмеля
Кажется началом
Неведомого разговора

И хотя, может быть, чудо в тот момент не происходило, но из этого чувства возникли замечательные стихи, и это действительно было чудо. Чудо произошло, мы это знаем, а поэты реально в своей судьбе медленно двигаются к летящему в них камню или к пуле... Но это противоречие состояния души и реальности высекает искры, свет, сияние. Душа в страдании оттачивается, как у точильщика нож, соприкасаясь с жёстким абразивным кругом, становится обострённо восприимчивой. И мы до боли в сердце это чувствуем. Да, нужна жертва. Арво писал: «за каждое хорошее стихотворение нужно страдать до или после». Даже в христианстве эта бескровная жертва (кровавую жертву принёс за нас Искупитель) приносится на каждой литургии и принимается с причастием. Мы часто это забываем.

Георгий Иванов:

В награду за мои грехи,
Позор и торжество,
Вдруг появляются стихи –
Вот так... Из ничего.

Всё кое-как и как-нибудь,
Волшебно на авось:
Как розы падают на грудь...
– И ты мне розу брось!

Нет, лучше брось за облака
Там рифма заблестит,
Коснётся тленного цветка
И в вечный превратит.

В конце концов судьба любая...
Могла бы быть моей судьбой.
От безразличья погибая,
Гляжу на вечер голубой

*Домишки покосились вправо
Под нежным натиском веков,
А дальше тишина и слава
Весны, заката, облаков...*

*Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами*

И это обещание осуществилось. Вернулся Георгий Иванов, пришёл в славе стихами в Россию.

Самое особенное в стихах Георгия Иванова и Арво Метса — это **Сияние, Свет**.

Арво Метс:

*Та далёкая
берёзовая роща
всю зиму
спасала меня
своим светом.*

*Воздух наполнен
золотым отсветом
осенней листвы.*

*Кажется даже –
где-то невдалеке
купола храма.*

*Аллея золотистых берёз
вся светится –
словно солнце спряталось в ней.*

Георгий Иванов:

*Стоят сады в сияньи белоснежном
И ветер шелестит дыханьем влажным.*

*Поговорим с тобой о самом важном,
О самом страшном и о самом нежном,
Поговорим с тобой о неизбежном...*

И это сиянье, и эта неизбежность...

И уж совсем страшно обнажается эта двойственность в стихотворении

*Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит*

...

*Гляди в холодное ничто
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.*

*Даже больше — кому это надо —
Просиять сквозь холодную тьму...
И деревья пустынного сада
Широко шелестят: «Никому».*

Сияние прошло через всю жизнь Георгия Иванова:

Сиянье. В двенадцать часов по ночам,...

...

*Сиянье. Сиянье Двенадцать часов.
Расплата.*

*В лучах расцвета-увяданья
В узоре пены и плюща
Сияет вечное страданье,
Крылами чаек трепещая.*

*То, что было и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждём,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождём,*

*Это всё. Ничего не случилось,
Жизнь, как прежде, идёт не спеша.
И напрасно в сиянье просилась,
В эти четверть минуты душа.*

*То, о чём искусство лжёт,
Ничего не открывая,
То, что сердце бережёт, —
Вечный свет, вода живая.*

Антология, которую собирал Арво (стихи за 50 лет (1941–1991), к сожалению, так и не опубликованная, названа им «Неугасимый свет».

Арво Метс:

*А много ли
человеку нужно?
Краюха хлеба.
Кружка молока.
И светлый луч
над головой.*

*Золотые купола
и кресты
зажглись
на утреннем солнце,
ослепляя сиянием.*

*Это всего лишь
далёкий отблеск
божественного сияния
на высокой горе,
что открылось
избранникам
Царства Небесного.
«Просияло лице Его,
как солнце,
одежды же Его
сделались белыми
как свет.»*

Удивительное отношение к **музыке**. Музыка — не ритмическая составляющая стиха, а как состояние души поэта.

Георгий Иванов:

*И музыка. Только она
Одна не обманет.*

Арво Метс:

*Дома, трамваи,
Магазины, кастрюли.
Хожу среди них,
как марсианин
среди памятников
непонятой цивилизации,
поставленной наспех
для первых потребностей.*

*...А где-то внутри
по тихим углам –
кристаллы музыки.*

Музыка, как то звучание, без которого нет стихотворения. И хотя Арво Метс писал верлибры, где не так очевидна музыка, в его стихах естественна интонация, так важны паузы, так влияют на стихотворение понижение, повышение голоса, меняющийся ритм разных стихотворений. В русской музыке у Даргомыжского, Мусоргского, Шостаковича преобладает не мелодия, а интонация, речитатив. Что свойственно и хорошему верлибру. Об интонации в верлибре писал Арво в 1971 году.

Арво Метс:

«Троица» Рублева
 Беспричинная нежность
 разлита в фигурах,
 которую часто
 в себе узнаю.

Вы ангелы, тоже
 наверное, поэты?
 И вам, кроме музыки
 ничего не нужно?

Георгий Иванов:

Приближается звёздная вечность

...

Это музыка миру прощает,
 То, что жизнь никогда не простит,
 Это музыка путь освещает,
 Где погибшее счастье летит.

Арво Метс:

Где взять слова
 для певучести шеи...

Играют скрипки.
 И ты сидишь
 Невидимой ласке подставив лицо.

Нос урчит как гармонь
 макушка касается неба...

Весь день
 я искал одиночества,
 чтобы слушать тебя.

Ты гудишь во мне,
 как орган
 в высокой церкви.

Доверяю тебе,
 как чистейшему звуку...

А я
со своей
невидимой скрипкой?

Без музыки в душе, вероятно, нет поэта. Блок мог писать только, пока была музыка. Когда Арво стал работать в отделе публицистики, Муза замолчала. Арво не мог писать стихи. И даже перейдя в отдел поэзии, не сразу вернул свой дар. Только русские леса, поля Владимирской области, Рязанской, села Былино его вдохновили...

Та
далёкая
берёзовая роща
всю зиму
спасала меня своим светом,
а ныне
увидеться с ней
не удалось.
Гербовые заботы,
как писал Пушкин
в Дерпт Языкову.

Георгий Иванов:

Мелодия становится цветком.
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжёлый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?

Туман...Тумань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!...

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Медленно и неуверенно
Месяц встаёт над землёй.

...

Все в этом мире по-прежнему,
Месяц встаёт, как вставал,
Пушкин именьё закладывал
Или жену ревновал.

*И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.*

Пушкин! Это удивительно. Пушкин для Г. Иванова и для Арво Метса родной, близкий человек.

Арво Метс:

*Мечта —
чтобы Пушкин читал твои стихи.
Чтобы возле какой-нибудь строчки
остался летучий след
его острого ногтя.*

*А говорят —
золотой век...
Тютчев спасся
только потому,
что прикинулся
не поэтом.*

*Лилипуты
Так опутали Гулливера,
что при малейшей попытке
освободиться,
верёвки ещё туже
врезались в тело.*

*...Это я думал,
читая письма
Пушкина.*

*Пушкин —
это когда
после долгих странствий
возвратился домой.*

*Пушкин —
это когда
дышится легко.*

Георгий Иванов:

*Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю,
Вы бы говорили, я б, развесив уши,*

Слушал бы да слушал.

*Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже,
Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.*

Россия.

Арво Метс родился в Таллинне. Мать лютеранка, отец православный.

Арво православный человек. Сам изучил русский язык. Полюбил русскую литературу. Окончил Ленинградский Библиотечный институт и Литературный институт в Москве. Оба с красным дипломом. И прекрасно знал русскую литературу. И классику, и писателей своего времени.

Когда только появился первый сборник Рубцова, Арво принёс со словами: «Замечательный поэт». Рубцов тогда ещё был жив. Его мало кто знал.

Очень ценил Шукшина. Мы не пропускали ни одного его фильма.

Арво как-то чувствовал беды России, полюбил и людей, и страну. Раннее стихотворение «Троица» написано до 1965 года. После празднования 1000-летия Руси написано стихотворение: «Рублевская синь просвет в тёмных тучах...» В 90-е годы — «Как много на великой Руси шевелится тихих губ в отчаянии. Когда их услышит Бог?» Незадолго до обстрела Белого дома предчувствует ВРЕМЯ: «Воздух всё густеет и превращается в свинец».

*Пречистая
Божия Мать,
излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!*

Георгий Иванов:

*«И сорок лет спустя мы спорим
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час над Чёрным морем
Россия рухнула во тьму...»*

* * *

В страшные перестроечные годы Россия в очередной раз рухнула во тьму. Как следствие, бесконечные конфликты на национальной почве. Арво констатирует:

*Пути цивилизации —
от Нагорной проповеди
к Нагорному Карабаху.*

Сложные взаимоотношения с Россией. Георгий Иванов жил в эмиграции. Той России, которую он знал и любил, не стало.

*Россия счастье, Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал...*

Ещё два замечательных стихотворения:

*Нет в России даже дорогих могил...
Может быть, и были — только я забыл....*
и

На взятие Берлина русскими

*Над облаками и веками
Бессмертной музыки хвала:
Россия русскими руками
Себя спасла и мир спасла.*

*Сияет солнце, вьётся знамя,
И те же вещие слова:
«Ребята, не Москва ль за нами?»
Нет. Много больше, чем Москва!*

* * *

У Арво с Россией тоже непростые отношения. До развала СССР Эстония и Россия были одним домом. После — Эстония не могла простить Арво любви к России. В Эстонии его не печатали. Хотя он очень много делал для Эстонии. Переводил эстонских поэтов сам, делал подстрочники для Давида Самойлова, добивался их публикации в «Новом мире».

В России тоже с недоверием стали в 90-е годы к нему относиться. Эстонец. Тем более, что мы не участвовали в этой перестроечной эйфории и с ужасом смотрели на слом страны.

Последние годы жизни были очень тяжёлыми. Поэзия никому не нужна. Ни в России, ни во времена Георгия Иванова в эмиграции. Безденежье.

Что останется от творчества?

Арво Метс:

Без имени я уйду, без имени разве найдут?

Георгий Иванов:

*Как обидно — чудным даром
Божьим даром обладать
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.*

*И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но ещё к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.*

*До нелепости смешно
Так бесславно умереть,
Дать себя с земли стереть,
Как чернильное пятно!*

*Ну, а всё же, след чернил,
Разведённых кровью, —
Как склонялся Азраил
Ночью к изголовью,*

*О мечтах и о грехах,
Странствия по мукам —
Обнаружится в стихах
В назиданье внукам.*

Хождения по мукам отражены и в стихах Арво Метса. По наущению взрослых мальчишки кидали в него камни:

*Ты ведь мечтал
стать пророком.
Забыл, что их побивают
каменьями.*

И всё же вера в то, что стихи — это Божий дар — примиряет с жизнью:

*Благодарю Тебя,
Боже,
За ещё один день*

*За этот сад,
весь залитый солнцем.*

В «Посмертном дневнике» Георгия Иванова одно из последних стихотворений:

*Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,
Перед смертью благословить
Всех живущих и всё живое.*

*И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья.
Чтобы вспыхнуло пламя огня,
Милосердия и очищенья.*

И всё же завершить размышленья о Георгии Иванове хочется его стихотворением:

*А что такое вдохновение?
— Так...неожиданно слегка*

*Сияющее дуновение
Божественного ветерка...*

А об Арво... Вспомнить его стихотворение «Памятник»:

*Уютная,
какая-то домашняя
зелень
бронзы Пушкина
давно уже
весело слилась
с лепетом листвы
бульваров
и роц.*

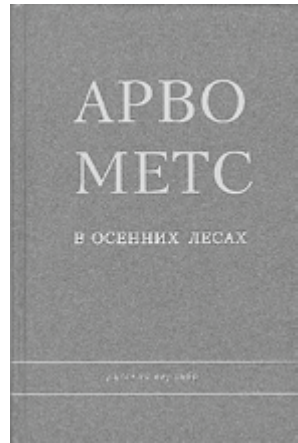
И закончить словами Владимира Смирнова из предисловия к книге Арво Метс «В осенних лесах» (2006):

«В своей последней книге Арво написал:

«В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого всё здание будет построено на песке».

Свой дом он построил на вольном просторе. Я верю и знаю, что это он написал о себе, о милой домашней вечности, где душа поэта:

*...вновь узрит
лазурность
и необъятность небосвода
Руси.»*

10 ноября 2019 года

Сегодня исполнилось 125 лет со дня рождения Георгия Иванова. А я, не зная этого, почему-то сегодня закончила эту работу.

ПОРА ЛИХОЛЕТИЙ

О романе Веры Галактионовой «Спящие от печали»

*Вселенский ужас веет над землёй,
Взлетает вихрем вырванный барак.
Кривляясь, звёзды рушатся во мрак,
А двое спящих держат путь домой.*

*Георг Тракль**

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ НЕОМОДЕРН

Так вышло, что об одном из главных романов начала двадцать первого века в критике сказано было немного. С момента публикации «Спящих от печали» Веры Галактионовой прошло уже почти десять лет. Но произведение, масштабно осмысливающее трагедию русского народа в девяностые годы, само в полной мере осмыслено не было. Из всех немногочисленных литературно-критических публикаций о романе стоит выделить две: статью известного критика Капитолины Кокшенёвой «Роман-крест Веры Галактионовой»** и исследование «ассоциативно-символических рядов повести» доцента Кубанского госуниверситета Станислава Чумакова — «Знаки гибели и надежды»***.

Обе работы концентрируются в основном на частностях, отдельно выбранных аспектах текста. Наиболее очевидно это в статье Кокшенёвой, главная мысль которой в следующем: «Роман «Спящие от печали» — самое глубокое и тонко-ограниченное произведение новейшего времени, построенное на крестоцентричном и христоцентричном фундаменте». Далее Кокшенёва развивает авторскую концепцию, объясняющую, почему это так: оказывается, что и движется роман, и героини распределены — чётко по горизонтали и вертикали. Только вот сосредоточившись на доказывании геометрического тезиса, критик исключает из поля своего зрения всё к нему не относящееся. В ином направлении работает Станислав Чумаков. Его академически точные рассуждения о «Спящих от печали» серьёзны и внимательны. Чумаков подробно рассматривает образно-символический пласт произведения, выявляет основные смыслы и мотивы, однако на этом останавливается.

Другая проблема — в том, что ни один из критиков, писавших о романе, не усомнился в его художественном методе. Так, Чумаков как бы невзначай несколько раз

* Георг Тракль — австрийский поэт-экспрессионист начала двадцатого века.

** Капитолина Кокшенёва. «С красной строки». Главные лица русской литературы. «Роман-крест Веры Галактионовой. Русские вне русского мира». М., 2015. Изд. «У Никитских ворот».

*** Станислав Чумаков. «Знаки гибели и надежды». О романе Веры Галактионовой «Спящие от печали». «День литературы», № 7, 2011.

произносит: «...новое произведение Веры Галактионовой, уже заслужившей репутацию одного из отечественных первопроходцев психологического реализма»; «Это не означает, что Вера Галактионова в чём-то отходит от крепкой реалистической основы своего произведения». Кокшенёва же лишь оговаривается, что подлинное обновление литературы возможно только «как преодоление «гипноза» простейшей реалистической эстетики и понимания художественной практики как глубоко-личностного переживания христианских смыслов».

Определение «Спящих от печали» как психологического реализма и реализма вообще вызывает сомнения. Роман обладает рядом черт, которые позволяют предположить его принадлежность к модернизму. Возможно, именно из-за ошибки в определении метода случаются разночтения в жанровом определении. Например, Кокшенёва без раздумий называет произведение романом, а Чумаков убеждённо зовёт его повестью. Но если попробовать рассмотреть «Спящих от печали» как модернистский роман, многое встанет на свои места.

Во-первых, в романе реализуется характерная модернистская установка «мир-хаос». В «Спящих от печали» перед нами — страна в эпоху кризиса, страна, ввергнутая в социальную катастрофу на крутом историческом повороте. Действие романа происходит в азиатском степном городе Столбцы (Казахстан), который после развала СССР оказался за географическими пределами России. Жители его существуют в ужасающей бедности: горно-обогатительный комбинат закрылся, и люди просто не могут больше найти для себя достойного занятия. Пустота, холод и печаль царят в ночном обсточенном городе. Конкретный момент повествования — ночь Великого Перелома, бурана, когда зима побеждает осень и утверждает в своих правах. В эти часы обитатели маленького барака спят и видят сны, их прошлое и будущее являют себя в тяжёлом сновидении. Будто в состоянии сонного паралича, они не могут очнуться от осознаваемого кошмара. Белая бабочка дрёмы летает над ними и творит всё новые видения. Спящие от печали — не только конкретные герои, но и весь народ, который не может очнуться от болезненного оцепенения.

Во-вторых, в основе произведения лежит христианский миф: молодая мать Нюлочка и её муж Иван растят младенца Саню, в котором брезжит будущее избавление. С новым мессией связан ряд событий, прямо указывающих на его высшую природу. Это и Вифлеемская звезда — «весёлая звёздочка», зажигающаяся от крика Сани; и Сретение — наречение Сани монахом Порфирием; и Благовещение — «весть», принесённая тремя белыми голубями в финале. Кроме того, заброшенные горные работы сравниваются со строительством Вавилонской башни, где раньше звучал «гвалт языков и наречий со всего Советского Союза». Не раз упоминается и «небо вынужденного греха», под которым жители Столбцов оказались не по своей воле. Принципиальное мифологическое мироощущение романа выражается также в тотальной символизации художественного пространства, и, как следствие, сакрализации мифа.

В-третьих, в романе присутствуют формальные признаки модернизма. Его структура — это совмещение эпизодов, которые каждый из героев видит во сне и переживает в настоящий момент. Полноценная картина складывается благодаря частому чередованию повествовательных планов — прошлого, настоящего и фактического момента сна. Постоянная смена кадра может быть названа приёмом монтажа. Частые временные сдвиги и переплетения образуют свободную композицию. В «Спящих от печали» отсутствует единая сюжетная линия, фабула нивелирована. Вместо этого — множество сюжетных линий, каждая из которых лишена линейности повествования. Монтаж, свободная композиция, уничтожение фабулы и отсутствие линейности — типичные формальные характеристики модернистского романа.

Примечательно, что критик Алексей Татаринов в одном из своих выступлений* схоже характеризует роман: «Прекратите пользоваться словом «постмодернизм». Иначе на долгие годы попадёте в компанию унылых демагогов. Попробуйте посмотреть на литературный процесс 21 века как на яркий, вполне личностный «неомодерн». <...> Есть ли патриотический неомодерн? А как же! Роман Петра Краснова «Заполье». Роман Владимира Личутина «Беглец из рая». Повесть Андрея Антипина «Дядька». Роман Веры Галактионовой «Спящие от печали». Роман Юрия Козлова «Свобода». Весь Проханов...» И, хотя введённый Татариновым термин существует в рамках совсем неоднозначного призыва, внимания и размышления он заслуживает точно.

«Спящие от печали» — произведение гораздо более сложное, противоречивое, многогранное, чем то представление о нём, которое складывается после прочтения критики. И его открывшаяся модернистская природа станет отправной точкой для подробного и внимательного рассмотрения.

ЛАБИРИНТ ОТРАЖЕНИЙ

Теперь разберёмся в сложном устройстве «Спящих от печали». Кокшенёва сводит его к крестоцентричности, настаивая на том, что в романе есть образы «осевые», вертикальные (старшее поколение, хранящее прошлое), и горизонтальные: «*Подлинная ценность определяется вертикальной концепцией — горизонталь не удержит человека в образе «вполне человека» (библейское) и историю в образе, присущем русскому народу*». К людям «горизонтальной оси» критик причисляет, например, молодых братьев: наркомана и бандита. Кокшенёва не иллюстрирует свою мысль подробным делением героев, потому читателю остаётся самому домысливать принадлежность персонажей к той или иной линии. Вообще всё это напоминает скорее философию «Общего дела» Н. Ф. Фёдорова, где утверждается, что прежде всего физически горизонтальное положение для человека — зависимое, и в процессе своей эволюции он приходит к освобождению, т. е. к положению вертикальному. Но если бы образную систему «Спящих от печали» можно было решить двумя пересекающимися друг друга росчерками, доказательная база Кокшенёвой была бы гораздо более внушительной...

Действительно, в романе можно выделить два основных типа героев, да вот только по другому принципу, и в тесном взаимодействии друг с другом. Это «бывшие» советские люди, с развалом Союза лишившиеся своих социальных ролей, и «нынешние», окончательное взросление которых пришлось на ранний постсоветский период.

Среди первых — деятельная учительница физики Сталина Тарасевна. Вместо ударного педагогического труда она теперь сторожит автозаправку и мечтает о случайной бандитской пуле. Причины мечты утилитарны: если убьют на работе, похоронят бесплатно. У семьи Тарасевны, которая состоит из дочери, безработного зятя и внучки, денег не то что на похороны, а даже на жизнь — нет. Сон Тарасевне приходит соответствующий: «*Даже под тяжёлым одеялом она спала в позе бегающей стрелглаз старухи — выбросив руки вперёд, к желанной цели, и широко улыбаясь во сне беззубым ртом: Тарасевне снилось, что её убили*».

«Бывшим» является и старик-азиат Жорес, несмотря на свою национальную принадлежность остро ощущающий потерю страны. Всю свою жизнь Жорес тяжело и честно работал на стройках социализма, а теперь, отселённый в барак предприимчивой невесткой, мучается от честно же заработанных когда-то болезней: «*Бросает старика Жореса то в нестерпимый жар, то в холод проклятая ревматическая лихорадка. Гуляет*

* Алексей Татаринов «Постмодернизма больше нет»/Интернет-журнал «Соты», 2018

в теле болезнь, змеится, будто позёмка, лижет ледяными тонкими языками его суставы — и жжёт. Или это он опять плывёт в зимнем котловане, отыскивая в бурлящей ледяной воде край трубы».

В самой крошечной комнате обитает всеми забытый поэт Бухмин. Ставший своей тенью, эгоцентричный и когда-то известный, он предпочитает лишний раз себя собой не ощущать: *«Давно уже не весёлый и не красивый, поэт перестал смотреться в навесное зеркало — из стекла глядела на него после умывания только тёмная и старая чья-то рожа с жёсткими волосами, торчащими из ноздрей, из жёлтых огромных ушей. А таким бывший красавец Бухмин видеть себя не желал. За хлебом он выходил в сумерках, брёл кривой захолустной дорогой, где не было встречных людей, в магазине же прятал лицо в воротник».*

Менее сочувственно изображён зять Нюрочки, Бирюков-старший, который регулярно приходит к молодой семье, чтобы упрекнуть в нечестном заработке и набить желудок чужой едой. Сам же Бирюков-старший в партийное своё время пользовался властью не во благо: *«Он, когда партийный был, горнякам часы урезал, из принципа! А они ведь таких фуфайками душили...»* В настоящем Бирюкову осталась только его любимая история про молодую проститутку, которой он добродетельно дал денег и отпустил. Но, несмотря на хроническую гордость этим главным поступком в своей жизни, Бирюков всё же до сих пор о деньгах помнит и желает их вернуть.

Каждому из «старших» героев соответствует определённый образ-символ, так или иначе их определяющий. Для Тарасевны это — плюшевые передники. Её бывший ученик, коренной житель азиатских Столбцов, когда-то ругаемый ею за незнание русского языка и в особенности — за игнорирование знаков препинания, теперь стал большим депутатом. Но главное: *«И ещё целый набор передников подарил Тарасевне — синих, цвета школьных тех тетрадей, в которые ставила она ему двойки, двойки, двойки. И на каждом переднике, посередке, красуется огромный полукруглый белый карман. А на кармане — большущий знак препинания».* Тот, кого учительница корила за безграмотность, научил её новой грамоте. И она носит знаки позора с честью, ведь *«ценить надо, что ещё не трогают нас и жить нам дают».*

Течение жизни Жореса задают старые часы, которыми он когда-то был премирован за подвиг на котловане. И они *«не отсчитывают время, а куют его, раскалённое, на какой-то железной наковальне — бум, бум».* Непреходящей заботой Бирюкова-старшего является продажа старого ружья, свидетельства его былой силы. Но партийный прямой ствол без труда погнули бандиты в драке, потому теперь, с поправкой на современность, мужчина пытается продать согнувшееся, ни на что негодное, бездейственное оружие прошлого.

Судьбоносен образ-символ для Бухмина. Его старую квартиру с лёгкостью отнимает предприимчивая женщина, угрожающая выдуманном от него ребёнком — помогает ей в этом и переселяет Бухмина в барак хитрый спекулянт с блестящей серьгой в ухе. В своём новом жилище над окном Бухмин видит кольцо из нержавеющей стали. И предполагает, что на нём висела клетка: *«С певчей? — обомлел поэт от своей догадки. — Где же она теперь? — Всё певчее теперь сдохло! — грубо оборвал его обалдуй с серьгой».* Певчим больше здесь не место, в их числе — забытому поэту. Символ свободы рифмуется с аксессуаром пройдохи-обманщика и в него трансформируется. Важно, что именно на этом потерявшем своё сакральное значение кольце Бухмин в итоге вешается.

И бывшее когда-то важным и значимым из фильтра времени выходит покалеченным. Гордость превращается в унижение, подвиг в мучение, сила в слабость, свобода в неволю.

Как уже было сказано, все «бывшие» потеряли свои социальные роли. Но проблема несколько шире, чем просто потеря занимаемого в обществе положения. Перед нами — «люди труда, у которых отобрали труд». Для советских людей выпадение из

трудового процесса равносильно социальному самоубийству. Потому все перечисленные образы-символы олицетворяют занятие, деятельную сферу потерянной жизни, которая навсегда останется с ними.

Из-за этого и взаимоотношения между «бывшими» и «нынешними» во многом строятся на оценках образа труда первых. «Младшие» тесно связаны со «старшими», они — их полюса, их искривлённые зеркальные отображения.

Бесконечно раздражающий Тарасевну зять, молодой безработный физик Коревко, экзальтированно рассуждающий о науке, вопиюще отвратителен ей своей бездеятельностью в противовес её энергичности. Порой даже прямо называются антонимично-схожие черты: *«В общем, надежды на зятя не оставалось никакой. То он степень свою защищал, ездил и ездил от семьи, пока границ не было. Потом дома бумагу без толку марал. Школьные тетрадки у детей перетаскал, их шариковые ручки исписал без счёта, последнюю точилку для карандашей вчера сломал! А теперь наладился такие речи вести, будто не Тарасевна в школе проводила свои политинформации из года в год, а он, который и газет-то не читал...»* Честная работа старика Жореса трагически преломляется в двух его внуках. Один из них — бандит, угрожающий Нюрочке в случае неотчетных чувств посадить её сына на иглу, а мужа убить. Второй — наркоман, которому решено молодую мать передать после всех обещаемых зверств. Бесхитростности и слабости Бухмина противопоставлен упомянутый паренёк с серьгой, который двумя словами ловко решает квартирный вопрос поэта и моментально исчезает из его жизни. Также, как Бухмин когда-то исчез из жизни своей тётки и возлюбленной...

Самое явное, обратное отражение — это Бирюков-старший и семья его сына. В каждый приход к молодым Бирюков-старший поучает: *«Ра-бо-та-ть надо!!! Спекулянты вы, а не дети. <...> А сами кто? Рабочий класс? Нет: шантрапа вы. Барыги»*. Спекулянтами молодых людей он называет потому, что единственным доступным способом заработка для них стало плетение похоронных венков и изготовление водки. Но смерть в своём доме Бирюковы-младшие приютили ради жизни: любыми способами им нужно вырастить Нового человека, Саню — «слабого, что поднимет сильных», того, кто разбудит спящих от печали. В шаблоне мира Бирюкова-старшего продавать водку и торговать похоронными венками — недостойно, привычный ему строй порицает это.

«Нынешние», представленные в романе, воспитаны в условиях нового времени. Они, не имея за плечами иного опыта, совершенно естественно «встраиваются» в реальность и ищут способы выжить. И если Тарасевна желает скорой смерти, Жорес тяготится болезнями, Бухмин не может выдержать состязания с реальностью и кончает с собой, то молодые не так категоричны. Внуки Жореса, бандит и наркоман, а вместе с ними паренёк с серьгой, растворяются в существующих условиях и становятся типичными представителями времени. Коревко и дочь Тарасевны Галина существуют в режиме экономии энергии, пассивно надеются на будущее. Схоже для своей цели накапливают силы Нюрочка и Иван. Даже речевые характеристики «нынешних» резко отличаются от «бывших». Молодые говорят коротко, скупое, часто не отвечают вовсе. Вот бандит угрожает Нюрочке: *«Упрямая, да? Чухан будет — ребёнок твой. Игла, игла. Лучше открывай»*. А это сама Нюрочка и Иван игнорируют увещания Тарасевны: *«Чужих вождей мы выучили, а своего-то вождя, заступника своего, не догадались взрастить! Народного, нашего. Настоящего... — Иван словно не слышал и на яркий восклицательный знак внимания не обращал. <...> Крошечный, — не слушая Тарасевну, говорила Нюрочка и улыбалась младенцу — Маленький...»*

Но в этом сложном лабиринте отражений роднит и объединяет «нынешних» и «бывших» общая беда. Народ ощущает себя исторгнутым страной, потерянным, блуждающим. Ощущение катастрофы оглушает, предчувствие конца постоянно сменяет истерическая, мессианская, высшая надежда: *«Мы — человеческий хлам, живой*

сор, многомиллионные отбросы, плачущие по всем окраинам бывшего Союза, на бывшей своей земле. Мы – бывшие советские люди. Мы – бывшие люди. Но мы – хлам, который прорастёт. <...> Пожелтевшие от времени страницы старых наших книг ждут тебя, Саня... Скоро, скоро я покажу тебе большую премудрость, спящую в толстых томах. В одном из них писатель с бородою говорил о человеке Неклюдове, в другом писатель без бороды рассказал о человеке Хлудове. Клюв, хлуд – это хлам, Саня. Хлюд, клюд – это сор». В этом выразительном и мастерском с точки зрения языковых средств отрывке нам открывается один из основных мотивов произведения. Молодая мать неоднократно повторяет, что воспитает нового человека с помощью «пожелтевших томов», которые, быть может, она сама в поспешности понимает не до конца, но Сане передаст в безусловной достоверности. Не случайно упоминаются персонажи романа «Воскресенье» Толстого и пьесы «Бег» Булгакова: спаситель человечества должен быть воспитан на классической русской культуре.

Совершенно отдельно, будто «над» текстом располагается следующая группа образов: сумасшедшая, немая и монах-шатун Порфирий. Галактионовские блаженные, они тесно связаны с понятием «границы» в художественном пространстве романа.

Сумасшедшая в советские времена встречала приезжающих утренним поездом в Столбцы предостерегающими криками: *«И плакала безутешно над будущими их судьбами, и билась поодаль, в поляны, и кружила, и ругала спешащих к новой жизни по старому степному тракту – со своими сумками, тюками, чемоданами; с направлениями на комсомольскую ударную стройку: «Дураки... Какие дураки-и-и... К беде своей приехали! Вернитесь!!! Не поздно ещё...»* Её видела и Тарасевна во времена своей ранней юности, когда приехала работать в маленький городок учительницей. Именно она на протяжении всего повествования находится в самой тесной связи с юродивыми, и, несмотря на своё атеистическое мировосприятие, замечает трёх белых голубей, которые «пересекли линию человеческого взгляда крестообразно» – весть о будущем спасении русского народа.

Сумасшедшая, сгинувшая во времени, оставила по себе память: на месте её беспрепятственного кружения теперь стоит остановка из тюремной решётки, олицетворяющая ту самую, ненавистную жителям азиатской страны границу. И каждый день толпа людей, движимая инстинктивной злостью, сносит её в едином порыве: *«Бежит толпа. И вот уже десятки рук, мужских, женских, детских, ухватившись за чугунные ребристые прутья, раскачивают решётку по всей длине – упрямо, неистово, молча... До тех пор, пока, заскрипев, заскрежетав, покачнувшись, не опрокидывается она в канаву, с грохотом, вся как есть».* Остановка – символ неестественного рубежа между Россией и странами бывшего Советского Союза. Границы, расчертившие целое на части, разорвавшие единую ткань на лоскуты, являются предметом бесконечной народной ненависти.

Связан с лейтмотивом романа и образ немой, жившей в бараке в комнате номер три (цифра явно неслучайная), но пропавшей без вести. О её судьбе снова беспокоится одна только Тарасевна. Немая стережёт жизненные границы барачных жителей. Она, введённая в повествование после исчезновения сумасшедшей, является как бы её прогрессией. Из «смуглой красавицы юродивой» становится «дебелой немой», предупреждает о страшном не криками, но мычанием, потому что время отняло у неё речь. Вырождается, исходит, слабеет.

Немая предвещает несчастье Нюрочке: *«Я лично, сказала ей дебелая немая, ударяя себя кулаком в грудь, за такого, показала она на Ивана кулаком и скрючила палец, никогда, никогда бы не вышла, мотала она головой. А Нюрочка – красавица! Вот!»* Но что самое важное – немая является вестником центральной притчи романа о русском голубе, прилетающем в азиатскую степь, когда русский народ сошёл со своего пути. Именно немая своим страшным мычанием приводит всех к растерзанным голубем молодым

голубятам и оставшимся от голубки кровавым перьям. Подведя русских к знамению об их конце, она пропадает навсегда.

Кульминацией «юродивого» в романе становится образ бродячего монаха Порфирия, калики перехожего. Не зря Галактионова «вводит» этого героя под конец повествования. Для него нужно было подготовить почву, он — объединяющая высшая сила, олицетворённая древняя Русь, предвестник главного события. Порфирий носится из одной части Руси в другую, собирает и носит на себе грехи всего народа. Ряса его состоит из множества разных кусочков чужих одежд, которые он шивает на себе воедино. Сводя вместе потерянные части страны, разных людей, он прострачивает крепкой ниткой метафизические границы: *«На подоле, к примеру, алел кружок, вырезанный из детского носка, изношенного понизу, но вполне крепкого сверху. Зеленела так же на правом боку особо надёжная заплата из старой солдатской гимнастёрки. И даже крепкий угол выцветшего бабьего платка весьма уместно синел на левом его локте»*. Из уст Порфирия звучат две основные мысли «Спящих от печали». Это — и корневое понимание проблемы границы: *«Истинно! Правое дело — заградить межи. Заштопать их надобно научным путём»*, и осознание чужеродности нынешней власти: *«Нет, не власть нам та, что не от Бога. Которая не от Бога — никакая она не власть нам, нет...»* Понятно, что Порфирий — лишь предтеча будущих событий, пока он только отмаливает народ.

В конце романа монах возжигает огромное количество свечей за всех своих близких, за все двадцать миллионов, которые никогда не узнают об этом. А затем... Порфирий засыпает, и во сне получает разрешение завершить свой путь. Засыпает, благодаря чему возможно пробуждение для брошенного народа Столбцов от вязкой печали. Засыпает за него.

Важна и встреча Порфирия и Сани, в результате которой Порфирий нарекает ребёнка воином: *«Скажи только: воин — здесь пребывает, а Спаситель — там, над нами. Быстрой дорогой Воин к нему идёт... Или ничего не говори. И без меня всему научены будут, в положенный-то срок»*. Крик пробуждения Сани становится возможен только благодаря жертве Порфирия.

Конечно, можно и нужно сказать о том, что при формальном рассмотрении романа внезапное появление Порфирия может быть расценено как «Deus ex machina», неорганическое внедрение в текст идеологического подтекста. Но на самом деле Порфирий, поднявшийся над текстом в заключительной части романа, является его логическим выводом. Сумасшедшая, немая, Порфирий, Саня — все эти надмирные, пророчески-мессианские герои на самом деле выразители главных идей и посылов произведения. Стоящие как бы отдельно от сложно организованной образной системы, они поднимаются над ней и делают его законченно цельным. Постоянно повторяемое «Расти, Саня, Расти» окончательно утверждается напутствием Порфирия. Только благодаря ему читатель может быть уверен, что Саня теперь точно вырастет.

Как мы видим, двухчастная структура при более подробном рассмотрении легко превращается в трёхчастную, но и это ещё не предел. На самом деле в романе живёт множество других героев, которые не умещаются в схему и могут послужить основой для построения новой концепции.

До конца не обозначенной остаётся родовая линия Жореса: образы двух его сыновей, Максима и Горького, могут быть прочтены как два характерных пути их поколения. Максим умер пьяным в пожаре, а Горький поддался тотальной американизации и даже называться стал по-новому: Гариком. Но это не спасло его от угасания вблизи деспотичной торгашки, «чёрной боевой курицы», его жены. Она же, когда-то отселившая Жореса в барак, может быть сопоставлена с отчаянной мучительницей Бухмина, новой владелицей его квартиры.

А ведь есть ещё и мир чуханов, детей-оборванцев, которые живут в подвалах заброшенных цехов. Среди них особенно выделяется девочка-проститутка Алина: вынужденным трудом она добывает еду для детей и из последних сил заботится о своём младшем брате. Образует с ней синонимичную пару внучка Тарасевны, Полина, домашняя, искренне верующая и готовая заранее всех простить. Образную цепочку можно продолжать до бесконечности, различным образом группируя и связывая персонажей между собой. Ясно одно: роман «Спящие от печали» простирается за пределы любых концепций и схем, он в них просто не «влезает», что лишний раз говорит о масштабе изображения.

КРОВАВЫЙ РУЧЕЙ

Подобно многогранной образной системе романа, метафорическая основа произведения тоже имеет несколько слоёв. В «Спящих от печали» существует два вида метафоры: внешняя развёрнутая и внутренняя сквозная. Внешняя характера тем, что её мы можем обнаружить при беглом взгляде на текст, она наиболее очевидна. И даже — вынесена в заглавие, ведь сон здесь имеет второе значение. А именно: забытьё не только жителей городка, но и перманентная тяжёлая дремота многонационального народа бывшего Союза. Это могучая метафора, давящая над текстом и подчиняющая его себе. Внутренняя же метафора — та, что находится в «глубине» текста и постоянно развивается. Самой важной внутренней сквозной метафорой является кровь, на которой буквально «замешан» роман.

В первый раз кровь упоминается как связующее звено между матерью и ребёнком, Нюрочкой и Саней: *«Да, да... Мужчина не сопряжён с ребёнком нужным количеством крови, и боли, и мук»*. Затем кровь наделяется свойством содержательности, через неё Нюрочка собирается передать Сане знания: *«Я торопилась прочесть их до твоего рождения, чтобы кровь моя влилась потом в твои маленькие вены и артерии, обогащённая важным знанием — да, наскоро обрётённым, да, лихорадочно усвоенным, да, непомерным для меня знанием»*. Ещё раз кровь в своём онтологическом значении звучит в связи с вопрошающим призывом Нюрочки к жителям Гнёзда, местом в десяти километров от Столбцов, где в роскоши живут богатые повелители этого мира. *«Звери! Зачем питаетесь вы нашими живыми жизнями?»*, — восклицает мать во сне и не получает ответа. Здесь же мы узнаём, что Нюрочка страдает малокровием, из-за чего Саня родился, задыхаясь. От малокровия послеродовые швы никак не могут зажить, и чтобы избавиться от болезни, Нюрочке нужно гулять под солнцем и пить гранатовый сок. Его вампирически сосут из высоких стеклянных бокалов повелители Гнёзда, *«сбивающие свой наркотический коктейль из цветных точек — неустанно смешивающих в своём мерцании Запад с Востоком, Восток с Западом в одно дикое, рябое месиво, в котором становится всё больше красного, багрового, тёмного»*. Они полностью отняли у народа жизненно необходимые ресурсы, и теперь празднуют это за своими более чем полными столами. Это — в первом значении, буквальном. В переносном же смысле обитатели Гнёзда пьют кровь выброшенных за границы, оставляют их страдать от обескровленной, призрачной жизни.

С течением повествования кровь продолжает трансформироваться. В одном из лучших эпизодов романа Порфирий будто случайно показывает Тарасевне, как выбраться из тьмы, их окружившей. В ответ на её напористые вопросы он наливает вино в стакан: *«И вот глядит она на тонкую алую струйку, глядит. До половины красен стакан, а там и на три четверти багров, вот уж совсем он полон и чёрен стал почти. Молчит Порфирий и своего занятия не прерывает. Молчит и Тарасевна, опешив от*

происходящего. Через край льётся дешёвое терпкое вино, на свежую скатёрку её, выстиранную с хозяйственным мылом и прокипячённую в старой кастрюльке до полной, ослепительной белизны, а бродяжка всё льёт! <...> Слово «хватит» запомнила, нет? Или ещё, вот, слово есть. Не слабей оно этого: «довольно». Сумеешь ли распознать, когда надо его произнести?». Вино олицетворяет как человеческое терпение, которому когда-нибудь должен настать конец, так и всё ту же народную кровь, льющую через край.

С этой трактовкой связана и следующая, заключительная метаморфоза. Главный символ терпения в романе — чайный гриб, который выращивает Тарасевна на своём окне. Вещество растёт в любых условиях, но лучше всего «набирает» от случайных слёз старой учительницы. Бухмин, которого стеклянные банки на подоконниках бесконечно пугают, видит, что «в разбухающей осклизлости уже зарождается некий багровый знак — что-то живое и ещё не грозное, похожее на малый кровавый сгусток внутри куриного яйца, он видел это, видел. Как в избыточности терпения зарождается кровь...». Внутри всенародного великого терпения зарождается русский бунт, кровь, которая может пролиться в любой момент.

А Тарасевна видит опасно зовущее красное в небе над степью, прямо над банкой с чайным грибом: «Но там, над грибом, всё разрастается отчего-то красное, багровое, пугающее Тарасевну — то ли это болезнь её расцветает над степью зловещим заревом, то ли страх перед смертью домашней искажает зреньё сторожики, хватающейся за сердце здесь, в бараке, не на производстве». Маленькая дорожка крови, соединяющая родных людей, ручейками растекается по почве романа. Только ребёнок может разбить банку, чтобы остановить течение крови.

Причудлива мелодия галактионовской прозы. Ощущение баюкающей монотонности достигается за счёт ритмических повторений. Не прекращается беспокойная колыбельная Нюрочки, которая задаёт ритм всему повествованию. «*Расти, Саня, Расти*», — повторяет мать свою мантру, баюкая спящих от печали. Этот пульс начинает биться всякий раз, когда воспоминание спящих затягивается. Речь Нюрочки — источник наиболее отчаянной и отчётливой ритмизации: «*Я должна буду сказать очень многое тебе — и как можно раньше... Но, окрепнув и возмужав, однажды ты потребуешь ответа от них — от всех, кто решает, и решает, и решает, что русские — хлам...*» В такие моменты повествование достигает своего интонационного пика и, прерываясь, исходит в другой эпизод.

Когда же в это затверживание вмешивается автор с описательной или даже публицистически окрашенной речью, рассказ приобретает особенно гулкое звучание. Интонация Галактионовой простирается далеко за пределы синтаксически обозначенного предложения, продляется в эхо: «*И не завывает ветер в выбитых окнах брошенных многоэтажек, торчащих на горе. Немо зевают они в ночи, без вдоха и выдоха. Низом, низом летит стремительный лютый холод. И уже оцепенела от него земля, сделавшись каменной*».

Язык произведения насыщен и образен. Работая с многозначием и многомерностью слова, Галактионова достигает настоящей поэтичности: «*У тебя нет света, в земле... И здесь его тоже нет... Конец света, Лиза, наступает у нас тоже — каждый раз, когда отключает электричество кто-то, завладевший светом. Всем светом... Концом света*». Построенный на омонимичности слова «свет», пример этот существует сразу в нескольких жизненных плоскостях.

Не только языковая игра доступна Галактионовой, но и богатая языковая образность. Вот, например, динамичное и наполненное описание перелома осени зимою: «*Зима овладела городом. Она норовила снести машины тяжёлых голосащих домов и завернуть их по кругу, как спичечные коробки. И не было больше багрового зрака в вышине, лишь свинцовая*

серость тихо плавала над бурей, теряя свои очертания, пока и её не поглотила воющая, ревущая тьма. Только сухое электричество посверкивало мелкими холодными зимними молниями, коротко вспыхивающими в недостижимой высоте...» Пульсирующее художественное пространство одушевлено и будто само ощущает свою пустынную и оставленность.

Мир «Спящих от печали» и вообще восприимчив и чуток к состоянию героев, он реагирует на присутствие того или иного героя резкой образной вспышкой, соответствующей ситуации. Реальность то демонически клубится: *«А внук его, пахнувший парным мясом, жарко дышит в коридоре, переступая с половицы на половицу. И табачный дым вползает оттуда волнами. Они, длинные, сизые, шевелятся возле младенца, поднимая змеинные головы»*; а то упорядоченно концентрируется: *«Точно посередине круглого стола стояла пустая круглая солонка, потому что соль кончилась в доме. Иван и Нюрочка сидели вокруг небольшой пустоты, заключённой в тусклое стекло...»* Но есть и обратный процесс: образность меняется, «подстраивается» под мироощущение героев. И если в деревенской юности Нюрочки мы можем осязать чистую пустоту, то в её постсоветском материнстве — уже только фантазмагорические видения.

ПАУТИНА СПЯЩИХ

«Спящие от печали» — огромная паутина, где каждая нить пересекает другую и тянет за собой третью. Она замысловато сплетена, и за рассматриванием её хитрого узора можно провести часы. Она крепче стали, и обладает удивительным свойством останавливать кровь. Она состоит из множества маленьких частей, и является единым неделимым целым.

Роман масштабен и многообразен. В нём есть герои со своими судьбами; сложная образная система; различные виды метафор; многоуровневая работа с языком. С помощью сложной архитектоники текста Галактионовой удалось передать суть переходной эпохи, сделать это достоверно и монументально. И даже то, что произведение написано так, как оно написано, будто бы объясняется самой сутью хаотичного времени. Период девяностых годов в России — это и есть распад целого, после которого человек ощутил себя неприютной частицей несуществующего. Это великое множество людей, прошлое и будущее которых стали контрастны. Героя времени больше нет, тут все — герои, резко почувствовавшие себя антигероями в условиях случившегося выживания.

Однако финал романа, имеющего в своей основе миф, решён в спорном с ним соответствии. История всеобъемлющей народной боли неожиданно заканчивается прилётом трёх голубей, которые несут «весть». Кокшенёва, например, видит в этом органический художественный выход: *«Как большой художник, Вера не могла оставить героев в эсхатологической тоске — знаком новой жизни и надежды станут три белоснежные белые птицы, крестообразно пролетевшие над Столбцами (так видели герои)»*. Но почему? С прилётом трёх белых голубей перестаёт ругать зятя Тарасевна, а внуки Жореса пропадают из города, *«спешно уехав куда-то в степь»*. Галактионова авторитарно убирает их из романа, однако ощущение художественной правды и последовательности подсказывает: они не могут просто исчезнуть. В данном случае символ в романе подменяет объективную реальность.

Гораздо более мощным средством против «эсхатологической тоски» кажется пронесённая через весь роман надежда на подрастающего Саню. Да, это ещё не утверждение, но уверенное предположение. Критики говорят о Сане в одном ключе: *«Катарсис намечен, но отложен... Надежда дана, но остаётся и трагизм. Ещё слишком мал Саня и непредсказуемы перипетии его дальнейшей жизни»**; *«Этого героя пока почти что*

* Станислав Чумаков. «Знаки гибели и надежды». О романе Веры Галактионовой «Спящие от печали». «День литературы», №7, 2011

нет, он — русское может быть. Здесь русская надежда, шанс на воскресение всех прошлых побед. Герои романа сами не смогут, только Саня»*. Тарасевне же Саня и вовсе видится будущим вождём русского народа: «*Чужих вождей мы выучили, а своего-то вождя, заступника своего, не догадались взрастить! Не подготовили! Великого. А почему?.. Мы, мы, все учителя, сами себе должны за это поставить двойки!*» Но если перипетии жизни приведут не туда, если «может быть» не превратится в «точно», то результат, к сожалению, вполне предсказуем. Спящие от печали так и не проснутся, а все возможные революционные действия, вдохновлённые «вождём», будут совершены в ненадёжном порыве снохождения.

Зайти на новый круг сна — не совсем то же самое, что вырваться из него. И если надежда на Воина и Защитника представляется зыбкой и сомнительной, то вера во взрослеющего ребёнка как в нового человека, символ следующего родового звена — тверда и имеет под собой основания. Дело же не только в Сане, чудо-мальчике, который придёт и всех спасёт. Ведь и внучка старой учительницы, упорствующая пойти на уроки в пустующую зимнюю школу, отвечает на вопрос бабки «Зачем идти, Полина? Что, президентом ты станешь главным?», весьма однозначно: «Если надо, стану». Да и проститутка Алина, жертвуя собой, спасает от голода мать и детей-чуханов. Два второстепенных старших «детских» образа, две стороны одной медали, Полина и Алина, уже готовы брать на себя ответственность. Их наличие в романе позволяет говорить о том, что это не история о лидере-мстителе, а произведение о народном оздоровлении через приходящих в этот мир, новых детей России. По мысли Галактионовой, вырастить не только Саню, но его поколение, где он будет первым среди равных — общее дело. Благо, время на это есть: ведь Сане пока только десять лет.

В конце одного из интервью** Галактионову спросили, на какой вопрос она хотела бы ответить, но ей его не задали. Писательница быстро нашлась: «Вы не спросили, какое самое короткое стихотворение, на мой взгляд, отражает время распада Советского Союза. Вот оно:

*Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.*

...Это стихотворение Анны Ахматовой. Датировано стихотворение 1915 годом. Выходит, есть пророки в нашем литературном Отечестве. Пророчицы тоже. А остальное приложится». И действительно, есть. Хотелось бы верить, что Вера Галактионова — одна из них.

* Алексей Татаринов. «Другой Санька: романы Веры Галактионовой и Людмилы Улицкой»// журнал «Парус» № 11, 2011

** «Может ли русский быть счастливым?», беседа с Анастасией Ермаковой// «Литературная газета» № 39, 2014.

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

ФИГНЮ ЗАКАЗЫВАЛИ?

Беспросветный и беспримерный кризис российской словесности принято списывать на издателей: маркетинговые манипуляции, голый интерес бессердечного чистогана и прочие малоаппетитные вещи. Сдаётся мне, есть в этом сермяжная неправда: первичен спрос, а предложение вторично. Маркетинг могуч, но не всемогущ. Сколько маркетологов и пиарастов понадобится, чтоб вы начали пить чай с цианистым калием вместо сахара? То-то же. И неча на зеркало пенять.

Издатели и писатели нынче могут спать спокойно: речь пойдёт о читателях.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

«Литературу, которая была совестью народной, мерилом нравственности — тоже загубили. И, что не маловажно, читателя. Думающего, мыслящего», — причитал Сергей Соколкин в «Русской чурке». Думается, что реквием по мыслящему читателю продиктован опять-таки сермяжной неправдой — это персонаж мифологический, под стать Змею Горынычу.

Специально для скептиков — экскурс в отечественную историю, отдалённую и не очень.

Конец 1830-х. Кто был властителем дум читающей публики? Маститые Пушкин с Жуковским? Дебютант Лермонтов? Да ничего подобного. В литературном хит-параде тех лет безоговорочно лидировал Бенедиктов. Надеюсь, помните этот гламур-мур-мур: «Все блестит: цветы, кенкеты, / И алмаз, и бирюза, / Люстры, звезды, эполеты, / Серьги, перстни и браслеты...» Яков Полонский вспоминал: «Учителя гимназий в классах читали стихи его ученикам своим, девицы их переписывали, приезжие из Петербурга молодые франты хвастались, что им удалось заучить наизусть только что написанные и ещё нигде не напечатанные стихи Бенедиктова». Причину его запредельной популярности чётко сформулировал умный Белинский: «Поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы или истории, или народа, — а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их».

Начало 1920-х. В литературе работают Эренбург, Маяковский, Пильняк, Вересаев, Лавренёв, Пастернак, Ахматова, Артём Весёлый. Да не лежит к ним душа у читающей публики. Судя по данным библиотечного отдела Главполитпросвета, в 1921–22 годах в рабочих библиотеках ажиотажным спросом пользовались дореволюционные

авантюрные романы (у мужчин) и проза Лидии Чарской (у женщин). На V съезде РКСМ товарищ Бухарин закономерно заявил о необходимости «красных пинкертонов»: «Этот материал мы, как совершенные дураки, использовать не умеем». Товарищ Троцкий побрызжал немного для вида: «Низы, впервые пробуждённые к жизни, жадно поглощают поддельную романтику и маргариновый сентиментализм», — но в результате согласился со своим вечным оппонентом: «Тут не угроза культуре, а её упрочение. Тут нет опасности возврата от Шекспира к Пинкертону, а есть восхождение... через Пинкертона — к Шекспиру». Ну-ну.

Середина 1970-х. Серебряный век советской культуры: Трифонов, Бондарев, Нагибин, Арсений Тарковский, Шукшин. Однако в заветных девчачьих тетрадках, распухших от лаковых открыточных вклеек, намертво прописался Асадов: «Как возможно с гордою душой / Целоваться на четвёртый вечер / И в любви признаться на восьмой?!» А у кинотеатров выстраивались очереди на «Есению»: 91,4 миллиона зрителей, рекорд за всю историю советского проката, — факт не литературный, но всё едино показательный.

2010-е. По данным Книжной палаты, рейтинг самых издаваемых в России авторов за первое полугодие 2016-го: первое место у Дарьи Донцовой — 744,5 тысячи экземпляров, второе — у Татьяны Устиновой — 462 тысячи, бронзовым призёром стала Татьяна Полякова — 423 тысячи. Для сравнения: любимец образованщины Пелевин оказался на 12-й позиции — 200 тысяч. Но всё-таки переиграл Булгакова со 175 тысячами и уж тем паче аутсайдера Достоевского, чей тираж — 143 тысячи экземпляров.

К чему это я? Да к тому, что прав был Аркадий Белинков: «Талант — это не просто и не только умение что-то хорошо сделать. Талант — это умение хорошо делать то, что требует общество (которое, как известно, всегда всё знает)».

В переводе на разговорный русский это значит: каковы поклонники, таковы и таланты. Всяк народ заслуживает своего писателя.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

Нынешняя ситуация очень похожа на дела давно минувших дней. Но есть в ней одно — и фундаментальное! — отличие. Прежде русская литература была, простите за матерное слово, мультикультурна: Бенедиктов затмевал Пушкина, но не вытеснял его из поля зрения. Нынче большая литература маргинальна, а вчерашний моветон перешёл в ранг комильфо. Донцова фактически безальтернативна: ну, не считать же антитезой до оскомины попсовых Сорокина с Пелевиным...

Проблема в том, что ничего более серьёзного современный читатель не воспримет. Над этим работали — долго и вдумчиво.

В середине 1980-х нашу начальную школу осчастливили букварём Эльконина. Для тех, кто не в курсе: Даниил Эльконин считал, что фонетика есть доминанта, а чтение — лишь озвучивание графических символов. В результате знакомство с родным языком начиналось с транскрибирования: [агур'эц] вместо «огурца» и проч. Грамотным детям 80-х эта система была не страшна. Но среди нынешних первоклассников читать умеет в лучшем случае треть — это не мои домыслы, это данные лаборатории социальной психологии СПбГУ. В таких условиях эльконинские затеи могут обернуться лишь жесточайшей дислексией. Ведь чтение, воля ваша, — это не озвучивание, а в первую очередь понимание. Однако Эльконин торжествует повсеместно: старшую и подготовительную группы детсада учат читать по его методике — звуки первичны, буквы вторичны. О результатах лет пять назад доложила Татьяна Филиппова, ведущий научный сотрудник

Института возрастной физиологии РАО: «К нам в Центр диагностики развития детей и подростков порой приходят ученики 3–4-х классов, которые читают по слогам».

Ещё два слова о нашем образовании... впрочем, к чему слова? Они бледнеют рядом со страницей учебника:

Помножьте все сказанное на откровенно топорное качество детской литературы — тут картинка опять-таки гораздо красноречивее слов:

Дело с успехом завершает тестовая система, рассчитанная на механическое (а стало быть, весьма краткосрочное) запоминание второстепенных деталей. Пример для дегустации: «Какой водой угощают Онегина в доме Лариных? 1) клюквенной; 2) малиновой; 3) брусничной; 4) яблочной». Да хоть ананасовой, мать вашу через коромысло! — разве это здесь важно?..

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Доктор медицинских наук, психиатр Анатолий Алёхин давеча ввёл в оборот донельзя удачный термин — псевдодебильность. Психолог Андрей Курпатов (ну, его-то представлять не надо) прокомментировал открытие коллеги: «Чем проявляется обычная, нормальная, так сказать, умственная отсталость? Больной с соответствующим диагнозом интеллектуально пассивен, действует импульсивно, не может долго сосредотачивать внимание, мыслит очень конкретно и утилитарно, не любит и не понимает абстрактные рассуждения. Вам ничего это не напоминает?.. Среднестатистического пользователя соцсетей, например?.. «Серое вещество» информационного псевдодебила сохранно, и, в принципе, его мозг можно натренировать. Но зачем? В чём смысл? Мотивация какая? Его как-то будут особенным образом за это уважать? Или, напротив, стыдить станут, что он дурак? Или он не выживет без этого? Нет».

Для иллюстрации — немного статистики по данным соцопросов, проведённых в разное время разными людьми. Итак: 21 процент россиян считает научно-технический прогресс явлением в той или иной мере вредным (ВШЭ, 2016). 29 процентов уверены, что люди появились одновременно с динозаврами (ВЦИОМ, 2011). 25 процентов считают Солнце спутником Земли (ВЦИОМ, 2017). 43 процента уверены, что компьютер любит ласку (ВЦИОМ, 2011), а четыре процента прячут компьютеры от посторонних, чтобы уберечь от вирусов (Лаборатория Касперского, 2016). 64 процента считают себя православными, но половина из них ни разу не заглядывала в Библию (Фонд «Общественное мнение», 2015). В астрологические прогнозы верят 36 процентов («Левада-центр», 2016), в колдовство, сглаз и порчу — 59 процентов («Левада-центр», 2012).

О каком квалифицированном чтении можно говорить при таких вводных?

ВИДЯ НЕ ВИДЯТ, И СЛЫША НЕ СЛЫШАТ

Христос не питал особых иллюзий по поводу своей паствы: «Видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Матф., 13:13). Прискорбно, но за две тысячи лет мало что поменялось: дурак с айфоном — все равно дурак.

По данным сервиса Pro-books, автоматически обрабатывающего данные 11 ведущих книжных магазинов страны, самым популярным отечественным романом 2016 года стала яхинская «Зулейха» — книжка глупая, слезливая и отменно безграмотная. Напомню: авторесса-ханым изловила в сибирской тайге неизвестную орнитологам синегрудую синицу. А ещё выяснила, что ёлки зимой сбрасывают хвою. Депортировала

крымских татар и греков в 1942-м, на два года раньше товарища Сталина (с территории, занятой вермахтом?!). В 1945-м двинула Красную Армию на Париж — маршал Жуков нервно курит в сторонке. И наконец, отрихтовала ханафитский мазхаб, разрешив правоверным вскрывать захоронение.

Публика реагировала вполне адекватно — то есть, сообразно своим интеллектуальному и культурному потенциалу:

«Гузель Яхина — совсем ещё молодой автор. Её роман — это дебют. Но какой! Она, можно сказать, сразу попала на литературный Олимп» (elenaki, otzovik.com).

«Роман так и просится на экран. Он шикарен в своей простоте и глубок, как воды сибирской Ангары» (Ligiya, otzovik.com).

«Написанная прекрасным языком, книга Гузель Яхиной живёт и дышит. От неё невозможно оторваться, она поглощает читателя целиком, берёт в свой плен» (131313, livelib.com).

«Открытие года. Книга года. Не больше и не меньше. Сколько силы, таланта, сколько понимания чужой души...» (Lizchen, livelib.com).

«Замечательная книга, которая цепляет и оставляет глубокий след!» (Мутахарова Алсу, labirint.ru).

«Приятно осознавать, что в современной прозе не всё ещё потеряно...» (tanuka59, labirint.ru).

И прочая, прочая, прочая. Парадокс, но у читательской элиты, то бишь у литературно-критического сообщества, приключился тот же самый восторг на грани оргазма:

«Сильное и даже мощное произведение. Эта книга втягивает в себя, как водоворот, с первых страниц» (Павел Басинский).

«Роман Гузели Яхиной — состоявшаяся профессиональная проза» (Майя Кучерская).

Недоволен остался лишь журналист Александр Минкин. Больше его возмутила «перловка, сдобренная щепоткой сала»: «На щепотку сала я наткнулся в метро, и меня могли забрать в милицию за нецензурную брань в общественном месте».

Думаете, отдали критики свою голубицу на растерзание злобному супостату? За поруганную девичью честь рыцарски вступился коллега Басинский: «Это не критика, а ковыряние пальцем в салате». Аргумент убойной силы, ага. Дальше ещё круче: «Даю авторитетную справку: “Нутряное свиное сало... легко крошится, в отличие от цельных кусков обычного сала, которое можно разрезать только ножом”. Учиться, учиться и учиться!» Давно на свете живу, но ни разу не видел, чтобы нутряное сало ели сырым, предварительно не перетопив. Врачу, исцелился сам — поковыряй пальцем в смальце!

И видя не видят, и не разумеют...

Что делать?

Напоследок вернусь к словам Сергея Соколкина о гибели мыслящего читателя. Пикантность ситуации в том, что таковой самого-то Соколкина вряд ли вынесет: «выпуклое и впуклое, где надо тело», «неутолимые недра, ярко и жарко проступавшие в томном выражении неудовлетворённых цепких глаз» и прочие стремительные домкраты...

Вопрос банальный, но неизбежный: что делать?

Тем и хороша русская классика, что знает все ответы: «Жить, пока живётся, есть сухой хлеб, когда нет ростбифу, а вообще, не мечтать об апельсиновых деревьях и пальмах, когда под ногами снеговые сугробы и холодные тундры».

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

ЗВУКОПИСЬ ЧИСТОЙ ДУШИ

Никита Воронин родился 5 марта 1983 года в Казани, в творческой семье: отец — драматург, известный писатель, мама — заслуженная артистка РТ. С детства увлекался музыкой, учился в хоровой школе, в музыкальном училище. Окончил дирижёрско-хоровое отделение Казанской государственной консерватории имени Н. Жиганова. Ему повезло учиться у хороших педагогов, талантливых музыкантов-профессионалов. Впоследствии он с благодарностью вспоминал их.

Развитию музыкального таланта Никиты Воронина безусловно способствовала духовная среда. Как и все молодые люди, он увлекался рок-музыкой, но на втором курсе музыкального училища вдруг начал петь в Иоанно-Предтеченском монастыре, затем — в Петропавловском кафедральном соборе. Мир духовной музыки постепенно раскрывался перед ним, он знакомился с произведениями известных церковных композиторов: Трубачёва, Калининкова, Чеснокова, Кастальского, иеродиакона Германа Рябцева. Их Никита Воронин потом назовёт своими путеводными звёздами.

С детства Никита дружил с Алексеем Тихомировым, они учились в одной хоровой гимназии, в Казанском музыкальном училище и в консерватории. Алексея потом пригласили в Москву, он учился в Центре оперного пения Галины Вишневской, исполняя ведущие партии в операх «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Риголетто» Дж. Верди, «Евгений Онегин» П. Чайковского и других. В 2007 году стал обладателем звания «Лучший молодой бас Татарстана», в 2009-м дебютировал в Римской опере — и сегодня поёт на лучших сценах мира. Когда Галина Вишневская пригласила Тихомирова в Москву, Алексей передал регентство в хоре казанского Кизического монастыря Никите Воронину...

Чуть позже Никита перебрался в Москву, стал бас-гитаристом популярной группы «Нэнси», которую многие помнят по хиту «Дым сигарет с ментолом». Выступали на корпоративах, ездили с концертами по стране. Но этот юношеский дым для Никиты быстро развеялся. Воронину предложили создать хор в храме Живоначальной Троицы в Чертаново, и там он служил десять лет. Конечно, не всё было гладко в жизни, идеально ровных дорог на свете вообще не наблюдается. Подчас бытовые и семейные неурядицы воздействуют на человека сильнее всего другого. После развода с женой, весной 2018 года, Никита заболел, перебрался из Москвы в Казань. Друзьям казалось, что это ненадолго. Настоятель Троицкого храма в Чертаново протоиерей Константин (Сопельников) ждал возвращения Никиты... Но Никита стал послушником Свяяжского Богородице-Успенского мужского монастыря, расположенного на острове-граде в составе государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Остров-град Свяяжск», включённого в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Скоро он стал регентом-певчим правого хора (квартета), пел по будням с братией, часто к хору присоединялся наместник, игумен Симеон — духовный наставник Никиты. А его песнопения уже исполнялись и в Оптиной пустыни, и в московском Новоспасском монастыре, и в других храмах России.

«Именно в Свяяжске я истинно, глубоко уверовал, ощутил дуновение Божией благодати, испытал стремление приблизиться к ней, — вспоминал потом Никита. — Беседы с братией, в особенности с отцом Силуаном, способствовали этому. И мыслить себя вне церковно-певческого искусства я уже не мог». Первый композиторский опыт позволил надеяться, что Господь наградил сваяжского послушника редким даром — сочинять духовную музыку.

В последний год жизни Никита Воронин вступил в Союз духовных композиторов, благодаря которому многие открыли для себя его творчество. Пришло время, и на него

обратила внимание пресса. Большое интервью с Никитой Ворониным записала Наталия Николаевна Вирановская-Калугина, проживающая в Гамбурге. Одним из её вопросов был вопрос о тех произведениях, которые сам автор считает наиболее удачными. Вот что он рассказал: «Для меня это и есть первое моё произведение – «Молитва на умиротворение враждующих». Когда писал её, как будто провалился во времени – такой был духовный подъём! Чувствовал, как будто я просто перо в чьих-то руках, будто музыка приходила откуда-то свыше, такт за тактом... «Богородице Дево» – второе моё духовное сочинение, я написал его под большим впечатлением впервые услышанного «Богородице Дево» Воскресенского монастыря. Этот дивный древний напев, не похожий на другие своей архаичностью, самобытным переплетением двух независимых голосов, которые, воссоединяясь, не нарушают, а наоборот, обогащают друг друга, – вдохновил меня. И это был ещё и первый опыт записи всех голосов, и компьютерное их сведение в квартет».

О себе и своём творчестве он судил строго, «по гамбургскому счёту». На вопрос, почему стал писать именно церковную музыку, Никита Воронин отвечал, что полюбил назидательное искусство, «а духовные тексты наши богослужебные – это просто кладёзь мудрости и красоты слова. Не хочется тратить свои творческие силы на музыку, которая просто развлекает или улаждает. Хочу, чтобы от творчества моего была польза практическая – богослужебная и духовная».

Многие исполнители присылали композитору записи с его песнопениями. Особенную благодарность Никита Воронин испытывал к хору «Аркадия» – за великолепное исполнение его произведений в храме Всемилоственного Спаса в Вороново (Подольский район Московской области)...

Спустя много лет солист театра «Геликон-опера», лауреат премии Москвы в области литературы и искусства Алексей Тихомиров приехал на фестиваль в Казань – и навестил своего друга в Свяжской обители. Трепетно-запоминающимся стал для Никиты Воронина день 11 февраля 2020 года! Добрым друзьям было что вспомнить. Начальник паломнической службы (и по совместительству баритон хора) Андрей Азбукин провёл для гостей великолепную экскурсию по Свяжску. А игумен Симеон попросил их сослужить на литургии в надвратном Вознесенском храме монастыря. Никита дирижировал, Алексей Тихомиров и Руслан Хусаинов (в крещении Роман) подпевали. «Кизические братья» были снова в сборе, пусть и неполным составом, всё равно – словно в золотые времена юности, и звучали они великолепно! Слава Богу, в интернете сегодня есть всё – и эту запись тоже можно послушать...

6 апреля 2020 года Никиты не стало. Трагическая случайность оборвала полную музыки и новых творческих замыслов жизнь. Ему было тридцать семь, увы, число для русской культуры зловещее. Потрясённый смертью товарища Алексей Тихомиров пишет:

«... Наш брат, настоящий Друг, образованный и талантливейший музыкант, потрясающий гитарист-басист, композитор церковных песнопений, регент хора... Человек с очень тонкой душой и всегда солнечным светом в глазах! Нам, твоим друзьям и коллегам, очень тяжело осознать твою потерю, брат... Вместе пройдены дороги из мужской хоровой гимназии им. Ф. М. Шалапина, Казанского музыкального училища, Казанской государственной консерватории, пение в хоре мужского монастыря Кизических мучеников. Полжизни мы дружили и вместе старались найти себя в этом мире. И ты нашёл место, которое тебя спасло и уберегло твой талант – на Свяжском острове в мужском монастыре! Мы обязательно должны издать твои ноты и записать твою музыку, которая лечит души и открывает мир твоего покаяния и молитвы».

Сейчас наместник Симеон (Кулагин) и Алексей Тихомиров готовят нотный сборник «Свяжский распев» Никиты Воронина, скоро он должен выйти из печати.

Наши авторы

стр. 101 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтером связи, электриком, диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэзэнергострой». Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. С 17 лет до призыва в армию работал литсотрудником районной газеты «Знамя коммунизма», а после службы рядовым (1964–1967) был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», потом редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор тринадцати книг стихотворений и поэм. Лауреат нескольких литературных премий. Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. 174 БОЙКО Нина Павловна родилась в г. Губаха Пермского края, окончила среднюю и музыкальную школу, затем Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Преподавала на Урале, на Алтае, в Грузии. В 1995 году выпустила первую книгу прозы «На тот большак». В 1998 году принята в Союз писателей России. Автор нескольких книг, автор очерков о русских художниках. Дипломант Международного Фонда славянской письменности и культуры. В 2019 году в Пятигорске стала одним из победителей Международного Славянского литературного форума «Золотой витязь» за книгу о Лермонтове. Награждена статуэткой «Серебряный витязь». Живёт в Губахе.

стр. 3 БУЛАТОВА Галина Ивановна родилась в г. Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Автор книг стихов и переводов «Сильнее меня» (2017), «Я, Бог, любовь и око» (2019). Организатор литературных проектов, в том числе, учредитель премии «ДИАС», посвящённой памяти казанского писателя и философа Диаса Валеева. Лауреат литературных премий имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (Москва, 2015), имени Салиха Гуртуева (Махачкала, 2019). Победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан.

стр. 249 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в 1961 году в городе Подольске Московской области. В 1986 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького, автор многих книг прозы и публицистики, автор сказок для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Член Союза журналистов с 1990 года, член Союза писателей России с 1997 года. Главный редактор издательства «Информация» и литературно-художественного издания «Подольский альманах», руководитель молодежного литобъединения «Имение». Награждён почётными грамотами Союза журналистов России, и Министерства связи и средств коммуникаций РФ, медалями имени А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова МГО Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков, дипломом имени генерала М.Д. Скобелева и другими наградами. Участник Всероссийского литературного фестиваля «Осенины» (Казань – Елабуга – Набережные Челны, 2019).

стр. 126 ГРИГОРЬЕВА Ольга Николаевна родилась в г. Новосибирске. Окончила факультет журналистики Казанского государственного университета им. Кирова (Алма-Ата). Автор 18 поэтических

книг, 12 книжек для детей, четырёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Омске, Алма-Ате, Москве. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Наш современник», «Юность», «Братина», «Студенческий меридиан», «Дом Ростовых», «Миша» (Москва), «Складчина», «Омская муза», «Точка зрения» (Омск), «Нива» (Астана), «Простор», «Литературная Алма-Ата» (Алма-Ата), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Под часами» (Смоленск), «День и Ночь» (Красноярск), «Аргамак» (Набережные Челны) и многих других. Член Омского отделения Союза российских писателей. Член Союза писателей Казахстана. Лауреат литературной премии им. Марины Цветаевой. Лауреат литературной премии им. Павла Васильева.

стр. 18 ГУСЕВ Владимир Владимирович родился в 1968 году в городе Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 год проходил срочную службу в пограничных войсках. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт и поступил в аспирантуру по специальности «Экономика и управление народным хозяйством». В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Тенденции развития молочнопродуктового подкомплекса в условиях перехода к рыночной экономике». Кандидат экономических наук (учёная степень присвоена в 1996 году), доцент (научное звание присвоено в 2000 году). Работал старшим преподавателем и доцентом Саратовского государственного социально-экономического университета. С 2006 года по настоящее время работает доцентом кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

стр. 137 ДАНИЛЬЕВА Галина Алексеевна. Старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой в Москве (с 1994 года). Почётный работник культуры г. Москвы. Член Союза писателей г. Москвы. Печатается с 1989 года (пять книг стихов, более 100 публикаций). Стихи переведены на семь языков, публиковались в Германии, США, Австралии, Израиле, Украине, Болгарии, включены в ряд отечественных и зарубежных антологий. Двукратный победитель конкурса «Лучший музейный работник – экскурсовод города Москвы» (2002, 2006). Дипломант литературного конкурса «Живое о Живом», посвящённого 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой (2002). Лауреат первой степени в номинации «Поэзия» Международного музыкально-поэтического форума «Фермата» – Международного конкурса поэзии и художественного слова имени Ю.П. Кузнецова (2017). Консультант и участник телефильмов, театральных постановок, телевизионных и радиопередач, обращённых к творчеству и судьбе Марины Цветаевой. Автор 22 программ из цикла «Волшебный дом» на Радио «Культура» (2015) и аудиозаписи (2 CD) «Марина Цветаева. Примите как чудо» (2017).

стр. 129 ЗАЙЦЕВ Михаил Фёдорович (1948–2014) – известный русский поэт, автор более 20-ти поэтических сборников, лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», «Большая литературная премия». В 2010 году его творчество было удостоено премии имени Марины Цветаевой. Стихи поэта издавались в антологиях «Русская поэзия – 20 век», «Русская поэзия – 21 век». Жил в Волгограде.

стр. 53 КАГАРМАНОВА Миляуша родилась в Бурзянском районе Башкортостана. Корреспондент башкирской газеты «Киске Фёф» («Вечерняя Уфа»). Поэт, прозаик, автор двух книг «Хочу тепла», «Пе-

рекаты реки Бетера». В 2014 году завоевала второе место за произведение «Салам» («Привет») на Международном конкурсе рассказов тюркоязычных писателей имени Махмута Кашгари. Лауреат государственной премии имени Шагита Худайбердина.

стр. 133 КАН Диана Елисеевна – известная современная русская поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Междуречье», «Подданная русских захолустий» и др. А также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегий ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Член редколлегий нескольких литературных журналов, в том числе журнала «Аргамак». Живёт в Оренбурге.

стр. 135 КИРЮШИН Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 году. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор шести поэтических книг, многочисленных публикаций в антологиях, журналах и альманахах. Лауреат Всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

стр. 129 КРЮКОВА Елена Николаевна родилась в Самаре. Прозаик, поэт. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России (искусствовед). Профессиональный музыкант (фортепиано, орган). Окончила Литературный институт им. Горького, семинар А.В. Жигулина (поэзия). Публикации: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Бельские просторы», «День и Ночь», «За-За», «Сибирские огни», «Юность», «Ното legens», «Октябрь», «Москва» и др. Автор книг стихов и прозы (романы «Юрдовая», «Серафим», «Царские врата», «Пистолет», «Врата смерти», «Ярмарка», «Día de los muertos», «Тибетское Евангелие», «Русский Париж», «Старые фотографии», «Беллона», «Рай», «Безумие», «Солдат и Царь», книга рассказов «Поклонение Луне»). Живёт в Нижнем Новгороде.

стр. 245 КУЗЬМЕНКОВ Александр Александрович родился в 1962 году в Нижнем Тагиле, получил филологическое образование в местном пединституте, работал учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Долгое время жил в Братске. В литературном сообществе известен своей прозой и литературной критикой. Критика Александра Кузьменкова вызывает сильное раздражение московского литературно-премиального истеблишмента, его публикации более приемлемы в российских региональных журналах «День и ночь» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Волга» (Саратов), а также за рубежом. Лауреат премии «Серебряная пуля» (США, 2009).

стр. 106 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич – литературный критик, председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель главного редактора литературного журнала «Подъём» (г. Воронеж).

стр. 218 МЕТС Наталия Ниловна – потомственная москвичка, но родилась в Ереване, во время эвакуации в 1942 году. После окончания Великой Отечественной войны семья вернулась в столицу. Наташа окончила музыкальную школу по классу арфы при Московской консерватории, а затем Московский институт электронного машиностроения, работала в академическом институте ИТМиВТ, сотрудничала со студией «Музыка», где и познакомилась с поэтом Арво Метсом, за которого вышла замуж в 1971 году. Ныне продолжает жить в родной Москве с детьми и внучкой. В 2006 году вместе с сыновьями Антоном и Константином выпустила книгу избранных произведений А.А. Метса «В осенних лесах».

стр. 163 МОРОЗОВ Евгений Александрович – поэт. Родился в Нижнекамске. Окончил Елабужский государственный педагогический институт. Публикации: журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Стороны Света», «Футурум АРТ», «Артикль», «Новая реальность», «Белый ворон», «Среда», газеты «Поэтоград», «Литературные известия», порталы «Сетевая словесность», «Textura.club». Автор трёх книг стихов.

стр. 37 МУРАТОВ Пётр Юрьевич родился в Казани в 1962 году. После окончания биофака Казанского университета был распределён на НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. Ностальгия по Татарстану способствовала началу писательской деятельности. Автор книги «Встретимся на «Сквородке» (воспоминания о Казанском университете). С начала 90-х годов и поныне – предприниматель. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Публиковался в журналах «Аргамак. Татарстан», «Сибирские огни», «Нева», «Сибирский парнас». В 2019 году удостоен почетной грамоты СРП за помощь в развитии литературного процесса в Республике Татарстан.

стр. 131 МУСТАФИН Виль Салахович (1935–2009) – поэт, яркий представитель казанского андеграунда, чьи стихи были под запретом до восьмидесятых годов прошлого столетия. Сын известного татарского общественного деятеля Салаха Атнагулова, репрессированного и расстрелянного в 1937 году. От крестимы «сын врага народа» был избавлен дедом, давшем внуку фамилию Мустафин. Автор сборников стихотворений «Живу впервые», «Стихи о стихах», «Советные вариации» и других. Наиболее крупное издание «Дневные сны и бдения ночные» подготовлено и выпущено друзьями поэта после его кончины небольшим тиражом. Создатель казанского представительства Союза российских писателей, вошедшего в Татарстанское отделение СРП. Руководитель литературного объединения при музее художника Константина Васильева. Ныне это объединение носит имя Вилы Мустафина. Лауреат премии имени А.М. Горького. В 2014 году В.С. Мустафину была присуждена литературная премия имени Марины Цветаевой (посмертно).

стр. 170 НЕКРАСОВ Максим Германович. Родился в 1998 г. в Казани. Большую часть сознательной жизни прожил в Петербурге. Студент Института физики Казанского федерального университета. Стипендиат мэра г. Казани. Лауреат и обладатель гран-при городских, республиканских, всероссийских и международных конкурсов академической музыки и поэтических конкурсов. Автор книги «4/10». Публиковался в журналах «Эмигрантская лира», «Идель», коллективных сборниках «Где каждый из нас сияет», «Казанский объектив-2019», «45-я параллель»

стр. 179 ОЛЬШАНСКИЙ Александр Андреевич родился в 1940 году в городе Изюм Харьковской области. Советский и российский прозаик и публицист, член Союза писателей России. В 1961 году поступил в Литературный институт имени А.М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута стал одним из организаторов акции протеста. В 1963–1966 годах – военная служба на Дальнем Востоке. В 1969 году после окончания Литинститута приглашён на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. С 1973 по 1979 годы – заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 года – член Союза писателей России. В настоящее время – один из основателей Содружества выпускников Литературного института, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzhony dia kultury Poljskej» (1989). Живёт в Москве.

стр. 127 ПСПЕЛОВ Евгений Александрович родился в 1950 году в Елабуге. Отец его был военным, и поэтому до 1960 года семья проживала в Германии. Возвратившись на родину, Евгений закончил среднюю школу, учился на физмате пединститута, а затем в Казанском строительном институте. Но ни инженером, ни педагогом не стал. Работал архиварием, слесарем, лаборантом, зав. клубом, руководителем фотокружка. Первые стихи написал в 17 лет. Автор книг стихотворений. Лауреат премии имени Марины Цветаевой.

стр. 12 ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович родился в 1954 году в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы. Секретарь Правления Союза писателей России. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор свыше 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире, 1-го фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме, 1-го Российского Литературного Собрания и встречи с Президентом РФ В.В. Путиным. Член Петровской академии наук и искусств и Славянской литературной и художественной академии в Варне. Лауреат литературных премий им. А. Платонова, Р. Гамзатова, М. Лермонтова и Большой Литературной премии России. Живёт в Москве.

стр. 234 САФРОНОВА Яна Владимировна родилась в 1997 году в Смоленске. Студентка Московского государственного института культуры, специальность «Литературное творчество». Критические и публицистические статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Подъём», «Роман-газета», «Бельские просторы» и т.д. Участник 19 Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, Второго Форума молодых писателей России и Китая. Лауреат премии им. А.Г. Кузьмина журнала «Наш современник», премии «В поисках правды и справедливости», X Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. Живёт в г. Долгопрудном (Московская область).

стр. 83 СУХОВ Валерий Алексеевич, родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. В 1980 году закончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 году в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Член Союза писателей России. Автор нескольких

сборников стихов. Редактор отдела поэзии литературного журнала «Сура».

стр. 117 ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна – поэт, прозаик, переводчик, издатель. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Руководитель литературно-издательского проекта «Современные авторы – детям». Родилась в 1960 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля, факультет физического воспитания Казанского педагогического института, магистратуру Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор более 20 научно-популярных изданий, сборников стихов, прозы и переводов, в том числе для детей. Участник научно-практических конференций, автор статей по проблемам детской литературы, сопоставительному литературоведению и художественным переводам. Публикации в литературных и научных изданиях России и Татарстана. Член Союза российских писателей (2008), Литфонда России (2010), Союза писателей Республики Татарстан (2010), Союза писателей XXI века (2012).

стр. 132 ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), победитель нескольких международных поэтических конкурсов, в том числе конкурсов православной поэзии «Рождественская звезда» (Мордовская митрополия Русской Православной Церкви, 2011), «Цветавская осень» (Украина, Одесса, 2011), имени Сильвы Капутикян (Армения, Ереван, 2013), «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (США, Лос-Анджелес, 2014), «Я не мыслю себя без России» имени Игоря Григорьева (Санкт-Петербург, 2014). Член Союза писателей России.

стр. 130 ЮСУПОВА Лилия Джигангеровна – член Союза писателей России (с 1998), автор 14 сборников стихов, лауреат Шукшинской премии (2003), дипломант Международного конкурса тюркоязычных переводчиков «Ак-Торна» (2011), дипломант международного конкурса переводов произведений Чеслава Милоша на русский язык (2011), лауреат Международного конкурса «ЛитоДрама» (2012) и премии имени Марины Цветаевой (2012). Доктор медицинских наук. Живёт и работает в Горно-Алтайске.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

ГАЛИНА БУЛАТОВА ВОПРОКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ.....	3
--	---

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ КОГДА РАЗГОВОР НА ТАТАРСКОМ ИДЁТ ЯЗЫКЕ	12
РЕНАТ ХАРИС	12
РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ	14
ЗИННУР МАНСУРОВ	15
МУХАММАТ МИРЗА.....	15
РАМИС АЙМЕТОВ.....	17

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ БУЛГАРИИ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ НЕПОКОРЁННАЯ.....	18
--	----

ПОБЕДА-75

ПЁТР МУРАТОВ ДВА ПЕТРА.....	37
МИЛЯУША КАГАРМАНОВА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ	53
ВАЛЕРИЙ СУХОВ ГОРСТЬ ЗЕМЛИ.....	83

ЭСТАФЕТА ПОДВИГА

ИСТОРИЯ ГЕРОЕВ, СРЕДИ КОТОРЫХ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ	86
ИЛЬЯС ДАУДИ ПО ЗОВУ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА	90

НАШИ ЮБИЛЕИ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ВОН ТАМ, ВДАЛИ.....	101
ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ И В ДАЛЬНИЕ ЛУГА НАВЕК ВЕРНУТЬСЯ.....	106
ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ ГОД РОЖДЕНИЯ	107
ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ СЛОВО О ПОЭТЕ	109
ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА ВСЕГДА ХОЖУ ПО СОЛНЫШКУ.....	117
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ БУДЕМ!	121

ЕЛАБУЖСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

ГУЛЬЗАДА РУДЕНКО УЗЫ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА.....	125
---	-----

ЛАУРЕАТЫ ЦВЕТАЕВСКОЙ ПРЕМИИ

ЦВЕТАИНСТВО	126
ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА.....	126
ЕВГЕНИЙ ПОСПЕЛОВ	127
МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ	129
ЕЛЕНА КРЮКОВА.....	129
ЛИЛИЯ ЮСУПОВА	130
ВИЛЬ МУСТАФИН.....	131
ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ	132

ДИАНА КАН	133
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ.....	134
ВИКТОР КИРЮШИН	135
ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА	
ИНТЕРВЬЮ	137
ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ	
ЕДИНСТВЕННОСТЬ.....	161
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»	
ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ	
ДОРОГА С ГУЛКИМ НЕБОМ	163
МАКСИМ НЕКРАСОВ	
ЧЁРТОВА ДЮЖИНА	170
ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...	
НИНА БОЙКО	
ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ	174
АКТУАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА	
АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ	
ИНОПЛАНЕТЯНЕ	179
ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ	
НАТАЛИЯ МЕТС	
ГЕОРГИЙ ИВАНОВ – АРВО МЕТС.....	218
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ЯНА САФРОНОВА	
ПОРА ЛИХОЛЕТИЙ	234
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ	
ФИГНЮ ЗАКАЗЫВАЛИ?	245
СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ	
СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ	
ЗВУКОПИСЬ ЧИСТОЙ ДУШИ	249
НАШИ АВТОРЫ	
.....	254

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: НИКОЛАЙ ТУГАНОВ. ЛЕТО

**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЮБИЛЕЙНЫЙ ФОТОВЕРНИСАЖ – НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ,
ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА**

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Ф. А. ВАСИЛЬЕВА

ЧЕТВЁРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Ф. А. ВАСИЛЬЕВ. ОСЕННИЙ ЛЕС, 1873

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.07.2020 г.

Дата выхода в свет 15.08.2020 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpknz.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и эссе-клуба «НООБИБЛИОН».

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотографии и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

6 апреля 2020 года трагическая случайность оборвала жизнь Никиты Александровича Воронина, жизнь, полную музыки и новых творческих замыслов.

Его песнопения исполнялись и будут исполняться впредь в Оптиной пустыни, в московском Новоспасском монастыре, в Успенском соборе острова-града Свяжск, в других храмах России. Господь наградил свияжского послушника редким даром сочинять духовную музыку. Упокой, Господи, душу раба Твоего!

